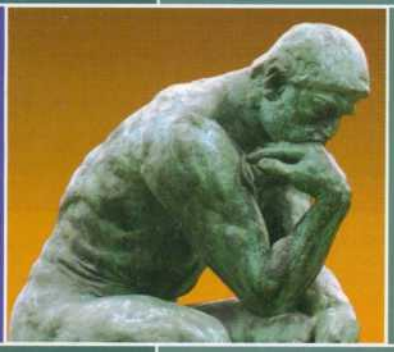
Высшее профессиональное образование

Э. П. Утлик

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Учебное пособие



Психология

ACADEMIA

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Э. П. УТЛИК

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Рекомендовано
Советом по психологии
Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению «Психология»
и психологическим специальностям

ACADEM'A

Москва
Издательский центр «Академия»
2008

Утлик Эрнст Платонович – доктор психологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва), Заслуженный работник Высшей школы РФ. Профессиональный психолог с 30-летним опытом управленческо-психологического консультирования. Автор более 140 работ, в том числе монографий и учебных пособий, таких как «Личность в психологии и менеджменте» (2003, 2007), «Психология управления: нормативный подход» (2003), «Организационное поведение» (1998) и др.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ISBN 978-5-7695-5088-1

Издательский центр «Академия»
www.academia-moscow.ru

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Э. П. УТЛИК
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Рекомендовано Советом по психологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Психология» и психологическим специальностям

ACADEMIA
Москва
Издательский центр «Академия» 2008

УДК 159.9(075.8) ББК 88.37я73 У848

Рецензенты:
доктор психологических наук, профессор, академик Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, начальник кафедры психологии Военного университета, президент Общества психологов силовых структур А.Г.Караяни,
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М. В.Ломоносова Е. Е. Насиновская

Утлик Э. П.

У848 Психология личности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Э.П. Утлик. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 320 с.
ISBN 978-5-7695-5088-1

Учебное пособие содержит систематизированный материал по широкому кругу теоретических и практических вопросов психологии личности. В книге изложены отечественные и зарубежные концепции личности, освещены вопросы практической персонологии.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по психологическим специальностям. Будет интересно широкому кругу читателей.

УДК 159.9(075.8) ББК 88.37я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Утлик Э.П., 2008

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2008 ISBN 978-5-7695-5088-1 ©

©Оформление. Издательский центр «Академия», 2008

Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям...

А. П. Чехов

...Понятие личности венчает всю систему психологии.

А. Н. Леонтьев

Предисловие

Проблема человеческой личности возникла давно. Во времена Сократа эта проблема была не менее актуальна, чем сегодня. Человеческая личность является предметом изучения всех гуманитарных наук.

Свои решения этой проблемы предлагает психология. Каждая из отраслей психологии вносит свой вклад в познание личности. В результате разносторонних исследований этого вопроса сложилась и развивается психологическая персонология, или персоналистика, с ее концепциями, теориями, методами и практическими приложениями.

Личностная проблематика занимает стержневое место в психологической науке. Это объясняется и общим ростом гуманитарных тенденций в культуре, и той ролью, которую играют отдельные личности в обществе, в истории.

Идея о том, что личность является высшей ценностью, реализуется и внутри самой психологии, где личностный подход становится все более универсальным и распространенным. В последние десятилетия идея личности все теснее связывается с гуманистической психологией.

Личность в современной психологии рассматривается с самых разных сторон.

Теории личности З. Фрейда, К. Юнга, А.Адлера, С.Л. Рубинштейна, Б.Г.Ананьева, А.Ф.Лазурского и других крупных ученых претендуют на то, чтобы дать ответ на глобальные вопросы: что представляет собой личность в целом? Каковы ее природа и свойства, структура и функции, движущие силы и условия развития? (**3**)

Многие теории затрагивают отдельные стороны личности: характер (Н.Д.Левитов, А. Г. Ковалев), отношения (В.Н.Мясишев), способности (К. К. Платонов, В. Н. Дружинин), темперамент (В. С. Мерлин, В. М. Русалов) и др.

Общепсихологическое познание личности существенно дополняется и конкретизируется вкладом многих отраслей психологии, в том числе социальной, клинической (психотерапии), военной[1].

Научно-психологические знания о личности важны в различных сферах жизни и деятельности: экономике, политике, образовании, медицине и др. Эти теоретические и практические области используют многосторонние представления о свойствах

[1] Ее теоретический вклад состоит в познании тех сторон и личностных проявлений, которые реализуются в одной из самых экстремальных областей человеческого бытия — войне. Современная культура общества, как и психология человека, его «коллективное бессознательное», формировались не без влияния войны, поскольку вооруженная борьба неизменно сопутствует человеческой истории. Есть идеи (Ф. Шиллер, Н.Д. Кавелин, И.П. Маслов и др.) о том, что самое рождение личности (персоногенез) обусловлено военным фактором.

человеческой психики.

«Никакая экономическая теория не может обойтись без рабочей модели человека, т.е. определенных допущений относительно детерминантов и способов его экономического поведения», — справедливо пишет В. С.Автономов[1]. Это положение уместно распространить на другие сферы жизни.

Важнейшими потребителями персонологической информации являются менеджмент, искусство, реклама и т.д.

Однако освоение социальной сферой данных о личности, накопленных психологией, идет медленно. Несмотря на то, что психология еще не вполне удовлетворяет объективные запросы практики, поражает контраст между богатством и разнообразием психологических концепций личности и одномерностью образа человека, на который опирается большинство областей практики и повседневной жизни.

В этих условиях более чуткие люди пытаются сориентироваться в человеческих составляющих жизни и сформировать у себя определенную персонологическую (**4**) концепцию, в том числе концепцию самого себя. Кто-то опирается на советы Д.Карнеги, кто-то ограничивается данными о человеческом темпераменте, кто-то полагается на мнение авторитетных писателей. Почему бы не обратиться к психологии личности непосредственно?

Но какой теории личности отдать предпочтение? Здесь можно руководствоваться принципами, которыми пользуются психотерапия и педагогика и которые являются важными для многих мировых школ и направлений в психологии.

Огромная роль принадлежит различным направлениям психологического консультирования, которое уже в значительной степени специализировано, поскольку психологи-консультанты вырастают в существующих школах и придерживаются определенных направлений психологии: психоаналитического, бихевиорального, когнитивного и др.

По мере роста психологической компетентности людей и приближения психологических исследований к жизни, практические психологические проблемы все больше будут решаться с использованием категорий, концепций и методов глубинной, когнитивной и поведенческой психологии. Дух гуманистической психологии распространится, несомненно, и на ту область, на которую он претендует самим своим названием, — гуманитарную.

Долгое время отечественная психология соотносила свои персонологические поиски и идеи с туманным и плохо переведенным тезисом К. Маркса о сущности человека как совокупности (ансамбле) общественных отношений, пытаясь на этом основании построить величественное здание теории личности. Много сил потрачено на решение вопросов, подобных соотношению биологического и социального в человеке, не говоря уже о доказательствах того, что только марксистская психология идет по верному пути познания человека.

В пособии даны различные точки зрения по таким проблемам, как личность в психологии, происхождение и развитие этого понятия, структура личности, филогенез и онтогенез личности, мотивация личности и др.

Одна из целей данного пособия заключается в том, чтобы представить ведущие психологические подходы к личности.

Первая глава представляет собой введение в психологию личности. В ней раскрывается смысл самого понятия личности, рассматриваются место понятия личности в психологической науке, история его происхождения, соотношение понятий

---

[1] Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории. — М., 1993. - С. 7-8.

личности и индивидуальности.

Во второй главе речь идет об отечественных теориях личности, персонологических взглядах и идеях К. Д.Ушинского, П.Ф. Каптерева, В.М. Бехтерева, А.Ф.Лазурского, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. Г.Ананьева.

Третья глава посвящена изложению зарубежных теорий личности представителями глубинной, когнитивной психологии и бихевиоризма: 3. Фрейдом, К.Юнгом, А. Адлером, В.Франкла, Э. Фромма и других.

Четвертая глава содержит элементы прикладной персонологии, а также взгляды на личность, сформированные за пределами психологии.

1 Глава
Человек в зеркале природы, истории, индивидуальной жизни

1.1. Индивидуальные свойства человека. Проблема личности в психологии

1.1.1. Личность — атрибут человека и общества

Психология личности (психологическая персонология) — это раздел психологии, который изучает индивидуальность человека.

Данный раздел психологии излагается на основании аналитического принципа дифференциации психологических знаний. Применение аналитического принципа означает рассмотрение тех или иных психологических аспектов с позиций определенных научных интересов. Подобно тому, как в качестве относительно самостоятельных психологических дисциплин выделяются психология эмоций, психология мотивации, психология восприятия, мышления и др., выделилась персонология. Предметом ее изучения является личность.

Личность является наиболее сложной областью психологического познания. Психология личности выделяется среди множества психологических дисциплин своим вниманием к центральным (личностным) образованиям психики. Психология личности интегрирует знания, полученные другими областями психологии, стремясь к тому, чтобы понять человека как единое целое.

Привычное словосочетание «психология личности» нуждается в разъяснении. Нужно учесть следующие моменты. Во-первых, слово «психология» иногда воспринимается как тождественное понятию «психика», но при таком понимании «психология личности» означала бы описание психики, которая свойственна личности, что не соответствует соотношению понятий «психика» и «личность». Во-вторых, понятие личности является общим для ряда общественных наук, и есть много непсихологических концепций личности: философских, социологических, культурологических, антропологических, юридических, экономических и др. В этом смысле психология личности — это совокупность психологических концепций и теорий личностных особенностей человеческой психики. (7)

Психология личности служит теоретико-методологической базой личностного принципа, согласно которому личность — это логический центр, вокруг которого выстраиваются все остальные категории психологии и система психологических наук в целом.

Что же такое «личность»? Это слово появилось в человеческой культуре около 300 лет назад. Признаком зарождения понятия «личность» можно, согласно Дж. Брунеру, считать употребление (в английском языке) приставки «само»

(самоуважение, самооценка), что датируется XVII в. и связывается с возникновением индивидуалистического учения пуританства[1]. Между тем испанский философ Бальтазар Грасиан (1601 — 1658) в том же XVII в. употребляет понятие «личность» вполне в современном смысле. Он пишет: «Все уже достигло зрелости, и более всего — личность. Нынче от одного мудреца больше требуется, чем в древности от семерых, и в обхождении с одним человеком в нынешнее время надо больше искусства, чем некогда с целым народом»[2]. Еще раньше Хуан Уарте (1530-1592), автор книги «Исследования способностей к наукам» часто употребляет слово «личность», в том числе, в следующем высказывании: «человек, благодаря своей хорошей голове и шпаге, может совершить такие деяния, что его личность будет иметь такую же ценность, как благородство дворянина»[3].

Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, личность — это «совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность»; «человек с точки зрения его характера, поведения, положения и пр.». При этом слово «личность» свободно от явной оценки; оно сочетается и с «благородными» прилагательными («героическая», «выдающаяся», «яркая»), и с «низкими» («бесцветная», «преступная», «ограниченная»).

Путь к понятию личности в русском языке не был простым. Как заметил А.Ф.Толстых, «в древнерусском языке до XVII века вообще не было потребности в слове, которое хотя бы отдаленно соответствовало современным представлениям и понятиям о личности, индивидуальности, особи. Слова “персона” и “особа”, вошедшие в русский литературный язык XVI—XVII веков, не обозначали индивидуального строя и внутренних моральных прав и склонностей человеческой особи. Они выражали лишь официальное положение лица, его общественно-политическую или государственную неприкосновенность и важность»[4]. О языковых трудностях, связанных с употреблением слова «личность» во второй половине XIX в., с юмором и сарказом писал К.Д.Ушинский в своем наброске «Личность»[5].

В психологии существует много определений личности. В большинстве этих определений содержатся такие признаки, как «совокупность» или «организация», «система» черт (свойств), «единство», (**8**) «стабильность», «социальность», «идентичность», «индивидуальность» (целостность, неповторимость, обособленность), наличие внутреннего Я, автономность, творчество). Часто личность раскрывается через сознание и самосознание.

Самое простое, ориентировочное определение личности сводится к указанию на совокупность духовных свойств, присущих человеку и составляющих его индивидуальность. Швейцарский психолог Ришар Мейли пишет: «Под термином “личность” мы понимаем ту совокупность психологических качеств, которая характеризует каждого отдельного человека. В широком смысле термин «личность» включает в себя такие понятия, как характер, темперамент и способности, соответствующие трем ее частным аспектам»[6].

Но личность — это не просто совокупность или ансамбль свойств. Речь идет о таких свойствах, которые в своем взаимодействии порождают своеобразный

---

[1] См.: Брунер Дж. Психология познания. — М., 1977. — С. 101.
[2] Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. — М., 1981. — С. 5.
[3] Уарте Х. Исследование способностей к наукам. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 258-259
[4] Толстых А. Ф. Опыт конкретно-исторической психологии личности. — СПб., 2000. - С. 34.
[5] Ушинский К.Д. Личность. Очерк из «феноменологии» // Собр. соч. — М., 1950.-Т. 10.-С. 625-630.
[6] Мейли Р. Структура личности // Экспериментальная психология: в 6 т. / под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. — М., 1975. — Т. 5. — С. 197.

психологический центр, особое качество психики, чувство Я, сознание собственной индивидуальности, или, как утверждали такие психологи, как А. Маслоу, Э. Эриксон и другие, «переживание идентичности». Учитывая это, личностью называют человека, имеющего свое Я, способного к самоопределению посредством своей воли и к осуществлению себя в действии.

В начале XX в. русский психиатр П.П. Викторов свое видение личности связывал с самосознанием и сознанием: «Личность, индивидуальность, Я метафизических психологов есть прежде всего самочувствие по отношению к внутренней среде нашего собственного тела и затем самочувствие же, но по отношению к переменам окружающей внешней среды»[1]. Та же идея звучит в работе современного психолога Ф. Баррона: «Отличительной характеристикой человеческой личности является сознание, способное к размышлению и продумыванию вариантов самого себя посредством проектирования»[2].

Развернуто описал личность как центральное образование психики польский социолог Я. Щепаньский: «В процессе социализации индивид вырабатывает сознание своего «частного», личного Я. Каждый из нас чувствует, что сумма социальных ролей, выполняемых в семье, в профессиональной жизни, в кругу товарищей и т.д., концентрируется вокруг чего-то, что становится нашей внутренней сущностью, нашим подлинным Я. Каждый из нас часто рассуждает сам с собой, обращается к себе как к кому-то, кто не является той самой личностью, которая в данный момент выполняет (**9**) какие-то функции “наперекор себе”. И другие люди также обращаются к нам таким образом, который предполагает существование такого подлинного Я. Это субъективное представление о нашей внутренней подлинной сущности мы называем субъективным Я. Оно составляет существенный элемент личности человека. Это Я — социального происхождения. Субъективное Я, или комплекс представлений о том, каков человек “на самом деле”, часто может быть комплексом выдумок, фантазий, воображения, компенсирующих неудачи в выполнении различных социальных ролей и т.д.

Субъективное Я определяет поведение в тех ситуациях, когда индивид сталкивается с конфликтом нескольких ролей, оказывается перед фактом противоречивости требований нескольких групп, к которым он принадлежит, и тогда приспособлением к такой ситуации обычно руководит субъективное Я. Субъективное Я, созданное под влиянием воздействий социального окружения, становится независимым от этого влияния, когда оно упрочивается в убеждениях индивида»[3].

Личность образуется в результате взаимодействия организма и социальной среды. Это взаимодействие приводит к возникновению целостной организации психических свойств, имеющей более или менее четко выраженный центр, который соответствует субъективному ощущению Я. Личность — это те характеристики человека, которые отвечают за согласованные проявления его чувств, мышления и поведения[4]. Прекрасно определил личность русский психолог А.Ф.Лазурский, как некоторое «устойчивое и длительное единство, которое служит основанием всему, что совершается в душевной жизни»[5].

Таким образом, личность — это интегрированная совокупность психических свойств, при наличии которых человек обретает сознание и самосознание (чувство

---

[1] Викторов П.П. Учение о личности и настроениях. — М., 1904. — С. 9.
[2] Баррон Ф. Личность как функция проектирования человеком самого себя // Вопросы психологии. — 1990. — № 2. — С. 153—159.
[3] Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. — М., 1969. — С. 74—75.
[4] Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. — М., 2000. - С. 36.
[5] Лазурский А. Ф. Психология общая и экспериментальная. — Л., 1925. — С. 77.

«Я»), становится субъектом деятельности и участником социальных взаимодействий. Личность — это та сторона индивидуальной человеческой психики, которая отличается значительной устойчивостью и автономией, определяет духовное своеобразие данного человека и обусловливает особенности его деятельности, общения и жизни в целом.

Понятие личности является производным от базовой категории психологической науки — психики. У древних греков это слово означало не только душу, дух, но и то, что сегодня понимают под личностью. Да и странно не видеть связи между понятиями душа и личность. «Личность есть субстанция, характеризующаяся наличием души как субстанциональной формы и живущая не только (**10**) биологической и инстинктивной, но также интеллектуальной и волевой жизнью»[1].

Рассмотрение личности как совокупности определенных черт иногда ведет к отрыву понятий «личность» и «психика». Подобное положение дел побуждает людей, понимающих проблему, настаивать на том, что «не существует личностных образований вне психики, так или иначе все личностные черты связаны с механизмами психических процессов»[2]. В психологии личности полезно помнить принцип С.Л.Рубинштейна (1889—1960), согласно которому «всякая психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику»[3]. Тем не менее и до сих пор ряд теорий личности чрезмерно социологизированы.

Понятие «личность» пришло в психологию, по крайней мере, из четырех источников.

Первый источник — христианство, которое закрепило представление о вечной и божественной душе человека.

Второй источник — философия. Когда в середине XIX в. психология отделилась от философии, встал вопрос об особом — философском (непсихологическом) — видении человека. На этой почве родилась «философская антропология» — попытка соединить естественнонаучное и философское знание о человеке, найти «базисную структуру» человеческого бытия и специфических черт человека. Немецкие философы И. Кант, Л. Фейербах, Й. Фихте (XVIII—XIX вв.), В.Дильтей, М.Шелер (XX в.) понимали под антропологией знание о специфической сущности человека и об особенностях его физической, психической, моральной, духовной и культурной жизни. Макс Шелер (1874—1928) заявил, что в известном смысле все центральные проблемы философии сводятся к вопросу о том, что такое человек и какое положение занимает он среди всего бытия, мира и Бога. Психология в целях отмежевания от философии некоторое время отказывалась от ответов на подобные глобальные вопросы, но необходимость оказалась сильнее межпредметных споров.

Третий источник — изучение психиатрических феноменов «раздвоения личности», или феномен «множественной личности». Были описаны случаи, когда человек внезапно становился кем-то другим. У него менялись «биография», образ мышления, эмоциональный мир, круг интересов. Художественное описание данного феномена содержится в романе Д. Киза «Множественные умы Билли Миллигана» (М., 2003). На вопрос «Что происходит с человеком, у которого “множественная личность”?» был найден (**11**) удобный ответ: меняется личность. Этот источник понятия личности тщательно проанализировал классик мировой психологии

---

[1] Маритен Ж. Краткий очерк о существовании и существующем // Проблема человека в западной философии. — М., 1988. — С. 241.
[2] Либин А. В. Дифференциальная психология. — М., 1999. — С. 25.
[3] Рубинштейн С. Л. Мысли о психологии // Проблемы общей психологии. — М., 1973. - С. 100.

В.Джеймс[1] (1842—1910).

Четвертый источник — потребности самой психологии в преодолении чувства тупика. Психологи, которые в стремлении к объективности сосредоточивались на познании механизмов, процессов психики, чувствовали, что теряют самое существенное в человеке: «Изучались отдельные функции, а человек как комплекс, как сложная система мотивационных сил не рассматривался»[2]. Психоаналитики утверждают, что существенно стимулировал появление теории личности З. Фрейд: «Его выводы и принципы вызвали к жизни первую всеобъемлющую теорию личности, основанную на наблюдении, а не на умозрительных предположениях»[3].

Личность как базовая категория психологии находится в сложных связях с другими психологическими понятиями. Об этой сложности говорит, например, неясность отношений между понятиями «личность» и «психика». Известным решением этого вопроса служит формула: личность — это «хозяин» психических функций. Но эта формула, по существу, отождествляет понятия личности и человека, индивида, маскируя тем самым связи между личностью и психикой.

Данное противоречие отметил и попытался разрешить Н.Д. Узнадзе: «Психология не может обойти факт решающего значения личности, она не может игнорировать то обстоятельство, что активным деятелем в процессе жизненных отношений являются непосредственно не какая-нибудь из функций человека, а он сам, как активно действующий субъект. Но когда ставится вопрос, что же он собой представляет психически, то традиционная психология обращается к исходным понятиям психических процессов и идею личности старается построить на этих последних»[4]. В общем, личностный уровень психики можно считать «вышележащим» относительно процессуального (динамического, функционального).

Следовательно, понятие личности — это частный случай холистического (целостного) принципа, согласно которому психические функции не могут «существовать изолированно от общего целого, от той организации, раскрытие законов которой имеет решающее значение»[5]. В этом смысле личность представляет собой (12) высшую форму психической целостности. Другими словами, психические свойства — это составляющие личности, а личность — это «часть» психики, или «личной сферы психики», как утверждал в свое время В. М. Бехтерев[6].

В отечественной психологии определенную популярность приобрел вопрос об отношениях между понятиями «личность», «индивид», «индивидуальность»[7]. В несколько упрощенном виде эти отношения сводятся к следующему. Наиболее общим из этой «тройки» является понятие индивид — человек, обладающий психическими

---

[1] Джеймс В. Научные основы психологии. — СПб., 1902. — С. 161 —162.

[2] Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: Познание и врачевание от древности и до наших дней. — М., 1995. — С. 265.

[3] Там же. — С. 264.

[4] Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси, 1961. - С. 166.

[5] Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. — М., 1967. — С. 55.

[6] Бехтерев В. М. Объективная психология. — М., 1991. — С. 124.

[7] В мировой психологии эти отношения обычно не обсуждаются. Понятия «личность», «индивид», «индивидуальность» нередко употребляются как синонимы. В этом можно убедиться, прочитав, как А. Маслоу называет положение о том, что «индивидуум — это интегрированное, организованное целое», «Отче наш» психологии, первой заповедью психолога» (Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб., 1999. — С. 59). В том случае, когда понятия «индивид» и «личность» как-то разводятся, то лишь для того, чтобы подчеркнуть самобытность индивида и подчиненность личности обществу. Эта идея легко прочитывается в следующей формулировке: «Если человек хочет улучшить свой образ себя, он должен, прежде всего, научиться ценить себя как индивидуума, даже если его недостатки в качестве члена общества кажутся ему преобладающими над положительными качествами» (Фельденкрайз М. Сознавание через движение. — М., 1992. — С. 19).

свойствами, достигающими в своем развитии уровня личности и индивидуальности. «Человек как индивидуальность раскрывается в самобытном, авторском “прочтении” социальных норм жизни, в выработке собственного, сугубо индивидуального (уникального и неповторимого) способа жизни, своего мировоззрения, собственного («необщего») лица, в следовании голосу собственной совести»[1].

Существуют разные представления относительно объема понятия личности. Одни полагают, что личность — это только социальная сторона индивидуальной человеческой психики. Авторы книги «Социальная психология» заявляют: «Социальное качество человека мы и называем личностью. Личность — это специальное понятие для обозначения именно социального качества или качеств человека»[2]. То есть понятие личности подчеркивает не индивидуальную уникальность человека, а нечто противоположное — то, что через содержание культуры уподобляет одного человека другим людям.

Другие психологи придерживаются более широкого взгляда на личность, усматривая в ней синтез всех характеристик человека, их уникальное сочетание. Это значит, что личность максимально сближается с индивидуальностью. Индивидуальность — непременный (**13**) атрибут личности, выражающий духовное своеобразие, уникальность и неповторимость каждого человеческого существа. Индивидуальностью Б.Г. Ананьев назвал биосоциальную целостность конкретного человека, имея в виду неповторимость соматических, физиологических и психических свойств, его социальные качества, связанные со спецификой филогенеза. Индивидуальность — это то особенное и специфическое, что отличает одного человека от всех других, «включая как природные, так и социальные, как телесные (соматические), так и психические, как унаследованные, так и благоприобретенные, выработанные в процессе онтогенеза свойства»[3].

Представляет значительный интерес вопрос о месте личности в структуре психики. На этот счет существуют две точки зрения. Согласно одной из них, личность образует поверхностный слой психики. Это «личина», «персона», т.е. психологическая маска, «надеваемая» при исполнении той или иной социальной роли. По концепции американского психиатра и социального психолога Э.Берна, получившей широкое распространение, «персона — это способ представлять себя и лучше всего описывается прилагательными: резкий, общительный, приятный, находчивый, деятельный, высокомерный или вежливый. Вещи, которые знакомые говорят друг другу в течение дня, при этом осторожно избегая вторжения в личную жизнь друг друга, не исходят ни от Родителя, Взрослого, ни от Ребенка. Они исходят от маски или щита, которые каждый человек помещает между собой и окружающими людьми и которые некоторые психиатры называют персоной». Значит, личность является не центром души (имеющей у Э.Берна три модификации («Эго-состояния») — Родитель, Взрослый, Ребенок), а только оболочкой, обращенной к другим людям и доступной для восприятия окружающими.

Есть и более жесткая позиция, которой придерживался американский социолог Ирвин Гофман. Согласно Гофману, в жизни часто неважно вникать в то, что человек представляет собой на самом деле. Что действительно нужно, так это знать, за кого он себя выдает или, по крайней мере, какого отношения к себе ждет. Более того, в большинстве случаев даже нежелательно знать, «кто есть кто» среди тех людей, с

---

[1] Слободчиков В. И., Исаев Е.И. Психология человека. Введение в психологию субъективности. — М., 1995. — С. 340—341.

[2] Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования / под ред. Е.С. Кузьмина, В. Е.Семенова. — Л., 1979. — С. 19.

[3] Кон И. С. Социология личности. — М., 1967. — С. 6—7.

которыми мы взаимодействуем. Достаточно понимать, какую роль они себе выбрали, чтобы отношения с ними развивались без проблем. У Ф. М. Достоевского эта идея представлена следующими словами: «Двуличие, изнанка, маска — скверное дело, согласен, но если б в настоящий момент все бы явились как они есть на лицо, то, ей-богу, было бы хуже»[1]. (14)

Таким образом, данный подход к личности акцентирует внешний, социально приемлемый образ, который индивидуальность демонстрирует, когда играет определенные роли, — общественное лицо, обращенное к окружающим, как сочетание наиболее заметных и понятных характеристик индивидуальности[2]. В деловых отношениях и многих ситуациях повседневной жизни подобное функционирование личности является целесообразным и экономным. Что касается теории, то, по-видимому, такая логика приемлема в социологии, но в психологии она кажется поверхностной. Тем не менее подобные воззрения в известной степени разделяют психологи-ситуационисты (Э. Аронсон, Л.Росс, Р.Нисбетт и др.), которые считают, что для понимания поведения человека первостепенное значение имеет учет особенностей ситуации, в которой он находится. Ситуационизм в теории личности играет важную роль, сдерживая ортодоксальных персонологов от чрезмерного «опредмечивания» личностных свойств людей.

Вторая точка зрения на место личности в структуре психики выражает отношение к ней как «особе», усматривает корни «личности» в благородном слове «лик» (Владимир Даль), а не в скоморошьей «личине». «Особность сознательной личности дана лишь человеку» — читаем у В. Даля. Стало быть, личность рассматривается как центр внутреннего мира человека, как главный регулятор психической активности, как существо данного человека. Именно такой подход выражен словами русского просветителя XVIII в. А.Н. Радищева: «Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что есть ты?» Многие психологи видят в личности центральное психическое образование. Например, Карл Роджерс описывает личность в терминах «самости»: как организованную, долговременную, субъективно воспринимаемую сущность, составляющую самую сердцевину наших переживаний. Гордон Олпорт определял личность как то, что индивидуум представляет собой на самом деле — внутреннее «нечто», детерминирующее характер взаимодействия человека. Подобной точки зрения придерживалось множество психологов, в том числе А.Ф. Лазурский, А. Маслоу, В.Джеймс.

Точка зрения К.Г. Юнга по вопросу отношения личности и психики более дифференцированная и в известном смысле противоречивая. Он отождествлял личность с душой, но различал две личности: внутреннюю и внешнюю: «Душа обыкновенно содержит все те общечеловеческие свойства, которых лишена личность как персона, т.е. маска (сознательная установка). <...> «Под душой я мыслю определенный, обособленный, функциональный комплекс, который лучше всего было бы охарактеризовать как “личность”. <...> Маску я назвал “персоной” Человека, который (15) отождествляется с такой маской, я называю “личным” в противоположность “индивидуальному”. <...> Внутренняя личность есть тот вид и способ отношения к внутренним психическим процессам, который присущ данному человеку и которым он обращен к бессознательному. Внешнюю установку я называю персоной; внутреннюю установку, внутреннее лицо я обозначаю словом “анима”, или “душа”»[3].

В психологии термин «личность» используется в следующих целях.

---

[1] Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. — J1., 1988. — Т. 2. — С. 16.
[2] Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997. — С. 22 — 23.
[3] Юнг К. Психологические типы: пер. с нем. — СПб., 1995. — С. 511.

1. Для объяснения того факта, что люди не случайно отличаются друг от друга. Теория личности в этом смысле — это теория индивидуальных различий.

2. Для объяснения постоянства поведения людей и выявления факторов, обусловливающих это постоянство. Предполагается, что стабильность поведения связана с внутренними психическими структурами, т. е. чертами, или диспозициями. Совокупность этих черт образует личность человека.

3. Некоторые психологи рассматривают личность как «механизм» организации и ориентации поведения людей, высшую инстанцию саморегулирования. Поэтому ряд теорий личности называются «регулятивными».

4. Для указания на источник активности, движущие силы поведения и деятельности человека. В этом направлении ориентированы психодинамические теории. В центре их внимания — потребности, ценности, мотивы и другие побудительные силы.

5. При помощи понятия «личность» объясняют качественное отличие психики человека от животных. Человеческая психика в отличие от животных является личностной. Все живые существа обладают более или менее сложной психикой. Многие виды животных отличаются своими темпераментом и характером; у них есть некоторые уникальные способности, которые не даны человеку. У людей нет ни орлиного зрения, ни собачьего нюха, ни умения ориентироваться без карты на огромных расстояниях, не говоря уже о скоростных, силовых и двигательных возможностях вообще.

Но люди не решаются применить понятие «личность» для описания даже самых интеллектуальных животных[1]. Человек — единственное из живых существ, наделенных психикой, которое представляет собой личность. И причина этого не в самомнении людей и не в желании хотя бы как-то отделить себя от остальной части (**16**) животного мира. Общество действительно создает условия для образования качественно новой формы психического — личности.

Таким образом, можно утверждать, что психология личности — это нечто вроде «высшей психологии», если пользоваться математической метафорой. Акцент на личности означает попытку подняться над процессуальным уровнем психологического познания, сделать очередной шаг в понимании человека. Тем не менее были и есть психологи, которые не считают тему личности центральной для психологии и даже склонны объявлять ее устаревшей. Они предпочитают анализировать влияние ситуации на поведение человека, не обращаясь к понятию личности.

В психологии личности одним из интереснейших является вопрос об отношении человека к обществу, культуре. Принципиально важно выяснить, как и насколько адекватно выражаются в развитии личности социальные тенденции и, с другой стороны, как личность, отражая эти тенденции, организует свою жизнедеятельность.

Принято считать, что «личность есть особое качество, которое природный индивид приобретает в системе общественных отношений»[2]. Личность — это производное от межличностных отношений. Часто, говоря о личности, имеют в виду феномен индивидуально-психологического представительства человеческой культуры. Некогда К.Маркс отметил, что «сущность человека есть ансамбль общественных отношений», присущих отдельному индивиду. Логическим продолжением этой идеи явилось понятие социальной установки личности, сформулированное в 20-е гг. XX в.,

---

[1] Как трудно выразить это в понятиях, говорит попытка П. М.Якобсона связать личность с управлением поведением: «Личность появляется там, где мы имеем дело с управлением собственным поведением». Но дело в том, что всякое живое существо управляет своим поведением; особенности человеческого управления поведением, конечно, связаны с личностью.

[2] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 15.

как психологического эквивалента социальной ценности. Концепцию установки правомерно рассматривать как осторожную версию социальной природы личности. Проще преподносят эту мысль сегодня: «Нормальный взрослый человек может быть представлен как общество в миниатюре». Даже самоконтроль есть, в сущности, социальный контроль[1]. Как видно, обращение к социальным источникам личности подчас сводит ее к социальным структурам. Между тем личность не является психической копией общества. Человек не только копирует общество, но как индивидуальность привносит в культуру нечто свое, особенное.

В силу того что процесс становления личности имеет социальный, межличностный характер, личность является атрибутом не только отдельного человека, но и общества. Формирование личности предполагает «общество личностей», или «общество индивидов», как назвал свою книгу немецкий социолог Норберт Элиас[2]. «Человеческую натуру нельзя отыскать ни в одном отдельно взятом человеке, но только во всей истории человеческого рода», — утверждал (17) А.Грамши[3]. Общество является прообразом личности. Только в зрелом — личностном — обществе возможна зрелая личность. Если общество не имеет атрибутов личности, то «природному индивиду» нечего в нем приобретать.

Положение о личности как атрибуте общества предполагает, что источники личности созревают в обществе, в его культуре. По-видимому, уместно применить для понимания психологического механизма личностно-общественных отношений известный тезис Л.С. Выготского о том, что «психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры»[4].

Личностными атрибутами общества являются «социальные образцы саморегуляции, которые должен выработать в себе посредством научения отдельный человек в процессе своего превращения в уникального индивида, которые специфичны для каждого отдельного поколения»[5].

К числу личностных атрибутов общества следует отнести государство[6], право, систему разделения труда и др. Являются личностными атрибутами общества и те люди, которые служат примером личности для других. В каждом обществе существует более или менее оформленная коллективная концепция личности. Она может быть отражена в общественном мнении, авторитетных теоретических трудах, художественной литературе, фольклоре, официальных документах, например в конституции государства. Все это — личностные атрибуты общества.

Таким образом, личностные атрибуты общества — это социальные институты, традиции, понятия о личности и другие ценности, которые благоприятствуют личностному развитию людей и обусловливают их личностное функционирование в данном обществе. «Хорошее общество — это общество, которое благоприятствует наиболее полному развитию и раскрытию человеческих возможностей, наиболее полной степени человечности»[7]. Не всякое общество обладает развитыми атрибутами

---

[1] Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969. — С. 228.
[2] Элиас Н. Общество индивидов. — М., 2001.
[3] Грамши А. Формирование человека. — М., 1988. — С. 64.
[4] Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов. — М., 1960. — С. 198.
[5] Элиас Н. Общество индивидов. — М., 2001. — С. 11.
[6] «Во всякой человеческой личности, по предрасположению и назначению, живет чистый, идеальный человек. Этот чистый человек, более или менее ясно проявляющийся в каждом субъекте, представлен в государстве — в этой объективной и как бы каноничной форме, чье разнообразие субъектов стремится к единению» (Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. — М., 1957. — Т. 6. — С. 258).
[7] Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. — СПб., 1997. — С. 21.

личности, т. е. имеет достаточные условия для формирования и проявления личности. (**18**)

В целом эти условия постепенно созревают в процессе эволюции общества. «Чем развитее нация, тем полнее самостоятельность отдельной личности, и в то же время тем безопаснее одна личность от посягательства другой», — писал некогда Д.И.Писарев. На ранних этапах развития общества условий для появления личности в ее современном понимании было мало. Согласно разным гипотезам, в доисторические времена инстинктивные связи были столь прочны, что человек не обладал отдельным существованием в отрыве от группы. У него не было еще ни осознания себя как отдельного человека, ни механизмов регуляции индивидуального поведения, отличных от групповых механизмов. Лишь постепенно общественный человек начинает заново обретать автономное существование[1].

Современное общество также не является однородным по уровню своей «личностности». Взять хотя бы деление культур на индивидуалистические и коллективистские. Согласно Г.Хофстеде, Г.Триандису и другим этнопсихологам и культурологам это деление учитывает основное психологическое измерение культуры. Считается, что индивидуалистические культуры способствуют самореализации их членов. В индивидуалистических культурах цели отдельных людей не менее, если не более, важны, чем групповые[2]. Их поведение определяется мотивацией к достижению, в то время как в коллективистских — принадлежностью к группе. Ударение делается на личностные успехи, инициативу и оценки. Соответственно, личностным культурам, например, в Великобритании и США, свойственны высокие показатели по шкале индивидуализма.

Коллективистские культуры, наоборот, характеризуются преобладанием групповых целей над индивидуальными. Они больше ценят преданность семье и клану. В этих закрытых структурах человек получает поддержку, если его поведению свойственна «жертвенность», преданность интересам группы. Все это способствует формированию соответствующей — «коллективистской» — личности.

Коллективные ценности можно проиллюстрировать на примере африканских культур: «В кенийских племенах никто не является изолированным индивидом. Его неповторимость и уникальность — вторичный факт. Прежде всего, он — отдельный представитель народа. В этой системе групповая деятельность — доминирующая, ответственность разделяется между членами группы, каждый из которых подотчетен коллективу. Гармония и кооперация в группе (**19**) основаны на коллективной деятельности и ответственности сильнее, чем на индивидуальной»[3].

Видимо, в наше время нет такого общества, которое являлось бы идеальным носителем атрибутов личности. Как подчеркивали Э. Фромм и другие психологи, общество не позволяет свободно реализовать интеллектуальные и эмоциональные силы личности. Человек обрел независимость, но в то же время оказался изолированным. Эта изоляция непереносима, она пробуждает чувства бессилия и тревоги. Современный человек стоит перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого. В современном обществе сохранились предпосылки для формирования авторитарной личности и других непродуктивных личностных типов.

Следовательно, становление личности зависит от того, в какой социальной среде оно происходит, поскольку человек усваивает личностные атрибуты именно этой

---

[1] Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. — М., 1993. — С. 7 — 8.
[2] Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. — М., 1999. - С. 45.
[3] Лебедева Н.М. Очерк психологии личности. — М., 1993. — С. 44 — 62.

среды. В авторитарной среде велика вероятность формирования авторитарной личности, в демократической — демократической личности и т.д.

Но так или иначе, но в каждом человеке живет большая или меньшая часть человеческой культуры. Является ли эта часть базой личности или, напротив, личностью является то, что каждый человек приносит в общество фактом своего рождения, — этот вопрос продолжает обсуждаться в различных теориях.

1.1.2. Основные свойства личности

Наиболее частым способом характеристики личности является обращение к ее чертам, или свойствам (качествам). Описать личность можно, указав свойственные ей черты. Личность — комплекс некоторых свойств, свидетельствующих о целостности, самостоятельности, активности, сознательности и способности быть членом общества. Эта точка зрения распространена больше других. Ее придерживался С. Л. Рубинштейн, который предложил и комплекс свойств (компонентов) личности. В своих последних работах он писал: «В качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяются те, которые обусловливают общественно значимое поведение и деятельность человека (система мотивов и задач, которые ставит себе человек; свойства характера и способности)»[1].

А.Н. Леонтьев еще больше сужал перечень личностных свойств, подчеркивая центральное положение в нем мотивационной сферы: «Структура личности представляет собой относительно устойчивую (**20**) конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий. Внутренние соотношения главных мотивационных линий в целокупности деятельностей человека образуют как бы общий “психологический профиль” личности». <...> Что же касается таких психологических “подструктур личности”, как темперамент, потребности и влечения, эмоциональные переживания и интересы, установки, навыки и привычки, нравственные черты и т.д., то они, разумеется, отнюдь не исчезают. Они открывают себя: одни — в виде условий, другие — в своих порождениях и трансформациях, в сменах своего места в личности, происходящих в процессе ее развития»[2].

Одним из способов интерпретации свойств личности являются теории личностных черт, принадлежащие Г. Оллпорту, Р. Кеттеллу и Г. Айзенку — трем ведущим авторитетам в изучении черт личности. Эти авторы называют чертами личности гипотетические психические структуры, проявляющиеся в поведении и обусловливающие предрасположенность поступать сходным образом в различных обстоятельствах и в разное время. Это относительно постоянные поведенческие тенденции. Черты личности являются устойчивыми и предсказуемыми психологическими характеристиками человека.

Р. Кеттелл пытался раскрыть основные черты личности с помощью факторного анализа. Это ряд статистических процедур, которые позволяют свести большое количество взаимосвязанных количественных показателей сложного явления к небольшому числу относительно независимых факторов, объясняющих взаимосвязи, полученные в ходе исследования. Р. Кеттелл, как и Г. Оллпорт, полагал, что личностные черты составляют ядро структуры личности, и в конечном счете именно они ответственны за то, что человек делает в данной ситуации. Черта личности может быть определенным образом измерена, благодаря чему устанавливается степень ее выраженности, а сама черта рассматривается как переменная.

---

[1] Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. — М., 1959. — С. 119-120.
[2] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 221—222.

Существует тенденция рассматривать черты личности как социальные установки (атитьюды) — психологические структуры, которые воплощают связь человека с различными социальными ценностями.

Черты личности традиционно группируют, относя их к более общим личностным свойствам, выделяя черты характера, темперамента и т.д. На взгляд автора данного пособия[1], для суждения о личности в целом полезно знать семь ее сторон: способности, темперамент, характер, направленность (преобладающую мотивационную ориентированность на определенные цели), социальную и профессиональную (21) компетентность, Я-концепцию (самосознание) и структуру.

Способности — это умственные и физические качества, при выраженности которых, а также при наличии надлежащих мотивации и характера человек отличается высокой обучаемостью в одной или нескольких сферах деятельности. Эта обучаемость проявляется как во время обучения, так и за его пределами: до и после завершения организованной учебы.

В психологии и других науках давно идет спор о природе человеческих способностей, об их врожденности или формируемости. Судя по всему, обе эти характеристики способностей мирно уживаются друг с другом. Способности, безусловно, являются врожденными в том смысле, что зависят от «качества» мозга, нервной системы и организма в целом. В то же время способности человека обусловливаются всей ситуацией его жизни, обучения и воспитания, теми жизненными программами, которые ему предлагаются. Огромное значение имеет соответствие между естественной предрасположенностью психики к развитию и типом и содержанием информации, на основе усвоения которой осуществляется это развитие фактически. Без этого соответствия предлагаемая информация усваивается с трудом, а способности остаются невыявленными и неразвитыми.

При оценке способностей устанавливают два их параметра: предметное содержание (способности к чему-то) и уровень выраженности, или их величину. Поскольку предметная область, т.е. количество видов деятельности, которыми может овладевать человек, очень велико, то предпринимаются попытки свести способности к ограниченному числу более общих способностей.

Так, например, Л.Тёрстоун в 1938 г. с помощью статистических методов выделил семь так называемых первичных умственных потенций:

1) счетную способность, т.е. способность оперировать числами и выполнять арифметические действия;

2) вербальную (словесную) гибкость, т.е. легкость, с которой человек может объясняться, используя наиболее подходящие слова;

3) вербальное восприятие, т.е. способность понимать устную и письменную речь;

4) пространственную ориентацию, или способность представлять себе различные предметы и формы в пространстве;

5) память;

6) способность к рассуждению;

7) быстроту восприятия сходств или различий между предметами или изображениями.

По второму параметру в способностях различают разные степени одаренности, в том числе талант и гениальность. Количественным (22) выражением того или иного состояния способностей служит коэффициент умственного развития, определяемый

[1] Утлик Э.П. Прежде всего понять человека: Психология личности // Ориентир. - 1994. - № 12. - С. 61-65.

при помощи специальных тестов интеллекта.

Темперамент — это личностное свойство, которое объединяет такие характеристики, как уравновешенность, гармоничность психических процессов. Темперамент представляет собой устойчивое объединение индивидуальных особенностей, связанных с динамическими, а не содержательными аспектами психики. К темпераменту относят индивидуальный темп и ритм психических процессов, степень устойчивости чувств, особенности волевых функций.

Тип темперамента тесно связан с типом высшей нервной деятельности, по И.П.Павлову. Он проявляется в соотношении между впечатлительностью, или чувствительностью к внешним воздействиям, и поведенческой активностью. При высокой чувствительности человека и импульсивной активности мы имеем дело с холерическим темпераментом. Умеренные чувствительность и реактивность присущи сангвинику. Если чувствительность выше, а поведенческая активность приторможена, то это, вероятно, меланхолик. Для флегматика характерна несколько сниженная впечатлительность и известная замедленность поведения, особенно при изменении условий жизни и деятельности.

Долгое время темперамент рассматривался в качестве общей характеристики личности. Одним из первых сузил понятие темперамента немецкий философ Г.В.Гегель (1770—1831), отделив от него «добродетели» и другие последствия воспитания. По его мнению, «различие темпераментов теряет свое значение в ту эпоху, когда манера поведения и самый способ деятельности закрепляется всеобщим образованием»[1]. Это замечание открыло поиски связей между темпераментом и характером личности. В 1970 г. в научной школе Б. Г.Ананьева была сформулирована гипотеза о «преодолении проявлений темперамента в чертах характера»[2].

Характер (клеймо, печать, метка) — сторона личности, связанная с энергичностью, мобилизационными возможностями психики, а также с устоявшимися манерами жизни, общения, поведения.

К характеру относятся следующие черты:

а) индивидуально-психологические эквиваленты простых норм нравственности: честность, трудолюбие, правдивость, уважение к закону (дисциплина), вежливость, скромность;

б) черты, обеспечивающие определенную степень организованности и упорядоченности поведения: любовь к порядку, аккуратность, точность; (**23**)

в) качества, свидетельствующие о готовности переносить трудности, об устойчивости в сложных, критических ситуациях жизни и деятельности: смелость, мужество, самообладание, выдержка, энергичность, способность к риску;

г) качества, определяющие социальное поведение человека, особенности его связей с людьми: властность или податливость, общительность или замкнутость, жестокость, агрессивность или мягкость, честолюбие и т.д.

Понятие характера вошло в литературу благодаря Феофрасту и его книге «Характеры», которая содержит описание 30 типов социально неадекватных личностей: льстец, болтун, скряга, хвастун, сплетник, сторонник олигархии и т.д.

Подробно описан характер в первом русском учебнике психологии, каким является «Картина человека» А.И. Галича. А.И. Галич, противопоставляя характер инстинкту, страстям, произволу, называет его «торжеством разумной свободы». Поведение, если оно управляемо характером, не зависит фатально от обстоятельств;

---

[1] Гегель Г. Соч.: в 11 т. - М., 1939. - Т. 3. - С. 84.

[2] Левандовский Н.Г. К проблеме соотношения темперамента и характера // Психология: XXVIII герценовские чтения. — Л., 1975. — С. 81.

человек сам определяет свое нравственное лицо[1].

В России представление о характере сложилось не без влияния знаменитого «Словаря живого великорусского языка» В.Даля, который толковал характер как «нрав человека, нравственные свойства, качества его, свойства души и сердца. Характер добродушный, кроткий. Он крутого характера. Характерный человек — стойкий, твердый, с убеждениями, упрямый, упорный».

Направленность личности — это упорядоченная структура духовных ценностей, потребностей и выраженных долговременных целей, подкрепленная взглядами, убеждениями и жизненными принципами человека. Одни люди ориентированы на творчество, другие — на потребление, одни — на созидание, иные — на разрушение, одним свойственна просоциальная ориентация, другим — антисоциальная. Одни руководствуются в своей жизни преимущественно ценностями, другие — потребностями.

Направленность личности характеризует плодотворную связь человека с внешним миром. Истинный смысл жизни скорее можно найти в мире, чем внутри человека. «Человек открыт миру. Человеческое существование характеризуется преодолением границ среды обитания. Человек стремится и выходит за ее пределы, в мир, и действительно достигает его — мир, наполненный другими людьми и общением с ними, смыслами и их реализацией», — утверждал В.Франкл[2].

Большая заслуга в описании направленности принадлежит С.Л. Рубинштейну, который, в сущности, первым включил ее в число свойств личности, поставив «вопрос о динамических тенденциях, (24) которые в качестве мотивов определяют человеческую деятельность, сами, в свою очередь, определяясь ее целями и задачами»[3]. Как видно, понятием «направленности» С.Л. Рубинштейн объединил такие психологические категории, как мотивы, склонности, интересы, идеалы и цели.

Важным вкладом в исследования направленности личности являются работы А.Ф.Лазурского и В.Н.Мясищева. По мнению А.Ф.Лазурского, «индивидуальность человека определяется его отношениями к окружающим его явлениям, тем, как каждый человек реагирует на те или иные объекты, что он любит и ненавидит, чем интересуется и к чему равнодушен, т.е. его экзопсихическими проявлениями»[4]. В.Н.Мясищев, определив личность как совокупность отношений к миру, выдвинул направленность в число ведущих характеристик личности, что, впрочем, не мешало ему иронически называть направленность «геометрической» характеристикой человека.

Социальная и профессиональная компетентность личности — это реализованные способности, воплощенные в форме подготовленности человека к деятельности и жизни в обществе. Это такие особенности личности, которые более непосредственно обусловлены содержанием информационной среды, обучения и воспитания.

Социальная компетентность складывается из социального и эмоционального интеллекта человека, его осведомленности в законах общественной жизни, понимания людей, социальных навыков, т.е. умения жить в обществе, взаимодействовать с людьми, находить с ними общий язык и устанавливать различные, в том числе тесные отношения. Это умение и желание быть социально совместимым и способным к групповым действиям, эффективно реализуя определенный комплекс социальных ролей. Социальная компетентность включает дисциплинированность, уважение к

---

[1] Галич А. Картина человека. — СПб., 1834. — С. 336.
[2] Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990. — С. 54.
[3] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1946. — С. 623.
[4] Лазурский А. Ф. Избранные труды по психологии. — М., 1997. — С. 240.

законам и системе управления, умение подчиняться власти, а также выступать в качестве организатора совместных действий.

Профессиональная компетентность представляет собой знания, умения и навыки, необходимые для деятельности в рамках определенной профессии, и профессионально важные качества, например профессиональную мотивацию.

Не все психологи включают в структуру личности ее компетентность. Есть мнение, что компетентность не затрагивает базовые структуры личности. Например, от психотерапевта требуется «невключение» своей специальности в Я-концепцию и умение делать ее отдельным предметом рефлексии. (25)

Я-концепция, или самосознание, — центральная, ядерная структура личности. Личность начинается с осознания собственного Я. Это сумма всех представлений человека о себе, всего того, что он о себе думает, как оценивает себя и, следовательно, учитывает в своем поведении. Я-концепция, как правило, устойчива и включает образ себя в настоящем, прошлом и будущем. В Я-концепции различают Я-реальное и Я-идеальное, представления о том, каким человек является на самом деле и каким бы он хотел быть. В Я-концепции можно также выделить и другие Я: Я-хорошее и Я-плохое, Я-действительное и Я-видимое (презентируемое другим). Иногда Я-концепцию заменяет, как установила Карен Хорни, идеальное собственное Я, т.е. вымышленный образ, отождествляемый с собою и становящийся более реальным, чем действительное Я.

Основное в Я-концепции — ощущение человеком своей определенности (идентичности). Личная определенность устанавливается в связи с другими людьми и является основой организованной социальной жизни. Особая значимость Я-концепции вытекает из того, что у человека как существа сознательного свойства личности проявляются в поведении не автоматически, бессознательно, а преломляясь через самосознание и самооценку, отношение к себе. Другими словами, значение имеет не просто то, каким человек является, так сказать, объективно, но то, как он себя воспринимает и ценит.

Я-концепция личности, согласно установочной теории, включает познавательные, эмоционально-оценочные и мотивационно-поведенческие компоненты.

Познавательный компонент — это устоявшиеся знания о себе, которые обычно очень устойчивы, независимо от того, истинны они или ложны; осознание своих действий, переживаний и состояний, образное представление о себе вообще или в конкретных ситуациях, в том числе и видение себя глазами других людей. Познавательный компонент может иметь форму своеобразной теории, которая объясняет особенности нашего поведения.

Эмоционально-оценочный компонент Я-концепции — это, по существу, самооценка личности, чувство собственной значимости и все переживания по поводу своих качеств, своего социального положения, успехов и неудач. Любое качество, будь то низкий рост, раздражительность или смелость, может стать объектом самооценки и соответствующих эмоций. Самооценка характеризуется той или иной степенью устойчивости, адекватности, а также положительным или отрицательным знаком. Устойчивая, положительная и адекватная самооценка благоприятствует эффективным отношениям, личностному росту и профессиональной деятельности.

Мотивационно-поведенческий компонент Я-концепции — это мотивы и навыки, которые предопределяют поведение человека, (26) например, ответственность за свои действия и чувства, желание поступать так, чтобы это соответствовало представлению о себе. Самоконтроль, самообладание, умение планировать свою жизнь, управлять процессом собственного развития — это мотивационно-

поведенческие образования Я-концепции.

Структура личности — это способ организации и взаимодействия личностных свойств. Индивидуально своеобразная личностная структура предполагает выраженность и активность каждого из отдельных свойств, т.е. тот или иной профиль. Важной ее характеристикой является степень согласованности специфических тенденций, исходящих, соответственно, со стороны способностей, темперамента и остальных свойств. Структура личности как ее свойство находится на более высоком логическом уровне относительно других свойств, которые она себе подчиняет. Вместе с тем она не тождественна личности в целом, поскольку личность характеризуется также и своим содержанием. В определенных отношениях структура личности воспроизводит темперамент человека, как его уравновешенность и гармоничность.

В.Н. Мясищев выделил структуру личности в качестве одной из ее сторон, усмотрев в «структурном аспекте личности» «освещение человека со стороны его целостности или расщепленности, последовательности или противоречивости, устойчивости или изменчивости, глубины или поверхностности, преобладания или относительной недостаточности тех или иных психических функций»[1]. Подробнее вопрос о структуре личности рассматривается в разделе 3 главы 1.

1.1.3. Проблема человеческой индивидуальности

«Индивидуальность — человек, характеризуемый со стороны своих социально значимых отличий от других людей; своеобразие психики и личности индивида, ее неповторимость. Индивидуальность проявляется в чертах темперамента, характера, в специфике интересов, качеств перцептивных процессов и интеллекта, потребностей и способностей индивида»[2]. Большая или меньшая выраженность личностных черт, а также то или иное их сочетание характеризует уникальность каждой человеческой личности. Кроме того, индивидуальность — это еще и целостность, неделимость, внутреннее единство личности. Насколько важна эта сторона индивидуальности, можно судить по высказыванию М.Монтеня (XVI в.): «Мы все лишены цельности и состоим из отдельных клочков, каждый из которых в каждый данный момент играет свою роль. Настолько многообразно и пестро наше внутреннее строение, (27) что в разные моменты мы не меньше отличаемся от себя самих, чем от других»[3].

Философ В.П. Тугаринов предложил включить индивидуальность в число основных признаков личности наряду с разумностью, ответственностью, свободой, личным достоинством. Психологии разумно было бы принять это предложение и рассматривать индивидуальность как атрибут человеческой личности, характеризующий ее психологическую уникальность, обусловленную как биологически, так и социально.

Ханна Арендт, ссылаясь на библейский текст, пишет: «Люди, действуя, бросают в игру мира как новое начало то новое, что пришло в мир, когда они родились»[4]. Другими словами, каждый человек уникален, и поэтому с каждым рождением что-то новое приходит в мир.

---

[1] Мясищев В.Н. Личность и неврозы. — Л., 1960. — С. 35.

[2] Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М. Г.Ярошевского. — Ростов н/Д, 1998. — С. 115. (Точно такое же определение в «Психологическом словаре» под ред. В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова. — М., 1996. — С. 134.)

[3] Монтень М. Опыты: в 3 кн. — М., 1979. — Кн. 1-2. — С. 298.

[4] Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб., 2000. — С. 271.

Указание на индивидуальность личности не означает смещения акцентов ни на ее биологически детерминированные, ни на социально обусловленные стороны. Тонкое чувство баланса обнаруживает кардинал Й.Хёффнер: «Только исходя из личностности, можно понять социальное качество человека. Чем более он становится личностью, тем оригинальнее, богаче и выразительнее предстает он перед нами в своей неповторимой уникальности и исключительности. Тем не менее — и это удивительно — человек находит свое удовлетворение только в контактах с другими. Он не покоится в себе самом без всяких связей с другими, он открыт, контактен, коммуникабелен, диалогичен. Личностность и социальность находятся в изначальном и своеобразном сочетании друг с другом. Чем в большей мере человек стал личностью, тем глубже и плотнее будет его соприкосновение с другими, идет ли речь лишь о связи Я — Ты внутри пары или об обширных отношениях человека с крупными и всеохватывающими социальными образованиями»[1].

Разработка проблемы индивидуальности в отечественной психологии была начата С.Л. Рубинштейном, который тесно связывал это понятие с личностью: «Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных, единичных, неповторимых свойств». Но «свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее»[2]. Вопросы психологии и психофизиологии индивидуальных различий продуктивно разрабатывал Б.М.Теплов. (**28**)

Отечественные психологи по-разному подходили к проблеме индивидуальности. Б.Г. Ананьев и С.Л. Рубинштейн связывали индивидуальность преимущественно с высшим уровнем развития личности. Другие психологи, в частности В.С. Мерлин, рассматривали индивидуальность как интегративную структуру личности в целом. Третьи, как, например, А.Г. Ковалев, полагали, что индивидуальные различия не существенны для характеристики личности, поскольку затемняют выявление общеличностных закономерностей[3].

В каком контрасте это находится с принципом личностного подхода, видно из сопоставления с тезисом Э. Эриксона, который был убежден, что изучение личностной индивидуальности становится такой же стратегической задачей второй половины XX в., какой было изучение сексуальности во времена 3. Фрейда, в конце XIX в. Б. М. Теплов в 1947 г. заявил: «Целью исследования является в конечном итоге конкретный человек, живущий и действующий в определенных общественных условиях». В конце концов, внимание к индивидуальности — отличительная черта психологии. Как писал В. Джеймс, «худшее, что может сделать психолог, — это начать истолковывать природу личных сознаний, лишив их индивидуальной ценности»[4].

Забота об индивидуальности — характерная черта взглядов русских мыслителей XIX в. Н.К. Михайловского, К.Д. Кавелина и многих других. Гуманистическая психология, экзистенциальная психология и другие течения в психологии и философии ставят своей целью исследование индивидуальности и ее защиту от многих политических, экономических, технических угроз современности.

---

[1] Хеффнер Й. Христианское социальное учение. — М., 2001. — С. 26.

[2] Теоретические вопросы психологии и проблемы личности // Вопросы психологии. — 1957. — № 3. — С. 31-32.

[3] «Психолог исследует многочисленный класс индивидуальностей, выясняя существенное и отвлекаясь от частного, случайного, второстепенного; обобщая данные, он устанавливает закономерное, т. е. всегда общее или особенное в духовном мире личности» (А. Г. Ковалев. Психология личности. — М., 1970. — С. 17).

[4] Джеймс У. Психология. — М., 1991. — С. 59.

Представляет интерес вопрос об источниках индивидуальности. Э. Фромм, К.Хорни, А. Маслоу и другие выдвинули тезис о том, что человек имеет потребность быть неповторимым, а утрата чувства собственной индивидуальности порождает беспокойство и ощущение опасности. В то же время, по мнению Т. Адорно, который придерживался фрейдистского мировоззрения, большое количество людей никогда не были «индивидуальностями», что является негативным следствием общественного подавления. По-видимому, развитие индивидуальности опирается не только на соответствующую потребность: решающую роль играет выбор самого человека, его собственная концепция личностного роста.

Б. Г. Ананьев и другие психологи рассматривают индивидуальность как высший этап развития личности: «Не всякий индивид является индивидуальностью: для этого индивиду нужно стать личностью»[1]. (**29**)

Согласно А.Г. Асмолову, индивидуальность — это цель человека, благодаря чему жизненный путь становится путем к индивидуальности[2]. Формула А.Г.Асмолова гласит: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают»[3]. Индивидуализация человека — это его восхождение от зачаточных проявлений индивидуальности в отдельных видах деятельности до свободной индивидуальности, самодеятельности личности как субъекта исторического процесса.

Разумеется, отстаивание индивидуальности тем более необходимо, чем менее личностным является общество, чем больше зависти и конфликтности в отношениях людей. Социальный, экономический и научный прогресс является следствием распространения в обществе ценности человеческой личности, т.е. успеха в «отстаивании индивидуальности».

1.1.4. Формы активности личности

Активность личности соединяет в себе клубок сложнейших вопросов: о формах функционирования человека, мотивах его поведения, энергии, воле, целях, решениях и притязаниях, мышлении и творчестве и др.

Слово «активность» часто используется для обозначения всех форм жизни и деятельности людей. В этом смысле активность — это сама жизнь, всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика как источник преобразования или поддержания жизненно значимых связей с окружающим миром.

Различают множество видов, или уровней, активности, начиная от субклеточной и заканчивая психической, духовной. Активность личности — это высший уровень жизненной активности человека.

Эволюционно простейшая форма активности — это почти механическая реализация внутренней программы или реагирование на изменение во внешней среде (воздействие) (тропизм, таксис). Более сложные формы — это инстинкты.

Есть выученные формы активности, реализуемые посредством навыков, умений. Наконец, важную роль в жизни играет интеллектуальная, творческая активность, которая предполагает построение целевых программ для каждого нового действия. Как отмечал русский психофизиолог Н.А.Бернштейн (1896 — 1966), что бы человек ни делал: бежал ли по неровному месту, выполнял тот или иной рабочий процесс, — он всегда занимается преодолением сил из категории неподвластных, не предусмотренных и не (**30**) могущих быть преодоленными никаким другим стереотипом движения, а управляемым только изнутри.

---

[1] Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л., 1969. — С. 330.
[2] См.: Асмолов А.Г. Психология личности. — М., 1990. — С. 308.
[3] Там же. — С. 6.

По своему материальному носителю психическая активность — это активность мозга, оснащенного органами восприятия информации, исполнительными и энергетическими структурами. Существо данной активности состоит в переработке информации, ее оценке и использовании для управления движениями различного характера, в том числе речевыми.

Человеческая активность заключается в информационном и энергетическом метаболизме (обмене) с внешней средой. Различают три формы этого взаимодействия: потребление, деятельность и общение.

Потребление — вид активности, состоящий в непосредственном удовлетворении потребностей. Деятельность — это предметная форма активности, связанная с преобразованием элементов окружающей среды, созданием условий, необходимых для жизни. Общение — межличностная форма активности, основой которой служит информационный обмен между людьми.

Все формы активности имеют, как правило, внутреннюю (психическую) и внешнюю (поведенческую, практическую) составляющие.

Психическая активность (психика) по своему содержанию делится на познавательную, психомоторную, эмоциональную и волевую. Познавательная, психомоторная и частично эмоциональная активность являются продуктивными, непосредственно дающими тот или иной результат. Эмоциональная и волевая формы активности являются регулятивными, управляющими. Объектом их регуляции выступают познавательные и психомоторные функции; для волевой регуляции объектом служит также и эмоциональная сфера психики.

По отношению к сознанию активность делится на сознательную и бессознательную; по отношению к личности — на личностную и безличностную. Личностная активность — это проявление существенных свойств личности, ее индивидуальности, автономности и сознательности в социальном поведении и в деятельности. «Мы активны, когда из нашей природы проистекает что-либо в нас или вне нас, что через одну только ее может быть понятно ясно и отчетливо»[1]. Активность — это самовыражение личности, при котором сохраняется ее целостность, автономность, индивидуальность и обеспечивается возможность развития.

В совместной жизни и деятельности людей активность часто принимает форму инициативы, которая представляет собой свободную форму поведения человека, опережение других в жизненной конкуренции или начало в общем деле. Инициатива предполагает (**31**) ответственность — максимум усилий для достижения самостоятельно намеченного результата, а также готовность взять на себя вину в случае неудачи и компенсировать возможные потери.

Проблема активности в психологии является предметом острых дискуссий, в ходе которых отрицалась даже сама возможность активности. И.М.Сеченов (1829—1905), отец русской психофизиологии, заявил: «Первая причина всякого человеческого действия лежит вне его»[2], из чего К. Н. Корнилов сделал вывод: «Нет активности, есть реактивность!» Понятие активности в свое время связывалось с идеализмом (витализмом), с недопустимым признанием внутреннего источника, спонтанности побуждений и последующих действий человека. С идеями реактивности выступал бихевиоризм, создав образ человека реактивного, управляемого средой. Противоположная позиция по данному вопросу столь же категорична: «человек — существо не реактивное, а проактивное».

Когда встает вопрос об источниках, или мотивах активности, то само понятие

---

[1] Спиноза Б. Избр. произв.: в 2 т. — М., 1957. — Т. 1. — С. 455 — 456.

[2] Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. — М., 1947. - С. 174.

активности переносится на эти источники и уже обозначает динамическую характеристику личности. Как писал А.Ф.Лазурский, «под словами “активность” и “энергия” следует понимать отнюдь не волевое усилие в узком смысле этого слова, а нечто гораздо более широкое, лежащее в основе всех вообще наших душевных процессов и проявлений»[1].

Раскрывая активность через источники, обычно имеют в виду потребности, рассматривая их как движущие силы поведения в условиях, когда непосредственно потребность удовлетворить нельзя. В этом случае потребность становится мотивом поисковой, добывающей или преобразовательной деятельности либо коммуникативного поведения. Для динамических концепций личности (3. Фрейд и др.) это положение является само собой разумеющимся.

Ученые иногда не удовлетворяются указанием на потребности вообще и предпочитают вести речь о специальной «потребности действовать». Потребность действовать, т.е. потребность в активности, психолог Д. Н. Узнадзе выделил особо и назвал ее функциональной, противопоставив субстанциальным потребностям. Он аргументировал свою точку зрения следующим образом. Удовлетворение субстанциональной потребности достигается потреблением тех или иных веществ. «Функциональная потребность означает стремление к тому или иному виду активности. В организме констатируется не нужда в чем-либо субстанциональном: он стремится к активности как таковой, он нуждается просто в самой (32) деятельности. Это значит, что естественное состояние живого организма вовсе не заключается в неподвижности. Наоборот, живой организм находится в состоянии постоянной подвижности. Он прекращает ее лишь временно и условно. В зависимости от условий, в которых приходится жить организму в каждый данный момент, у него появляется потребность к деятельности и функционированию в том или ином направлении. Этого рода потребности мы и называем функциональными»[2].

В настоящее время активность все более связывают с духовными потребностями и социальными ценностями человека. Есть доказательство того, что потребностная мотивация активности, ориентированная на разрядку соответствующего напряжения, не характерна для человека. Г. Оллпорт утверждает: «Мы не можем, конечно, отрицать, что основные побуждения, по-видимому, стремятся к “редукции напряжения”. Однако эти побуждения не являются достоверной моделью для всех нормальных мотивов взрослого человека. Нормальные люди по контрасту с этим заняты своими “предпочтительными моделями” самоутверждения. Их психогенные интересы скорее форма поддерживания и направления напряжения, нежели избегания его. Подлинно психогенные мотивы заставляют нас принимать новые обязанности “с тяжелым сердцем, но с радостью”. Они заставляют нас неограниченно усложнять и напрягать нашу жизнь»[3].

Эту позицию разделял австрийский психотерапевт В. Франкл. «Я считаю, — писал он, — опасным заблуждением предположение, что в первую очередь человеку требуется равновесие, или, как это называется в биологии, «гомеостазис». На самом деле человеку требуется не состояние равновесия, а скорее борьба за какую-то цель, достойную его. То, что ему необходимо, не есть просто снятие напряжения любыми способами, но есть обретение потенциального смысла, предназначения, которое обязательно будет осуществлено»[4].

Как видно, понятие активности определенным образом сужается, поскольку

---

[1] Лазурский А. Ф. Избранные труды по психологии. — М., 1997. — С. 12.
[2] Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. — М., 1966. — С. 164.
[3] Оллпорт Г. Принцип «редукции напряжения» // Психология личности. Тексты. - М., 1982. - С. 106-107.
[4] Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990. — С. 55.

речь идет о тех видах активности, которые свойственны полноценному образу жизни, полноте человеческого существования, самоактуализации, жизни по принципу «бытия», в отличие от принципа «обладания».

По Э. Фромму, «быть активным — значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми, хотя и в разной степени, наделен каждый человек. Это значит обновляться, расти, любить, вырваться из стен (**33**) своего тесного Я, испытывать глубокий интерес, страстно стремиться к чему-либо, отдавать»[1].

Сходную мысль формулирует и А. Маслоу: «Самоактуализированные люди увлечены чем-то, что не относится непосредственно к насущным запросам их естества, чем-то внешним по отношению к ним. Они самозабвенно преданны какому-то делу, они работают над чем-то, что очень дорого им»[2]. При этом имеются в виду непреходящие ценности, которым человек посвящает свою жизнь, — истина, добро, красота.

Эрих Фромм, высоко ценивший человеческую активность, не соглашался с обычным отождествлением активности с поведением, которое дает некий видимый результат благодаря расходованию энергии. Он полагал, что активность — это личностная характеристика, продуктивная ориентация характера. Неверно относить активность только к поведению. Продуктивные личности оживляют все, к чему они прикасаются, вселяя жизнь в других людей и в вещи. Они являются носителями так называемого «модуса бытия», который противостоит непродуктивному «модусу обладания». Активность личности — это продуктивное использование своих человеческих потенций. По Э. Фромму, подлинно человеческая активность является «неотчужденной»: «В случае неотчужденной активности я ощущаю самого себя как субъекта своей деятельности. Подобная активность не обязательно связана с созданием произведения искусства, или научного труда, или просто чего-то полезного. Продуктивность — это ориентация характера, которая может быть присуща всем человеческим существам, если только они эмоционально не ущербны»[3].

Другими словами, активность личности, в трактовке Э. Фромма, имеет две особенности. Во-первых, она представляет собой полноценную реализацию способностей и энергии человека и, во-вторых, она предполагает просоциальную ориентацию личности. Для Э. Фромма, как и для В. Франкла, самая сильная мотивация поведения людей коренится в поиске смысла своего существования.

Ограничение понятия активности означает деление психических функций и поведения по критерию «активности—пассивности», а также «личностности» и «неличностности». Активность, в отличие от пассивности, или «реактивности», в большей степени обусловлена внутренней целью, т.е. личностно, произвольно. Стремление раскрыть личностный уровень активности характерен для теории «притязаний», в которой под «притязанием» понимают способ постановки человеком цели для себя. (**34**)

К. Левин рассматривал притязания как одно из важнейших образований личности, обусловливающих ее активность и даже черты характера. Исследователи данного феномена связывали притязания с Я-концепцией человека. Зрелая (положительная) Я-концепция характеризуется высоким уровнем притязаний, при котором человек при определении своих целей руководствуется оценкой своих сил. «Неясные представления о своих возможностях делают его неустойчивым в выборе целей: его притязания резко повышаются после успеха и столь же резко падают после

---

[1] Фромм Э. Иметь или быть. — М., 1998. — С. 114.
[2] Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. — СПб., 1997. — С. 55.
[3] Фромм Э. Иметь или быть. — М., 1998. — С. 114, 117.

неудачи. Стабильная самооценка продуцирует сформированный уровень притязаний, мало подверженный ситуационным влияниям успеха и неудачи»[1].

Есть теории личности, для которых принцип активности является ведущим, определяющим существо самой теории. К их числу можно отнести теорию А. Адлера, в которой особое значение придается «цели жизни». Человеческая жизнь представляется как активное стремление к совершенству, непрерывное движение в направлении роста и развития. Только в движении по направлению к личностно значимым целям индивидуум может быть воспринят как единое и самосогласующееся целое. Утверждая, что человек стремится к совершенству, А. Адлер исходил из соображения, что люди не отталкиваются от внутренних или внешних причин, а, скорее, тянутся вперед — они всегда находятся в движении к личностно значимым жизненным целям. Цели, которые люди ставят перед собой, а также индивидуальные пути их достижения, дают ключ к пониманию того, какое значение они придают своей жизни. По мнению А. Адлера, эти жизненные цели в значительной степени выбираются индивидуально, а, следовательно, в постоянном стремлении к совершенству люди способны планировать свои действия и определять собственную судьбу. Достигая намеченных целей, они не только повышают самооценку, но и находят свое место в жизни.

С.Л. Рубинштейн опирался на принцип активности для преодоления урезанной идеологической формулы «Бытие определяет сознание», которая сводила психику и личность человека к вторичным факторам. Чтобы показать, что психика играет активную роль в жизни и деятельности человека, С.Л. Рубинштейн писал: «Нельзя реализовать детерминизм в понимании человеческого поведения, если не включить психику во взаимосвязь причин и следствий. Обусловленность поведения психической деятельностью опосредствует его зависимость от объективного мира. Психическое играет реальную, действенную роль в детерминации деятельности людей, их поведения»[2]. (**35**)

Существует много разнообразных подходов к вопросу о механизмах и сферах активности человека. Активность связывается с темой мышления, которое, по определению, означает высокий уровень психической активности, не всегда очевидно мотивируемой.

В области мышления Д. Б. Богоявленская выделяет три уровня активности.

Стимульно-продуктивный, или пассивный, уровень характеризуется тем, что здесь еще нет выхода за пределы заданного или первоначально найденного способа действия и умственная работа каждый раз определяется мотивом, внешним по отношению к данному действию и не совпадающим с его целью. Эвристический уровень — более высокий, характеризующийся интеллектуальной инициативой и наличием познавательной потребности в качестве ведущего мотива. Каждая новая найденная закономерность оценивается и переживается как открытие, творческая находка, а не только как способ, который позволит решить полученную задачу. Это обстоятельство ставит предел дальнейшим поискам.

Высший уровень интеллектуальной активности — креативный — отличается познавательным целеполаганием. Обнаруженная эмпирическая закономерность становится самостоятельной проблемой, на решение которой с этого момента направляется вся познавательная деятельность. При этом первоначальная, в том числе практическая задача может быть отложена. «Это, — как пишет Д. Б. Богоявленская, — подлинное творчество, так как в нем сняты все признаки “отчужденного труда”»[3].

---

[1] Бороздина Л. В. Исследование уровня притязаний. — М., 1985. — С. 34.
[2] Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М., 1957. — С. 242, 244.
[3] Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. — Ростов н/Д, 1983. - С.

Другими словами, такого рода активность можно рассматривать как личностную.

Говоря об активности, многие психологи и психофизиологи имеют в виду предвидение, или так называемое «опережающее отражение действительности». Здесь активность раскрывается как способность «забегать вперед», встречать в полной готовности еще не случившееся. Эта форма активности носит универсальный характер, т.е. проявляется как на личностном, так и «доличностном» уровне. Многие инстинктивные действия животных всех уровней эволюции, условные рефлексы, не говоря уже о мышлении, имеют смысл только в том случае, если они подчиняются принципу опережения. Все это исчерпывающим образом изучено отечественными психофизиологами П.К. Анохиным, К.В. Судаковым и другими.

Определенным образом расширяет теоретические основы активности личности концепция «локуса контроля» американского (**36**) психолога бихевиоральной ориентации Дж. Роттера. Согласно этой концепции люди, обладающие внутренним локусом («интерналы»), считают, что их достижения, прежде всего, зависят от их личностных качеств, таких, как компетентность, целеустремленность или уровень интеллекта. Индивиды с внешним локусом («экстерналы»), напротив, рассматривают свое поведение как мало им подвластное, а достижения — как результат судьбы, удачи или действий других людей. Интернальные личности более активны; они любознательны и способны к обучению, что необходимо для успешного решения проблем. Они более информированы политически и сильнее вовлечены в общественные дела. «Интерналы» оказывают большее сопротивление влиянию извне, чем «экстерналы», и более упорны в достижении своих целей.

Активность человека имеет свой физиологический механизм. Для его описания используют понятия «активация», «уровень активации». Природа активности связывается со свойствами нервной системы. Активация (от лат. activus — деятельный) — состояние нервной системы, характеризующее уровень ее возбуждения, энергетической мобилизации. Описывается активация интенсивностью и качественным своеобразием, что фиксируется в вегетативных показателях (частоте сердцебиения, величине электрического сопротивления кожи, артериального давления, изменения дыхания и др.).

Для оценки активации используется гипотетическая шкала с полюсами: «сон — сверхвозбуждение». Возрастание активации влечет за собой переход на более высокую ступень по шкале бодрствования. Психологи ведут поиск более тонких градаций на таких отрезках шкалы, как активное бодрствование, пассивное бодрствование, эмоциональное возбуждение[1].

Понятие оптимального уровня активации означает соответствие состояния нервной системы решаемой человеком задаче, вследствие чего достигается высокая эффективность деятельности. Каждому человеку свойствен привычный для него уровень активации, на фоне которого преимущественно реализуется его деятельность. Индивидуальный уровень активации — природная детерминанта индивидуальности.

Согласно активационной теории между эффективностью деятельности и уровнем активации существует обратная U-образная зависимость: эффективность в равной мере снижается и при слишком низком и при слишком высоком уровне активации. При слишком низком уровне активации деятельность нарушается, по-видимому, потому что человек недостаточно восприимчив, чтобы обнаружить соответствующую внешнюю информацию, обработать (**37**) ее и отреагировать должным образом. При слишком высоком уровне деятельность нарушается вследствие

78.

[1] Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. — М., 1984. - С. 17.

снижения влияния тормозных механизмов, участвующих в регуляции внимания, интеграции и координации двигательных актов и других поведенческих функций.

Эффективность интеллектуальной деятельности связана с альфа-ритмом. Это частота электрической активности мозга, которая находится в пределах от 7 до 14 Гц. Интеллектуальная активность понижается при замедлении альфа-ритма. Важные решения целесообразно принимать тогда, когда доминирующий альфа-ритм находится в верхнем диапазоне частот. В этом состоянии ум отличается бодростью и остротой восприятия, а тело погружено в состояние самого глубокого покоя. Спокойное бодрствование субъективно воспринимается как «расширение сознания». В это время правое и левое полушария головного мозга синхронны как по частоте, так и по фазе колебаний.

В дифференциальной психофизиологии (Б.М. Теплов, В.Н. Небылицин) активность рассматривается как один из основных компонентов темперамента. Выделено достаточно устойчивое свойство нервной системы — «индивидуальный уровень активации», которое проявляет себя и на личностном уровне. Согласно Н.С.Лейтесу, «во всех проявлениях активности человека, во всех формах поведения и деятельности может быть обнаружена не только содержательная сторона побуждений и тот или иной смысл действий человека, но также формально-динамическая сторона, в особенностях которой выступают свойства нервной системы с их энергетическими характеристиками».

В числе теорий активности определенное место принадлежит деятельностной концепции, которая является звеном психологической теории деятельности. В рамках этой концепции активность связывается с процессами деятельности, которые находятся в прямой зависимости от субъекта: принятие решения о начале деятельности, контроль ее динамики. Активность свойственна процессу развития деятельности (мотивов, целей, средств) и переходу к качественно иным ее формам. Активность присуща и внутрисистемным переходам в деятельности, например сдвигу мотива на цель. Следовательно, имеет место тесная связь активности и деятельности, что выражено в следующем определении. «Активность есть совокупность обусловленных индивидом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности». Как видно, деятельностный подход к «активности» разграничивает процессы реализации деятельности и ее изменения, развития. К процессам осуществления деятельности относятся мотивационные, целевые и операциональные функции, а также взаимодействие между ними. Собственно активность, в отличие от осуществления деятельности, образует (**38**) ее прогрессивное изменение (становление, развитие)[1]. В целом В.А. Петровский трактует активность как динамический аспект деятельности: «Активность есть совокупность обусловленных индивидом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности»[2].

Следовательно, активность человека, особенно ее высшие формы, настолько тесно связана с личностным уровнем функционирования человека в «личностном» обществе, что не будет большим преувеличением утверждать, что личность — это воплощение активности, инициативы, внутренней свободы и ответственности.

Таким образом, проблема личности — это центральная тема психологии человека, поскольку личность является атрибутом человека. В то же время и общество должно обладать личностными атрибутами, т. е. тем комплексом условий, при которых может развиваться полноценная человеческая личность. Личность человека в конечном

---

[1] См.: Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. — М., 1992. — С. 44-45.

[2] Петровский В.А. Личность в психологии. Парадигма субъектности. — Ростов н/Д, 1996. - С. 56.

счете — это индивидуальность, уникальное сочетание психологических результатов влияния личностных атрибутов общества и психофизиологических возможностей для творчества и усвоения культуры.

1.2. Происхождение и развитие личности. Личность в социогенезе и проблема персоногенеза

1.2.1. Филогенез личности. Личность и свобода

Под филогенезом личности понимают аспект развития психики в процессе исторической эволюции человека и изменения форм общественной жизни людей, проявляющихся в возникновении личности и дифференциации личностных типов в разные исторические времена в различных обществах.

Развитие — это изменения, которые происходят со временем в психике и поведении человека. Накапливаясь, определенные изменения приводят к функциональным и структурным перестройкам, которые характеризуются устойчивостью и необратимостью. Развитие охватывает все стороны психики: познавательную, эмоциональную и волевую; необратимые перемены наблюдаются в способах поведения, общения и деятельности людей. Динамизм (**39**) свойствен всем уровням психической организации человека, затрагивая также самые высокие — личностные — уровни. Повседневный опыт и специальные исследования показывают, что личность, при всей ее стабильности, является психологической системой, находящейся в процессе непрерывных преобразований, имеющих определенную направленность и, в общем, необратимость. В этом и заключается развитие личности — преобразования, захватывающие содержание личностных свойств и структуру личности в целом в результате биологических процессов (созревание) и социальных взаимодействий, главным из которых является учение. В ходе учения человек, приобретая опыт, овладевая культурой, упражняет свои способности, восходя на более высокий уровень познавательного, эмоционального, волевого, мотивационного и личностного функционирования. Ориентация этих преобразований задается взаимодействием человека с социальной и предметной средой, которая в свою очередь тоже подвержена существенным переменам. Психологию интересуют процессы, благодаря которым человек меняется физически и духовно.

Палеопсихологические, антропологические и историко-психологические материалы показывают, что изменения человеческой психологии носят исторический характер. Исторические данные и результаты наблюдения за жизнью отдельного человека от его рождения до смерти свидетельствуют о том, что развитие личности имеет два аспекта: филогенетический и онтогенетический. Оба эти аспекта развития обычно рассматриваются в единстве и взаимообусловленности.

Смысл вопроса о филогенезе личности состоит в том, чтобы понять, как менялась личность и представление о ней на различных этапах человеческой истории и каков механизм этих изменений. На эти вопросы, как и на большинство подобных, можно найти очень разные ответы. Один ответ дается в духе социального радикализма и гласит: «Каждая конкретная система производственных отношений формирует особый, соответствующий ее качеству социальный тип человека. Его особенности определяются твердо усвоенными, превратившимися в личностные черты нормами

поведения в сферах производства, обмена и потребления»[1]. С этой точки зрения изменение личности не является проблемой, и любой личностный проект может быть планомерно реализован.

Об иной категории ответов на вопрос о филогенезе личности можно судить по следующему суждению: «Цивилизация, улучшая наши дома, не улучшила людей, которым там жить. Она создала дворцы, но создать благородных рыцарей и королей оказалось (**40**) труднее»[2]. Подобное мировоззрение устойчиво; упоминания о том, что психология человека одна и та же во все исторические эпохи, встречаются часто. И в наше время некоторые социологи убеждены, что человек — это самый консервативный, негибкий элемент социальной системы.

Как видно, проблема филогенеза личности имеет некоторое отношение к проектам управляемого преобразования личности. В истории человечества есть примеры как удачных, так и неудачных личностных трансформаций под влиянием социальных условий. К первым можно отнести эволюцию буржуазного типа личности под влиянием протестантских религиозных ценностей. Ко вторым — попытку сформировать новый тип личности: советского человека, советский характер. Видимо, реформы социальных структур и ценностей могут способствовать филогенезу личности, если они психологически обоснованы, т.е. соответствуют базовым психологическим законам, а не являются плодом теоретического, идеологического, политического или иного произвола, ломающего природу человека. Подобного рода социальная практика, как и постановка вопроса о филогенезе личности, предполагает дистанцирование от крайних позиций и ориентацию на более уравновешенные взгляды.

Некоторые стороны филогенеза личности имеют определенное практическое значение и поэтому являются предметом интереса экономики, политики и искусства. Этот интерес состоит в том, чтобы отслеживать личностные изменения в обществе и не упустить момент появления «человека нового психологического типа».

Рассмотрим, как это делается на примере перспективного планирования жизни японского общества в XXI в., как, в частности, учитываются особенности нынешней молодежи, или людей «нового типа». Людьми нового типа можно считать учащихся средней школы или техникумов, студентов вузов, молодых специалистов, окончивших колледж или вуз.

Широкомасштабными исследованиями было установлено, что новому поколению японцев свойственны следующие специфические черты: повышенная чувствительность и тенденция избегать трудностей; стремление самостоятельно принимать решения; стремление к удовлетворению индивидуальных потребностей; высокие способности к сбору, оценке и применению информации. Каждый молодой японец характеризуется независимостью мышления, наличием собственной точки зрения. Молодые японцы не стремятся к большому богатству, легко приспосабливаются к окружающей среде и ее изменениям, предпочитают (**41**) развлечения, не обременяют себя заботами о будущем, деятельны. Распоряжения выполняют, однако избегают работы, которая не нравится; придают значение мнению других людей о себе, к жизни других людей равнодушны. Считают важным вопрос собственного здоровья и личной жизни, не желают зависимости от других людей. Не хотят обременять себя слишком сложными размышлениями, не любят сложной работы. Тяготеют к культуре.

---

[1] Заславская Т. И., Рывкина Р. В. О предмете экономической социологии // Известия Сиб. отд. АН СССР. Сер. «Экономика и прикладная социология». — 1984. — Вып. 1.-С. 15.

[2] Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу // Эмерсон Р. Эссе Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу: пер. с англ. — М., 1986. — С. 408.

В разработке перспективных положений по организации японского общества учитываются как положительные особенности человека нового типа (самоуважение, способность к оперированию информацией, повышенная восприимчивость и конкретизация, терпимость к чужой точке зрения), так и отрицательные (недостаток творческих способностей и активности, отсутствие выдержки и терпения, отказ от необсуждаемого служения долгу, утрата социальных связей, исторических традиций и обычаев).

Чтобы обеспечить правильное развитие японского общества планируются мероприятия, способствующие целенаправленному воспитанию нужных положительных качеств полезного члена общества. Прежде всего выявляются важнейшие факторы развития творческих способностей и активности людей, разрабатываются средства и методы повседневного руководства в новых условиях, обеспечивается гибкость управления.

Так как требования к товарам со стороны покупателей, состоящих из людей нового типа, постоянно меняются, должна измениться и система управления качеством производимых товаров.

Со временем люди нового типа окажутся в большинстве в сфере производства. Например, на фирме «Син ниппон сэйтэцу» уже в последние годы значительно увеличилось количество молодых специалистов, что потребовало изменений организации деятельности фирмы.

У людей нового типа иной взгляд на оплату труда, поэтому должны измениться и система руководства, и система обеспечения качества производимой продукции. Должны быть подготовлены новые стандарты на производственные операции и управление процессами. Следует повышать личную ответственность работников за результаты работы, т.е. усиливать их самоконтроль. В связи с этим уже сейчас изменяется сущность деятельности «кружков качества», в программу которых входят обеспечение качества производства, снижение нарушений производственного процесса, снижение себестоимости, предотвращение неполадок, активизация деятельности на рабочем месте и т.д. Человек нового типа широко использует компьютерную технику, работая в условиях автоматизации производства, поэтому изменение фактора «человек» в системе «человек—машина» непременно окажет воздействие и на фактор «машина». (**42**)

Умение правильно расставить кадры в условиях расширения числа людей нового типа приобретает особенное значение. Необходимо правильно использовать способности и знания человека, грамотно организовать подготовку и обучение кадров; следует не только развивать индивидуальную технику и обучать специальности, но и прививать навыки управления качеством в каждом звене производства и сбыта. Для того чтобы все работники, распределенные по организационным ячейкам, согласованно и эффективно обеспечивали качество конечного продукта, необходимо правильное понимание проблемы и способность выполнить требуемую работу. Это и составляет основу обучения в кружках качества.

Принято считать, что личность есть относительно поздний продукт в общественно-историческом процессе. Одна из первых гипотез об историческом филогенезе личности принадлежит Э.Дюркгейму. Он полагал, что «чем примитивнее общества, тем более сходства между составляющими их индивидами. Уже Гиппократ сказал, что скифы имеют этнический тип и вовсе не имеют личных типов. В.Гумбольдт заметил, что у варварских народов можно скорее найти черты, свойственные орде, чем индивидуальной физиономии. Согласно Э.Дюркгейму, общество с неразвитым разделением труда может быть солидарным преимущественно на основе сходства людей и сильного унифицирующего давления общности на индивида. При этом люди

выступают еще не как отдельные личности, они слиты с общностью. Он предполагал в прошлом такое общество, «где существует только коллективная личность»[1].

Формирование личности, или, как иногда говорят, «личностности», человека — это длительный исторический процесс.

Ключевым событием этого процесса явилось психологическое отделение индивида от той социальной группы, к которой он принадлежал по рождению, характеру деятельности или образу жизни. Для того чтобы это отделение состоялось, необходимы соответствующие социальные условия, характеризующие уровень личностного развития общества. Следовательно, филогенез личности совпадает с движением человеческой истории к цивилизованному способу бытия, культуре и духовности.

Обретение человеком социальной и психологической самостоятельности еще не завершено. Тем не менее в истории человечества есть уникальные случаи расцвета личности — это города-государства Древней Греции, среди которых особенно выделяются Афины. Древняя Греция создала идеал всесторонне развитого человека с гармоничным развитием физических, умственных и моральных черт. (**43**)

О том, что филогенез личности имеет место, а понятие личности в истории культуры сформировалось относительно недавно, говорят разные факты. В произведениях Гомера в характеристиках многочисленных героев и вождей почти обязательным является указание на их род, на то, чьими сыновьями они являлись. И «у римлян слово “persona” употреблялось не иначе как в контексте persona patris, regis, accusatoris (личность отца, царя, обвинителя и т.д.)»[2].

Ю.М.Лотман обратил внимание на то, что в Средневековье «личность как бы сливалась с группой, представляла группу как целое и тем самым прежде всего проявляла социально-типическое поведение». Личностью, т.е. субъектом прав, релевантной единицей других социальных систем (религиозной, моральной, государственной), были разного типа корпоративные организмы. Юридические права или бесправие зависели от вхождения человека в какую-либо группу. В «Русской Правде» штраф назначался за нанесение ущерба не человеку вне социального контекста, а княжескому воину (мужу), купцу, смерду. Чем значительнее была группа, в которую входил человек, тем выше была его личная ценность.

В русской культуре отзвуком «неличностности» человека выступает наличие отчества: было важно, что человек был сыном или дочерью такого-то, а не значим сам по себе. И в наше время признаком неличностности мышления может служить потребность уяснить, прежде всего, социальное положение незнакомого человека, его отношение к той или иной социальной группе, команде.

Филогенез личности имеет две стороны: личностное развитие общества и развитие человеческой индивидуальности. Для личностного развития человека нужны определенные социальные условия, связанные с особым — личностным — аспектом развития общества, которое является социальной средой жизни и роста индивидуальности. В свою очередь общество требует от человека поддержания его ценностей и структур. В ходе этого взаимодействия имеет место процесс социализации, содержание которого задается матрицей культуры: конкретными правилами и образцами поведения и обобщенными ценностями — экономическими, политическими, эстетическими, религиозными и др. Нормы и ценности культуры включаются в структуру личности и начинают играть определенную роль в формировании индивидуальности.

---

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. — М., 1991. — С. 171.
[2] Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М., 1973. — С. 244.

Трагическую картину того, как переплетаются личностные аспекты общества и человеческой индивидуальности, можно видеть в теории невротической личности К.Хорни. В этой теории исходной точкой анализа является «невротическая культура» современного общества, культура, которая «основывается на принципе (44) индивидуального соперничества». Как утверждает К.Хорни, «соперничеством и потенциальной враждебностью, которая ему сопутствует, проникнуты все человеческие отношения. Соревновательность является одним из господствующих факторов в социальных отношениях». <...> Однако соперничество само по себе не является биологически обусловленным, а является результатом данных культурных условий, и, более того, не только семейная ситуация порождает соперничество, но оно стимулируется начиная с колыбели вплоть до могилы»[1].

Социальное в личности не противостоит биологическому глобально. Уже от рождения человек получает такую телесную организацию, в которой изначально запрограммирована возможность широкого социально-деятельного развития. Это означает, что социальная жизнь не создает в каждом поколении и в каждом человеке заново человеческую природу. Она утверждает и развивает социализированные еще в антропогенезе специфически человеческие родовые биологические качества. Именно потому общественное состояние человека выступает как естественное его состояние. Индивид включается в функционирование социальной системы как личность, наделенная определенными природными индивидуальными качествами. Вследствие этого, личность не механический продукт социальной системы. Ее развитие детерминируется как социальной системой, так и особенностями организма.

Филогенез личности можно проследить по изменениям, которые претерпело в истории культуры понятие «характер». Изначально слово «характер» обозначало клеймо, штамп, чекан. Позже слово стало ассоциироваться с животным как носителем определенного человеческого качества. У Геродота оно употребляется при описании черт лица человека. Впервые человеческим характером в архаической поэме Симонида наделяется женщина, как существо примитивное, переходное от животного к человеку. Позднее носителем характера в эпосе выступает отрицательный персонаж, а в драме — раб с уродливой маской. Негативный этический смысл характера раскрывается в книге Феофраста «Характеры».

И только в последние 100—200 лет характер стал восприниматься как одна из сторон личности, имеющая скорее положительный, чем негативный смысл. Впрочем, и в наше время слово «характер» может употребляться в быту с негативной окраской, обозначая непомерную гордость человека, его склонность куражиться, задевать других, показывать свой норов.

По мнению С.О. Ключевского, в России понятие личности начало формироваться во времена Петра I. Это было время, когда люди, в общем, не видели ценности отдельно взятого человека. (45)

Одним из проявлений неразвитости личностного духа служила традиция «местничества», согласно которой положение каждого на общественной лестнице определялось не его личными достоинствами, а древностью и рангом его рода.

«В Москве XVI в. при замещении высших должностей служилыми людьми соображались не с личными качествами назначаемых, а с относительным служебным значением фамилий, к которым они принадлежали, и с генеалогическим положением каждого из них в своей фамилии. Князья Одоевские на службе по одному ведомству вообще ставились выше Бутурлиных: таково было взаимное иерархическое отношение обеих этих фамилий. Значит, каждая родословная фамилия и каждое отдельное лицо

[1] Хорни К. Невротическая личность нашего времени. — М., 1993. — С. 216-217.

такой фамилии занимали определенное и постоянное положение среди других фамилий и отдельных лиц, с которым должны были сообразоваться их должностные назначения и которое, следовательно, не зависело от этих назначений. Иерархическое отношение между сослуживцами не устанавливалось при их назначении на должности по усмотрению назначавшей их власти, а заранее указывалось помимо нее фамильным положением назначаемых. Это фамильное значение лица по отношению к другим лицам как своей собственной, так и чужих фамилий называлось его отечеством. Это значение приобреталось предками и становилось наследственным достоянием всех членов фамилии»[1].

Еще во времена И.С. Тургенева слово «личность» не имело современного смысла и, по свидетельству писателя, относилось к «высокому слогу»[2].

На важные стороны развития личности обращали внимание П.Я.Чаадаев, К.Д.Кавелин, Н.К. Михайловский и другие, доминантой мышления которых была идея личности, утверждавшая себя наперекор духу самоотречения, который веками воспитывался в России властью, религией и всем бытом[3].

По мнению К.Д. Кавелина, решающую роль в филогенезе личности сыграли три фактора: христианство, войны вместе с близкими им формами жизни и право. Христианство открыло в человеке внутренний мир. Оно пробудило духовные силы, стремления и надежды, которые прежде были глубоко скрыты. Это изменило характер истории, и человеческая личность должна была получить великое, святое значение, которого прежде не имела. Так у народов христианского мира возникла мысль о безусловном достоинстве человека и человеческой личности и одна цель: признание достоинства человека и всестороннее его развитие[4]. (**46**)

Влияние войны на филогенез личности К.Д. Кавелин прослеживает посредством сравнительного анализа исторических судеб германских и славянских племен. Глубокое сознание своих сил и своей личности рождают в неразвитом человеке беспрестанная война, частые столкновения с чужеземцами, одиночество между ними, опасности странствования. Он привыкает надеяться и опираться только на самого себя, быть вечно начеку, вечно настороже.

Семейный быт действует противоположным образом. Здесь человек убаюкивается, предается покою и нравственно дремлет. Он доверчив, слаб и беспечен, как дитя. Человек как бы расплывается; его силы, ничем не сосредоточенные, лишаются энергии и распускаются в море близких, мирных отношений. Русско-славянские племена как раз и жили в таких условиях, которые не благоприятствовали появлению глубокого чувства личности. «Семейственный быт и отношения не могли воспитать чувство индивидуальности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всем отличать себя от других. Спокойные, миролюбивые, постоянно живущие на своих местах, они не имели начала личности»[5].

Роль права в филогенезе личности К.Д. Кавелин усматривал в том, что военные дружины германских племен представляли собой добровольные союзы, заключаемые между храбрым вождем и людьми, жаждавшими завоеваний и добычи. В основание этих союзов было положено начало личности. Все отношения германцев запечатлены началом личности и выражались в строгих юридических формах[6].

---

[1] Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. - М., 1988. - Т. 2. - Ч. 2. - С. 137.
[2] Тургенев И. С. Соч.: в 30 т. - М., 1978. - Т. 1. - С. 280.
[3] См.: Секиринский С., Филиппова Т. Родословная российской свободы. — М., 1993. - С. 123.
[4] См. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. — М., 1989. — С. 19.
[5] См. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. — М., 1989. — С. 22.
[6] Там же. — С. 19.

Специальному психологическому исследованию эти вопросы были подвергнуты значительно позже, спустя сто лет, Г.Триандисом, Г.Хофстеде и другими этнопсихологами. Главная предпосылка индивидуализма, по мнению Г. Триандиса, — уровень благосостояния. Г.Хофстеде выявлена значимая связь между долей валового национального продукта на душу населения и выраженностью индивидуализма. Считается, что финансовое благополучие ведет к социальной и психологической независимости. Наиболее состоятельные и образованные слои общества в любой культуре имеют тенденцию быть настроенными более индивидуалистически. Миграции, социальная мобильность и урбанизация также способствуют росту индивидуализма[1].

Интересные данные по проблеме филогенеза личности получены финским историком и психологом П.Ренваллом в исследовании правового положения финна в XVI в. Исследователь сделал (**47**) вывод об отсутствии автономной личности с богатым внутренним миром. «Человек в XVI веке жил главным образом в мире своих восприятий, поэтому он был тесно связан с окружающей его внешней средой, которая определяла содержание этих восприятий. Его внутренний мир, мир его мыслей, был весьма несамостоятельным по сравнению с восприятием внешнего мира. Таким образом, человек скорее был частью того целого, которое он составлял со своим окружением, чем отдельным индивидом, действующим по велению своего внутреннего мира. Сильная социальная связанность, необходимость действовать так, как действовали другие и как было положено действовать, были характерны для человека XVI века»[2].

Таким образом, развитие личности представляет собой взаимодействие таких процессов, как биогенез (эволюция человека в системе природы), социогенез (история общества) и персоногенез (жизненный путь индивидуальности). Даже «образование пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории»[3].

Следует иметь в виду, что нередко вопрос филогенеза личности решается таким образом, что понятие личности слишком привязывается к одной культуре и поэтому отрицается возможность личности в других культурах. Это обнаруживается при исследовании так называемых «традиционных культур».

Употреблению понятия «личность» при описании человека и его роли в культурах народов Африки мешает стереотип: в родовом обществе человек не выделяется из коллектива, и индивид не может считаться полноценной самостоятельной единицей. В основе этого стереотипа лежит убеждение в том, что понятие личности сформировалось лишь в период европейского Ренессанса, и оно несет в себе только такое — индивидуалистическое — содержание.

1.2.2. Движущие силы и условия развития личности. Онтогенез личности

Человеческая личность развивается, естественно, и на протяжении индивидуальной жизни. Развитие является настолько важным атрибутом личности, что считается «основной формой ее существования». Есть теории личности, главной идеей которых выступает принцип развития. Одна из них гласит: «Личность человека — это форма, пребывающая в процессе постоянного изменения. Процесс этот от рождения до смерти — творческий. Личность (**48**) способна ощущать себя как нечто, не имеющее возраста и ничем не ограниченное. Личность, как протекающий во времени процесс,

---

[1] Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. — М., 1999. - С. 51.
[2] Проблемы психологии личности: Советско-финский симпозиум. — М., 1982. - С. 38-46.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. — М., 1955. — Т. 42. — С. 122.

растет, развивается и эволюционирует в виде постоянно меняющегося тела, оставаясь тем не менее для себя неизменно тем же самым. В своем движении Я не имеет возраста, не меняется, устойчиво к разрушениям, вызываемым временем, и в то же время меняется, адаптируется, заново творит себя»[1].

Онтогенез личности, таким образом, представляет собой личностно ориентированное развитие индивидуальной человеческой психики на протяжении всей жизни, включающее возникновение самой личности и ее последовательные трансформации в ходе физических перемен организма и множественных социальных и иных взаимодействий. В ходе онтогенетического развития и жизненного пути человека происходит прогрессирующая индивидуализация организма и личности человека, охватывающая все уровни этого развития.

Почти все психологи, занимающиеся онтогенезом личности, признают возникновение «ядра», которое обозначается то термином «система, то «система Я», то просто Я. Обычно данное событие называют «рождением личности».

Онтогенез личности — это главное направление развития человеческой психики. Развитие человека с самого начала обретает личностный характер. В процессе онтогенеза в психике возникают качественно новые образования, не сводимые к переменам в психических функциях. Эти новые психологические образования представляют собой интегративные системы, в состав которых входят менее сложные функции. Восприятие, память, мышление и другие процессы имеют свою логику развития, достигая уровня: категориального восприятия, логической памяти, речевого мышления и т.д. Высшие функции неотделимы, конечно, от базовых психических функций. Они определяют деятельность человека, взаимоотношения с людьми и отношение к самому себе. Их распад возможен только в результате патологии.

Наряду с такого рода новообразованиями существуют еще более сложные регулятивные системы. К разряду таких систем относится воля. Она не имеет явного коррелята среди элементарных психических функций и включает в свою структуру не только целеобразование, но и такие сложные процессы, как эмоциональная память, произвольное воображение, нравственность и др., определенное сочетание которых дает возможность человеку управлять своим поведением. Такие психологические системы изменяются в процессе жизни, под влиянием приобретаемого опыта и с изменением общей характеристики личности. (**49**)

Л.С. Выготский рассматривал сознание ребенка как сложную систему, имеющую устойчивый характер, но развивающуюся на протяжении жизни. Он показал, что эта системно организованная область психического имеет определенную логику развития. В младенческом возрасте сознание характеризуется недифференцированностью и несамостоятельностью функций, которые находятся в непосредственной зависимости от восприятия; даже эмоции младенца длятся лишь до тех пор, пока вызывающий их раздражитель находится в поле восприятия. Затем в процессе онтогенеза активизируются другие функции: сначала память, потом мышление. Согласно Л.С. Выготскому в ходе онтогенеза изменяется системное строение сознания ребенка.

Продолжая эту линию теоретических рассуждений, Л.И.Божович рассматривала личность человека как относительно устойчивую психологическую систему, только более высокого интегративного уровня, приписывая ей свою логику развития. Основной чертой этого развития является умение вести себя независимо от непосредственно воздействующих обстоятельств (и даже вопреки им), руководствуясь

---

[1] Баррон Ф. Личность как функция проектирования человеком самого себя // Вопросы психологии. — 1990. — № 2. — С. 153—159.

собственными, сознательно поставленными целями. Активный, а не реактивный характер поведения означает, что человек является хозяином и над обстоятельствами, и над самим собой.

Мотивационным механизмом поведения, характерного для созревания личности, является связь целей человека с его высшими чувствами, которые сообщают целям непосредственную побудительную силу. Отсутствие или слабость этих чувств заставляют человека прибегать к волевому самопринуждению. Значимость эмоционального развития в онтогенезе личности объясняется тем, что человек, постоянно сталкивающийся с внутренними конфликтами, отличается нерешительностью, неустойчивостью поведения, неспособностью добиваться сознательно поставленных целей, т. е. отсутствием основополагающих черт, которые характеризуют психологически зрелую личность.

Таким образом, вновь подтверждается идея о том, что единство познавательных и эмоциональных процессов — важный признак формирования личности.

Понятие «персонализация», которое могло быть здесь уместным, уже получило другое значение в когнитивной психотерапии, где оно обозначает разновидность «когнитивных искажений», состоящих в чрезмерной привязке наблюдаемых событий к собственной личности. Персонализация — это склонность интерпретировать события в аспекте личных значений. Процесс персонализации более всего очевиден у пациентов-психотиков. Депрессивный психотик, услышав об эпидемии в далекой стране, упрекал себя в том, что вызвал ее. Женщина, страдающая манией, была убеждена, что все прохожие мужчины в нее влюблены. Пациенты-психотики (**50**) постоянно трактуют события, с ними совершенно не связанные, так, словно сами вызвали эти события или события направлены против них.

Этот процесс следовало бы назвать «персонизацией», т.е. личностным созреванием, ростом.

Процесс формирования личности часто называют социализацией, имея в виду различные трансформации человеческого индивида под влиянием культуры, прежде всего адаптацию к общественным условиям жизни и деятельности, обретение свойств, производных от культуры.

В ходе социализации благодаря обучению, воспитанию, накоплению практического опыта образуется внутренний мир человека, содержательная часть которого — образная и понятийная картина себя, мира внешнего и своего места в нем.

Но это, конечно, не значит, что личность — исключительно социальное явление. Без надлежащей биологической основы, без природных человеческих способностей, прежде всего способности овладения языком, формирование личности невозможно. Все природное в человеке остается с ним и в процессе его социализации, проявляясь во многих потребностях и связанных с ними эмоциях, в темпераменте, способностях, социальных инстинктах. «Все в личности построено на родовой, врожденной основе и вместе с тем все в ней надорганично, условно, т. е. социально», — писал Л.С. Выготский[1], ссылаясь на И.П. Павлова. Природное в человеке предопределяет тот потенциал, который человек приносит с собой в мир, то новое, чего не было до его рождения, и в большой степени обусловливает его уникальную индивидуальность. Это же природное ставит пределы освоению культуры отдельным человеком.

Онтогенез личности не сводится к освоению культуры. Речь идет о развертывании действительно человеческой психики. Каждый отдельный человек благодаря своим природным способностям и помощи других людей овладевает языком

[1] Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1983. — Т. 5. — С. 155.

и прочими богатствами культуры, накопленными обществом. Это не только расширяет его кругозор, но и создает благоприятные возможности для раскрытия потенциала человеческого тела, прежде всего мозга, нервной системы, органов чувств, т.е. всего того, что непосредственно связано с информационными процессами. Формируются почти безграничная память, умение добывать и обрабатывать информацию посредством органов чувств и мышления, социальные навыки, позволяющие осуществлять сложнейшие общественные действия. В результате человек как явление природы становится существом духовным, членом общества; утверждается единство биологического и социального.

Социализация включает также процесс предметного развития личности, содержанием которого служит освоение предметного (**51**) мира, природы, формирование правильного отношения к ним. Отношение человека к природе имеет естественно-биологический и культурно-социальный аспекты. Биологический аспект означает, что человек является «выходцем» из природы и таковым он остается на протяжении всей жизни. Как всякое живое существо, человек включен в естественный кругооборот веществ, который имеет природный механизм саморегуляции.

Культурно-социальный аспект состоит в том, что человек как существо сознательное, обретшее личностный образ жизни, устанавливает и регулирует отношения с природой по своему плану, который соответствует уровню зрелости человека. Отношение людей к предметно-вещественному миру обычно рассматривается как его познание и преобразование, а также адаптация к условиям жизни, которые невозможно изменить на данном уровне развития науки и техники.

Между тем традиционным является и сбережение естественных условий жизни и развития общества. Недооценка этого — сберегающего — аспекта в отношении человека к природе в условиях, когда наука и техника дали человеку огромную силу, становится угрожающей. Это значит, что предметное направление социализации личности отстает от других направлений человеческого прогресса. Социализация личности игнорирует факт, что природа как общий источник жизненных ресурсов для нынешних и будущих поколений объективно включена в систему общественных отношений, что использование этих ресурсов одними людьми затрагивает интересы других, поэтому является значимой формой социального поведения.

Таким образом, социализация личности в современных условиях должна осуществляться с учетом экологических закономерностей. От принципа «антропоцентризма»[1] следует переходить к «экоцентризму». «Антропоцентризм» — это вера в «человеческую исключительность», в то, что человек, подчиняясь законам культурного наследования, живет в социальной, а не природной среде. «Экоцентризм», который должен прийти на смену высокомерному «антропоцентризму», базируется на убеждении в том, что высшей ценностью являются гармония отношений между человеком и природой, ответственность людей за состояние природы и тем самым за будущее человечества.

Важные идеи о способе, каким социальные факторы влияют на развитие личности, содержатся у П.Жане и Л.С. Выготского. Они полагали, что всякая высшая психическая функция в своем развитии проходит через внешнюю стадию, первоначально являясь социальной функцией. В развитии ребенка она появляется дважды: (**52**) вначале — в социальном плане, потом — в психологическом (вначале между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая). Эти положения легли в основу концепции социогенеза высших психических функций и, следовательно, личности.

---

[1] Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. — Ростов н/Д, 1996. - С. 8-13.

В содержании социализации выделяют три составляющие: индивидуализацию, интимизацию и производство внутреннего плана сознания (интериоризацию).

Индивидуализация отражает основной генетический закон культурного развития — движение от интерпсихического (коллективной деятельности ребенка) — к индивидуальному, к психологическим формам деятельности. Этот процесс хорошо прослеживается на превращении внешней социальной речи, «речи для других» — во внутреннюю речь, «речь для себя».

Интимизация — это переход от Мы к Я, т. е. процесс образования самосознания личности. По мнению С.Л. Рубинштейна, этот процесс осознания детьми своего Я проявляется в переходе от называния себя 2-летними детьми в третьем лице, т. е. так, как их зовут другие люди, к форме первого лица — Я.

Интериоризация — это производство внутреннего плана сознания[1].

Динамика онтогенеза личности и его результаты находят свое отражение не только во внутренних психологических и поведенческих переменах, но и в общественном мнении, социальных оценках, которые имеют религиозное, традиционное или юридическое оформление.

На очень ранних стадиях человеческой истории сложились обряды инициации. Как писал французский социолог Э. Дюркгейм, «обряд инициации имеет место в тот момент, когда воспитание завершено; обычно он даже закрывает последний период, когда старики заканчивают обучение молодого человека, раскрывая для него тайну наиболее фундаментальных верований и священных ритуалов племени. Как только этот обряд совершен, индивид, который прошел через него, занимает место в обществе; он покидает женщин, среди которых прошло все его детство; отныне он занимает четко определенное место среди воинов; одновременно он обретает сознание принадлежности к своему полу и связанных с ним прав и обязанностей. Теперь он стал человеком и гражданином. И у всех подобных народов существует повсеместно распространенное верование, согласно которому инициируемый, благодаря самому факту инициации, становится совершенно новым человеком; он меняет личность, получает новое имя, а известно, что имя здесь рассматривается не как простой вербальный (53) знак, но как существенный элемент личности. Инициация рассматривается как второе рождение. Эту трансформацию первобытный ум представляет себе символически, воображая, что некий духовный принцип и нечто вроде новой души воплотились в индивиде. Но если убрать из этого верования мифические формы, в которые оно облечено, то не находим ли мы за символом смутно угадываемую идею о том, что воспитание имеет своим результатом создание в человеке нового существа? Это социальное существо»[2].

Онтогенез личности в одном из своих измерений представляется как социальный рост, в ходе которого человек осознает свое Я разросшимся до масштабов некоторой социальной целостности, которая становится как бы его собственным организмом. При этом для разных людей предельной целостностью, с которой они «отождествляются», выступают разные общности: семья, круг близких друзей, трудовой коллектив, нация, страна, человечество. Соответственно можно говорить о разной масштабности личности[3]. Некоторые из подобных групповых идентификаций личности являются ограничивающими, а некоторые и ущербными, как, например, идентификация с преступной или иной группой, которая находится в жесткой конфронтации с другими группами.

Согласно такому подходу развитие растущего человека является социально

---

[1] См.: Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. — М., 1984. - С. 45.
[2] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М., 1995. — С. 257-258.
[3] См.: Габай Т. В. Педагогическая психология. — М., 1995. — С. 153.

направленным процессом. Отдельными звеньями этого процесса можно рассматривать приобретение знаний и умений, благоприятное эмоциональное развитие, приобщение к чувству ответственности, включающей в себя уважение к правам других, что необходимо в любом жизнеспособном обществе. Содержанием онтогенеза является также развитие самосознания (рефлексия, самооценка), ролевого поведения, уверенности в реализации своих возможностей, осознания себя самостоятельным членом общества, интернализация социальных норм.

Каждая ступень личностного становления имеет свой результат — определенную форму социальности человека — ту или иную позицию по отношению к обществу. Д.И. Фельдштейн, автор книги «Психология развития личности в онтогенезе» (1989) выделяет в онтогенезе личности две основные социальные позиции: «Я в обществе» и «Я и общество». Первая характеризуется стремлением ребенка понять свое Я и свои возможности. Эта задача решается развитием предметной формы активности. Ребенок овладевает социальным опытом, осваивая орудия, знаки, символы и связанные с ними действия. Выработка способов (54) обращения с предметами, оценка своих действий, умение присматриваться к себе, примерять себя к окружающему миру связаны с утверждением позиции «Я среди других» — «Я в обществе». Эта позиция, по Д.И. Фельдштейну, особенно активно складывается у человека в периоды с 1 года до 3 лет, с 6 до 9 лет и с 15 до 17 лет. Как раз в эти периоды актуализируется предметно-практическая сторона деятельности.

Становление второй позиции («Я и общество») связано с усвоением норм общения и процессом индивидуализации. Ребенок стремится проявить себя, выделить свое Я, получить от других признание самостоятельности, занять активное место в разнообразных отношениях, где его Я выступает наравне с другими, что обеспечивает развитие нового уровня самосознания себя в обществе, социально ответственного самоопределения. Позиция «Я и общество» активно формируется с 3 до 6 лет и с 10 до 15 лет. Это связано с интенсивным усвоением норм общения.

В онтогенезе имеет место обогащение содержания социальных позиций детей. «Я в обществе» для годовалого ребенка значит, что он воспринимает факт наличия других людей. У 6-летнего ребенка подобная позиция содержит видение себя в кругу конкретных людей, стремление походить на них. Если решение вопроса «Я и общество» 3-летним ребенком указывает на выделение своего Я среди других людей, то 10-летний человек уже осознает общество как социальную организацию.

Для детей 1,5 лет уже характерна социальная категоризация, т.е. разделение сверстников в ситуации парных игр на группы Мы и Они, а внутри группы Мы — на Я и Другой. Двухлетний ребенок обладает системой социальных навыков и позиций, которую потом он использует в отношениях с людьми. Дети этого возраста уже чередуют роли — за себя и за другого, что позволяет им более четко выделить границы собственного Я от Другого. Движение в данном направлении приводит 3-летнего ребенка к осознанию наличия своего Я, создавая новую позицию «Я и общество». К 6 годам у детей отчетливо проявляется способность ставить себя на место другого человека и видеть вещи с его позиции, учитывая не только свою, но и чужую точку зрения.

Подростковый период онтогенеза личности определенным образом дифференцируется: в это время могут проявляться такие линии развития человека, как: гуманистическая; эгоистическая; депрессивная; суицидальная.

Гуманистическая линия развития личности характерна положительным отношением к себе и обществу. Она имеет два варианта: альтруистический и индивидуалистический. Альтруистический вариант гуманистической направленности — это преобладание интереса к другим людям или к социальной общности, готовности

жертвовать собственными интересами для блага всех. Альтруизм (55) личности на этой стадии может принимать патогенный, депрессивный характер.

Индивидуалистический вариант гуманистической направленности личности — это ориентация «на себя» и «для себя». Наиболее важным для подростка в этом случае является он сам и его проблемы. Утверждение своего Я, признание другими его уникальности становится и ценностью, и целью человека.

Эгоистическая направленность означает, что для подростка другие люди, социальные интересы и дела являются предметом отрицательного отношения, в то время как себя он оценивает всегда положительно.

Депрессивная направленность личности свидетельствует о том, что подросток обесценивает свое Я и систему своих дел, сохраняя в целом условно положительное или нейтральное отношение к другим людям.

Суицидальная направленность характеризуется обесцениванием и себя, и общества («жизнь не имеет смысла»).

Психологическое содержание развития личности, ее специфика, согласно Д.И.Фельдштейну, представлены на каждом из уровней (стадий) подросткового возраста различным образом[1].

Так, для первого уровня, условно названного локально-капризным (соответствующего возрасту от 0 до 11 лет), характерны: стремление младшего подростка отстоять свое право «быть как взрослый», участвовать в различных делах реально и наравне с взрослыми, добиваться любым доступным способом признания своей взрослости.

Второй — правозначимый — уровень развития (условно средний подростковый возраст, от 12 до 13 лет) имеет свои особенности. Подросток на этой стадии развития личностно ориентирован на потребность в общественном признании. При этом для него важно переживание неудовлетворенности своим участием в системе реальных дел, которое и становится условием активизации потребности ребенка в освоении его гражданских прав в системе отношений с близкими и другими значимыми для него людьми.

Третий уровень развития — утверждающе-действенный (свойственный возрастному периоду от 14 до 15—16 лет) — связан с резким ростом потребности применить освоенный подростком круг возможностей (способности, качества), что вызвано осознанием его места среди людей, актуализацией потребности в самоопределении, самоутверждении. Подросток стремится реализовать свою социальную зрелость на доступном для него уровне возможностей, в котором интегрально представлен образ его Я. Это (56) означает, что для 14— 16-летнего ребенка такая черта, как социальная ответственность, приобретает все признаки нового психического образования.

Благодаря этому многослойные отношения личности подростка, развивающего в этот период их глубоко рефлективные уровни, приобретают ориентацию особого рода, для которой характерна общая тенденция — стремление реально проявлять свое Я, соответствуя ценностям и целям общества.

1.2.3. Периодизация развития личности

Развитие личности не является монотонным однообразным процессом формирования все новых и новых качеств или последовательного освобождения от недостатков. Онтогенез личности, как показано многочисленными исследованиями,

[1] Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе. — М., 1989. — С. 130.

разбивается на ряд периодов, каждый из которых связан с решением специфического круга задач личностного развития.

Вопросами периодизации развития личности занимались психологи, относящиеся к различным школам и направлениям: 3. Фрейд, Ж. Пиаже, Л.С.Выготский, Д. Б. Эльконин, А.Гезел, Э.Шпрангер, Ш.Бюллер, К. Левин и многие другие. Чаще всего в основе той или иной периодизации персоногенеза лежат соответствующая теория личности, гипотеза относительно продолжительности процесса становления личности и, естественно, определенная исследовательская методика. Поскольку теорий личности много, а методических приемов еще больше, то количество периодизаций не поддается учету.

Остановимся на концепции полного жизненного цикла Э. Эриксона, поскольку она выходит за пределы детской психологии и затрагивает самые разные стороны восхождения человека на более высокие уровни своей жизни, и личностные проблемы, которые решаются им в этом процессе.

Э. Эриксон утверждал, что становление личности не заканчивается в подростковом возрасте, оно продолжается в течение всей жизни человека.

Э. Эриксон выдвинул на первый план в структуре личности инстанцию Я и представил развитие как развитие Я, в ходе которого индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и социальной среде. Стержневым процессом развития личности явилась динамика «эго-идентичности» — чувства устойчивости и непрерывности своего Я, несмотря на происходящие изменения. Формирование эго-идентичности, или целостности личности (развитие Эго), продолжается на протяжении всей жизни. Этот процесс подчиняется эпигенетическому принципу (эпигенез), который противостоит «преформизму» и гласит: развитие индивида

совершается ступенчато в инвариантной последовательности, в связи с жизнью общества и независимо от генетического кода.

В концепции Э. Эриксона Эго, являющееся комплексом мотиваций и эмоций, достаточно независимо от Ид. Эго — сильная инстанция, служащая для улучшения внутреннего состояния и более эффективного приспособления к окружающему миру. Э. Эриксон придерживался позитивного взгляда на личность, наделял Эго организационными и синтезирующими функциями, которые помогают людям преодолевать жизненные трудности, порождаемые внешней средой. Психология Эго затрагивает такие процессы, как проверка, анализ, объяснение и изменение.

Концепция развития личности Э. Эриксона построена на основе гипотезы о существовании восьми ступеней развития Эго. Первые четыре очень близки к тем, которые выделял 3. Фрейд: оральная, анальная, фаллическая и латентная стадии развития. Однако Э. Эриксон меньше внимания уделял сексуальным факторам развития личности на этих стадиях, сосредоточиваясь на социальных. Он предпринял попытку связать индивидуальное психическое развитие с влиянием культуры.

Каждой стадии развития Эго присущи свои собственные параметры, принимающие положительные и отрицательные значения. Для каждой стадии характерна специфическая задача, которую решает человек, чтобы подняться на очередную стадию своего духовного роста. Решение задачи зависит и от достигнутого психосоциального уровня индивида, и от общей духовной атмосферы семьи и общества.

Решение каждой из этих задач приводит к определенному динамическому равновесию между крайними полюсами. Достигаемое на очередной стадии равновесие знаменует приобретение новой формы эгоидентичности и открывает возможность включения субъекта в более широкое социальное окружение. Переход от одной формы эгоидентичности к другой вызывает кризисы идентичности, которые представляют

собой «поворотные пункты», «выбор между прогрессом и регрессом».

Первая стадия развития человека обычно охватывает первый год жизни. Ее задача — формирование базового доверия к миру, важного параметра социального взаимодействия, отрицательным полюсом которого является недоверие.

Степень доверия, которым ребенок проникается к окружающему миру, к другим людям и к самому себе, зависит от той заботы, которую он получает. Младенец, потребности которого быстро удовлетворяются, с которым играют и разговаривают, чувствует, что мир, в общем, место уютное, а люди — отзывчивые и добрые. Признаки социального доверия у младенца проявляются в легком кормлении, глубоком сне, нормальной работе пищеварительной системы. К первым социальным достижениям, (**58**) согласно Э. Эриксону, относится также готовность ребенка позволить матери исчезнуть из виду без чрезмерной тревожности или гнева, так как он внутренне уверен в ее существовании, и ее новое появление для него предсказуемо. Именно это постоянство, непрерывность и тождественность жизненного опыта формируют у маленького ребенка зачаточное чувство собственной идентичности.

Степень веры и надежды, вынесенных из первого жизненного опыта, определяется материнской любовью и нежностью, проявляющихся в заботе о ребенке и качестве ухода за ним. «Матери вызывают чувство доверия у своих детей такого рода исполнением своих обязанностей, которое сочетает в себе чуткую заботу об индивидуальных потребностях малыша с непоколебимым чувством верности ему в рамках того жизненного стиля, который существует в ее культуре», — подчеркивал Э. Эриксон[1].

В разных культурах обнаружены разные «схемы доверия» и традиции ухода за ребенком. В одних культурах мать проявляет нежность очень эмоционально, кормит младенца всегда, когда он плачет или капризничает, не пеленает его. В других культурах, напротив, принято туго пеленать, давать ребенку покричать и поплакать, «чтобы его легкие были сильнее». Последний способ ухода за детьми, по мнению Э. Эриксона, характерен для русской культуры.

Если же ребенок не находит должной заботы, не встречает любви, то в нем вырабатываются недоверие, боязливость и подозрительность по отношению к миру вообще и к людям прежде всего. Это недоверие ребенок несет в другие стадии развития.

Однако здоровая личность — это не полная доверчивость. Слишком доверчивый человек был бы наивным и легко ранимым. Некоторое недоверие (осторожность) является полезным, потому что, как известно, существуют опасные, злонамеренные люди.

Результат решения первой жизненной задачи не является окончательным; задача о доверии возникает заново на каждой последующей стадии развития. Ребенок, который приходит в школу чрезмерно настороженным, может проникнуться доверием под влиянием справедливого отношения учительницы, преодолеть первоначальную недоверчивость. Возможно и нечто противоположное: доверчивый ребенок может проникнуться недоверием к людям на последующих стадиях развития, если, например, взаимоотношения родителей создают обстановку взаимных обвинений и скандалов.

Вторая стадия охватывает второй и третий годы жизни. У ребенка формируется самостоятельность на основе развития моторных и познавательных способностей. Самостоятельность начинает (**59**) проявляться с того момента, как ребенок начинает ходить. На той стадии решается задача отстаивания ребенком своей автономии и независимости. Придается особое значение приучению ребенка к опрятности. Борьба

[1] Эриксон Э.Г. Детство и общество. — СПб., 1996. — С. 349.

за «сфинктерный контроль» в результате общественной значимости преобразуется в борьбу за овладение своими двигательными возможностями, утверждение своего нового, автономного Я. Чувство самостоятельности и самоконтроля у детей появляется при условии, что родители твердо и последовательно направляют их поведение. У детей развиваются гордость за свои достижения и положительное отношение к окружающим. На этой ступени положительным результатом будет формирование воли, умения разобраться в ситуации и принимать правильное решение.

Ребенок осваивает различные движения, учится ходить, лазать, открывать и закрывать, толкать и тянуть, брать и держать, отпускать и бросать. Он наслаждается своими новыми умениями и стремится все делать сам. Если родители позволяют ребенку делать то, что он умеет, не торопят его, то он чувствует, что владеет своим телом, самим собой и в значительной мере своей средой; у него появляется самостоятельность.

Важно сохранить это чувство, поскольку родители должны ограничивать растущие желания ребенка требовать, присваивать, разрушать, когда он проверяет силу своих новых возможностей. Внешняя твердость предохраняет ребенка от потенциальной анархии нетренированного чувства различения добра и зла и неспособности быть осторожным. Эти ограничения, в свою очередь, создают основу для негативного чувства стыда и сомнения.

Если взрослые проявляют нетерпение и спешат сделать за ребенка то, на что он уже способен, у него развивается стыдливость и нерешительность. Если родители постоянно и неразумно бранят ребенка за его неудачи (мокрая постель, запачканные штанишки, разбитая чашка или пролитое молоко), у него закрепляется чувство стыда перед людьми и неуверенность в своей способности управлять собой и окружением.

Появление чувства стыда связывается с возникновением самосознания. Стыд предполагает, что субъект выставлен на общее обозрение. «Тот, кто переживает стыд, хотел бы заставить весь мир не смотреть на него, не замечать его “наготы”, — писал Э.Эриксон. — Он хотел бы ослепить весь мир. Или же, напротив, он сам желает стать невидимым». Наказания и пристыживания ребенка за плохие поступки приводят к ощущению того, что «глаза мира смотрят на него». Поэтому социальное неодобрение его поступков формирует у ребенка «внутренние глаза мира» — стыд за свои ошибки[1]. (**60**)

Борьба чувства независимости против стыда и сомнения приводит к установлению соотношения между способностью сотрудничать с другими людьми и настаивать на своем, между свободой самовыражения и ее ограничением. В конце стадии складывается подвижное равновесие между этими противоположностями. Оно будет положительным, если родители и близкие взрослые не будут, управляя ребенком чрезмерно, подавлять его стремление к автономии. «Из чувства самоконтроля при сохранении положительной самооценки происходит устойчивое чувство доброжелательности и гордости; из чувства утраты самоконтроля и чужеродного внешнего контроля рождается устойчивая склонность к сомнению и стыду», — подчеркивал Э. Эриксон[2].

Личности, у которых чувство контроля своей жизни развилось позже, имеют склонность к поддержанию узаконенных институтов. В них они видят сохранение своей свободы, независимости и чувства собственного достоинства.

Третья стадия приходится на возраст от 4 до 5 лет. Развитие на этой стадии развертывается в пространстве между чувством вины на одном полюсе и

---

[1] Э. Эриксон. Детство и общество. — СПб., 1996. — С. 354.
[2] Э. Эриксон. Идентичность: юность и кризис. — М., 1996. — С. 119.

предприимчивостью — на другом. Дошкольник уже приобрел множество физических и психических навыков, многому научился. Он начинает сам придумывать себе занятия. Изобретательность проявляет себя и в речи, и в способности фантазировать. От того, как в этой стадии реагируют родители на затеи ребенка, во многом зависит, какое из этих качеств перевесит в его характере. Дети, которым предоставлена инициатива в выборе деятельности, которые по своему желанию бегают, возятся, катаются на велосипеде, санках, коньках, становятся предприимчивыми. Готовность родителей отвечать на вопросы, терпение относительно фантазирования и затеваемых игр закрепляют интеллектуальную предприимчивость ребенка. От родителей требуется определенное мужество, так как ребенок перемещается слишком энергично, агрессивно нападает, уничтожает разные вещи, шумит, донимает взрослых своим любопытством. Но если оказывается, что подвижность вредна и нежелательна, вопросы — назойливы, а игры бестолковы, ребенок чувствует себя виноватым и уносит это чувство в последующие стадии жизни.

Ребенок активно познает окружающий мир; создавая воображаемые ситуации, ребенок совместно со сверстниками осваивает «экономический этос культуры», т.е. систему отношений между людьми в процессе производства. В результате этого у ребенка формируется желание включиться в реальную совместную с взрослыми деятельность, выйти из роли маленького. Но взрослые остаются для ребенка всемогущими, они могут пристыживать и наказывать. В этом клубке противоречий должны сформироваться качества (**61**) активной предприимчивости и инициативы. Чувство инициативности, по мнению Э. Эриксона, имеет всеобщий характер.

Э. Эриксон писал, что само слово инициативность для многих людей несет в себе американский, предпринимательский оттенок, но инициативность является аспектом любого действия и необходима людям во всем, чем они занимаются и чему учатся начиная от собирания плодов и кончая системой свободного предпринимательства.

Агрессивное поведение ребенка неизбежно влечет за собой ограничение инициативы и появление чувства вины и тревожности. Так, по Э. Эриксону, закладываются новые внутренние инстанции поведения — совесть и моральная ответственность за свои мысли и действия. Именно на этой стадии развития, как ни на какой другой, ребенок готов быстро и жадно учиться. Он может и хочет совместно действовать, объединяться с другими детьми с целью конструировать и планировать. Ребенок стремится извлекать пользу от общения со своим учителем и готов превзойти любой идеальный прототип.

Четвертая стадия — возраст от 6 до 11 лет — охватывает годы начальной школы. Эта стадия характеризуется умелостью, с одной стороны, и чувством неполноценности, с другой. Э. Эриксон охарактеризовал эту стадию как время «психосексуального моратория», когда инфантильная сексуальность пребывает в дремлющем состоянии. Это способствует тому, чтобы будущий взрослый человек научился техническим и социальным основам деятельности. На этой стадии ребенок может сформировать любовь к учению.

У ребенка развивается способность к дедукции, организованным играм и регламентированным занятиям. Теперь дети учатся играть в игры, где надо соблюдать очередность. В этот период у ребенка обостряется интерес к тому, как устроены вещи, как их можно приспособить к чему-нибудь. Когда детей поощряют мастерить, строить разные модели, варить и рукодельничать, когда им разрешают довести начатое дело до конца, хвалят и награждают за результаты, тогда у них вырабатывается умелость и техническое творчество. Напротив, родители, которые видят в трудовой деятельности детей одно «баловство» и «пачкотню», способствуют развитию у них чувства

неполноценности.

Пребывание ребенка в школе и отношение, которое он там встречает, оказывает большое влияние на его психику. Ребенок, не отличающийся сметливостью, может быть травмирован школой, даже если его усердие и поощряется дома. Непрерывное отставание в классе развивает у него чувство неполноценности. В этом случае ребенок переживает отчаяние от того, что у него не получается овладеть орудиями труда, и ощущает себя обреченным на посредственность. (**62**)

Зато ребенок, склонность которого мастерить что-нибудь заглохла из-за вечных насмешек дома, может оживить ее в школе благодаря советам и помощи чуткого и опытного учителя. Таким образом, развитие этого параметра зависит не только от родителей, но и от отношения к занятиям ребенка других взрослых. На каждой стадии развивающийся ребенок должен приходить к жизненно важному для него чувству собственной состоятельности, и его не удовлетворяет безответственная похвала или снисходительное одобрение.

Пятая стадия (12—18 лет) — стадия идентификация личности; путаница ролей. Эта стадия в развитии личности характеризуется самым глубоким кризисом. Детство подходит к концу. Наступает время формирования первой цельной формы эгоидентичности.

При переходе в эту стадию подросток созревает физиологически и психически, у него развиваются новые взгляды на вещи, новый подход к жизни. Важное место в его психике занимает интерес к мыслям других людей, к тому, что они о себе думают.

Перед подростком встает задача психосоциальной идентификации. Он озабочен такими вопросами: «Как я выгляжу в глазах других?», «Что я собой представляю?» Ему необходимо найти свое профессиональное призвание, отвечающее индивидуальным способностям, приобретенным умениям и требованиям общества. Он занят тем, чтобы объединить все, что он знает о себе самом как о школьнике, сыне, спортсмене, друге и т.д. Все эти роли он должен собрать в единое целое, осмыслить его, связать с прошлым и спроецировать в будущее. Если молодой человек успешно справится с этой задачей, то у него появится ощущение того, кто он есть, где находится и куда идет. Это значит, что идентификация, т.е. осознание собственной индивидуальности, состоялась. Социальное доверие к миру, самостоятельность, инициативность, освоенные умения создали новую целостность личности.

Это трудная задача. Поэтому подготовка к всесторонней психосоциальной идентификации в подростковом возрасте должна начинаться с момента рождения. Юношеский возраст — наиболее важный период развития, на который приходится основной кризис идентичности. За ним следует либо обретение «взрослой идентичности», либо задержка в развитии, т. е. «диффузия идентичности».

Если из-за неудачного детства или тяжелого быта подросток не может решить задачу идентификации и определить свое Я, то он начинает проявлять симптомы путаницы ролей и неуверенность в понимании того, кто он такой, к какой среде принадлежит. Такая путаница нередко наблюдается у малолетних преступников. Девочки, проявляющие в подростковом возрасте распущенность, очень часто обладают фрагментарным представлением о своей (**63**) личности и свои беспорядочные половые связи не соотносят ни со своим интеллектуальным уровнем, ни с системой ценностей. В некоторых случаях молодежь стремится к «негативной идентификации», т.е. отождествляет свое Я с образом, противоположным тому, который хотели бы видеть родители и друзья.

Наиболее трудной частью жизни является, по Э. Эриксону, неспособность к профессиональной идентификации. Хотя существует огромная потребность в установлении собственных целей и принципов, дающих смысл и целенаправленность

жизни, многие подростки испытывают особые трудности в правильности своего выбора.

Непреодоленный кризис ведет к состоянию диффузии идентичности, составляет основу социальной патологии юношеского возраста. Признаки патологии идентичности: регрессия к инфантильному уровню и желание как можно дольше отсрочить обретение взрослости; смутное, но устойчивое состояние тревоги; чувство изоляции и опустошенности; постоянное пребывание в состоянии ожидания чего-то такого, что сможет изменить жизнь; страх перед личным общением и неспособность эмоционально воздействовать на лиц другого пола; враждебность и презрение ко всем признанным общественным ролям вплоть до мужских и женских.

Шестая стадия жизненного цикла (конец юности — начало среднего возраста) — период ухаживания и ранние годы семейной жизни. Содержание данной стадии — поиск спутника жизни, желание тесного сотрудничества с другими, стремление к близким дружеским связям с членами своей социальной группы. Стадия названа Э. Эриксоном «близость и одиночество», потому что она заключена между положительным полюсом близости и отрицательным — одиночества. Близость — это способность заботиться о другом человеке и делиться с ним всем существенным без боязни потерять при этом себя. Это понятие связано с сексуальным влечением, но распространяется и на дружбу. С близостью дело обстоит так же, как с идентификацией: успех или провал на этой стадии зависит лишь от того, насколько успешно пройдены предыдущие стадии. Но если ни в браке, ни в дружбе человек не достигает близости, тогда, по мнению Э. Эриксона, уделом его становится одиночество — состояние, в котором не с кем разделить свою жизнь и не о ком заботиться.

Седьмая стадия — зрелый возраст, т. е. период, когда дети стали подростками, а родители прочно связали себя с определенным родом занятий. На этой стадии появляется новый параметр личности с общечеловечностью на одном конце шкалы и само- поглощенностью на другом. Общечеловечностью Э. Эриксон называет способность человека интересоваться судьбами людей за пределами семейного круга, задумываться над жизнью грядущих (**64**) поколений, формами общества и устройством будущего мира. Интерес к новым поколениям не обязательно связан с наличием собственных детей — он может существовать у каждого, кто активно заботится о том, чтобы в будущем людям легче жилось и работалось. У кого это чувство сопричастности человечеству не выработалось — сосредоточивается на самом себе и главной его заботой становится удовлетворение своих потребностей и собственный комфорт.

На восьмую (последнюю) стадию в классификации Э. Эриксона приходится период, когда основная работа жизни закончилась и наступает время размышлений и забав с внуками. Психосоциальный параметр этого периода заключен между цельностью и безнадежностью. Ощущение цельности, осмысленности жизни возникает у того, кто, оглядываясь на прожитое, ощущает удовлетворение. В человеке, который проявлял заботу о людях и социальных ценностях, который адаптировался к успехам и разочарованиям, свойственным жизни, постепенно созревает плод всех предшествующих семи стадий — целостность личности. В результате возникает мудрость, которую Э. Эриксон определял как отстраненный интерес к жизни перед лицом смерти. Мудрый индеец, истинный джентльмен и добросовестный крестьянин в полной мере разделяют это итоговое состояние личностной целостности.

Тот человек, которому прожитая жизнь представляется цепью упущенных возможностей и досадных промахов, осознает, что начинать все сначала уже поздно и упущенного не вернуть. Человека охватывает отчаяние при мысли о том, как могла бы сложиться, но не сложилась его жизнь, отчаяние оттого, что слишком мало осталось

времени, чтобы начать жизнь сначала и по- новому. Отсутствие личностной интеграции ведет к страху смерти.

Таким образом, Э. Эриксон предпринял попытку связать индивидуальное психическое развитие с культурным влиянием. Он показал, как в результате борьбы положительных и отрицательных тенденций в решении основных задач на протяжении эпигенеза формируются основные добродетели человека. Самая человеческая способность человека — это его идентификация себя как отдельной личности, существующей непрерывно в прошлом, настоящем и будущем, личности, которая планирует и строит свою судьбу на основе свободного волеизъявления. Осознание собственной личности является результатом постоянно развивающегося интегративного процесса. Э. Эриксон оптимистично полагал, что основное стремление в разрешении кризиса лежит в движении к утверждению индивидуальности. Позитивное разрешение каждого кризиса укрепляет Эго, а негативное — ослабляет.

Описание Э. Эриксоном процесса развития личности на протяжении жизни человека не отвечает на все вопросы и является (**65**) несколько односторонним. Тем не менее в ней последовательно проводится мысль об управлении своим развитием и об ответственности за преодоление возрастных кризисов жизни и извлечении положительного опыта.

1.3. Структура личности

1.3.1. Принципы построения личностных структур

Структура (строение) — это совокупность устойчивых связей между компонентами сложного объекта, обеспечивающих его целостность и стабильность.

В психологии понятие «структура» имеет два смысла. Структурами нередко называют более или менее стабильные психические образования, которые инициируют и регулируют поведение. По оценке Р.Мейли, «...понятие “структура” предполагает, что многочисленные и всегда разные проявления личности детерминированы более стабильной структурой, составляющей их основу. Большая часть определений личности является фактически попытками уточнить сущность этой структуры»[1]. Навыки, свойства личности — все, что стоит «за поведением», может быть названо структурами. Близкими по смыслу являются иногда употребляемые понятия «инстанции» (З. Фрейд), «аппараты» (психофизиологи), «функциональные органы», «органы действия» (А. Н. Леонтьев), диспозиции. С психофизиологической точки зрения эти психологические структуры представляют собой соответствующие формы деятельности мозга, например «условные рефлексы» или «функциональные системы» (П. К.Анохин).

Второй смысл слова «структура» предполагает рассмотрение личности или ее свойств как системы. Близки по смыслу понятия — «конфигурация», «гештальт», «организация» и, конечно, «система». Внедрению структурного подхода в анализ различных психических явлений во многом способствовала гештальтпсихология. В последующем понятие структуры будет употребляться в этом (втором) смысле.

Проблема структуры, природа ее организации и влияния на функционирование индивидуума являются ключевым компонентом во всех теориях личности. Многие известные теории личности базируются на структурных концепциях, которые раскрывают взаимосвязи различных функций и свойств, т.е. относительно неизменных

---

[1] Мейли Р. Структура личности // Экспериментальная психология: в 6 т. / под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. — М., 1975. — Т. 5. — С. 198.

характеристик человека. Любой подход к личности, если он претендует на полезность, должен так или иначе отвечать на (**66**) вопрос о том, каким образом обеспечиваются относительно стабильные аспекты поведения. Этот вопрос является важным даже в тех теориях, в которых в личности рассматривается процесс непрерывного самоизменения, развития.

Структурный подход к личности является результатом преодоления концепции изолированных свойств, представлявшей личность как сумму определенных черт. На основе определения того или иного психического свойства выдвигалось требование создания как можно более адекватного тестового инструментария. По мере того, как осознавалось, что то или иное свойство может быть понято лишь в связи со всеми другими свойствами, утверждались идеи о структуре личности.

Если личность понимается как сочетание свойств, то неизбежно встает вопрос о способе этого сочетания, т.е. структуре. Таким образом, рассматривая структуру личности, отвечают на два основных вопроса: что представляют собой основные стабильные элементы личности и каким образом они связаны между собой.

Правда, в ряде случаев понятие структуры личности не несет какого-либо специфического содержания, являясь антонимом таких терминов, как «функция», «процесс» или «поведение». Даже Г. Айзенк, книга которого имеет авторское название «Структура человеческой личности», с понятием структуры личности обращается достаточно свободно, вводя основные личностные свойства (темперамент, характер, интеллект). Структурный подход к личности, по идее этого психолога, должен преодолеть крайности двух типов личностных теорий: бихевиористских и психодинамических. В качестве примера бихевиорального определения личности Г.Айзенк цитирует Дж. Уотсона, который утверждал, что личность — это сумма деятельностей, которая может быть обнаружена при наблюдении реального поведения. Психодинамическое представление о личности, которое здесь же приводит Г. Айзенк, таково: «Личность — это общая сумма врожденных биологических диспозиций, инстинктов, влечений и приобретенных склонностей и черт индивида»[1]. Собственный подход Г. Айзенка к структуре личности опирается на две концепции: теорию черт и теорию типов[2].

А.Н.Леонтьев считал, что на определенном уровне развития психологии проблема структуры личности становится главной. Структурным подходом к личности он называл «представление о характеризующем личность соотношении сознательного и бессознательного, развитое З. Фрейдом. Выделенное им «либидо» представляет собой не только биоэнергетический источник активности, но и особую инстанцию в личности — Оно (id), противостоящую Я (ego) и сверх-Я (super-ego); генетические и функциональные (**67**) связи между этими инстанциями, осуществляемые посредством специальных механизмов (вытеснения, цензуры, символизации, сублимации), и образуют структуру личности»[3].

Структурный подход все больше распространялся на область персонологии. Обособленное изучение психических процессов и индивидуальных психических характеристик преодолевалось постепенно, что сдерживало развитие психологии и применение ее результатов на практике. Аналитическое изучение личности сменилось ориентацией на целостность и системность.

Между тем словосочетание «структура личности» довольно условное. Фактически речь идет о структурных элементах личности. Ведутся споры по многим пунктам: возможно ли применение структурного подхода к познанию личности;

---

[1] Айзенк Г. Структура личности. — СПб., 1999. — С. 13.
[2] Там же. — С. 19.
[3] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 167—168.

какими должны быть компоненты личностной структуры; чем следует руководствоваться при включении в структуру личности тех или иных ее свойств и т.д. Были и есть критики структурного подхода. К.А. Абульханова-Славская замечает: «Попытки чисто структурного подхода к личности, статические методы ее познания сегодня все более обнаруживают свою неудовлетворительность. Они не могут дать ответа на основной вопрос — вопрос о развитии личности»[1]. Г. В. Оллпорт приводит мнение некоего «убежденного реалиста», отрицающего саму возможность структуры личности: «Есть только некоторый изменяющийся уровень ее соответствия окружающей среде»[2].

Человеческая личность обладает множеством свойств, качеств, или черт. Для того чтобы оперировать этими теоретическими конструктами, вводят некоторые упрощения. Согласно Х.П. Бечтольду, чаще всего предполагается, что свойства личности имеют количественные различия, и им можно дать числовые определения, выразить в условных единицах, сопоставимых с любыми другими. Далее, свойства личности, имеющие количественные различия, можно рассматривать как непрерывные переменные. Предполагается, что внутри ряда показателей, ограниченных лучшим и худшим, может быть любой результат измерения. И наконец, различные величины для удобства можно выражать линейными функциями[3].

Испробовано много разных способов разобраться в многообразии психических свойств человека и упорядочить его.

Приведем несколько способов структурирования психических свойств. (**68**)

Первый способ — естественно-исторический. Он заключается в использовании исторически сложившихся обобщенных понятий, имеющих отношение к личности. Из глубокой древности в наше время пришли такие категории, как темперамент (Гален), характер (Феофраст), способности (о них говорили и Сократ, и Платон, и Аристотель, и многие другие, о чем превосходно написано в книге Хуана Уарте «Исследование способностей к наукам», вышедшей в свет в 1575 г.). Несколько сложнее был путь такого понятия, как «направленность», или мотивационно-целевая сфера личности. Эти категории и явились опорными точками в структуре личности. Психологи условились (не без споров) относить одни черты к темпераменту, другие — к характеру, третьи — к способностям или опыту человека, четвертые — к направленности личности. Подобное решение не вполне удовлетворительно хотя бы потому, что ни темперамент, ни характер, ни другие свойства личности не являются ее специфическими «отделами». В каждом из них, как в своеобразной голограмме, представлена личность в целом. «Характеристики каждой из названных сложных структур личности многократно пересекаются, как бы дублируют друг друга»[4]. В свое время и темперамент, и характер претендовали на полное описание личности. Ведь эти понятия имеют естественно-интуитивное происхождение и меньше всего соответствуют принципу взаимодополнения: исторически они представляют собой независимые личностные концепции[5]. Следы подобного взгляда сохранились до наших времен в нередком отождествлении личности и характера, характера и направленности.

Тем не менее, как писал Б. Ф. Ломов, «для понимания психологического склада личности важное значение имеют исследования потребностей и способностей,

---

[1] Абульханова-Славская К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. — М., 1981. — С. 19.

[2] Оллпорт Г. В. Личность в психологии. — СПб., 1998. — С. 49.

[3] См.: Родионов А. В. Психодиагностика спортивных способностей. — М., 1973. — С. 21.

[4] Рейнвальд Н.И. Психология личности. — М., 1987. — С. 77.

[5] Подробнее об этом: Утлик Э.П. Темперамент и характер: два подхода к познанию личности // Вестник МГОУ. Сер. «Психология и педагогика». — 2006. — № 1. - С. 18-20.

темперамента и характера как образований более высокого уровня интеграции по сравнению с процессами и состояниями»[1].

Предприняты попытки объединить известные свойства личности в более крупные блоки. В начале XX в. А.Ф. Лазурский (1874 — 1917) совместно с С.Л.Франком представили структуру личности как взаимодействие эндопсихических и экзопсихических проявлений.

К эндопсихике были отнесены основные психические функции (восприятие, память, внимание, мышление, эмоциональная сфера, воля), а также характер и темперамент. Эндопсихика рассматривалась как психофизиологическая основа, ядро личности. (**69**)

Экзопсихика рассматривалась как отношение личности к различным категориям окружающей действительности: природе, материальным предметам, людям, социальным группам, духовным благам: науке, искусствам, религии, а также отношение личности к самой себе. Экзопсихика складывается на основе эндопсихики, но не всецело определяется ею. И экзопсихика накладывает свой отпечаток на личность. Так, например, эндопсихические особенности предрасполагают человека к той или иной профессии; постоянные же условия профессиональной деятельности отражаются на общем облике личности[2].

А.В. Петровский включает в структуру личности три составляющие: внутрииндивидную (темперамент, характер, способности), интериндивидную, находящую свое проявление в области межличностного взаимодействия (самоопределение личности, внутригрупповая идентификация и др.), и надындивидную, которая находит свое воплощение в тех «вкладах» в других людей, которые субъект вольно или невольно осуществляет посредством своей деятельности[3].

Второй способ группировки личностных свойств и построения структуры личности заключается в статистической обработке выявленной совокупности свойств. В разных языках насчитали от двух до восемнадцати тысяч слов, обозначающих многообразие черт личности. Посредством факторного анализа или иной статистической процедуры удается свести тысячи словесных определений личности к ограниченному набору основных и побочных «факторов», в свою очередь также получающих соответствующие названия.

Третий способ структурирования свойств личности базируется на результатах специальных экспериментов, которые выявляют такие свойства личности, которые не нашли отражения в повседневном языке. Известные личностные тесты (MMPI, опросники Г. Айзенка, Р.Кеттелла и многие другие) претендуют на измерение специфических свойств человеческой личности и связей между ними.

А.Н. Леонтьев предпринял попытку применить для построения структуры личности «деятельностный подход». Он утверждал: «Исходя из набора отдельных психологических или социально-психологических особенностей человека, никакой “структуры личности” получить невозможно. Реальное основание личности человека лежит не в заложенных в нем генетических программах, (**70**) не в глубинах его природных задатков и влечений и даже не в приобретенных им навыках, знаниях и умениях, в том числе и профессиональных, а в той системе деятельностей, которые

---

[1] Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. - С. 292.

[2] Сходная терминология свойственна теории К. Г. Юнга. В этой связи следует обратить внимание на то, что сходство это преимущественно внешнее. Эндопсихика Юнга — это система отношений между содержаниями сознания и бессознательными процессами, а под эктопсихикой он понимает отношение между содержаниями сознания и данными, поступающими извне.

[3] Петровский А. В. Введение в психологию. — М., 1995. — С. 393 — 394.

реализуются этими знаниями и умениями»[1].

В.Н. Мясищев использовал понятие «структуры» для характеристики целостности, последовательности, устойчивости, глубины личности и преобладания в ней тех или иных психических функций. Структура рассматривалась им как одна из четырех характеристик личности, наряду с системой отношений (направленностью), интеллектом и темпераментом, т.е. являлась свойством высшего порядка, действительно системным.

Свое видение структуры личности предложил К.К.Платонов, много сделавший для прояснения этого вопроса[2]. Он считал, что идея структурности личности сформулирована С.Л. Рубинштейном, согласно которому основные свойства личности, взаимодействуя друг с другом, смыкаются в ее реальном единстве.

К. К. Платонов выделил в «динамической функциональной структуре» личности четыре подструктуры:

1) «почти исключительно социально обусловленные содержательные черты личности: направленность, моральные качества, отношения»;

2) «опыт: знания, навыки, умения и привычки»;

3) «черты личности, зависящие от индивидуальных особенностей психических процессов»;

4) «биопсихическую подструктуру», где «врожденность резко преобладает над приобретенностью».

Эта группировка свойств личности получена в результате применения пяти критериев: соотношение биологического и социального; внутренняя близость черт личности; особый, основной вид формирования; объективно существующая иерархическая зависимость этих подструктур; исторически сложившееся описание подструктур личности.

При этом четвертый критерий назван основным, поскольку внутри каждой подструктуры больше выражены координационные связи, в то время как во взаимодействии различных подструктур преобладают «каузальные связи субординации». Тем не менее фактическим критерием явился первый. Именно на основании соотношения приобретенного и врожденного были выделены перечисленные подструктуры личности. Первая подструктура формируется воспитанием, вторая — обучением, третья — упражнением, четвертая — тренировкой. Взаимодействие этих специфических (**71**) для каждой подструктуры видов формирования определяет индивидуальные особенности личности.

К.К. Платонов усматривал отчетливую и объективную каузальную зависимость первой подструктуры от второй, их обеих — от третьей и всех вместе — от четвертой.

Понятие «структура» употреблено в данном случае в его прямом смысле — как «единство элементов, их связей и целого». Но поскольку элементы здесь — это функциональные свойства личности, то и структура рассматривается как «функциональная». И далее, поскольку ни отдельные черты личности, входящие как элементы в ее функциональную структуру, ни личность в целом не остаются неизменными в течение жизни, то структура является «динамической».

В отличие от В.Н. Мясищева К.К. Платонов видел в структуре определенную комбинацию основных свойств личности и не называл ее новым, дополнительным свойством личности.

В.С. Мерлин рассматривал структуру личности как взаимную связь и организацию ее свойств. Под свойствами личности он понимал неразложимые далее

---

[1] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 185.

[2] См.: Платонов К.К. Структура и развитие личности. — М., 1986. — С. 133 — 135.

компоненты личности. Каждое свойство одновременно является «выражением и направленности, и характера, и способностей, оно формируется в деятельности и вместе с тем в той или иной степени зависит от наследственных задатков». Эти структурные образования личности В.С. Мерлин назвал «симптомокомплексами».

В разработку структурного подхода к личности значительный вклад внесли такие исследователи, как Г. Оллпорт, Р. Кеттелл и Г. Айзенк — три ведущих авторитета в изучении черт личности. В их поисках сыграл свою роль корреляционный метод обработки данных, поскольку многие исследования личности корреляционны по природе. Всегда встает вопрос: каким образом следует связать друг с другом полученные переменные. Например, исследования показывают, что уровень догматизма положительно коррелирует с самомнением человека. Значит, можно предположить, что догматичные люди придерживаются высокого мнения о себе. Привлекательность может позитивно коррелировать с интеллектуальными способностями, «силой эго» или с доминированием самоуважения в характеристиках человека. Число подобных взаимосвязей очень велико, что позволяет говорить о наличии некоторой структуры.

Рассмотрим подход к структуре личности, предпринятый Р. Кеттеллом. Основной его инструмент в решении этой задачи — факторный анализ. Он, как и многие другие, полагал, что структурными элементами личности являются личностные черты.

Р. Кеттелл разработал теорию черт личности на основе статистического анализа объективных поведенческих характеристик. Он считал, что черты не имеют реальной нейрофизиологической основы, (72) они обнаруживаются только при измерении наблюдаемого поведения. Черты личности представляют собой относительно постоянные тенденции реагировать определенным образом в разных ситуациях в разное время. Они отражают устойчивые и предсказуемые психологические характеристики.

Черты личности можно разделить на категории, опираясь на результаты факторного анализа, несколькими способами. Отсюда вытекают принципы классификации черт.

Первый состоит в том, что черты личности делят на поверхностные и исходные. Поверхностная черта — это совокупность поведенческих характеристик, которые при наблюдении выступают в «неразрывном» единстве. Например, наблюдаемые проявления неспособности сосредоточиться, нерешительности и беспокойства могут быть тесно связаны друг с другом, и составлять поверхностную черту невротизма. Поскольку поверхностным чертам в их взаимосвязи не свойственно постоянство, они не считаются значимыми для объяснения поведения.

Исходные черты, напротив, представляют собой основополагающие структуры, которые образуют блоки здания личности. Именно они обусловливают постоянство поведения человека. Исходные черты существуют на более глубоком уровне личности и определяют различные формы поведения на протяжении длительного времени. Согласно Р. Кеттеллу, основополагающая структура личности образована примерно 16 исходными чертами, для измерения которых используется широко известная шкала, получившая название шкалы Кеттела.

Второй способ дифференциации черт — учет их происхождения. В зависимости от своего источника черты делятся на конституциональные и сформированные средой. Конституциональные черты развиваются из биологических и физиологических данных или являются следствием биофизиологических изменений. Например, изменение личности в результате пристрастия к алкоголю или наркотикам, меняющим биохимию организма, носит конституциональный характер.

Черты, сформированные под влиянием среды, — это результат воспитания, жизненного опыта, работы человека над собой, например манеры, стиль поведения, приверженность тем или иным ценностям.

Таким образом, развитие теории личностных структур осуществляется в разных направлениях. Общим для этих поисков является признание в личности стабильных характеристик, связей между ними и различных уровней сложности отдельных компонентов личности.

Отдельные черты личности объединяют в более крупные структуры, руководствуясь существующими между ними корреляциями. Если для этой цели применяют статистические процедуры, (**73**) например, факторный анализ, то полученные более крупные объединения черт называют факторами второго порядка. В свою очередь корреляция факторов второго порядка позволяет получить представление о факторах третьего порядка.

В итоге образуется некая структура, которая позволяет лучше ориентироваться во внутриличностных взаимосвязях.

Если известны внутренние взаимозависимости между составляющими личности, то знание одних из этих составляющих позволяет выдвигать гипотезы относительно наличия и выраженности других.

Психологическая практика во всех ее формах (психотерапия, консультирование, педагогическая психология, рекрутинг и др.) опирается на структурный подход к личности, который дает возможность оценивать ряд значимых параметров личности: ее целостность, организованность, сложность, а также роль отдельных свойств и черт в общей структуре личности.

Структурный подход к личности предполагает выделение не только внутренних связей и взаимодействий, но и внешних, соединяющих личность с предметной и социальной средой. Это значит, что в структуру личности включаются межличностные отношения. Основная структура личности — это единство Я — внешний мир.

Структурный подход к личности служит методологическим основанием для решения множества вопросов, которые возникают при изучении личности. Одним из них является вопрос об особенностях личностных структур, обусловленных профессионально. Например, при исследовании личности руководителя выделяют ее «специальную структуру», которая включает специфически управленческие (организаторские) качества.

1.3.2. Виды структур личности по А. Г. Асмолову

В настоящее время известно множество подходов к выявлению структуры личности и точек зрения относительно того, какой должна быть эта структура. Это множество проявляет себя разнообразием полученных результатов и гипотез относительно того, какая структура является адекватной.

А.Г. Асмолов отмечает, что только по такому критерию, как соотношение биологического и социального в структуре личности, насчитывается пять стратегий исследования строения личности: конституционально-антропометрическая; «факторная»; «блочная»; мотивационно-динамическая; поведенческо-интеракционистская[1]. (**74**)

1. Конституционально-антропометрическая структурная стратегия выстраивает здание личности вокруг темперамента как ядра личностной структуры и связанного с ним характера. Устанавливаются многочисленные зависимости между

[1] Асмолов А. Г. Психология личности. — М., 1990. — С. 183— 190.

познавательными, эмоциональными, мотивационными и поведенческими чертами, с одной стороны, и конституциональными особенностями организма — телосложение, биохимия, тип нервной системы, с другой. В зависимости от выраженности отдельных черт и связей между ними структуры личности дифференцируются по типам, следовательно, данный подход является структурно-типологическим. Конституционная стратегия изучения организации личности представлена, прежде всего, исследованиями Э.Кречмера, У. Шелдона, К. Конрада.

2. «Факторная» стратегия изучения структуры личности оперирует понятием «черта личности». Сначала выявляются при помощи той или иной процедуры поверхностные черты личности, корреляционные «плеяды» (Р.Кэттелл), которые впоследствии объединяются в обобщенные исходные черты — факторы, проявляющиеся в реакциях человека. В концепциях Р.Кэттелла, Г. Айзенка и Дж.Гилфорда структура личности — это «набор черт». Используются методы, которые позволяют получить представление о так называемых модальных формах личности, т.е. о «созвездии черт», характерном для той или иной популяции людей в определенной культуре. Факторные структуры, по мнению А.Г. Асмолова, склонны также связывать поведенческие тенденции личности с конституцией человека. Р.Кэттеллу, Г. Айзенку, Дж. Гилфорду присуща позиция двойной детерминации развития личности, т.е. признание развития базовых врожденных предрасположенностей под влиянием научения, среды.

3. «Блочная» стратегия структуры личности предполагает существование доступных наблюдению в обыденной жизни «блоков» (уровней», «подструктур»), которые можно расположить по вертикали «биологическое — социальное». На нижнем этаже «здания» личности располагается темперамент (индивидное свойство). Над ним надстраивается блок индивидуальных особенностей восприятия, мышления и т.д. Над блоком «психических процессов» размещается блок опыта, включающий память и ее содержание: приобретенные навыки и знания. На самом верхнем этаже находится блок направленности, в который входят отношения личности к миру и моральные черты. Наиболее четко и открыто эта концепция представлена К.К. Платоновым.

Эта стратегия неоднократно подвергалась критике с позиций системного подхода. А.В. Петровский назвал ее (вместе с факторной стратегией) «коллекционерским подходом к исследованию структуры личности».

4. Мотивационно-динамическая стратегия изучения организации личности противостоит «конституционной» стратегии. Ее особенность (75) в том, что в любых проявлениях личности усматриваются иерархически организованные уровни мотивов. Даже темперамент характеризуется Г. Оллпортом как эмоциональная склонность, предопределяющая восприимчивость и скорость реагирования. Таким образом, принимается методологическая предпосылка, согласно которой в любом динамическом образовании сконцентрированы свойства личности как целого.

Мотивационно-динамическая стратегия исследования организации личности, исторически возникшая в русле психоанализа, характеризует такие различные подходы, как гуманистическая психология (А. Маслоу, К. Роджерс), персонологическая теория индивидуальных черт (диспозиций) личности Г.Оллпорта, когнитивные подходы к личности, опирающиеся на «теорию поля» К. Левина, гормическая психология Макдугалла, персонология Г. Мюррея и др.

Отечественные варианты мотивационно-динамической стратегии структурирования личности, как правило, ставят в центр личностной структуры направленность личности. В разных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: «динамическая тенденция» (С.Л. Рубинштейн), «смыслообразующий мотив» (А.Н.Леонтьев), «доминирующее отношение» (В.Н. Мясищев), «основная жизненная

направленность» (Б.Г. Ананьев), «динамическая организация сущностных сил человека» (А.С.Прангишвили), «ценностность» (Н.И.Непомнящая) и т.д. Но как бы эта характеристика ни раскрывалась, во всех концепциях ей придается ведущее значение[1]. Направленность представляет собой емкую описательную характеристику структуры личности. Вместе с тем при выделении этой характеристики остается открытым вопрос, как участвуют в направленном поведении человека те или иные его индивидные свойства.

5. Поведенческо-интеракционистская стратегия изучения организации личности берет в качестве структурных «элементов» те или иные механизмы взаимодействия между личностью и обществом, средой: реакции, навыки, роли и др. При этом индивидные свойства находятся на самой периферии. Строение личности обретает иерархический вид, в котором низовым уровнем становятся элементарные поведенческие акты, обусловленные прежде всего индивидными диспозициями человека, органическими потребностями, установками и т.д.

Во всех пяти стратегиях изучения организации личности при всем разнообразии теоретических позиций, выбора «элементов», способов связи между ними проявляется общая тенденция размещать индивидные свойства человека в основании структуры, характеризовать (**76**) их как базовый уровень организации человека. Подобное представление о месте индивидных свойств в организации личности особенно наглядно в концепции А. Маслоу, в которой физиологические потребности и потребности в безопасности образуют основу мотивационной пирамиды, которая, в свою очередь, является ядром личности.

Теперь расширим взгляд на структуры личности за счет более высокой абстракции. Б.Г. Ананьев, проанализировав особенности взаимодействия отдельных свойств и различные принципы построения структур личности, пришел к выводу, что структура удовлетворяет двум принципам одновременно:

1) субординационному, или иерархическому, когда наиболее сложные и общие свойства подчиняют себе элементарные и частные социальные и психофизиологические свойства;

2) координационному, означающему, что взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т.е. относительную автономию каждого из них.

В результате такого взаимодействия происходит объединение разных социальных, социально-психологических и психофизиологических характеристик в сложные личностные образования. В исследовании были получены серии корреляционных плеяд, включающих связи характерологических черт, интеллекта, различных психомоторных, вегетативных, биохимических функций.

Работы Л. Терстоуна, Э. Гилфорда, Р. Кеттелла и Г. Айзенка дают научные факты, согласно которым структура личности является, скорее всего, иерархической.

Таким образом, имеется достаточно данных для того, чтобы утверждать, что могут быть следующие личностные структуры:

- иерархические (вертикальные);
- координационные («демократические», горизонтальные или сетевые);
- функциональные (целевые).

Кроме того, на основании критерия общности можно выделить такие структуры личности, как общие, частные и специальные.

Структуры личности различаются также по степени сложности. Например,

---

[1] Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2. — С. 4.

концепция Г.Оллпорта отличается высокой сложностью: «Несмотря на то, что основных организующих жизнь человека черт может быть немного, структура организации, включающая также второстепенные и противоречивые тенденции, тем не менее чрезвычайно сложна»[1]. Г. Келли предлагает более просто организованную систему, с ограниченным набором составных (77) частей и малым количеством связей между ними. Его концепция личностных конструктов является объяснением относительно постоянных измерений структуры личности.

При общей характеристике структур личности нельзя обойти и меру их разработанности, полноты. По данному критерию можно воспользоваться тремя позициями: а) модель отвечает основным критериям структурности; б) модель представляет собой только профиль выраженности черт личности; в) модель является псевдоструктурной, предлагая только набор отдельных элементов или блоков.

Иерархической является такая структура личности, в которой отдельные черты отличаются друг от друга разной степенью общности. Эти структуры напоминают обычную структуру понятия. Личность делится на ограниченное число сложных свойств, которые, в свою очередь, разделяются на более значительное число более простых качеств или черт. Элементарным структурным компонентом является черта (рис. 1.)

Иерархическими являются также структуры, предполагающие наличие «ядра», высшей инстанции, осуществляющей регуляцию психических функций и поведения личности. В качестве такого ядра выступает либо Я, либо Я-концепция, либо самооценка, либо «проприум» (Г.Оллпорт), либо мотивация и т.д.

Близкими к иерархическим являются личностные структуры, в которых выделяются две категории черт: центральные и периферические. Согласно Т.Ньюкому, центральными являются такие (78) качества (установки), которые тесно связаны

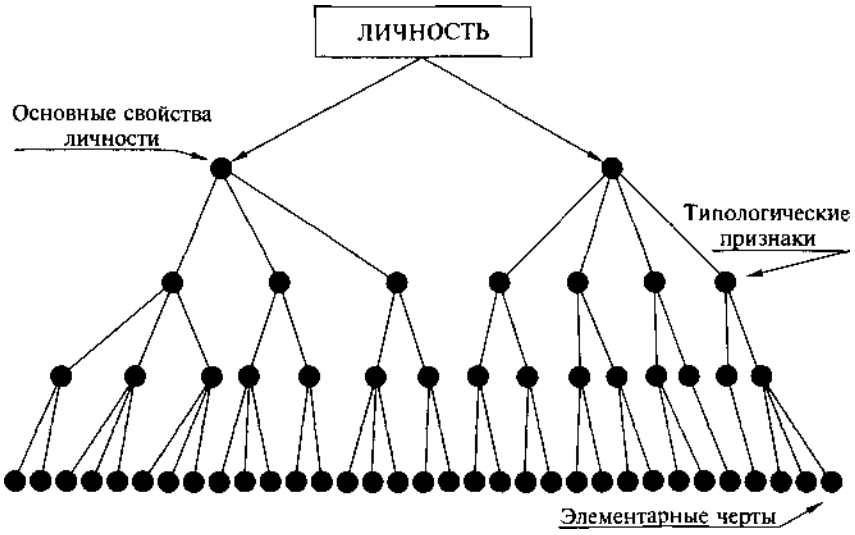


Рис. 1. Иерархическая структура личности

с другими и поэтому отличаются устойчивостью и множественными взаимодействиями. Их влияние на другие качества заключается в том, что они предопределяют, в частности, межличностные оценки людей. Периферические качества слабо связаны с другими качествами и поэтому менее устойчивы, легче поддаются трансформациям.

С.Аш относил к центральным такие свойства, которые предопределяют общую

[1] Оллпорт Г. В. Личность в психологии. — СПб., 1998. — С. 59.

оценку личности. Исследования С. Аша показали, что общая оценка воспринимаемого лица не обусловливается совокупной оценкой всех его свойств.

Основой общей оценки служат так называемые центральные черты, которые обладают свойством менять ценность других черт. Центральные черты выполняют функцию «критического фактора». Какие именно черты оказываются центральными (критическими), зависит от личностных, ситуативных и культурных факторов. Особенности личности, характер активности субъекта, а также культурная среда, в которой он живет, — все это влияет на то, какие свойства других людей он признает как положительные, а какие будет считать отрицательными. В экспериментах С. Аша центральной являлась такая черта, как «теплота — холодность».

Эта же идея была сформулирована еще в эпоху Просвещения М. Монтенем: «Честолюбие может внушить людям и храбрость, и уверенность, и щедрость, и даже иногда справедливость; так как жадность способна пробудить смелую уверенность в своих силах и в то же время жадность способна научить скромности и осмотрительности»[1].

Координационные структуры личности предполагают известную рядоположность свойств и функций, наличие двусторонних влияний, гармоничность внутренних отношений. Структура личности, как она представлена у К.К. Платонова, содержит выраженные координационные связи между отдельными подструктурами. Внутренняя уравновешенность личности, имеющая место в том случае, когда отдельные ее составляющие (субличности) могут вести продуктивный внутренний диалог и эффективно «договариваться» друг с другом, базируется на развитых координационных структурах. Определенные тенденции к подчеркиванию горизонтальных связей внутри личности свойственны теориям К.Г. Юнга и Р.Ассаджиоли. Принимаются и широко используются горизонтальные связи в нейролингвистическом программировании.

Концепция Э. Берна позволяет сравнить субординационные и координационные структуры личности. Личность в эго-состоянии «Родитель» имеет скорее иерархическую динамическую структуру, в то время как эго-состояние «Взрослый» отличается горизонтальными, «демократическими» внутренними соотношениями. (79)

Функциональные (целевые, деятельностные или поведенческие) структуры характеризуются тем, что выделенные взаимосвязи подчиняются целевому принципу. Они показывают, как взаимодействуют отдельные черты личности в ходе решения той или иной задачи. Структура личности, которая строится на основе теории функциональных систем П.К. Анохина, или такого ее звена, как акцептор результатов действия, будет являться функциональной.

Целевые структуры жизни и деятельности (стратегические, тактические, вспомогательные, резервные, конкурирующие и взаимодействующие), которые организуют психику, являются системообразующими факторами целостной структуры личности.

Функциональные (целевые) структуры позволяют выделить важный аспект системного подхода, который обычно игнорируется при построении личностных структур. Этот аспект состоит в том, что функциональная структура представляет собой систему, которая имеет входы и выходы и тесно связана с окружающей средой.

К числу функциональных структур можно отнести концепцию К.Обуховского, который рассматривает организацию личности в ее динамике, в режиме ее работы. В его схеме выделяются две подсистемы: подсистема программирующих свойств личности и подсистема базальных свойств личности. В состав программирующей

[1] Монтень М. Опыты: в 3 кн. — М., 1979. — Кн. 1 —2. — С. 14.

системы, ответственной за переработку информации, входят три компонента: знания о мире, определяющие направленность поведения человека; задачи; эмоциональные установки личности. К базальным свойствам относятся формальные параметры личности: общий интеллект, темперамент, характеристики экстраверсии (направленности на внешний мир) и интроверсии (направленности на внутренний мир), способности и т.д.

Деление личностных структур на общие, частные и специальные обусловлено тем, что познание личности носит дифференцированный характер. К.К.Платонов различает индивидуальную, типовую и общую структуры, отражающие единичное, особенное и общее в личности[1]. Предметом изучения в одних случаях выступает личность в целом, в других - исследование сосредоточивается на отдельных «подструктурах», а в-третьих — на личности особого рода или типа. Значит, структуры личности в целом будут общими, структуры темперамента, характера, мотивации, потребностей или способностей — частными. Специфические структуры личностей, относящихся к определенным категориям («авторитарная» личность, личность руководителя, преступная личность и т.д.), — специальными. Во всех случаях структурам личности свойственны индивидуальные особенности, отражающие уникальность человека. (**80**)

Специальные структуры воспроизводят, разумеется, универсальную структуру личности, тем не менее их проявление изменяется. Эти перемены могут затрагивать, например, соотношение между базовыми компонентами. В одном случае общая структура личности будет выстраиваться под преобладающим влиянием мотивационной сферы вообще или отдельных ее механизмов. Преобладание идеологических структур формирует фанатическую личность. Эстетические ценности особую роль играют в структуре личности «эстетического человека» Э. Шпрангера. В других случаях определяющим центром личностной структуры становятся характер или способности. Личность гениального человека не может быть понята без учета его уникальных способностей и вариантов их реализации.

Типология личности также базируется на специальных структурах, которые можно назвать типологическими и рассматривать как разновидность специальных. Например, то или иное положение личности на юнговской шкале интроверсии — экстраверсии означает соответствующую структурную специфику.

1.3.3. Системный подход к структуре личности по А. Г.Асмолову

Системный подход — направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем. Он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта, выявление многообразных типов связей в нем и сведение их в единую теоретическую картину. Принципы системного подхода нашли применение в биологии, экологии, психологии, кибернетике, технике, экономике, управлении и др. Системный подход в психологии и теории личности является попыткой применения общей теории систем к описанию сложных психических явлений и взаимодействий. Он обещает внести определенный порядок в большой объем накопленной, но недостаточно систематизированной психологической информации, решить ряд конкретных задач, связанных с целостным представлением психики и личности человека.

Большое влияние на распространение системного подхода в психологии личности оказала теория функциональных систем П.К. Анохина, на основании которой

[1] Платонов К.К. Структура и развитие личности. — М., 1986. — С. 136.

стало возможным воссоздание психофизиологической системы организма.

Системный подход в теории личности является развитием или вариантом структурного подхода. Прогресс при этом заключается в достижении более высокого уровня органичности в описании личностных образований, а также в преодолении обособленности психологической структуры личности от социального окружения. (**81**)

Эта тенденция проявилась в исследованиях Г.Оллпорта, который стремился к системному подходу, понимая сложность личности. В чрезмерном увлечении факторным анализом и компьютерной психодиагностикой он усматривал препятствие для описания личности как сложной психологической системы. Согласно его видению личность всегда включена во внешнюю — социальную — систему, представляя собой внутреннюю систему, которая должна справиться с внешней системой.

Данный подход (принцип) является признанием того, что всякое сложное явление представляет собой систему, состоящую из взаимодействующих частей, каждая из которых имеет свои собственные функции или задачи, обусловленные местом, занимаемым в структуре целостности. Системный подход направлен на представление личности в виде интегрированного целого. Для этого необходимо рассмотрение множества сложных взаимодействий между функциональными элементами личности — познавательная задача, работа над которой позволяет почувствовать ограниченность возможностей человеческого ума. Следовательно, каноны системного подхода трудно соблюсти при описании личностной структуры.

Идея системного подхода состоит в том, чтобы представить изучаемое явление в виде системы, т.е. такого целостного образования, отдельные звенья которого влияют друг на друга настолько глубоко, что перестают быть просто «частями» целого и становятся носителями свойств всей системы. Наиболее очевидно системный принцип строения целого наблюдается у живых организмов с их системами функционирования и жизнеобеспечения. Нервная система, волокна которой связывают в единое целое даже самые отдаленные участки тела, ни пространственно, ни функционально не является частью тела хотя бы потому, что ее нельзя отделить от других структур организма. Подобным образом когнитивная система личности, включая все функции информационного обеспечения жизни и деятельности, неотделима от «некогнитивных» механизмов психики — эмоциональных, мотивационных, психомоторных.

Представление о системной природе психики исходит из здравого смысла. Эффективная жизнь и деятельность человека предполагают по крайней мере два условия. Во-первых, внутренние силы, образующие личность, должны действовать более или менее согласованно, приходя в конечном счете к единству, сосредоточенности и к полезному результату. Во-вторых, всегда должно быть продуктивное взаимодействие с внешней средой. Встроенность человека в социальную среду должна быть личностной, а отношения, связывающие одного человека с другими, — межличностными в полном смысле этого слова. Значит, внешняя система человека является системой межличностных отношений. (**82**)

Таким образом, системный подход к изучению личности можно определить как признание того, что личность представляет собой динамическую психологическую систему, интегрированное целое, образуемое взаимодействием свойств, реализующих функции внутренней регуляции и внешнего обмена с социальной и предметной средой.

Человек входит в множество систем — физических, биологических, социальных. Когда говорят, что человек — существо физическое (биологическое, разумное, социальное, нравственное и т.д.), то подразумевают соответствующую систему, звеном которой он и является. Попытка дать психологическую характеристику человека без указания системы, к которой он принадлежит, лишена

смысла. Свойства, состояния и отдельные функции имеют смысл только внутри системы отношений, как, например, «привлекательный», «милый», «авторитетный», «властный» и т.д.

Следовательно, системный подход несет с собой специфический способ определения свойств личности. Взаимодействуя с элементами разных систем, человек проявляет или приобретает различные качества. Эти свойства раскрываются как системные. Значит, при их исследовании рассматривают индивида как элемент системы — общества. Личностные свойства конкретизируют социальность индивида, его социальное поведение[1].

Рассмотрим, как принцип системности реализуется для поиска системных качеств человека. Одной из самых широких систем, к которой принадлежит человек, является биосфера, т.е. область жизни, охватывающая нижнюю часть атмосферы, гидросферу и верхнюю часть литосферы. В биосфере живые организмы и среда их обитания органически связаны и взаимодействуют друг с другом, образуя целостную динамическую систему. Биосфера в свою очередь является звеном системы космоса. А.Л. Чижевский доказывал, что «поток электронов и протонов, вылетающий из жерла солнечного пятна и пролетающий мимо Земли, вызывает огромные возмущения во всем физическом и органическом мире планеты: резко увеличивается число внезапных смертей, эпидемий, случаев сумасшествия, эпилептических припадков, несчастных случаев вследствие шока в нервной системе и т.д.»[2]. Следовательно, качества человека как звена биосферы проявляются в большей или меньшей чувствительности к биосферным возмущениям, в динамике работоспособности, в приступах депрессии и т.д.

Аналогичным образом могут быть рассмотрены качества человека в системах разных биологических популяций. В системе биологического вида Homo sapiens человек выступает как «индивид», целостное генотипическое образование, которое в ходе индивидуальной (83) жизни реализует историю своего вида. Системообразующим основанием биологического вида «человек» является специфичный для этого вида образ жизнедеятельности. Качества индивида, данные ему при рождении и приобретаемые в ходе его созревания, исследуются биологией, генетикой и т.д., т.е. комплексом естественных наук, изучающих историю развития человека, и получают соответствующие названия — биологические, генетические и т.д.

Человек как «элемент» в системе общества становится носителем совокупности социальных системных качеств, которые порождаются в ходе его жизни и деятельности в обществе. Системное качество специфично тем, что оно не принадлежит объекту как таковому, а обнаруживается в нем только в той или иной общественной системе. Социальные системные качества отличаются от природных тем, что вне общества теряют свой смысл. Огромный пласт черт и качеств личности — альтруизм, нравственность, политическая активность, справедливость, родительский «инстинкт», «чувство национальной гордости» и множество других аналогичных, нужны человеку только для жизни в общественной, межличностной среде. За ее пределами (если это только можно представить) эти качества не могут проявиться, если даже они каким-то образом и сформировались бы. Правда, это утверждение не означает, что социальные системные качества не имеют под собой биологической, нейрофизиологической основы, соответствующих задатков и механизмов функционирования и развития. Без этих задатков процесс социализации индивида был бы невозможен, что подтверждается, например, негативными биологическими

---

[1] Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. - С. 293.
[2] Асмолов А. Г. Психология личности. — М., 1990. — С. 58.

последствиями экологических и техногенных катастроф современности.

Не только человек, но и все объекты его мира приобретают системные социальные качества просто потому, что служат человеку и никому, кроме него, не нужны. Эти объекты являются носителями функциональных системных качеств. Стоит вырвать любой из этих природных объектов из системы общества, и он теряет свои социальные системные качества.

К числу главных свойств человека, обеспечивающих его участие в социальных системах и играющих роль системообразующего фактора, следует отнести «триаду» А.Адлера — способность человека решить «три главных вопроса: вопрос жизни в обществе, вопрос деятельности и вопрос любви и брака»[1].

Дополнительными системными качествами наделяется человек в различных подсистемах общества: в больших и малых социальных группах — семье, этнической общности, организации или дружеской компании. Существование человека одновременно в (**84**) различных социальных подсистемах, обладающих порой взаимоисключающими ценностями и целями, является условием развития самосознания личности. Включенность в разные социальные группы способствует формированию социальной зрелости, неотъемлемой стороной которой является самостоятельность личности. «Социальные ожидания одних групп, административные предписания других создают предпосылки для возникновения в личности многих Я, спорящих друг с другом»[2].

В этой связи любопытно обратиться к идеям середины XIX в. Тогда К.Д.Кавелин объяснял медленное развитие «начала личности» в русско-славянских племенах слабой дифференцированностью общественной жизни. «Семейственный быт и отношения не могли воспитать в русском славянине чувство особности, сосредоточенности, которое заставляет человека проводить резкую черту между собою и другими и всегда и во всем отличать себя от других. Начало личности у них не существовало»[3].

Экспериментальные работы, выполненные под руководством Б.Г. Ананьева, позволили вскрыть системные механизмы становления некоторых свойств личности, которые заключаются в многократном опосредовании социальными свойствами личности индивидуальных свойств (например, подвижность или инертность, тип метаболизма и т.д.). В результате такого взаимодействия происходит объединение разных социальных, социально-психологических и психофизиологических характеристик в сложные личностные образования. В исследовании были получены серии корреляционных плеяд, включающих связи характерологических черт, интеллекта, различных психомоторных, вегетативных, биохимических функций. Обобщая полученные результаты, Б.Г. Ананьев писал: «В любом из факторов, определяющих структуру личности, обнаруживаются корреляционные плеяды, сложно ветвящиеся цепи связей между отношениями и свойствами личности, интеллектуальными и другими психическими функциями, соматическими и нейродинамическими особенностями человека. Иначе говоря, целостный человек как социальное и психофизическое единство выступает в любом из параметров, характеризующих структуру личности»[4].

Таким образом, в психологической теории давно уже предпринимаются попытки определения личности как системы (отношений к миру, социальных ролей, диспозиций, установок и т.д., как способов включения в социум). Во второй половине

---

[1] Адлер А. Наука жить. — Киев, 1997. — С. 147.
[2] Асмолов А. Г. Психология личности. — М., 1990. — С. 58 — 63.
[3] Кавелин К.Д. Наш умственный строй. — М., 1989. — С. 22.
[4] Ананьев Б. Г. Избр. психол. труды: в 2 т. — М., 1980. — Т. 1. — С. 153.

XX в. состоялось несколько масштабных дискуссий по проблеме личности, в основном концентрировавшихся вокруг ее структуры. (**85**)

Предпринимались попытки рассмотреть личность как целое — развивающуюся систему, включенную в общественные отношения, общение (Б.Ф.Ломов, А.А. Бодалев, Л.И.Анцыферова и др.), в том числе в коллектив (концепция деятельностного опосредования межличностных отношений А.В. Петровского), и личностных «вкладов» в другого человека (В.А. Петровский). Большой вклад в развитие структурного подхода к изучению личности внесли работы К.К. Платонова, В.С.Мерлина, Б.Г. Ананьева, Е.В.Шороховой, В.Н. Мясищева и др. Данные теории привлекательны тем, что в них личность рассматривается как сложная система, взаимодействующая с внешним миром и развивающаяся в результате этого взаимодействия.

Личность как система обладает следующими свойствами:

1) потребностью в информационном обмене с внешней социальной и предметной средой, поскольку личность представляет собой систему переработки информации; эта система имеет свои «входы и выходы» и может оказывать воздействие на другие системы посредством передачи информации; личность является не только потребителем, но и источником информации;

2) определенной степенью открытости — закрытости, что позволяет ей сохранять свою стабильность и в то же время совершенствоваться, изменяться;

3) наличием механизмов саморегуляции и адаптации, сохранения работоспособности при непредвиденных внутренних и внешних изменениях путем смены программ функционирования или поиска оптимальных состояний;

4) определенным внутренним равновесием — темпераментом, психологическим гомеостазисом, т.е. стремлением к большей внутренней упорядоченности и гармоничности;

5) тенденцией к увеличению внутреннего напряжения, необходимого для взаимодействия с внешней средой или преодоления внутренних конфликтов;

6) уникальной способностью к взаимодействию с другими социальными системами — как индивидуальными, так и групповыми; важным механизмом этого взаимодействия служит социальная роль и ролевое поведение;

7) функционированием по принципу эквифинальности, согласно которому нет единственного наилучшего способа достижения определенного конечного состояния при одном и том же исходном состоянии. Благодаря этому существует много путей движения к намеченной цели, что открывает широкие возможности творчества.

Системный подход к личности, являясь полезным и многообещающим научным инструментом, несет вместе с тем и опасность схематизации, искусственного подгона фактических данных под заранее построенные системы. Значит, не следует стремиться к (**86**) исчерпывающей систематизации и недооценивать научные факты, которые не укладываются в существующие представления о личности как системе.

Методологические основы психологии личности включают теоретические положения, которые относятся к разным аспектам изучения личности, а также к психологической практике, ориентированной на личностное развитие и коррекцию самочувствия и поведения человека. При решении психологических проблем приходится иметь дело с такими категориями, как свойства личности, человеческая индивидуальность, личностный уровень активности, индивидуальное развитие человека, стадии развития личности, структура личности и др. Понимание этих категорий обеспечивает гуманистическую ориентацию всех отраслей психологии, предостерегает от уподобления психологических закономерностей законам, действующим в предметном, безличностном мире.

Методологическая проблематика теории личности представляется полезной как при начальном знакомстве с психологией личности, так и на последующих этапах познания личности. В первом случае она служит своего рода введением в теорию личности, а во втором — логическим основанием, позволяющим связывать новую информацию с узловыми положениями данной теории.

Вопросы для самоконтроля

1. В каком смысле личность называют атрибутом человека и общества?
2. Какими свойствами характеризуется личность?
3. Каким образом раскрывается человеческая индивидуальность?
4. В чем заключается смысл построения психологической структуры личности?
5. В чем состоят особенности филогенеза личности?
6. Что представляет собой идея системного подхода к структуре личности?

2 Глава
Психология личности в России

2.1. Духовно-эмоциональная концепция личности К. Д.Ушинского

Изучение психологии личности в России имеет давнюю историю. Персонологические размышления А.Н. Радищева, Г.С. Сковороды, П.Я.Чаадаева, К.Д.Кавелина, Н. К. Михайловского, В.О.Ключевского, М.М.Троицкого, К.Д.Ушинского, П.Ф.Каптерева и многих других мыслителей обретали все более четкие очертания в теориях А.Ф.Лазурского, С.Л.Рубинштейна, Б.Г.Ананьева, А.Н.Леонтьева и многих современных психологов. Длительное время интерес к личности поддерживался задачами пробуждения национального самосознания русского народа. По оценке В.О. Ключевского, «человеческая личность, людское общежитие и природа страны — вот те три основные исторические силы, которые строят людское общество»[1].

Теории личности в отечественной психологии характеризуются преимущественно структурно-ядерным подходом. Только концепция А.Ф.Лазурского может быть отнесена к типологическим. Теоретики личности обобщили многочисленные данные о личности и ее компонентах и создали синтетический многомерный образ человека, обладающего самосознанием, системой ценностей, характером и другими свойствами, благодаря которым он обретает индивидуальность и социальность.

Выдающийся отечественный психолог Константин Дмитриевич Ушинский (1824—1871) наметил три пути восхождения психологии.

Во-первых, его интересовала душа человека в целом, «ее содержание и строй», а также способ проявления этой целостности в основных формах психической активности; во-вторых, он придал особое значение самосознанию в связи с речью; в-третьих, осмыслил значение слова «личность» и то, как оно используется в русском языке. (**88**)

Согласно К.Д.Ушинскому, понятие «личность» должно отвечать следующим критериям.

1. Нести идею человеческой души и ее целостности; понятие «личность»

[1] Ключевский В. О. Соч: в 9 т. — М., 1987. — Т. 1. — С. 40.

должно включать такие свойства человека, которые относились бы к человеку в целом.

2. Соответствовать чувству Я, «выражать нас самих и наши отношения к миру».

3. Воплощать отличия человека от животных, акцентируя прежде всего самосознание и духовные свойства в целом; признак личности — то, что отличает человека от животных, — психические явления высшего порядка.

4. Включать категорию характера-темперамента.

5. Понятие личность должно быть сформулировано таким образом, чтобы предполагался максимум равенства прав и обязанностей людей относительно друг друга и отсутствие различий между ними. (Быть равным всем другим личностям.)

6. Понятие «личность» фиксирует адекватное отношение индивида к обществу: «Правильно развитый человек не утратит в нем (обществе — примеч. ред.) своей самостоятельности, но и не оторвется от него своей самостоятельностью. Общество есть соединение самостоятельных личностей, в котором по принципу разделения труда сила общества увеличивается силой каждого и сила каждого силой общества»[1].

К.Д.Ушинский утверждал, что целостность человеческой сущности наиболее полно проявляют эмоции, чувства («чувствования»): «Ничто — ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражают так ясно и так верно нас самих и наши отношения к миру, как наши чувствования: в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя. <...> Средоточием психической жизни являются чувствования»[2]. «Человек более человек в том, как он чувствует, чем в том, как он думает. <...> В мыслях наших мы можем сами себя обманывать, но чувствования наши скажут нам, что мы такое: не то, чем бы мы хотели быть, но то, что такое на самом деле в мыслях наших выражается наше теоретическое, а в чувствованиях — наше практическое отношение к миру. <...> Поэтому в их образовании должен видеть воспитатель свою главную цель»[3].

Как видно, К.Д.Ушинский многосторонне обосновывает свою гипотезу о важности эмоционального проявления личности. Акцент на эмоциональную часть души при решении вопроса о личности объясняется более непосредственной связью между целостностью, содержанием и строем души. Этот акцент предрешает (**89**) личностную парадигму, предложенную К.Д.Ушинским: личность — это человек «эмоциональный».

Отражением личности в сознании человека служит чувство Я. «Всякий же чувствует в себе свое особое Я, отдельное не только от внешнего мира, но и от собственных его мыслей и желаний, которые это Я может делать предметом своего рассматривания, — вот психический факт, — с него и начинайте». Сознание своего Я — это, по существу, вершина личности, потому что развивающееся самосознание достигает его. «Самосознание дает человеку возможность дойти до своего абстрактного и в то же время в высшей степени конкретного Я, лишенного всякого содержания, а такие Я все равны, ибо нет между ними различий. Равенство человеческих прав вытекает из равенства человеческих личностей[4].

Самосознание — это способность самонаблюдения. Оно находит себе прямое выражение в слове: где мы не находим такого выражения, там не имеем никакой причины предполагать и самосознания. Человек не потому говорит, что обладает рассудком, который есть и у животных, а потому что обладает самосознанием, т.е. способностью наблюдать свои собственные душевные явления, чего нет у животных. Эта способность дает человеку дар слова, свободу воли, нравственность, способность к

---

[1] Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 12 т. — М., 1950. — Т. 10. — С. 529 — 530.
[2] Там же. - М., 1950.-Т. 9. - С. 117-118.
[3] Там же. — С. 473.
[4] Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 12 т. — М., 1950. — Т. 10. — С. 599.

самоусовершенствованию, к прогрессу[1]. Рассудок есть плод сознания; разум плод самосознания; сознанием обладают и животные, но самосознанием обладает только человек. Самонаблюдение основывается на врожденной способности сознавать и помнить свои душевные состояния[2]. Внутренним объектом самонаблюдения является душа и ее деятельность. «Душа наша существует и вне процесса сознания, существует прежде, чем этот процесс в ней начинается»[3].

Самосознание является решающим отличием человеческой души (личности) от психики животного. В полном объеме эти отличия выражаются в духовных качествах, которые «свойственны одному только человеку (произвольное рассуждение, разум, дар слова, религиозные, нравственные, эстетические стремления и т.д.). <...> Словом же дух означим собрание тех свойств, которыми душа человеческая отличается от души животных». Личность — то, что К.Д.Ушинский иногда называет «духовным организмом». Душевные качества, в отличие от духовных, общие и человеку, и животному. (**90**)

Одним из исторически сложившихся способов описания личности служит комплекс «характер — темперамент».

«Словом характер обозначают обыкновенно всю сумму тех особенностей, которыми отличается деятельность одного человека от деятельности другого, без отношения к самому содержанию этой деятельности, которое может быть глупо и умно, нравственно и безнравственно. Наблюдая внимательнее, что люди называют характером, мы легко заметим, что они не вводят в это понятие того, что они же называют обыкновенно умственным развитием человека. Два лица, обладающие совершенно различным умственным развитием и совершенно различным запасом знаний, как по количеству, так и по качеству, могут быть очень сходны по характеру. С другой стороны, люди, одинаково развитые и обладающие одинаковыми знаниями, могут быть совершенно различного характера. У человека очень образованного может быть характер весьма ничтожный, и у человека весьма необразованного — характер весьма сильный.

Понятие характера слагается главным образом из наблюдений над особенностями деятельности чувства и воли, независимо от умственного богатства или умственной бедности человека. Злой и добрый человек, нравственный и безнравственный могут иметь одинаково слабый или сильный, постоянный или порывистый, хладнокровный или вспыльчивый, решительный или нерешительный характер и т.д. Следовательно, в понятие характера не входят ни умственное, ни нравственное состояние человека: не входит самое содержание чувствований и желаний, а только форма их проявления. Но так как деятельность чувства проявляется для наблюдений только в действиях человека, к которым мы относим и самую речь, то, следовательно, мы должны прийти к заключению, что понятие характера извлекается исключительно из наблюдений над особенностями человеческой деятельности и притом не над содержанием этой деятельности, которая зависит от внешних обстоятельств, а также от ума и нравственности человека, но над ее формами. Вот почему мы относим изучение образования характера к области воли. В характере именно проявляется особенность действия воли в различных индивидах. От этого выражение: сила характера или сила воли часто употребляются как синонимы, хотя это употребление и не совершенно правильно, как мы это увидим ниже.

---

[1] Там же. — С. 58.

[2] «Способность эту Локк довольно темно назвал рефлексиею (Reflection), в отличие от ощущений. Ощущение и рефлексия составляют, по мнению Локка, два единственных источника всех наших идей» (К.Д.Ушинский. Собр. соч.: в 12 т. - М., 1950. - Т. 8. - С. 272).

[3] Там же. — С. 552.

Не таким единством отличается взгляд людей на происхождение характера. Часто говорят о врожденности характера и об испорченности характера, о том, что такой или другой характер в человеке образовался вследствие обстоятельств жизни, вследствие воспитания и т. п. Характером человека объясняют его поступки; но самый характер ставят часто ему в вину, хотя иногда некоторыми чертами характера облегчают вменяемость поступка. Общечеловеческая (**91**) психология, которая, во всяком случае, имеет громадное значение как сумма бесчисленных наблюдений людей над психологическими явлениями видит в характере в одно и то же время и нечто прирожденное человеку, и нечто формирующееся в нем в течение его жизни, — и этот взгляд совершенно справедлив, ибо характер в человеке складывается именно под влиянием прирожденных ему свойств, с одной стороны, и под влиянием жизни, с другой.

Зная характер человека, мы часто предсказываем очень верно, как подействует на него данное впечатление, какие чувства и желания в нем вызовет и в каких действиях обнаружится это желание»[1].

Темперамент К.Д.Ушинский рассматривал в единстве с характером. «Еще Гален разделил характеры людские по четырем темпераментам: на сангвинические, холерические, меланхолические и флегматические. Но и в жизни эти четыре вида характеров никогда не встречаются в отдельности; а всегда черты одного перемешаны с чертами другого.

Темпераменты Галена основаны на гипотезах древних философов Греции о четырех элементах: воздухе, воде, огне и земле — и качествах, им соответствующих: теплоте, холоде, сухости и влажности. Этим элементам соответствовали в организме четыре основные жидкости, преобладанием которых объясняли различие темпераментов. Но древние взяли верные типы человеческих характеров, конечно, не из таких ложных оснований, каковы понятия о четырех стихиях мира и о четырех основных жидкостях организма, а из наблюдений человека над самим собою и над другими людьми, причем господствующие черты в том или другом характере или поступке возводимы были по своему сродству в один тип. <...> Тут было то же творчество, которое руководило Мольером при создании характера Тартюфа, а Гоголем, когда он создавал своего городничего. Процесс этого творчества прекрасно выражен самим Гоголем». Но напрасно бы вы искали Тартюфов, Гамлетов, Фальстафов, гоголевских городничих и Хлестаковых в окружающих вас людях: поройтесь же внимательно в самих себе — и вы отыщете их всех: оттого-то они так глубоко и задевают нашу душу, оттого-то все эти столь различные характеры и кажутся нам такими истинными. Точно так же и по той же причине типы темпераментов, созданные древними, поражают своею истиною; но точно так же, как все поэтические создания, будучи приложены к действительности, немедленно же требуют бесчисленных исключений. Чтобы добиться в темпераментах фактической истины, следовало бы открыть их физические причины, но это, несмотря на все попытки, до сих пор не удалось»[2]. (**92**)

Представляют интерес размышления К.Д.Ушинского о трудности уловления понятия личности, его многозначности и неопределенности, собранные в незавершенном очерке «Личность». Рассмотрев многочисленные бытовые варианты употребления слова «личность», К.Д.Ушинский приходит к таким заключениям.

«Часто «личность принимается в смысле лица, обладающего глазами, ушами и носом, а более всего двумя щеками»; в другом случае «личность принимается в смысле

---

[1] Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 12 т. — М., 1950. — Т. 10. — С. 437.
[2] Там же. — С. 442.

чести, которая тоже понятие чрезвычайно условное и иногда означает тайные грешки человека, такие местечки в его душе, до которых, если и нечаянно доткнешься, то человек на стену лезет». Во многих жизненных ситуациях «под личностью разумеется уже более весь человек и с руками, и с ногами, с крестом на шее или в петлице, с тем титулом, который присвоен ему по чину и должности, с состоянием, и даже с дядей, с теткой и двоюродным братом, особы важные».

Persona — это то же, что личность, и слово это вошло в общественное употребление с подмосток древнего театра: per — sona, т.е. лицо, издающее звуки на сцене; а потому и у нас именем персоны называется лицо, которое издает звуки, когда все вокруг него молчит. Персону зовут также и особой, т.е. чем-то особым, отдельным от людей в отличие от человека. Человек и особа — два понятия крайне противоположные; назвать особу человеком значит сказать особе личность, да она и не откликнется на название человека; та же особа, которая откликается на название — «человек!», вовсе не особа и ей вообще и нельзя сказать личности, что бы вы ни сказали.

Впрочем, личностью персону зовут только люди очень молодые, неопытные, не знающие приличий; во-первых, потому, что это и действительно не личность, а персона и может, чего боже сохрани, оскорбиться таким названием.

Есть еще несколько понятий личности. Русское общество очень полюбило это слово и придало ему множество весьма интересных значений. Когда оно вошло в русский язык, мы не знаем; на то есть филологи; но верно только то, что в Руси доекатерининской слово личность не употреблялось; хотя все понятия, которые и ныне придают ему, у нас были, конечно, тогда, как и теперь.

Не вправе ли мы после того сделать такое заключение. Ни рост, ни толстота, ни нос, ни губы, ни глаза, ни платья, ни бороды, ни пучина на голове не составляют личности. Но если личность не нос, не глаза, не рост, не семья, не имя, не фамилия; если она, словом, не имеет никаких примет, то что же она такое, наконец?

Но не только внешность, но и внутренность человека может меняться, не производя никакой перемены в личности человека; не только мысли и чувства (у кого же они проносятся в голове, как облака по небу, не оставляя следа?), но даже самые душевные (**93**) и умственные способности. Человек может поумнеть, поглупеть, сбиться с круга, совсем одуреть, а личность его останется все та же. Не верите? Мы сейчас и примерец приведем»[1].

Приходится только сожалеть, что эта работа о личности не была закончена.

Таким образом, К.Д.Ушинский, решая проблему личности, поставил ряд важных вопросов, прежде всего о «подлинности» человека, о чувстве Я как центре личности, о юридических истоках понятия личности. Он тесно связал понятия личности и души человека, сохранив, благодаря этому, внутреннее единство психологической науки.

2.2. Теория личности-гражданина П.Ф. Каптерева

Петр Федорович Каптерев (1849 — 1922) — один из первых отечественных психологов, который целенаправленно развивал идею социальной природы человеческой личности. Его по праву следует назвать зачинателем социально-психологического учения о личности.

Представления П.Ф. Каптерева о личности содержат четыре блока: «личность как общественность», соображения о личностно устроенной общественной среде,

[1] Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 12 т. — М., 1950. — Т. 10. — С. 630.

характер человека и концепция духовно-социальной закалки личности.

Личность как общественность. Личностью П.Ф.Каптерев называл «общественность» человека, т.е. «свойство, прямо противоположное эгоизму и личной замкнутости». Другим названием «общественности» служит «нравственность». «Общественность не есть что-либо чуждое человеку, а есть он сам, сама личность. <...> Общество — это часть самого человека: в нем самом живет общество, оно мыслит и действует через него». Но личность не является индивидуальной копией общества. Личность как общественность уместно рассматривать в процессе столкновения индивидуальностей, их связей и отношений. Это значит, что «личность есть создание общества, что добрая половина личности состоит из общественных продуктов». «Человек по самой своей природе есть общественник, личное его Я неотделимо от общественного Я, он по самой природе есть член общества, могущий жить только дыша общественным воздухом, действуя совокупно с другими. <...> Добрый общественник есть беспристрастный оценщик полученного по наследству культурного достояния, его хранитель и множитель»[1]. Как видно, из приведенных высказываний П.Ф. Каптерева, (**94**) категория личности, с его точки зрения, представляет собой в значительной степени оценку человека с позиции общества. Именно общество, его ценности выступают в качестве критерия личности. Это нравственный подход к определению природы личности, который имеет много общего с правоведческим подходом, согласно которому личность является субъектом легитимных прав и обязанностей и связанного с ними поведения.

Личность как общественность — это антитеза взгляду, согласно которому личность — нечто противостоящее общественности. «Совместная с другими работа не обозначает отказа от своего личного Я и отдельных личных интересов, а требует лишь согласия, гармонии стремлений отдельных личностей. В совместной дружной работе деятелей между другими Я есть и данное отдельное Я. Оно не забыто, оно не погибло: оно только вошло в союз с другими Я и свой личный интерес соединило с подобными же личными интересами других Я.

Личность (общественность) имеет ряд свойств. Это прежде всего уважение к самому себе и параллельное уважение личности другого, сознание ценности личности, поскольку другой представляет такую же личность, как его собственная.

Второе свойство личности — социальная активность, или «товарищеская личность»: способность (и возможность) «свободно и гласно высказывать свои мнения, совещаться о своих делах с сотоварищами». «Если мы все дела человека как общественника, члена известного целого будем решать за него, а ему предоставим уплату податей, исполнение воинской повинности и неустанный труд от колыбели до могилы, то гражданин будет поставлен в невозможность быть на деле добрым общественником. Он может быть при таких условиях покорным подданным, но не добрым общественником. Те страны и общества, в которых существуют подобные условия гражданской деятельности, суть, в сущности своей, полудикие страны, хотя бы в них существовали университеты и академии наук, хотя бы в обыденной жизни богатых классов применялось электричество, а в войсках и флоте были введены бездымный порох и подводные лодки»[2].

Личностное устройство общественной среды. П.Ф. Каптерев выделял две формы социальной среды, или общественных связей, формирующих личность: государственную и товарищескую, или, как сказали бы сегодня, — формальную и неформальную.

---

[1] Каптерев П.Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 197.
[2] Каптерев П. Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 197.

«Государственные связи — это более внешняя, чем внутренняя форма общественности, заключающаяся в исполнении различных обязанностей, вроде того, что нужно платить подати, поставлять солдат, исполнять государственные законы. По большей части государственные связи принудительные, выполнение их (**95**) поддерживается полицией и войсками, уголовными карами и всякого рода взысканиями». Государственная форма общественности, несмотря на свою необходимость, опасна для личности тем, что «государство пытается взять всю общественную жизнь под свою опеку, свести до минимума общественную деятельность, предоставить обществу преследование лишь частных и личных интересов. Государство вступает в борьбу с обществом, запрещает и разрушает всякие союзы, общества, собрания и стремится к полной дезорганизации общественности».

Представители государственной власти, как этого и естественно ожидать, обыкновенно мало заботятся о развитии иных связей, помимо государственных. Когда им приходится говорить о воспитании молодежи, то они постоянно твердят о дисциплине, необходимости повиновения, взысканиях, единообразии порядка во всем, приверженности существующему устройству, считая все это высшими добродетелями гражданина; о более высоких связях они не говорят, и в конце их речей обычно слышится угроза, полицейское или иное насилие.

Подобный взгляд, считал П.Ф.Каптерев, не отличается широтой и для воспитания недостаточен. Государственная связь между людьми очень важна, ее нужно поддерживать и охранять, но это совсем не означает, что ее нужно ставить превыше всего, особенно в той ее специальной форме, в которой она является в данный момент у данного народа. Государственность не лишена творчества, но это творчество специального вида — административно исполнительного, характера более внешнего, чем внутреннего. Для своего практического творчества государство имеет нужду в творчестве общественном, им оно питается, у него заимствует основы для деятельности. Само же по себе государство имеет склонность застывать в известных формах и порядках, слишком сживаться с ними, оно чрезвычайно трудно поддается новшествам, особенно в духе освободительных направлений. Оно очень любит руководствоваться примерами. Опираясь постоянно на полицию и войско, рассчитывая на силу и часто действуя вынужденно, государство чуждо идеальности и подозрительно относится ко всяким принципиальным исследованиям[1].

Для «внутреннего человека, глубины его ума и сердца», его совести и идеалов, «его святая святых» решающую роль играют «общественные связи и общественные интересы — эти «истинно жизненные и глубоко важные для людей интересы и связи». Для их реализации и удовлетворения учреждаются различные союзы, общества, собрания. Это союзы свободные, зависящие от вкуса и настроения каждого. Именно в этих союзах — источник народной жизни и творчества, в них зарождаются великие проекты и мысли. (**96**)

Не будь общественной работы и мысли, государство замрет совсем, закостенеет в установленных формах.

Не следует упускать из виду различие между общественностью и государственностью, религиозностью и церковностью. Необходимо воспитывать человека как общественное существо; но отсюда совсем не следует подчинение педагогического процесса государству и изменчивой политике. Необходимо воспитывать человека как существо, снабженное религиозным сознанием, но это не означает, что необходимо вносить в педагогический процесс церковные требования[2].

---

[1] Каптерев П. Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 234.
[2] Каптерев П. Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 210.

Соответственно двум видам социальной среды человека различаются две стороны личности: «товарищеская личность» и законопослушность, или личность «покорного подданного».

П.Ф. Каптерев считал, что самодержавие не обеспечивает личности свободное развитие. «Громадное большинство живет в невозможных условиях: нет сознания ценности своей личности, нет уважения личности других, нет условий благотворного культурного труда. Всюду опека, руководительство самозванных руководителей, раболепство, вынужденное и добровольное принижение. При таких условиях жизни выполнение задачи — быть добрым общественником — становится чрезвычайно трудным и даже прямо невозможным делом[1].

Таким образом, в число свойств доброго общественника необходимо включить уважение своей и чужой личности, право на основные условия благотворности культурного труда, на свободу деятельности. Наконец, в ряду дополнительных свойств доброго общественника должны быть и самодеятельность, и способность к инициативным проявлениям. Общественник, входя в союз с другими общественниками, не теряет своей личности. «Совместная с другими работа не обозначает отказа от своего личного Я и отдельных личных интересов, а требует лишь согласия, гармонии стремлений отдельных личностей. В совместной дружной работе деятелей между другими Я есть и данное отдельное Я. Оно не забыто, оно не погибло: оно только вошло в союз с другими Я и свой личный интерес соединило с подобными же личными интересами других Я. Личность — это энергичный борец за основные свойства человечности и главнейшие блага культуры»[2].

Правильно устроенная общественная среда, по П. Ф. Каптереву, адекватна личностным запросам. Правильно устроенная общественная среда предполагает справедливость и равенство в межличностных отношениях. «В отношениях к товарищам нужно наблюдать главным образом следующее: нужно принимать меры против (97) стремления к командованию, если бы таковое в дитяти обнаружилось, и особенно необходимо ополчаться против принижения и подавления дитяти каким-нибудь насильником-товарищем, против нарушения прав товарищеской личности»[3].

Между другими свойствами легко обнаруживается и страсть к командованию, к постоянному выдвижению себя на первое место, к получению лучших ролей и положений в игре, к игнорированию других людей. Эта наклонность противообщественная и несправедливая по существу, рассуждал П.Ф.Каптерев. Из того, что кто-либо силен, не следует, что он должен постоянно первенствовать и командовать, сила не всегда спасает и выручает. Иногда необходима сила, но часто нужны ловкость, мужество, находчивость. В разные моменты детской жизни должны появляться «главари» с разными свойствами; постоянное командование одного неудобно. С другой стороны, дети объединяются друг с другом для совместных игр, прогулок, занятий, осуществления каких-либо предприятий общими силами, но не для обнаружения талантов командования отдельного субъекта. «Права детей равны, и каково бы ни было дитя, оно имеет одинаковые со всеми другими полномочия выполнять любую роль и занимать какое угодно положение в игре, как скоро это не вредит последней. Командиры должны быть осаживаемы и серьезно ограничиваемы прежде всего соучастниками игры и предприятия, а потом и взрослыми воспитателями, потому что страсть к командованию проистекает часто даже не из силы, а из простого эгоизма дитяти и даже иногда из нелепого тщеславия родителей»[4].

---

[1] Там же. — С. 197.
[2] Там же. — С. 237 — 238.
[3] Каптерев П. Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 237—238.
[4] Там же.

«С особенной настойчивостью и энергией должны быть устраняемы в товарищеских отношениях детей подавление товарищей насильниками, ограничение товарищеских прав, превращение равноправных товарищей в подчиненных исполнителей воли насильника. Это самая гнусная и позорная вещь. Насильники всегда и везде найдутся, и им нужно давать самый жестокий отпор. Каждое дитя должно помнить, что оно имеет священнейшую обязанность охранять и защищать свои права, не поступаться ими ни малейшим образом перед насильниками. Если своих личных сил мало для защиты против насильника, нужно соединяться с другими детьми и вкупе, целым обществом преподносить суровый урок насильнику; если нельзя привлечь на свою сторону других детей, то следует обратиться к взрослым, чтобы они обуздали насильника. Во всяком случае, ни под каким видом нельзя терпеть нарушения своих прав, нельзя унижаться, терять свою волю, а нужно биться с насильником до тех пор, пока ему не будет дан чувствительный урок, чтобы вперед ему было неповадно (**98**) проявлять свои хищнические насильнические поползновения. Если бы даже дитяти было выгодно иногда, в каких-либо частных случаях поступиться своими правами и стать на сторону насильника, оно никогда не должно этого делать, так как подобное действование есть самая позорная вещь. Нужно питать к себе самоуважение и никому не позволять унижать себя, ограничивать свои права, распоряжаться собой; нужно сейчас же самым энергичным образом восставать на защиту своей личности и не успокаиваться до тех пор, пока наши личные права не будут признаны товарищами столь же святыми и неприкосновенными, как нами их права»[1].

«Чтобы дитя действительно стремилось постоянно защищать права своей личности против всех покушающихся на нее, необходимо ему привыкнуть к бережному обращению с своей личностью в семье. А для этого семья должна быть построена на принципе свободы и уважения всех членов семьи. В семье не должно быть насильника, который имел бы полноту прав и минимум обязанностей, по отношению к которому все другие члены имели бы минимум прав и максимум обязанностей. Все члены семьи имеют свои права, обусловливаемые их возрастом и положением. В частности, дети имеют не только обязанности в своих отношениях к родителям, но и права. Эти права не совсем ясно сознаются иногда родителями, хотя и принимаются ими к руководству; мысль родителей охотнее останавливается на обязанностях детей. В настоящее время ни один родитель не имеет права жизни и смерти над детьми, все, напротив, обязаны всячески охранять и поддерживать жизнь детей, т.е. должны по возможности, по своему состоянию и разумению удовлетворительно питать дитя, одевать его, помещать, сделать возможными прогулки и игры. Далее возникает вопрос об образовании дитяти. На него опять имеет дитя право, и родители, не заботящиеся по мере сил об образовании своего дитяти, не исполняют одной из важнейших своих обязанностей. Получение образования должно быть обставлено родителями такими условиями, чтобы образовательный процесс совершался легко. Затем, наконец, по окончании образования или при завершении его возникнет вопрос о выборе профессии, в решении которого главный вес должна иметь не воля родителей, а склонность детей.

Родители должны отчетливо осознать свое отношение к детям и выполнять свои обязанности к ним без криков, без угроз, без раздражения и гнева, с каковым спокойствием должны требовать и от детей исполнения их обязанностей по отношению к себе. Семья, построенная на таких принципах, будет представлять благоприятную почву для гражданского развития дитяти, для развития (**99**) в будущем

[1] Каптерев П.Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 237.

энергичного борца за неприкосновенность своих личных и гражданских прав, врага от всего сердца всяких насильников.

Семья сама должна быть глубоко проникнута нерасположением к подобным порядкам и признавать чувство самой строгой справедливости, а вместе христианскую любовь, для которой не существует ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, основой благоустроенного человеческого общежития. Эта прививка гражданственности будет происходить постепенно, по мере возраста и развития детей, но зато тем вернее и прочнее.

Школы тем и важны, что они суть своеобразные гражданские общества с довольно сложной организацией, в которых дети получают весьма важные, имеющие влияние на всю их позднейшую деятельность уроки общественной жизни. Организация товарищества — вопрос, мало разработанный в педагогике и теоретически.

Воспитание посредством товарищества есть одна из самых важных сторон в каждой школе, а между тем школа сравнительно мало обращает на это внимание.

Как устроится новичок со своими товарищами, каков дух и направление каждого класса, как относятся товарищи друг к другу, какие между ними партии, кто вожаки партий, нельзя ли помочь более тесному сплочению класса — подобными вопросами школы интересуются мало. Им некогда, они почти всецело поглощены программами, уроками, циркулярами и разными формальностями, а что составляет самую сущность юношеской жизни — взаимные отношения товарищей — об этом школа как будто и знать не хочет. Между тем строй товарищества — дело большой важности для гражданского воспитания детей»[1].

Учение о характере. Третья часть теории личности П. Ф. Каптерева — это учение о характере. Характер, согласно П.Ф.Каптереву, «исчерпывается двумя свойствами: а) предприимчивостью, способностью инициативы и б) настойчивостью, выдержкой, последовательностью в действиях. Если эти два свойства развиты, то характер полон и целен. Отсутствие или слабость одного из этих свойств делает характер «недостаточным». Характер — это своего рода талант. «Ученик, который признается тупицей в учении, может оказаться весьма талантливым по характеру, т.е. со значительной предприимчивостью и настойчивостью. Такой ученик не пропащий субъект, ему нужно только найти соответственное поле для деятельности, и он пойдет далеко. Если он совсем не способен к теоретическим занятиям, он может быть силен в практике»[2].

Характер — сторона личности, не имеющая непосредственного отношения к нравственности. «Связывать неразрывными узами (**100**) характер и нравственность нельзя; они могут существовать отдельно и независимо друг от друга. Без всякого сомнения, необходимо, чтобы нравственные принципы соединялись с твердым характером. Воспитание непременно должно стремиться достигнуть такого единства. Предприимчивость и настойчивость сами по себе свойства формальные, они могут быть направлены на разные стороны, на разные предметы, на хорошее и дурное. Нравственные принципы дадут этим формальным свойствам определенное содержание, поставят им ясную цель. Поэтому школа и воспитание должны стремиться превратить характер в нравственный, т.е. сочетать с характером нравственные принципы.

Но цели характеру, содержание предприимчивости и стойкости могут быть даны не только нравственными началами, но и эгоистическими, например честолюбием. В последнем случае деятельность человека явится такой же стройной и

---

[1] Каптерев П.Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 243 — 244.
[2] Там же. — С. 79.

цельной, как и в первом, в обоих случаях она может быть одинаково напряженной и последовательной.

Это значит, что характер сам по себе не зависит от альтруистических или эгоистических начал деятельности человека, те или другие начала могут соединяться с характером и своим различием окрашивать всю деятельность человека в свой цвет; но самый характер деятельности останется тот же в обоих случаях. Если же в одном случае была предприимчивость, то она будет и в другом; если там отсутствовала настойчивость, то она будет отсутствовать и здесь. И добрый и злой по своему характеру могут быть совершенно сходными людьми, оставаясь вполне различными по направлению деятельности, по принципам, лежащим в ее основе; оба равно могут быть или твердого, или слабого характера»[1].

П.Ф.Каптерев не вполне принимал точку зрения И.Гербарта, согласно которой в характере следует различать две главные стороны: объективную и субъективную. К первой принадлежат темперамент, склонность, привычка, желание, аффекты; вторую составляют результаты самонаблюдения и самоисследования, сознательной работы над собой, продукты исследующего и желающего субъекта. Первая сторона характера образуется раньше, вторая позже, вместе с развитием ума. В отроческом возрасте могут быть только начала субъективного характера[2].

Различение в характере объективной и субъективной сторон, полагал П.Ф.Каптерев, заслуживает внимания, так как характер слагается под действием многих и разнообразных причин. Но предпочтительнее разделять факторы, образующие характер, на три категории: естественные, культурные и личные. (**101**)

Естественные факторы — это те, которые даны природой при рождении человека и не могут быть устранены. Это твердые, мало поддающиеся изменениям основы характера, с которыми нужно считаться, на которых можно строить, но которые устранить нельзя. Таковы влияния темперамента, пола, страны, народа, его истории и языка, особенностей физического строения. Все это дано при рождении; ничего этого устранить нельзя, даже изменить можно немногое.

Культурные факторы в развитии характера многочисленны; они заключаются во влиянии родителей и их знакомых, семейной обстановки, школы, ее порядков и обучения, строя общественной и государственной жизни, избранной профессии и т.д. Эти факторы изменчивые, действие одного можно парализовать действием другого: они до некоторой степени во власти и воле человека.

Третья категория факторов, образующих характер, есть личная работа каждого над самим собой, процесс внутреннего самоусовершенствования и возрождения, критики, анализа, самоисправления. «В душе нет окон, в которые могло бы войти в нее что-либо извне, стороннее ей. Все, что есть в душе, есть результат ее самодеятельности»[3].

Концепция духовной закалки. Идея духовной закалки как составной части теории личности сводится к следующему. «Страдательная сторона нравственного закаливания заключается в ознакомлении дитяти с неприятными чувствованиями и даже страданиями. Чтобы дитя, знакомясь с окружающими его бедствиями и злом, не унывало, не падало духом, для этого нужно воспитать его сильным и бодрым. Оно

---

[1] Каптерев П. Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 79.

[2] Более точно идея И.Ф.Гербарта о двух сторонах характера формулируется так: «Ту часть хотения, которую человек уже находит в себе при самонаблюдении, мы назовем объективной частью характера, а то новое хотение, которое возникает только при самонаблюдении и вследствие самонаблюдения, в отличие от той части, назовем субъективной частью характера». (Гербарт И.Ф. Главнейшие педагогические сочинения в систематическом извлечении / пер. с нем. — М.: Тихомиров, 1906. – С.208.

[3] Каптерев П. Ф. Избр. педагогические сочинения. — М., 1982. — С. 358.

должно владеть энергией телесной и духовной»[1].

«Человек духовно закаленный есть человек энергичный, стойкий, способный к продолжительному и высокому напряжению всех своих духовных сил. Развитие духовной силы и энергии может совершаться лишь при достаточном упражнении. Знакомство с простейшими неприятными состояниями важно для развития симпатических чувствований»[2].

Как видно, персонологические идеи П. Ф. Каптерева вполне современны. Они оказали существенное влияние на А. С. Макаренко и А.Ф.Лазурского и нашли свое развитие в отечественной психологии XX в. Сегодня персонологические идеи П.Ф.Каптерева нуждаются в осмыслении на почве новых данных и в оценке места, занимаемого в общей совокупности знаний о личности. В равной степени это необходимо и социальной психологии, и социальной практике. (**102**)

2.3. Социально-адаптационная теория личности А.Ф.Лазурского

Александр Федорович Лазурский (1874 — 1917) — основоположник отечественной индивидуальной психологии. Он подходил к познанию личности как к сложному образованию, интегрирующему совокупность психических механизмов поведения. А. Ф. Лазурский внес заметный вклад в учение о темпераменте и характере, явился инициатором исследования отношений человека к социальной среде. Ему был свойствен гуманистический подход к человеку, который проявился, в частности, в разработке теории и методики естественного эксперимента. Усматривая определенную опасность применения экспериментальных методов в психологии личности, он предупреждал: «Индивидуальная психология в своем стремлении сделаться прикладной наукой идет не по тому пути; этот путь поведет лишь к полному порабощению личности технической машинообразной культурой. Если индивидуальная психология, наука о личности, пойдет на службу машине, то может оказаться, что живая человеческая личность будет окончательно задавлена».

А.Ф. Лазурский понимает личность как организованное единство элементов, объединяемых в две большие группы: эндопсихические и экзопсихические. В 1913 г. А.Ф. Лазурский работал вместе с С.Л. Франком над «Программой исследования личности в ее отношениях к среде». В качестве эндопсихических элементов А.Ф.Лазурский рассматривал основные психические функции: восприятие, память, внимание, мышление, эмоции, способность к волевому усилию, а также характер и темперамент личности. Эндопсихику А.Ф. Лазурский понимал как психофизиологическую основу, ядро личности; это отношение человека к различным категориям окружающей действительности: природе, материальным предметам, людям, социальным группам, духовным благам, к самому себе. Экзопсихика складывается на основе эндопсихики, но при взаимодействии с социальной средой. Это значит, что экзопсихика является результатом воспитания, профессиональной деятельности, сословных традиций и воззрений эпохи. В экзопсихику включаются и научные убеждения человека.

Уместно было бы поставить вопрос: что же включено в экзопсихику?

Эндопсихика как основа личности обусловливается не только биологически, а экзопсихика — не только социально. Обе подструктуры детерминируются и биологически, и социально. Их гармоничное сочетание дает полноценную индивидуальность, конфликт деформирует ее. (**103**)

---

[1] Там же. — С. 150.
[2] Там же. — С. 151.

Так как экзопсихика формируется постепенно, то в детском возрасте у человека преобладает эндопсихика. Отношения школьника к различным явлениям окружающей среды организуются на основе эндопсихики. Но постепенно эндопсихика обогащается экзопсихическими проявлениями. И уже в школе намечаются некоторые экзопсихические типы. Например, ученики с развитой фантазией — художники — тяготеют к занятиям искусством; умы теоретические — к математике, физике; активные — к организации шалостей и серьезных занятий; рассудочные — к хозяйственным делам. Профессиональные типы — ученые, художники и т. д. — тоже намечаются в школе. Итак, на основе эндопсихики проявляется тяготение к тем или иным идеалам.

А.Ф. Лазурский создал социально-психологическую классификацию (типологию) личностей, которая учитывала мировоззрение, идеалы и социальный облик человека. Основой классификации стала идея приспособления к окружающей социальной среде.

Приспособление зависит от одаренности и характеризуется степенью активности, которая и служит первым критерием классификации, объединяющим в себе два взаимосвязанных показателя: уровень одаренности и соответствующий этому уровню тип адаптации к среде. Вторым критерием классификации личностей явилось соотношение эндо- и экзопсихики.

Первый критерий классификации личности построен на том, что приспособление человека к окружающей среде имеет количественные характеристики, являясь более или менее глубоким и всесторонним. Это определяется прежде всего прирожденным запасом физических и духовных сил, т.е. «степенью одаренности». Естественно, имеют значение и внешние условия.

На низшем уровне приспособления среда подчиняет психику человека, насильственно подгоняя ее к своим требованиям. Поэтому представителей низшего уровня можно охарактеризовать как недостаточно приспособленных. На этом уровне бедная и слабо структурированная психика еще не имеет цельного мировоззрения. Человек руководствуется в своей деятельности и отношениях к людям небольшим количеством отрывочных и часто противоречивых сведений и правил.

Средний уровень приспособления характеризуется большей свободой использования факторов среды для своих целей. Человек выбирает соответствующий склонностям род занятий, работает продуктивно и с интересом. Будучи полезным обществу, он и себе обеспечивает материальное благосостояние и некоторый духовный комфорт. Такого человека можно назвать приспособившимся. Представители среднего уровня обладают тем или иным миросозерцанием, достаточно связанным и соответствующим их эндопсихике. Но им не хватает самостоятельности и оригинальности. (**104**)

На высшем уровне одаренности человек не ограничивается приспособлением на основе самоизменения. Он стремится переделать среду сообразно своим взглядам и потребностям. Люди высшего уровня творят новые формы жизни. Они воплощают культурные идеалы своей эпохи, а также привносят в жизнь нечто свое, индивидуальное. Люди этого уровня ведут творческий образ жизни. Элементы общественного миросозерцания подвергаются самостоятельной переработке применительно к потребностям и склонностям данного человека. В результате рождается что-нибудь свое, оригинальное. Но процесс творчества почти всегда сопровождается упорной борьбой, духовными и материальными лишениями. Интенсивная концентрация душевной деятельности в связи с повышенной идейностью стремлений заставляет пренебрегать материальными потребностями и обеспечением ровного, спокойного течения жизни.

Следовательно, низший уровень адаптации свойствен приспособляемому типу, средний — приспособившемуся и высший — приспособляющему (среду). Длительное влияние неблагоприятных или несоответствующих эндопсихике внешних условий понижает психический уровень, превращает чистый тип в извращенный. Значительное развитие альтруистических чувств повышает общий психический уровень личности и дает основание причислить эту личность к особому типу, отличающемуся от других по своему психическому содержанию.

Согласно второму критерию классификации личностей, соотношение эндо- и экзопсихики в структуре личности не одинаково. В одних случаях преобладает эндопсихика, т.е. сами по себе основные психические функции; в других — экзопсихика, т. е. идейная, отношенческая сторона, в третьих — экзо- и эндопсихика соответствуют друг другу, благодаря чему черты личности сливаются в один цельный и устойчивый психосоциальный комплекс. При этом направление развития интересов, взглядов и миросозерцания человека, его знаний и навыков диктуется особенностями нервно-психической организации.

Эндопсихика как ядро личности при образовании типов играет более существенную роль; экзопсихика дает внешнее, более или менее сформированное проявление того или иного типа, придавая ему рельефность, определенность и законченность. Экзопсихика — это положительное или отрицательное отношение к природе, людям, труду, принципам справедливости. Отношение, кроме своего знака (положительность—отрицательность, принятие-отвержение), характеризуется предметной широтой, активностью и методами взаимодействия. Предметная широта — это многообразие объектов внешней среды, к которым человек определил свои позиции. Активность отношения меняется в пределах (**105**) от созерцательности до преобразовательной деятельности. Отношение к внешней среде реализуется различными методами. Например, человек, стремящийся властвовать над другими, может достигать этого при помощи устрашения, морального авторитета, хитростей, уловок и т.д.; властвование может выражаться в деспотизме, принижении личности, или в требовательности, соединенной с уважением подчиненных.

Рассмотрим теперь, как используются оба критерия классификации для построения типологии личности. В прямой зависимости от типа адаптации к внешней среде находятся три психологических уровня личности, которые служат каркасом всей типологии. Дифференциация личностей на каждом из этих уровней обусловливается взаимодействием эндо- и экзопсихики.

Каждый человек проходит свой путь развития, результаты которого зависят от его одаренности, т.е. от богатства и интенсивности прирожденных способностей, и от внешних условий, способствующих или мешающих его развитию. В конце концов, человек достигает в известном возрасте доступного ему психического уровня. При нормальных условиях и соответствующем образовании человека этот уровень определяется одаренностью, или, как писал А. Ф. Лазурский, «общим запасом нервно-психической энергии». Этот запас имеет ряд проявлений.

Во-первых, это большее или меньшее богатство личности, общее количество, разнообразие и сложность психической продукции. О богатстве личности судят по «объему интереса» или широте той области, на которую он распространяется.

Во-вторых, о психическом уровне свидетельствует интенсивность отдельных психических проявлений. У выдающегося музыканта и слух тоньше, и музыкальная память более развита, и чувства, вызываемые звуковыми сочетаниями, ярче и интенсивнее, чем у посредственного.

В-третьих, психический уровень — это большая или меньшая сознательность и идейность проявлений человека. Чем выше духовная организация, тем сознательнее

определяет человек свое отношение к отдельным явлениям и всему окружающему, руководствуясь нравственными, социальными принципами и общим мировоззрением.

В-четвертых, психический уровень проявляет себя возрастающей координацией психических элементов, составляющих личность. В данном случае речь идет о совершенствовании структуры личности.

Результатом сопряженного применения избранных критериев является следующая классификация личностей.

На низших уровнях психической одаренности и адаптации к среде в зависимости от преобладания основных функций выделяются следующие типы личности. (**106**)

1. Рассудочные, склонные поверхностно обсуждать разные поступки, их причины и последствия, т.е. пустая рассудочность из-за слабой общей одаренности.

2. Аффективные, в поведении которых преобладают эмоциональные процессы. Это люди подвижные, живые, напоминающие сангвиников; чувственные, со значительным развитием органических влечений, мечтатели, которым присуще репродуктивное воображение, что проявляется преимущественной сосредоточенностью на внутреннем мире.

3. Активные, характеризующиеся преобладанием волевого процесса. Эти люди импульсивны, их действия беспорядочны; внешние волевые акты преобладают над внутренними; среди них встречаются покорно-деятельные, мотивы поведения которых производны от внешних указаний, и упрямые, не способные менять принятых решений.

Личности среднего уровня дифференцируются по преобладанию идеалистических или реалистических тенденций на две категории: непрактичные (теоретики-идеалисты) и практики-реалисты.

1. Теоретики-идеалисты — это ученые со спокойным, ясным, последовательным мышлением, способствующим научным занятиям; художники, посвятившие себя каким-либо искусствам (характерная эндо-черта — развитое воображение, воспроизводящее и отчасти творческое); религиозные созерцатели.

2. Практики-реалисты представлены следующими типами:

а) человеколюбцы (альтруисты), которым свойственно развитое чувство симпатии (сочувствия), обусловленное повышенной аффективной возбудимостью, а также силой и устойчивостью отдельных чувств;

б) общественники — аффективно-деятельные, общительные и предприимчивые в общественных делах;

в) властные (характерная эндо-черта — твердая воля и четкие цели, что дает этим людям возможность руководить окружающими); разновидность этого типа составляют люди, волевая энергия которых направлена на борьбу с внешней природой;

г) хозяйственные — расчетливые, склонные к многократному обсуждению своих действий, к сложным практическим предприятиям.

Как видно, типы среднего уровня представляют собой последовательное развитие соответствующих им по своей эндопсихике типов низшего уровня. Но здесь, на среднем уровне, сильнее выражены психосоциальные комплексы, т.е. экзопсихика.

На высшем уровне А. Ф.Лазурский рассматривает людей, сознательность и координированность психики которых достигают необычайного развития. В их личности экзопсихическая сторона (высшие идеальные проявления) является ведущей, но эндопсихика (**107**) находится в полном согласии с экзопсихикой. Основанием для дальнейшей классификации личностей высшего уровня являются идеалы (экзопсихические структуры), которые рассматриваются как характерологические факторы. Важнейшие из них: 1) альтруизм; 2) знание: индуктивное, дедуктивное; 3)

красота; 4) религия; 5) общество, государство; 6) внешняя деятельность, инициатива; 7) система, организация; 8) власть, борьба.

1. В основе альтруистического типа высшего уровня лежат характерологический эмоциональный комплекс, включающий вчувствование, переживание чужих горестей и радостей, развитые высшие, идейные чувствования (нравственные и религиозные), интерес к внутренним переживаниям, самоуглубление. Эндоэлементы этого комплекса: возбудимость, сила и продолжительность чувств, развитая воля, направленная на помощь страждущим. Наряду с основным комплексом альтруистический тип имеет один или два добавочных. Добавочные комплексы определяют способ, которым осуществляется альтруизм. Например, воля, направленная на борьбу с притеснениями, формирует борца за справедливость. Глубокая вера в блага просвещения и нравственное перерождение человечества образует тип альтруиста, направляющего свои силы на воспитание подрастающего поколения, каким был выдающийся швейцарский педагог И. Г. Песталоцци (1746 — 1827). Англичанин Роберт Оуэн (1771 — 1858) — человек иного склада, типичный промышленник, осторожный и расчетливый, посвящает свое состояние и всю энергию рабочему классу и создает новые формы организации труда.

2. Познавательный тип личности характеризуется развитой мыслительной деятельностью. Добавочными компонентами служат память и наблюдательность, способность к волевому усилию в умственной области и интеллектуальные чувства (интерес к новому, чувство удовлетворения при удачном решении той или иной проблемы и т.д.). Эти комплексы определяют преобладающее направление познавательной деятельности, а именно, интерес к природе, художественные склонности, религиозное или нравственное чувство, любовь к людям, интерес к хозяйству и технике. Преобладание индуктивного или дедуктивного способов мышления дает возможность разбить данный тип на две группы.

А. Люди индуктивного типа мышления находятся среди естествоиспытателей и исследователей внутреннего, психического мира. Яркими представителями индуктивной группы познавательного типа служат Ч. Дарвин и Дж. Локк. Необычайно наблюдательный, идеально точный в опытах, Ч. Дарвин отличался крайней осторожностью в гипотезах и выводах. Ко всяким дедукциям он относился с недоверием, пока они не были подтверждены фактическими данными. Математики Ч.Дарвин не любил и мало был к ней способен. Зато в собирании фактов был неутомим, обнаруживая (**108**) громадную настойчивость и трудоспособность. Ту же систематичность и последовательность проявлял он и в объеденной жизни: в денежных счетах отличался большой аккуратностью; бережливо относился ко времени, рассчитывая его чуть ли не по минутам, и т.д.

Английский философ Дж.Локк отличался большой наблюдательностью и обладал обширным запасом практических знаний в области человеческого духа. В его сочинениях есть множество тонких наблюдений над детьми и первобытными народами. Изучение различных явлений жизни Дж.Локк считал источником мудрости, считая, что это дает ему больше, чем философские гипотезы. Неслучайно он явился основателем эмпиризма, доказывающего, что познание происходит из опыта.

Б. Представителям дедуктивного подтипа свойственна склонность к прямолинейному логическому мышлению; восприятие, а следовательно, и значимость единичного факта отступают на второй план. Эмоции проявляются в интеллектуальной области. Воля достигает высокого развития, нацеливаясь на внутренние переживания; внешняя активность незначительна. В таком складе эндопсихики преобладает абстрактное мышление, которое реализуется в рационалистическом и идеалистическом направлениях в философии, склонности к математике и гуманитарным предметам и в

предпочтении данных самоанализа фактам внешней реальности.

Типичным представителем является Р. Декарт.

3. Тип личности, ориентированный на ценности красоты, характеризуется обилием и яркостью представлений, богатой образной памятью, эмоциональностью, могучее развитие которой отражается во всех проявлениях личности, и тонким эстетическим чувством. На этой основе развивается творческое воображение и выраженная впечатлительность, как результат сочетания восприятий с интенсивностью эмоций. Мышление остается по преимуществу образным, конкретным и интуитивным; в образах же реализуется развитая способность обобщения, принятия и выражения общих идей. Бессознательное в сочетании с эффективностью характеризует мышление и поведение. Воля занимает подчиненное положение. По мере роста личности творчество все больше насыщается идейным синтезом, который у высших представителей рассматриваемого типа достигает философского постижения, открывающего вечный смысл в преходящих символах. Превосходство творческих способностей делает их создателями новых форм и направлений.

В области экзопсихики характерными являются примат эстетической оценки и самодовлеющая ценность переживаний. Отсюда вытекает стремление к более полной и многосторонней жизни, склонность к эпикуреизму, индивидуализм, пантеизм в религии и т.д. (**109**)

В качестве примера гармонического слияния субъективного и объективного А.Ф. Лазурский приводит личность А.С. Пушкина. Он подчеркивает восприимчивость поэта, его отзывчивость и интерес к различным сторонам жизни; огромный диапазон переживаний — от высочайших подъемов творчества до мелкого тщеславия. Способность вчувствования явилась источником богатой галереи образов А.С.Пушкина и дала ему возможность оставить след во всех направлениях литературного творчества. В основе — органическая любовь А.С. Пушкина к жизни, признание ее ценности во всех проявлениях.

Развитие общественного комплекса экзопсихики создает тип художника-общественника, к которому относится Н.А. Некрасов. Как художник впечатлительный, увлекающийся, обладающий тонким эстетическим чутьем и высокоразвитой критической способностью, он был отзывчив на все проявления человеческого страдания. Общественный инстинкт сосредоточил его мысли на определенных темах. В результате обе группы склонностей проявились в творчестве Н.А. Некрасова. Чувство действительности трезвого общественника-практика сочеталось с эмоциональностью художника.

Если у художника достигает высокого развития интеллект, склонность к общим идеям или к позитивному знанию, то творчество приобретает художественно-мыслительной характер, и фантазия направляется построениями философской мысли. Примером художника-мыслителя является И.В. Гёте.

4. Основу религиозного типа образует отношение к Богу как абсолютной ценности, вера в него, чувство единения с ним и вытекающее отсюда поведение. Особенностями личности являются яркость представлений, развитая фантазия, обилие религиозных образов и большая эмоциональная возбудимость: глубокое и сильное чувство в состоянии экстаза всецело овладевает личностью. В области воли на первый план выступают акты, обращенные на личность самого носителя религиозной идеи и направляющие его усилия в сторону самоусовершенствования и аскетизма. Развитие аффективной сферы и бессознательных процессов лежит в основе интуитивности религиозного мышления и его мистического направления.

Влияние эмоциональной сферы сказывается на всей деятельности и отношениях личности, характерной особенностью которых является оперирование антитезисами —

антагонистическими понятиями благого Бога и злого духа, добра и зла, противопоставление мира материального миру духовному с отрицанием первого и сосредоточением на втором, склонность к самоуглубленному религиозному размышлению. Личная уступчивость и мягкость сочетаются с настойчивостью в делах веры, личная неприхотливость — со стремлением к торжественному блеску ритуала, личное смирение — с твердым авторитетом в области религии. (**110**)

Религиозные личности высшего уровня являются типами комбинированными в большей степени, чем другие типы данного уровня. Среди них встречаются следующие подтипы: реформаторы (М.Лютер), властители (папа Григорий VII), организаторы-администраторы (основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола).

5. Тип общественника, который характерен и для среднего уровня, выделяется на высшем уровне наличием осознанной цели: общественное благо становится определяющей целью деятельности. Личность легко возбудима, аффективна, обладает зрелым характером, развитым интеллектом и сознанием ответственности. Мышление конкретно, научные интересы отличаются прикладной направленностью. В центре отношения к миру лежит стремление служить обществу. Проблема взаимоотношения индивидуума и коллектива решается в пользу последнего: благо общества признается выше блага личности, обнаруживается тяготение к демократизму. Представители этого типа скромны и неприхотливы.

Таковы народные вожди, например, Дж. Гарибальди.

Развитие дополнительных комплексов создает комбинированные подтипы, из которых заслуживают особого внимания художник, общественник-публицист и властный общественник-государственник. Властные черты резко выступают в личности Бисмарка, «железного канцлера», объединителя немецких земель.

6. Тип личности, воплощающий внешнюю деятельность, инициативу, устремлен к широкой и интенсивной деятельности как самоцели. Идеалом является труд, умелый, неутомимый, грандиозный по результатам. Обладая развитым воображением, представители этого типа всегда заняты широкими проектами, планами реформ и т.д. Живая любознательность, наблюдательность и развитая память доставляют им большой запас фактических знаний. Активные натуры не интересуются отвлеченными теоретическими вопросами. Склонность к абстрактному мышлению отсутствует. Ум приспособлен к действию, находчив, быстро схватывает и осмысливает обстоятельства.

Преобладают активные чувства, настроения отличаются положительным тоном; они бодры, жизнерадостны, оптимистичны, любят общество, развлечения, роскошь. Развитая эффективность с одновременным наличием высших и низших влечений является основой так называемой широкой противоречивой натуры. Волевая сфера активна, имеется самообладание и способность к напряженной работе.

Практический склад ума выражается в неприятии идеализма, в религиозном равнодушии, в гедонистическом и утилитаристском складе морали. Они склонны к демократизму и придерживаются либерально-прогрессивных воззрений.

Потемкин Таврический — типичный представитель этой группы деятелей, людей широкого замысла и инициативы: все, что (**111**) ни предпринималось им, начиная с безудержного разгула до знаменитого греческого проекта, делалось в огромном масштабе.

Другую разновидность деятельностного типа представляют правители, как, например, Петр Великий. В его личности основным является стремление к деятельности, активное вмешательство в жизнь в целях ее усовершенствования, инициатива во всех областях государственной жизни, стремление к новым формам, свобода от рутины.

Деятельность в экономическо-финансовой области создает особый тип капиталиста — расчетливого деятеля с сильно выраженной рассудочной стороной. Его целью является богатство, идеалом — деньги, и как самоцель, и как средство власти. Эта цель обусловливается не столько внутренним складом (эндопсихикой) субъекта, но главным образом обстоятельствами, препятствующими свободному росту. Власть, как известно, развращает, власть денег — особенно. Все это сдерживает развитие идейной стороны личности.

7. Тип личности, связанный с организацией, характеризуется стремлением к систематизации, осуществлению намеченного и приведению в порядок существующего. Не склонный ставить новые цели, он использует средства для достижения уже поставленных целей. Он отличается консерватизмом или осмотрительным либерализмом, склонностью к улучшениям, к деятельности в установившихся рамках.

В отношении религии преобладает внешняя обрядовая сторона при отсутствии внутреннего чувства.

В отношении к праву и морали на первый план выступает формально-логическая сторона, которая может выродиться в формализм, служение букве, а не духу закона.

В отношении к людям руководствуется формально-безучастным расчетом.

Воззрения отличаются ясностью, последовательностью и схематичностью. Всюду проглядывает эгоизм, который может умеряться широтой кругозора и уровнем развития. Деятельность направляется не отдельными идеями, а широкой систематической программой. В основе всех этих проявлений лежат черты рассудочно-деятельного типа. Интеллект, бедный образами и фантазией, с развитым произвольным вниманием, схематичен и служит практическим интересам.

Слабая эффективность ограничивается сферой основной деятельности и личных интересов. Воля настойчива и упорна в рамках привычного систематического труда, но в новых условиях, там, где необходимы инициатива, находчивость и решительность, оказывается недостаточной. Этот недостаток компенсируется предусмотрительностью и дальновидным расчетом, устраняющими нарушения планомерной работы. (**112**)

Рассматриваемый тип чаще встречается в рядах крупной бюрократии, в промышленности.

Представителем организационной и систематической деятельности является один из родоначальников горного дела в России Акинфий Демидов. Он родился крестьянином, умер дворянином, обладателем многочисленных миллионов. Построил десятки заводов, разрабатывал металлы, имеющиеся на Урале, проводил дороги. Эти стороны его деятельности, характеризуя главным образом волевую сферу, позволяют судить и об интеллекте. Заслуживает внимания его стремление к знанию; еще в период петровских реформ он ездил за границу для ознакомления с организацией производства. С морально-социальной стороны ему свойственны расчетливость, неразборчивость в средствах, неуважение к личности, деспотизм.

М.М.Сперанский (1772—1839) сочетал в себе склонности систематизатора и идеал государственного блага. Он отличался высокой умственной одаренностью, умел быстро и хорошо работать. Стремление к активной деятельности определило его отход от науки и направило на государственные и административные реформы, где его склонности нашли широкое применение. Приведение в систему государственного механизма и законов составило основной труд его жизни. Этому главному идейному направлению его деятельности соответствовали проявления в обыденной жизни: сдержанность, спокойствие, трезвость, разумная умеренность, предусмотрительность, точность, аккуратность, неутомимость, простота в отношениях с людьми. Энергичная

деятельность и достигнутые результаты подчеркивали волевую сторону характера М.М. Сперанского. Яркой эмоциональности у него не было, и только раз в жизни, при смерти жены, он проявил глубокую и сильную аффективную реакцию.

8. Последний в классификации А.Ф. Лазурского — властный тип, ему свойствен культ власти. Он чаще всего встречается среди государственных, военных и политических деятелей. Экзопсихика этого типа — идеализация власти. Он является сторонником единодержавия, централизации, дисциплины и порядка. В отношении к людям требователен и деспотичен, покровительствует покорным, нетерпимо враждебен к неподчиняющимся. В любви активен, склонен подчинять себе; честолюбив и самоуверен; к излишествам не склонен. Интерес дела ставит выше всего. Стремится к ясности и определенности; интересуется практической жизненной философией.

Со стороны эндопсихики отмечается развитая активная воля: настойчивость, решительность, энергия, самообладание, точность и выдержка. Интеллект развит и ориентирован реально-практически. Выражен интерес к жизни и хорошее знание людей.

Люди этого типа не склонны подчиняться авторитету; сообразуются с требованиями действительности. В суждениях и оценках (**113**) самостоятельны. Бессознательные элементы в психике не играют значительной роли, в действиях они руководствуются ясно поставленными целями. Органические влечения слабо развиты; эстетические, а также идейные чувства достигают значительной высоты.

Мотивы власти имеют личный или общественный характер, и власть становится средством осуществления их. Этим определяются разновидности типа. Примером эгоцентрического типа деятельности, направленной по преимуществу мотивами честолюбия, является Наполеон Бонапарт. В лице Оливера Кромвеля А. Ф. Лазурский находил представителя идейной власти, воспринимающего себя только средством осуществления определенного религиозно-политического идеала.

Таким образом, классификация личностей А.Ф.Лазурского — одна из первых попыток широкого подхода к проблеме человеческого разнообразия. Эта попытка не принесла решения данной проблемы, но направление мысли и пример автора заслуживают подражания. Определенный вклад в ее конкретизацию внес В.Н. Мясищев. Тем не менее теория личности Лазурского, в том числе ее раздел, связанный с классификацией личностей, не получила значительного развития в отечественной психологии.

2.4. Органическая теория личности В. М. Бехтерева

Владимир Михайлович Бехтерев (1857— 1927) шел к понятию личности от своей рефлексологической реформы психологии. Его концепция ставит ряд важных персонологических вопросов: возможно ли понять на основе сочетательного принципа динамику возникновения личности; каков рефлексологический механизм влияния социального фактора на развитие и функционирование личности; что представляет собой соотношение личностей в обществе и формирование так называемой «собирательной личности»?

В.М. Бехтерев отличался широким системным видением психологической проблематики. Он предпринял редкую в психологии попытку применить теорию сочетательного рефлекса у человека для выявления механизма формирования личности. Эта задача по своей сложности превосходит все, что когда-либо предпринималось в области психологического познания.

Бехтерев связывал понятие личности с «самобытными особенностями» и

активностью, самодеятельностью человека. «Личность есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями — индивид, как самодеятельное существо по отношению к (**114**) окружающим внешним условиям»[1]. Личность — это объединяющее и направляющее начало, которое руководит мыслями и поступками человека, определяя «активное отношение к миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий». «Только объективные проявления личности доступны внешнему наблюдению, и только они составляют объективную ценность»[2].

Он чувствовал свою близость к русской социологической школе в лице П.Л.Лаврова, Н.К. Михайловского Н.Кареева, Е.В. Де Роберти, П.А. Сорокина, выдвинувшей значение личности как высшей этической ценности и истинной социальной индивидуальности.

Характерной чертой решения В.М. Бехтеревым личностной проблемы является акцент исходного пункта зарождения личности. Это — следы внутренних, телесных сигналов, несущих информацию о собственном организме и формирующих «внутренний опыт». Личность, или «личная сфера» человеческой психики, начинает свой рост от «совокупности следов» внутренних раздражений, т.е. «раздражений, которые притекают от внутренних органов к головному мозгу». Следы от внутренних раздражений служат источником образования личности на том основании, что они, «находясь в теснейшей связи с постоянно притекающими новыми раздражениями, имеют тенденцию к оживлению и, следовательно, составляют как бы несменяемую гамму следов», присутствующую в состоянии бодрствования.

Определенную роль играет то, что внутренние следы формируются раздражениями, которые в большинстве случаев строго не локализованы и поступают в мозг с различных областей тела в противоположность внешним раздражениям. Это служит основанием для того, чтобы идентифицировать теорию личности В.М.Бехтерева как «органическую».

По словам самого В.М. Бехтерева, его теория личности «основывается на энергетическом учении, признающем все внешние проявления отдельного индивида результатом приобретенной им энергии с процессом рождения, питания и воздействия со стороны внешних влияний»[3].

Роль внутренних следов в формировании личности еще более возрастает вследствие того, что они, «благодаря установившимся сочетаниям являются в то же время объединителями следов, оставляемых внешними воздействиями»4.

Внешние воздействия (и их следы) имеют двоякую природу; одни из них связаны с удовлетворением органических потребнос-

4 Бехтерев В. М. Объективная психология. — М., 1991. — С. 124.

тей, другие — социальных. Соответственно, личность базируется на дифференцированной совокупности взаимосвязанных следов. Преобладание следов органического типа проявляется в форме эгоизма, а социального типа — в форме альтруизма.

Комплекс следов, входящих в личную сферу (сферу внутреннего опыта), оказывает направляющее влияние на большинство внешних психических реакций. Благодаря своему особому значению для организма внутренние раздражения и их следы (сочетания личного характера) преобладают над внешними сочетаниями и играют руководящую роль во многих реакциях, которые кажутся обусловленными внешними раздражениями, а на самом деле стоят в зависимости от оживления следов,

---

[1] Бехтерев В. М. Личность и условия ее развития и здоровья. — СПб., 1905. — С. 6.
[2] Там же.
[3] Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. — М., 1994. — С. 191.

входящих в личную сферу.

Внешние реакции меньше зависят от особых качеств внешних раздражений и больше от преобладающих в данное время органических раздражений и следов. Более того, «этот же комплекс следов и раздражений является побудителем самостоятельных реакций, непосредственно независимых от внешних раздражений. Эти реакции В.М.Бехтерев называет «личными».

Внешние впечатления и их следы вступают в прочное сочетание со следами внутренних реакций на органические раздражения, вследствие чего личная сфера руководит огромным большинством внешних движений.

Особое отношение организма к внешним раздражениям, обусловленное исключительно прошлым влиянием их на внутренние процессы организма, доказывает известную самостоятельность личной сферы. Личная сфера, оживляющаяся при всяком изменении общего состояния организма, а также при всевозможных внешних раздражениях, является интимным ядром психики и главным руководителем внешних реакций организма. Личная сфера, концентрируя в себе запас важнейшего для жизни организма прошлого опыта, образует главный центр психической деятельности, лежащей в основе активного и самостоятельного отношения человека к окружающему миру. Интимное ядро психической сферы (сохраненные в центрах следы от рефлексов на внутренние раздражения и постоянно оживляющиеся под влиянием новых внутренних и связанных с ними внешних раздражений) является залогом самостоятельного индивидуального отношения организма к окружающему миру.

Личная сфера делится на органическую и социальную. Органическая сфера — это совокупность следов от органических рефлексов и тех внешних рефлексов, которые непосредственно с ними связаны. Эта сфера является «главнейшим руководителем» реакций на раздражения окружающего мира, имеющие отношение к поддержанию благосостояния организма. Социальная сфера личности формируется на основе органической сферы под влиянием (**116**) событий, содержанием которых являются нравственные и социальные отношения между людьми. Она — результат дальнейшего развития основного ядра психики, которое, возвышаясь до оценки социальных отношений, приводит к образованию личности как самобытной психической особи в социальной жизни народов. Социальная сфера осуществляет высшее руководство действиями по установлению отношений между личностью и другими членами сообщества.

Для того чтобы человек был существом общественным в настоящем смысле слова, необходимы упрочившиеся сочетания между следами от органических реакций и теми воздействиями, которые дает общественная среда. Социальная сфера, развивая и дополняя органическую, частично подавляет ее новыми сочетаниями, в которые вступают социальные воздействия. В личности культурного человека преобладание социальной сферы выражается альтруистическими поступками, противостоящими органическим потребностям. При этом социальные условия, которые благоприятны для общего блага, возбуждают поступки, улучшающие эти условия, в противном случае возбуждаются поступки, устраняющие неблагоприятные условия[1].

Когда люди, несмотря на усталость, вынуждены работать или сдерживать свои инстинкты, когда они развивают деятельность не под непосредственным влиянием инстинкта, а для обеспечения своих потребностей в будущем, мы имеем дело с проявлениями социальной сферы. Последняя, хотя первично и развивается в связи с органическими раздражениями, возбуждающими инстинктивные рефлексы, но, в сущности, находится вне прямой зависимости от инстинктивных рефлексов, —

[1] Бехтерев В.М. Объективная психология. — М., 1991. — С. 396—397.

реакций, частью согласованных с последними, частью же идущих им как бы наперекор[1].

Таким образом, социальная сфера личности, развиваясь на органической почве, подавляет органические воздействия прошлым опытом социальных отношений и социальными воздействиями. Она является объединяющим звеном и возбудителем всех следов психорефлексов, возникающих на почве общественной жизни и оживляющих те или иные органические реакции[2].

Личность проявляет себя так называемыми «личными движениями», или реакциями. Говоря просто, личные движения (рефлексы) — это двигательные реакции в результате оживления следов личной сферы. Подобно всем другим реакциям, они могут быть наступательными или оборонительными, а также принимать форму активного сосредоточения и символического речевого поведения. (**117**)

В отличие от всех прочих реакций личные рефлексы являются целесообразными поступками. Личное сосредоточение всегда обусловливается определенной целью.

Если движение возникает как бы независимо от внешних раздражений, если уже наступившее движение внезапно приостанавливается, или изменяет свое направление независимо от каких-либо внешних влияний, то речь идет о личной реакции. Это значит, что внешние импульсы служат лишь толчком, который возбуждает следы внутренних раздражений, приводит к сочетательным (условным) рефлексам личного характера. Благодаря этому при слабом внешнем раздражении личное движение может оказаться сильным, а в другом случае оно будет слабым и не адекватным внешнему раздражению.

Личные движения, или рефлексы, являются сочетательными; они имеют место только при сочетании внешних впечатлений со следами личной сферы. К личной реакции должно отнести и задержку психорефлекторного движения по внутренним мотивам, связанным с развитием социальной личности.

Поступки человека — это объективные выразители личности. Поступки определяются не характером внешних впечатлений, а теми отношениями, которые устанавливаются между ними и результатами прошлых впечатлений, возбуждавших органические реакции. Поступки имеют личные мотивы, стоящие в прямой связи с прошлым индивидуальным опытом. Отсюда их большая или меньшая самостоятельность или кажущаяся независимость от внешних воздействий. Сфера личности, занимая центральное положение в психике, направляет внешние реакции, которые при всей своей сложности приобретают целесообразный для индивида и его сообщества характер. По своей конечной цели поступки человека носят эгоистический или альтруистический характер в зависимости от того, руководятся ли они органической или социальной сферой личности. Преобладание развития той или другой сферы в человеке должно, таким образом, отражаться и на его поступках. Условия социальной жизни являются высшими определителями внешних отношений. Поэтому даже неблагоприятные для самого индивида, но благоприятные для других членов сообщества внешние воздействия могут возбуждать стеническую реакцию, тогда как благоприятные для самого индивида, но неблагоприятные для других членов сообщества внешние воздействия должны возбуждать оборонительную реакцию[3].

Указанными выше отношениями поддерживаются нравственные начала общественной жизни. Подвиги милосердия, жертвы имуществом и собственной жизнью на общее благо, религиозный экстаз и др. представлялись бы немыслимыми, если бы у человека (**118**) преобладающее развитие получила лишь органическая или

---

[1] Там же. — С. 392.
[2] Там же. — С. 394.
[3] Бехтерев В.М. Объективная психология. — М., 1991. — С. 397.

индивидуальная сфера личности. Только упрочившиеся сочетания между следами от органических реакций и воздействиями, которые дает окружающая человека общественная среда, выдвигают значение последних перед многими другими воздействиями и, таким образом, делают человека существом общественным в настоящем смысле этого слова.

Личная сфера является руководителем также и реакций сосредоточения как подготовительной стадии наступления или обороны. Благодаря сосредоточению появляется возможность целесообразного, отвечающего потребностям выбора внешних впечатлений. Кроме того, реакция сосредоточения может направляться вовнутрь, на следы прежних раздражений, чем объясняется регулирование сочетательной деятельности той же сферой личности.

Подобно оживлению двигательных следов, личность оказывает влияние и на оживление словесных следов, благодаря чему под руководством и в тесной связи с личностью оживляются следы определенных символических рефлексов и подавляются другие. В результате мы имеем ряд словесных сочетаний, находящихся в правильном соподчинении друг с другом, известном под названием суждения.

На этом же участии личной сферы основывается и комбинирующая или синтетическая способность психики. Чтобы из двух величин составить третью, нужно иметь ряд соподчиненных сочетаний, которые находятся в зависимости от личности. Анализ также стоит в теснейшей связи с личной сферой. Таким образом, умственная работа основывается на словесных сочетаниях с ближайшим участием личной сферы.

Новый шаг в развитии человеческой личности достигается благодаря символизации. Только процесс символизации дает возможность оперировать с такими комбинациями внешних впечатлений и их взаимоотношений, которые далеко удаляются от окружающей действительности, благодаря чему появляется возможность возвышения личности над ближайшими потребностями организма и окружающей его природой. Этические, религиозные и сложные правовые отношения не могли бы возникнуть при отсутствии символизации следов. Только благодаря символизации следов явилась возможность полного развития человеческой личности. Переход от изобразительной (идеографической) письменности к фонетической также обозначил собой крупнейший шаг в развитии человеческой личности, немногим уступающий тому значению, какое имело превращение речи жестов и междометий в членораздельную речь, состоящую из слов[1]. (**119**)

Цивилизованный человек живет в мире идей. Для него мир реальных объектов в значительной степени заменен миром идей, символов, ценностей. Эти идеи, символы и ценности постепенно развивались и накоплялись в течение всей человеческой истории. Самая история человечества представляется как бы развивающейся традицией или социальным духом, который не может быть понят вне его содержания.

В концепции В.М. Бехтерева есть попытка подойти к вопросу об индивидуальных особенностях личности. Под индивидуальными особенностями личности он понимал характер, поскольку известны его многочисленные классификации. «Основная причина дифференциации личностных особенностей заключается в относительном преобладании органических или социальных рефлексов, благодаря чему людей можно разделить прежде всего на эгоистов и альтруистов. И те и другие делятся на мыслителей, художников и руководителей (организаторов); у мыслителей имеет место преобладание умственной работоспособности и сосредоточения, у художников — тонкой высоко дифференцированной впечатлительности, у организаторов — находчивости и решимости, как, например, у

[1] Бехтерев В. М. Объективная психология. — М., 1991. — С. 21.

полководцев.

Уместно также выделение типов деятельных, пассивных, аффективных и рассудочных, хотя при этом в значительной мере затрагиваются уже особенности темперамента.

Личностная концепция В.М. Бехтерева дает свой ответ и на проблему свободы личности. «С точки зрения объективной психологии не может быть даже и вопроса об абсолютно свободном определении своих действий и поступков, так как все поступки человека зависят от личной сферы, т. е. от особенностей тех рефлексов и их следов, которые образуют личность в человеке. Значит, человек в своих поступках не может быть выразителем какой-либо иной, а не своей личности»[1]. Личная реакция, несмотря на всю ее сложность, подчинена определенной закономерности, а потому может быть предсказываема при знании внешних обстоятельств и при полном знакомстве с прошлым и личными особенностями данного человека.

Своеобразно решается В.М. Бехтеревым вопрос о связи личности с другими людьми. Связь эта многоплановая.

С одной стороны, сама личность в высших своих проявлениях есть продукт общества, которое характеризуется составом его членов, т. е. личностей. Однако обязана ли человеческая личность своим развитием исключительно обществу? «Наследственность и то, что относится к проявлениям инстинктов, представляет собою, несомненно, биологическое явление, а между тем можно ли представить себе развитие личности без влияния наследственности и (**120**) без инстинктов. Кроме того, не обязан ли человек своей руке, давшей язык жестов, первоначальным развитием своей личности, быть может, в той же мере, как и в позднейшее время, словесному языку? А между тем развитие руки не столько обязано социальным условиям жизни, сколько биологическим причинам. Ведь рука получила свое развитие главным образом в зависимости от того, что человек благодаря условиям естественного отбора или непрерывному упражнению встал на ноги и из четвероногого или, вернее, четверорукого превратился в двуногое существо».

Теория сочетательного рефлекса также дает возможность установить, что личность не является исключительным результатом общественности. Чтобы защитить себя от нападения дикого зверя, достаточно было выработаться сочетательному рефлексу между ревом и видом дикого зверя, с одной стороны, и возможностью его нападения — с другой: спасением от него благодаря индивидуальному опыту мог быть только рефлекс бегства или рефлекс защиты оружием. Общественность в выработке и того и другого не является необходимой, хотя она и обобществляет путем подражания индивидуально полезный опыт.

Существенную роль в формировании личности играет индивидуальный опыт, «который, впоследствии обобщаясь, сам по себе воспитывает личность, тем более что последняя вовсе не так слабо проявляется у нецивилизованных народов, как думают некоторые. Но наряду с этими условиями воспитания личности путем индивидуального опыта, начинающегося с первого дня бытия человеческой личности, создаются и условия воспитания человеческой личности в играх, сотрудничестве и т.д. путем коллективного опыта, в котором играет особую роль подражание как рефлекс исключительно общественного типа».

Следовательно, личность первоначально развивалась под влиянием как биологических, так и социальных факторов, позднее же преимущественно, хотя и не исключительно, под влиянием социальных факторов, и потому личность должна быть признана явлением биосоциального происхождения. Было бы большим увлечением

[1] Бехтерев В. М. Объективная психология. — М., 1991. — С. 400.

признать, как делают некоторые из неопозитивистов, что человеческая индивидуальность и, соответственно, личность, не имеет иного корня, как в социальности.

Что же касается вопроса о том, что, как некоторые полагают, будто человек благодаря своему развитию создал общественность, то на него нужно ответить отрицательно. Конечно, чем более развита человеческая личность, тем лучшие общественные формы она создает, а отсюда не подлежит сомнению влияние развитой личности на общественность. Но спрашивается, обязана ли общественность развитию личности? Поставленный в такой форме вопрос не может иметь другого решения, как в отрицательном смысле. Первым доказательством этому является феномен подражания. (**121**)

Всякому ясно, в какой мере развитие личности обязано подражанию. Не будь подражания, не могло бы быть и личности как общественной особи, а между тем подражание черпает свой главный материал из общения с себе подобными, с которыми благодаря сотрудничеству развивается род взаимной индукции и взаимовнушения.

Еще одна сторона вопроса о взаимных связях между личностями заключается в том, что «личность человека никогда не исчезает бесследно». Каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней, хотя бы косвенно, соприкасались во время ее жизни, и, таким образом, живет в них и в потомстве как бы разлитой, но зато живет вечно, пока существует вообще жизнь на земле. В течение своей жизни человек, если можно так выразиться, рассеивает свою энергию среди близких и не близких ему лиц, которые в свою очередь передают приобретенное другим, а те — третьим и так далее до пределов человеческих взаимоотношений, причем в претворенном виде это влияние личности на других себе подобных, в свою очередь, будет воздействовать на самую личность, первоначально давшую толчок к воздействию на других[1].

В собирательной человеческой личности все взаимно связаны друг с другом, и нет ни одного происшествия, которое не отразилось бы в той или иной мере всюду. Один подвиг вызывает преемственно другой подвиг, и одно преступление влечет за собой другое преступление.

Без социальности нельзя представить себе совершенствующейся человеческой личности. Совершенствование одного не только не должно мешать совершенствованию других, а даже содействовать тому, иначе и собственное совершенствование оказалось бы социальным ущербом. Таким образом, жизнь, согласованная с социальностью, есть совершенствование, а следовательно, и добро.

Метафору личности В.М. Бехтерев использовал и для анализа групповых процессов. Предложив понятие «собирательной личности», он полагал, что «проявления собирательной личности, открываемые при анализе общественной жизни, подчиняются такой же закономерности, какая открывается при строго объективном изучении проявлений отдельной личности. Это тождество В.М. Бехтерев оценивал как «известный успех», ибо учение о противоположении личности и толпы в значительной мере преувеличено. В проявлениях социальной жизни мы встречаемся, в сущности, с теми же рефлексами в форме общественных движений, (**122**) какие мы находим в деятельности отдельной личности. Это для нас должно быть вполне понятным, если мы примем во внимание, что коллектив есть не что иное, как собрание отдельных

---

[1] Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология // Избр. работы по социальной психологии. — М., 1994. — С. 194.

связанных между собою теми или иными интересами личностей, представляющее собою нечто целое в виде одной коллективной или собирательной личности. Вот почему законы деятельности коллектива суть те же, что и законы деятельности отдельной личности. Иначе и быть не может, ибо коллектив действует как объединенная группа индивидов.

При всем том личность и общество не являются противоположностями, ибо наиболее совершенное общество может состоять только из наиболее совершенных личностей. Поэтому в интересах общества не подавлять личность, а, наоборот, ее развивать. Обществу надлежит содействовать всестороннему развитию личности, ограждая себя от распада путем укрепления солидарности между его сочленами. В этом и только в этом должна быть подача организованного общества, именуемого государством. Но эта форма соотношения общества и личности есть дело будущего, ибо до настоящего времени общество подавляло личность своими традициями, обычаями, обрядностями, этикетами и другими условностями и установлениями. Совершенствование и упорядоченная свобода, высшее развитие творческой деятельности и вместе с тем создание общественно развитой личности при равенстве всех вообще прав и при устранении порабощения и эксплуатации одной личности другою есть задача будущего общества, пока еще неосуществленная на земле. В этом случае задача создания совершенной личности совпадает с осуществлением наиболее совершенного общества. Личность здесь является высшей ценностью, и подавление ее ценных индивидуальных сторон должно быть признано явлением антисоциальным.

Таким образом, личностные взгляды В.М. Бехтерева отличаются последовательностью и проведены по всему спектру психологии — от ее психофизиологических основ до социально-психологических вершин. Это именно тот путь, который и должен привести к целостной и непротиворечивой теории личности.

2.5. Проблема личности в трудах Л. С. Выготского

Для Льва Семеновича Выготского (1896 — 1934) проблема личности и ее развития — центральная и высшая проблема всей психологии.

В динамике его взглядов на личность можно выделить по крайней мере два этапа. Первый отражен, в частности, в его «Педагогической (**123**) психологии» (1926, 1999). Л.С. Выготский придерживается в основном традиционных личностных представлений. Его интересуют вопросы характера и темперамента, их природа и соотношения: «С самых первых времен развития психологии наряду с частными проблемами человеческого поведения выдвигались и проблемы темперамента и характера, охватывающие все поведение человека в целом»[1].

Л. С. Выготский подчеркивает два подхода в понимании характера: статический и динамический. При статическом подходе характер рассматривается как устойчивая и постоянная величина, а не как процесс становления. «Классическую формулу этого традиционного воззрения дал Т.Рибо, выдвинувший два условия, необходимых и достаточных для того, чтобы установить понятие характера: единство и стабильность, под которыми он подразумевал единство во времени. Истинный признак характера, по Рибо, то, что он появляется в раннем детстве и остается постоянным в течение жизни; настоящий характер врожден»[2]. В последнее время статический взгляд на характер нашел законченное и полное выражение в теории Э. Кречмера, который рассматривает характер в связи со строением тела, как психическую конструкцию наряду с

[1] Выготский Л. С. Педагогическая психология. — М., 1999. — С. 324.
[2] Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1983. — Т. 5. — С. 153.

соматической. И та и другая, т.е. строение тела и характер, определяются, по его мнению, в конечном счете врожденной эндокринной системой. Развитие человеческого характера, согласно статической точке зрения, есть лишь пассивное развертывание того основного биологического типа, который врожденно присущ человеку.

Л.С. Выготский в это время надеялся, что теория условного рефлекса позволит преодолеть традиционный взгляд на характер и личность в целом. «Механизм условного рефлекса раскрывает динамику личности, показывает, что личность возникает на основе организма как сложная надстройка, создаваемая внешними условиями индивидуальной жизни.

Именно это учение показывает, что все в личности построено на родовой, врожденной основе и вместе с тем все в ней надорганично, условно, т.е. социально. Характер условен (или обусловлен). Статически характер равен сумме известных основных признаков личности и поведения; он есть поперечный разрез личности, ее неизменный статус. Понять характер динамически — значит перевести его на язык основных целевых установок в социальной среде, понять его в борьбе за преодоление препятствий, в необходимости его возникновения и развертывания, во внутренней логике его развития»[1]. (**124**)

Динамический подход к характеру означает учет не только прошлого личности, но и ее будущего.

Что касается темперамента, то для Л. С. Выготского это «понятие наиболее физиологическое и биологическое и охватывает ту сферу личности, которая обнаруживается в инстинктивных, эмоциональных, рефлекторных реакциях».

Соотношение темперамента и характера Л.С. Выготский трактует так: если характер образует нечто вроде индивидуальной надстройки над прирожденным поведением, то темперамент — это надстройка над «безусловными формами». «Темперамент есть наличная предпосылка, а характер — конечный результат воспитательного процесса»[2].

«Конечно, такое словоупотребление несколько условно, но оно совершенно правомерно, во-первых, поскольку не порывает резко с психологической традицией, всегда относившей характер к сфере воли, а темперамент — к сфере чувства, а во-вторых, поскольку оно совершенно точно различает два коренных пласта в человеческом поведении — прирожденный и приобретенный. Другими словами, такое словоупотребление законно, поскольку оно отвечает реальным фактам».

Как видно, позиция Л.С. Выготского относительно личности определялась убежденностью в том, что «высшие и наиболее сложные функции, образования и стороны личности» не являются «природными, натуральными»[3]. Эта позиция дистанцировала Л.С. Выготского не только от психоанализа, для которого «все культурное в психологии личности есть непрямое обнаружение влечений», но и от других способов понимания личности, не имеющих ничего общего с психоанализом.

Л.С. Выготский не хотел идти по пути «разоблачения замаскированных биологических тенденций, раскрытия природного ядра, содержащегося в каждой культурной форме поведения, биологической расшифровке исторических образований в психологии человека, раскопок бессознательной подпочвы личности и общества, сведения их к архаическим, первобытным, изначальным формам психической жизни». Он не был сторонником перевода «культуры на язык натуры, отыскания природного эквивалента культурно-психологических функций»[4].

---

[1] Там же. — С. 154.
[2] Выготский Л. С. Педагогическая психология. — М., 1999. — С. 325.
[3] Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1983. — Т. 3. — С. 347.
[4] Там же. — С. 19.

Л.С. Выготский даже органическое развитие воспринимал как исторически обусловленный биологический процесс, поскольку он совершается в культурной среде. Фактически имеет место слияние двух планов развития — натурального и культурного, примером чего служит развитие речи[1]. Поэтому оба ряда изменений (**125**)

взаимопроникают один в другой и образуют, в сущности, единый ряд социально-биологического формирования личности. Генетическая многоплановость личности, содержащей в себе пласты различной древности, сообщает ей необычайно сложное строение и одновременно служит как бы генетической лестницей, соединяющей через ряд переходных форм высшие функции личности с примитивным поведением в онто- и филогенезе.

Это не означало, что Л.С. Выготский не рассматривал в личностном контексте другие — «не высшие» — формы психической активности. «Индивид в поведении обнаруживает в застывшем виде различные законченные уже фазы развития. Наличие рудиментарных функций как нельзя лучше подтверждает идею «геологического» строения личности и вводит это строение в генетический контекст истории поведения. <...> Вся сила человеческого творчества, высочайший расцвет гения возможны не на худосочной бескровной почве умерщвления инстинктов, но на основе их высочайшего расцвета и полножизненного напряжения их сил. Уже отсюда делается совершенно понятным, что в воспитании эта огромная природная сила импульса должна быть использована в полной мере».

На втором этапе эволюции личностных взглядов Л.С. Выготского проблема личности включается в культурно-историческую теорию и тесно связывается с вопросом о возникновении и развитии высших психических функций. Сама же личность понимается как «высший психический синтез»[2].

Л.С. Выготскому стало ясно, что проблема личности и ее развития будет закрытой для любой психологической отрасли до тех пор, пока вопрос о высших психических функциях не будет рассматриваться как процесс культурного развития. История культурного развития ребенка приводит к истории развития личности. Культурные формы поведения суть именно реакции личности.

Развитие личности и развитие реакций личности — по существу две стороны одного и того же процесса. Прослеживая культурное развитие психических функций, мы прочерчиваем путь развития личности ребенка. Изучая их, имеем дело не с отдельными абстрактными процессами, разыгрывающимися в личности, но с личностью в целом. Вопрос упирается в личность и ее отношение к поведению.

Высшие психические функции характеризуются особым отношением к личности. Культурные приемы поведения являются личностными реакциями. В их возникновении интенсивно и сознательно участвует вся личность. В поведении взрослого культурного человека примитивные реакции выступают на первый план лишь тогда, «когда личность не закончена, не вполне развита или пара

126

лизована чрезмерно сильным раздражением». Культурные приемы поведения не возникают просто, как внешний навык, они становятся неотъемлемой частью самой личности, укореняя в ней новые отношения и создавая совершенно новый их строй.

Идею о высших психических функциях как путь к решению проблемы личности развивала Л. И. Божович: «Высшие психические функции представляют собой ту психологическую реальность, которая составляет неотъемлемую сущность человека, являясь содержанием его жизни, регулятором поведения». Эту линию развития мы

---

[1] Там же. — С. 31.

[2] Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1983. — Т. 3. — С. 40.

считаем центральной для психологической характеристики личности, — утверждает Л.И. Божович. В процессе онтогенетического развития в психике ребенка возникают качественно новые образования. Они представляют собой интегративные системы разного уровня сложности, в состав которых входят и менее сложные психологические функции. Именно они, как некий целостный «механизм», определяют поведение и деятельность человека, его взаимоотношения с людьми, отношение к окружающему миру и к самому себе.

Наряду с такого рода новообразованиями существуют и другие, более сложные интегративные системы. Эти системы имеют иной путь, иную структуру, иные функциональные особенности. Примером такой сложной психологической системы, имеющей достаточно устойчивый характер, но развивающейся на протяжении жизни, является сознание. Сознание является центром, в котором интегрируются все психологические новообразования, определяя личность субъекта как «высшую психологическую систему» (Л.С. Выготский) — ее структуру и индивидуальные особенности. Начальный этап формирования личности завершается возникновением центрального личностного образования в виде «системы Я». В эту систему входит не только некоторое знание, но и отношение к себе. Все дальнейшее формирование личности теснейшим образом связано с развитием самосознания, имеющего на каждом возрастном этапе свои специфические особенности.

Формирование целостной, непротиворечивой личности не ограничивается развитием лишь ее способности к сознательному самоуправлению. Кризис 7 лет связан с появлением нового центрального для личности системного образования, которое мы обозначаем термином «внутренняя позиция». Ребенок на рубеже 7 и 8 лет начинает воспринимать и переживать себя в качестве «социального индивида», и у него возникает потребность в новой жизненной позиции и общественно значимой деятельности, обеспечивающей эту позицию.

Кризис подросткового возраста, самый сложный и длительный, характеризуется в первой его фазе (12—14 лет) возникновением способности ориентироваться на дальние цели («способность к целеполаганию»), а на второй фазе (15—17 лет) — осознанием (**127**) своего места в будущем, т. е. рождением «жизненной перспективы»: в нее входит и представление о своем желаемом «я», и о том, что он хочет совершить в своей жизни[1].

Врастание нормального ребенка в цивилизацию представляет обычно единый сплав с процессами его органического созревания. Оба плана развития — естественный и культурный — совпадают и сливаются один с другим. Оба ряда изменений взаимопроникают один в другой и образуют, в сущности, единый ряд социально-биологического формирования личности ребенка. Поскольку органическое развитие совершается в культурной среде, постольку оно превращается в исторически обусловленный биологический процесс. В то же время культурное развитие приобретает совершенно своеобразный и ни с чем не сравнимый характер, поскольку оно совершается одновременно и слитно с органическим созреванием, поскольку носителем его является растущий, изменяющийся, созревающий организм ребенка. Развитие речи ребенка может служить хорошим примером такого слияния двух планов развития — натурального и культурного.

Это не означало, что Л.С. Выготский не рассматривал в личностном контексте другие — «не высшие» — формы психической активности. «Индивид в поведении обнаруживает в застывшем виде различные законченные уже фазы развития. Наличие

---

[1] Божович Л.И. О культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности // Вопросы психологии. — 1988. — № 5. — С. 193.

рудиментарных функций как нельзя лучше подтверждает идею “геологического” строения личности и вводит это строение в генетический контекст истории поведения». Генетическая многоплановость личности, содержащей в себе пласты различной древности, сообщает ей необычайно сложное строение и одновременно служит как бы генетической лестницей, соединяющей через ряд переходных форм высшие функции личности с примитивным поведением в онто- и филогенезе.

Вторая идея, лежащая у истоков персонологических взглядов Л.С. Выготского, — это идея общения и интериоризации. Он полагал, что надо поставить в центр исследования «переход от социального воздействия вне личности к социальному воздействию внутри личности» и выяснить, что представляет собой этот переход».

Аппарат и ключ к нему находятся в разных руках. Один человек через речь воздействует на другого. Но вся сложность вопроса становится сразу очевидной, как только мы соединяем аппарат и ключ в одних руках, как только мы переходим к понятию автостимуляции и овладения собой. Здесь возникают психологические связи нового типа внутри одной и той же системы поведения. (**128**)

Формирование личности подчиняется фундаментальному закону психологии (П.Жанэ), согласно которому ребенок начинает применять по отношению к себе те самые формы поведения, которые первоначально другие применяли по отношению к нему. Ребенок сам усваивает социальные формы поведения и переносит их на самого себя. Этот процесс предполагает употребление знаков, которые первоначально являются средством социальной связи, средством воздействия на других и только потом оказывается средством воздействия на себя, формой проявления личности.

Так личностные атрибуты общества становятся достоянием человеческой индивидуальности: «Через других мы становимся самими собой»[1].

В общем, отношения между высшими психическими функциями были некогда реальными отношениями между людьми. Я отношусь к себе так, «как люди относятся ко мне». Как словесное мышление представляет перенесение речи внутрь, как размышление есть перенесение спора внутрь, так точно и психически функция слова, по Жанэ, не может быть объяснена иначе, если мы не привлечем для объяснения более обширную систему, чем сам человек. Первоначальная психология функций слова — социальная функция, и, если мы хотим проследить, как функционирует слово в поведении личности, мы должны рассмотреть, как оно прежде функционировало в социальном поведении людей. Регулирование посредством слова чужого поведения постепенно приводит к выработке вербализованного поведения самой личности.

Если мы обратимся к средствам социальной связи, мы узнаем, что и отношения между людьми бывают двоякого рода. Возможны неопосредованные и опосредованные отношения между людьми. Неопосредованные основаны на инстинктивных формах выразительного движения и действия. Когда В. Келер описывает обезьяну, желающую добиться того, чтобы другая обезьяна пошла с ней вместе, как она смотрит ей в глаза, подталкивает ее и начинает действие, к которому она хочет склонить свою подругу, перед нами классический пример непосредственной связи социального характера. В описаниях социального поведения шимпанзе приводятся многочисленные примеры, когда одно животное воздействует на другое или посредством действий, или посредством инстинктивных автоматических выразительных движений. Контакт устанавливается через прикосновение, через крик, через взгляд. Вся история ранних форм социального контакта у ребенка полна примерами подобного рода, и здесь мы видим контакт, устанавливаемый посредством крика, хватания за рукав, взглядов.

---

[1] Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1983. — Т. 3. — С. 144.

Таким образом, подражание и разделение функций между людьми — основной механизм модификации и трансформации функций (**129**) самой личности. Если мы рассмотрим первоначальные формы трудовой деятельности, то увидим, что там функция исполнения и функция управления разделены. Важный шаг в эволюции труда следующий: то, что делает надсмотрщик, и то, что делает раб, соединяется в одном человеке. Это, как мы увидим ниже, основной механизм произвольного внимания и труда. Это и есть процесс становления личности.

Мы можем сформулировать общий генетический закон культурного развития в следующем виде: всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах: сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, образованию понятий, развитию воли. Мы вправе рассматривать высказанное положение как закон, но, разумеется, переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции. За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей. Отсюда одним из основных принципов нашей воли является принцип разделения функций между людьми, разделение надвое того, что сейчас слито в одном, экспериментальное развертывание высшего психического процесса в ту драму, которая происходит между людьми.

Высшие психические функции, например, функция слова, раньше были разделены и распределены между людьми, потом стали функциями самой личности.

Прежде из индивидуального поведения психологи пытались вывести социальное. Исследовали индивидуальные реакции, найденные в лаборатории и затем в коллективе, изучали, как меняется реакция личности в обстановке коллектива. Раньше предполагали, что функция есть у индивида в готовом, полуготовом или зачаточном виде, в коллективе она развертывается, усложняется, повышается, обогащается или, наоборот, тормозится, подавляется и т.д. В отношении высших психических функций дело должно быть представлено диаметрально противоположно, функции сперва складываются в коллективе в виде отношений детей, затем становятся психическими функциями личности[1].

Культурное развитие заключается в том, что в процессе совместной жизни и деятельности общественный человек вырабатывает ряд искусственных стимулов, знаков. При их помощи направляется общественное поведение личности, они же становятся основным средством, при помощи которого личность овладевает собственными процессами поведения. (**130**)

Развитие высших психических функций ребенка возможно только на путях их культурного развития, все равно, пойдет ли культурное развитие по линии овладения внешними средствами культуры, как речь, письмо, арифметика, или по линии внутреннего усовершенствования самих психических функций, т.е. выработки произвольного внимания, логической памяти, отвлеченного мышления, образования понятий, свободы воли и т.д.

По содержанию процесс культурного развития может быть охарактеризован как развитие личности и мировоззрения ребенка.

Личность в данном понимании имеет более узкий смысл, чем в обычном словоупотреблении. Мы не причисляем сюда всех признаков индивидуальности, отличающих ее от ряда других индивидуальностей, составляющих ее своеобразие или относящих ее к тому или иному определенному типу. Мы склонны поставить знак

---

[1] Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. - М., 1983. - Т. 3. - С. 146-147.

равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Личность, таким образом, есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития, поэтому «личность» есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения. В этом смысле коррелятом личности будет отношение примитивных и высших реакций, и в этом плане вводимое понятие совпадает с тем, которое в области психопатологии устанавливает Э.Кречмер.

«Под мировоззрением мы также не склонны понимать какие-либо логические, продуманные, оформленные в осознанную систему взгляды на мир и его важнейшие части. Мы склонны употребить это слово тоже в синтетическом смысле, соответствующем личности в плане субъективном. Мировоззрение — то, что характеризует поведение человека в целом, культурное отношение ребенка к внешнему миру. Часто это скорее миродействие, чем мировоззрение»[1].

Сущность культурного развития заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для овладения является образование личности, и поэтому развитие той или иной функции всегда производно от развития личности в целом и обусловлено им. Если верно, что развитие каждой отдельной функции есть производное от развития личности в целом, следовательно, прослеживая развитие каждой отдельной функции, мы прослеживали этим самым и развитие личности. Личность как бы незримо присутствовала и участвовала в процессе овладения своими реакциями.

Таким образом, мы видим, что концепция личности Л. С. Выготского, не будучи завершенной, является исключительно плодотворной (**131**) и вдохновляющей. В ней содержатся идеи, которые все еще ждут своего развития.

2.6. Ценностно-ориентационная теория личности С. Л. Рубинштейна

Теорию личности Сергей Леонидович Рубинштейн (1889—1960) изложил в ряде работ, наиболее значительными из которых являются «Основы общей психологии», «Человек и мир», «Принципы и пути развития психологии», «Бытие и сознание» и др.

О вкладе С.Л. Рубинштейна в психологическую теорию личности свидетельствует то, что он вернул тему личности в отечественную психологию. Насколько значимым было включение в учебники психологии, вышедшие в свет в середине и конце 30-х гг. XX в., раздела о личности, видно из сравнения работы С.Л.Рубинштейна с учебником М.Я. Басова «Общие основы педологии» (1931), в котором понятие личности встречается очень редко.

С.Л. Рубинштейн сформулировал личностный принцип, представил личность как комплекс базовых свойств: направленности, характера, способностей и темперамента, впервые включив сюда свойство направленности. Основой личности служило самосознание и сознание.

Личностный принцип — это идея, согласно которой все психические явления имеют личностную природу; личность является основанием, на котором осуществляются все психические процессы, находясь тем самым в зависимости от личности. Это значит, что необходимо исследовать психические процессы и состояния как процессы и состояния личности, имея в виду, что изучение процессов переходит в изучение свойств личности. Личностный принцип является методологическим, потому что то или иное решение проблемы личности определяет общую теоретическую концепцию психологии.

---

[1] Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. — М., 1983. — Т. 3. — С. 316.

Важным открытием С.Л. Рубинштейна явилось указание на неправомерность возвышения понятия субъекта относительно «человека» и «личности»: «Человек есть человек лишь в своем взаимоотношении к другому человеку. В качестве субъекта он (человек) есть тот, для которого все есть объект и только объект...»[1].

С.Л. Рубинштейн предложил далеко идущую идею о природе человеческих способностей, связав их с обучаемостью: «Все специальные способности человека — это, в конце концов, различные проявления общей его способности к освоению достижений человеческой культуры и ее дальнейшему продвижению. Способности (**132**) человека — это проявления его способности к обучению и труду»[2].

Психический облик личности в целом раскрывается ответом на три вопроса: чего человек хочет, что он может и что он есть. Первый вопрос о направленности (об установках и тенденциях, потребностях, интересах и идеалах). Второй — о способностях и дарованиях человека. Третий — о характере. Все эти свойства — направленность (система мотивов и задач, которые ставит себе человек), характер и способности — являются центральными структурами личности. Именно эти свойства делают человека существом общественным, пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности.

С.Л. Рубинштейн представляет личность целостно, структурно, как «совокупность психических свойств человека (особенно свойств характера и способностей), взаимосвязанных, взаимообусловленных и находящихся друг к другу в отношении определенной субординации. Существенно не только то, какими психическими свойствами обладает человек, но и то, какую роль — ведущую или служебную — каждое из них играет в общем строе данной личности»[3].

Все стороны психического облика личности образуют неразрывное единство, они функционально взаимосвязаны. Интерес к определенной деятельности (направленность) стимулирует развитие соответствующей способности, а способность, обусловливая плодотворную работу, стимулирует интерес к ней, т.е. вносит вклад в направленность.

Так же тесна взаимосвязь способностей и характера. Большие способности отражаются на характерологических свойствах, порождая уверенность в себе и твердость или же самомнение и беспечность. Малые способности порождают робость, неуверенность в себе или упорство и трудолюбие. Характерологические свойства (целеустремленность, настойчивость, упорство в достижении цели) необходимы для развития способностей. Это единство психического облика человека носит индивидуальный характер.

Психические свойства человека С.Л. Рубинштейн объединил в две группы — характерологические свойства и способности. Первая связана с побудительной (мотивационной), вторая — с организационно-исполнительской сторонами психической регуляции поведения.

Характер человека — это закрепленная в индивиде система генерализованных обобщенных побуждений. Таким образом, характер рассматривается как аспект (или двойник?) направленности личности. Фактически определения характера и направленности (**133**) совпадают, поскольку направленность, по С.Л. Рубинштейну, — это «динамические тенденции, которые в качестве мотивов определяют человеческую деятельность»[4].

С.Л. Рубинштейн поднял важные методологические вопросы теории личности, в

---

[1] Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М., 1973. — С. 255, 259.
[2] Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М., 1973. — С. 643.
[3] Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М., 1957. — С. 313 — 314.
[4] Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М., 1946. — С. 623.

том числе вопрос о свойствах личности и соотношении их с психическими процессами. Подчиняясь рефлекторному принципу, С.Л. Рубинштейн определил психические свойства как «способность индивида на определенные объективные воздействия закономерно отвечать определенными психическими деятельностями»[1]. Он указывал на то, что поведение исходит из свойств личности, поэтому за поведением нужно увидеть эти свойства. Он считал, что между свойствами и процессами существует органическая связь: «Обособление психических свойств от психической деятельности неизбежно ведет к нежелательной субстанциализации психического, в том числе и психических свойств».

В качестве источника свойств личности С.Л. Рубинштейн называл психические процессы, или «психическую деятельность». Психические деятельности — это тот «строительный материал», из которого складываются психические свойства человека. Способности — это закрепленная в индивиде система обобщенных психических деятельностей. Характер человека — это закрепленная в индивиде система генерализованных обобщенных побуждений и т.д. В связи с этим встает «узловой вопрос: как мотивы (побуждения), характеризующие не столько личность, сколько обстоятельства, в которых она оказалась по ходу жизни, превращаются в то устойчивое, что характеризует данную личность. Именно к этому вопросу сводится в конечном счете вопрос о становлении и развитии характера в ходе жизни. Побуждения, порождаемые обстоятельствами жизни, — это и есть тот «строительный материал», из которого складывается характер[2].

Психические процессы создают содержание личности. Каждый вид процессов вносит свой вклад в ее внутреннее богатство. Память, например, сохраняет и воспроизводит личное прошлое, согретое теплотой переживания. Она обусловливает единство сознания, отражая преемственность между нашим «сегодня» и нашим «вчера». Формирование личности — это овладение динамикой собственной психики, образование таких «органов» («механизмов», или «аппаратов»), которые используют возможности познания, воли и действия для разрешения жизненных задач.

Нейрологическую основу психического свойства образует соответствующий «функциональный орган» (термин К.Д. Ухтомского). (**134**) Та или иная психическая деятельность предполагает наличие сформированного «функционального органа», или функциональной системы, выполняющей данную психическую функцию.

Свойства личности — способности и характер — формируются в ходе жизни. Но их развитие определено врожденными особенностями организма, прежде всего нервного аппарата. Когда А.Н. Леонтьев в докладе «Природа и формирование психических свойств и процессов человека» («Вопросы психологии», 1955, № 1) заявил, что «все психические свойства и процессы человека представляют собой продукт прижизненно складывающихся систем мозговых связей — условных рефлексов», то С.Л. Рубинштейн отметил, что исходные положения этого доклада требуют лишь следующего корректива: «надо учитывать и их безусловно-рефлекторную основу».

Правда, врожденные особенности очень многозначны. На основе одних и тех же задатков могут выработаться различные способности и черты характера, в зависимости от хода жизни и деятельности. На эту позицию следует обратить внимание: у Рубинштейна задатки — это психофизиологические структуры, которые «предшествуют» не только способностям, но и другим свойствам личности, например характеру. В данном пункте позиции С.Л.Рубинштейна и А.Н. Леонтьева расходятся,

---

[1] Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. — М., 1957. — С. 287.

[2] Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. — М., 1973. — С. 248.

так как, по А.Н. Леонтьеву, антропологические свойства индивида не определяют личность и не входят в ее структуру. Они являются генетически заданными условиями формирования личности, обусловливая не ее черты, а лишь формы и способы их проявления[1].

Глубокого уважения заслуживает открытие С.Л. Рубинштейном направленности личности. «По своему психологическому значению постановка проблемы направленности С.Л. Рубинштейном может быть приравнена к концепции личности З.Фрейда, К. Левина, А. Маслоу и К. Роджерса»[2]. Идея направленности давно интересовала психологов. Она была близкой А.Ф.Лазурскому и В.Н.Мясищеву, ее разрабатывали А.Адлер и психологи, которые занимались мотивацией, психологией ценностей и социальными установками личности.

Открыв направленность личности, С.Л. Рубинштейн еще подчиняет ее характеру, который у него теснейшим образом связан с вопросом о том, что для человека значимо в мире и в чем поэтому смысл его жизни и деятельности. А то, что особенно значимо для человека, выступает в качестве мотивов и целей его деятельности и определяет стержень личности. В общем, направленность выполняет две функции: 1) фиксирует и реализует основную жизненную (**135**) ориентацию человека и 2) выступает в качестве предпосылки характера: «Направленность личности, порождая определенные поступки, переходит затем в характер»[3].

У С.Л. Рубинштейна тема направленности личности отражает активный аспект связи человека с миром. Направленность вырастает из потребностей, над которыми возвышаются интересы и идеалы. Существует определенный механизм функционирования ценностей. Этот механизм включает появление динамических тенденций, которые становятся стремлениями по мере того, как все более отчетливо вырисовывается та точка, на которую направлена та или иная тенденция. «По мере того, как тенденции опредмечиваются, т.е. определяется предмет, на который они направляются, они становятся все более сознательными мотивами деятельности»[4].

Таким образом, направленность — это динамические тенденции, которые в качестве мотивов определяют деятельность. Направленность имеет два измерения: а) предметное, целевое содержание и б) величину напряжения, интенсивность побуждений.

Развивая научные представления о динамических тенденциях, С.Л. Рубинштейн опирался на соответствующие работы К. Левина, а также З. Фрейда. К. Левин первым поставил вопрос о динамических тенденциях и порождаемых ими напряжениях. У З.Фрейда динамические тенденции представлены в виде влечений. Рубинштейн настоятельно подчеркивал предметную характеристику всякой динамической тенденции и направленности в целом, полагая, что таким образом личность получает содержательную характеристику.

Среди тенденций С.Л. Рубинштейн выделяет установки личности, т.е. психические образования, которые несут в себе отношение к объектам внешней среды и избирательную готовность к определенному поведению. Личностные установки сходны с моторными и сенсорными установками, но отличаются от них своей обобщенностью. Они характеризуют состояние не отдельного органа, а личности в целом. Похоже, что трактовка установки С.Л. Рубинштейном существенно ближе к общепринятому ныне пониманию социальной установки, чем к установке Д.Н.Узнадзе.

---

[1] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975 — С. 15.

[2] Абулъханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция Рубинштейна. — М., 1989. — С. 68.

[3] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1946. — С. 620.

[4] Там же. — С. 623.

Важную задачу теории личности С.Л. Рубинштейн усматривал в объяснении природы мотивов человеческой активности. Он выделял три источника мотивов: потребности, интересы и идеалы человека. Потребности человека являются исходными побуждениями к деятельности, базовым мотивообразующим фактором. Вся история развития личности связана с историей развития потребностей. (**136**)

Но поскольку человек живет во все расширяющемся контакте с миром, он сталкивается с новыми предметами и сторонами действительности. Когда что-либо новое приобретает некоторую значимость для человека, у него может сформироваться интерес — сосредоточенность познавательных и эмоциональных процессов на определенном предмете, стремление ближе ознакомиться с ним, не упускать его из поля зрения. Интересы как мотивы вызывают деятельность, выходящую за пределы удовлетворения потребностей. Интересы — это и осознание задач, которые ставит перед человеком общественная жизнь, обязанностей, которые она на него налагает. Первой предпосылкой устойчивых интересов является наличие у человека генеральной жизненной линии. Если ее нет, не будет и устойчивых интересов.

Специфичность интереса в том, что он побуждает познавательную деятельность, направляя восприятие, память и мышление на свой объект. Это побуждение имеет эмоциональную природу; оно удовлетворяется благодаря получению новой информации: человек стремится к разгадке, раскрытию тайны, проникновению в неизведанное. Если потребность вызывает желание обладать предметом, то интерес — ознакомиться с ним. Поэтому интересы являются специфическими мотивами культурной и, в частности, познавательной деятельности человека.

Интересы обычно связываются в динамичные системы, располагаются гнездами и лежат на различной глубине, поскольку среди них имеются основные (более общие) и производные (частные). Интересы различаются по содержанию, степени оформленности, силе, устойчивости и широте.

Содержание интереса — это его предметная характеристика. Она же определяет и его ценность: научный интерес отличается от коллекционирования марок.

По степени оформленности интересы разделяются на определившиеся и на находящиеся в аморфном состоянии — «ко всему вообще и ни к чему в частности».

Сила интереса — это его активность, энергичность.

Устойчивость интереса выражается в длительности, в течение которой он сохраняет свою силу: время — это количественная мера устойчивости интереса.

Интересы являются важной предпосылкой обучения. Обучение опирается на интересы детей. Интересы служат средством, которым педагог пользуется, чтобы сделать обучение более эффективным.

Из интересов, формирующихся в подростковом возрасте, большее значение имеют профессиональные интересы, играющие существенную роль при выборе профессии и жизненного пути человека. Тщательная педагогическая работа над формированием интересов, особенно в подростковом и юношеском возрасте, в то время, когда происходит выбор профессии, поступление в специальное (**137**) высшее учебное заведение, является исключительно ответственной задачей.

Еще одной мотивообразующей структурой являются идеалы. Они восполняют недостаточность потребностей и интересов в совокупности мотивов человеческого поведения. Идеал — это представление человека о том, каким бы он хотел быть. К идеалам

С.Л. Рубинштейн относит также моральные представления о долге и обязанностях, регулирующих поведение. Содержательно идеал представляет собой не то, чем человек на самом деле является, а то, чем он хотел бы стать. Это лучшие

тенденции его развития, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором этого развития.

Идеалы формируются под общественным влиянием. Каждая историческая эпоха имеет свои идеалы — свой идеальный образ человека, в котором время и среда, дух эпохи воплощают наиболее значимые черты. Таков, например, идеал философа древней Греции, отважного рыцаря и смиренного монаха в феодальную эпоху. Таким образом, потребности, интересы, идеалы составляют различные стороны единой направленности личности, которая выступает в качестве мотивации ее активности.

Мотивационная сфера личности у С.Л. Рубинштейна имеет иерархическое строение. Между различными побуждениями, потребностями и интересами человека обычно устанавливается некоторая иерархия. Она определяет вступление в действие того или иного побуждения и регулирует направление наших мыслей и действий. Общий закон такой: пока актуальны первичные, более насущные потребности и интересы, вторичные, менее насущные, отступают; по мере того как более первичные теряют остроту и актуальность, одни за другими выступают последующие. Потребности и интересы различной значимости выступают в сознании в определенной последовательности. Эта последовательность определяется указанным выше законом. Как видно, принцип иерархии мотивов, который реализован в «мотивационной пирамиде», получившей широкую известность после выхода в свет книги А.Маслоу «Мотивация и личность» (1954 г.), сформулирован С.Л. Рубинштейном еще в конце 30-х гг. XX в.

Облик личности существенно определяется, во-первых, уровнем, на котором находятся основные потребности, интересы, вообще тенденции личности. От этого прежде всего зависит большая или меньшая значительность либо убогость ее внутреннего содержания. У одних людей все сведено к элементарным, примитивным интересам; в жизни других они играют подчиненную роль: над ними целый мир других интересов, связанных с самыми высшими областями человеческой деятельности. Облик человека существенно меняется в зависимости от того, какой удельный вес приобретают эти высшие интересы. (**138**)

Представляет определенный методологический интерес отношение С.Л.Рубинштейна к ролевому подходу к проблеме личности. Он считал, что ролевые теории затрагивают важную сторону личности, потому «что личность определяется своими отношениями к окружающему миру, к общественному окружению, к другим людям. Эти отношения реализуются в деятельности людей, той реальной деятельности, посредством которой люди познают мир — природу и общество и изменяют их. Никак нельзя вовсе обособить личность от роли, которую она играет в жизни»[1].

Таким образом, психологическая теория личности С.Л. Рубинштейна является системной. Она сводит воедино такие личностные свойства, как направленность, характер, темперамент, способности и сознание человека. Новаторский и эвристический потенциал этой теории не утрачен и сегодня.

2.7. Мотивационно-деятельностная концепция личности А. Н. Леонтьева

Алексей Николаевич Леонтьев (1903 — 1979) — автор деятельностного подхода в психологии — проблему личности решал очень осторожно. В концентрированном философском виде он изложил свое понимание этой темы только в конце научного пути.

Анализ проблемы личности А.Н. Леонтьев начинал издалека, с уяснения того,

[1] Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М., 1957. — С. 310.

«какая реальность описывается в психологии термином “личность”», признавая, что «проблема эта является одной из самых сложных». Он считал полезным переосмыслить ряд теоретических положений, надеясь внести ясность в некоторые из них. Прежде всего — провести различие между «индивидом» и «личностью», поскольку понятие «индивид» употребляется в чрезмерно широком значении. Разведение понятий «индивид» и «личность» направлялось критерием соотношения в личности биологического и социального. За понятием индивида закреплялось представление о природной основе человека.

Человек как природное существо есть индивид, обладающий той или иной физической конституцией, типом нервной системы, темпераментом, динамическими силами биологических потребностей, эффективностью. Эти и многие другие черты в ходе онтогенеза частью развертываются, а частью подавляются. Однако не изменения этих врожденных свойств человека порождают его личность. Особенности, характеризующие индивида, не переходят в особенности личности; они сохраняются, но как особенности индивида. Так, тип высшей нервной деятельности индивида (**139**) не предопределяет особенности личности. Нельзя приписывать свойства «быть личностью» самой натуре индивида.

Понятие «индивид» выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие на ранних ступенях развития жизни. Индивид — это прежде всего генотипическое образование; его формирование продолжается и в онтогенезе, прижизненно. Индивид — это продукт филогенетического и онтогенетического развития в определенных внешних условиях, продукт взаимодействия со средой, а не среды, взятой самой по себе.

Личность же представляет собой целостное образование особого рода. Слово «личность» употребляется только по отношению к человеку, начиная лишь с некоторого этапа его развития. Личность есть специальное человеческое образование, она формируется благодаря общественным отношениям, в которые индивид вступает в своей предметной деятельности. Эти отношения предполагают сознательное регулирование, т.е. наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта. Парадокс в том, что предпосылки развития личности по существу безличны.

А.Н. Леонтьев принимает «известное марксистское положение, что личность есть особое качество, которое природный индивид приобретает в системе общественных отношений»[1]. Отсюда следует, что антропологические свойства индивида не определяют личность и не входят в ее структуру; они являются генетически заданными условиями формирования личности и вместе с тем определяют формы и способы проявления психологических черт. Например, агрессивность как черта личности проявляется у холерика иначе, чем у флегматика, но объяснять агрессивность особенностью темперамента так же бессмысленно, как искать объяснения войн в инстинкте драчливости. Таким образом, темперамент, свойства нервной системы и т.д. не «изгоняются» из теории личности, но выступают как формы использования личностью врожденных индивидуальных свойств и способностей.

А.Н. Леонтьев определил свое отношение к существующим в психологии теориям и подходам к личности, отметив их разнородность и противоречивость. К числу немногих положений, которые принимаются всеми авторами, он относит два: 1) личность представляет собой неповторимое единство, целостность; 2) личность играет роль высшей интегрирующей инстанции, управляющей психическими процессами («хозяин» психических функций — у В. Джеймса, «определитель поведения и мыслей»

[1] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 15.

у Г. Оллпорта).

По оценке А.Н. Леонтьева, большинство теорий личности избирает дифференциально-психологическое направление, которое состоит в изучении связей между отдельными чертами личности. Корреляционные связи служат основанием для выделения факторов, (**140**) которые обусловливают эти связи. Таковы, например, факторы интроверсии и нейротизма, образующие, по Г. Айзенку, вершину иерархической структуры. За понятием личности выступает некое «общее». Несмотря на то, что в основе характеристики этого «общего» лежат эмпирические данные, оно все же остается, по существу, метапсихологическим, не нуждающимся в психологическом объяснении. Попытки его объяснения заключаются в поиске морфофизиологических коррелятов («типы высшей нервной деятельности» И.П.Павлова, «конституции» Э. Кречмера и У. Шелдона, «переменные» Г.Айзенка), что является возвращением к органистическим теориям.

Привлекают внимание А.Н. Леонтьева культурно-антропологические концепции личности, в частности, М. Мид, Р. Линтона, которые, используя этнологические данные, утверждают, что система личности есть индивидуализированная система культуры. А.Н. Леонтьев приходит к выводу, что подобные культурно-антропологические интерпретации личности антипсихологичны, ведь культура «образует не личностное в человеке, а то, что, напротив, безлично, как, например, язык, знания, предрассудки». Культура, хотя и существует в своих персонификациях, не составляет предмета психологии. Личность же, которая интересует психолога, не является простой персонификацией, или индивидуализацией культуры[1].

Ролевую теорию личности, с ее сведением личности к совокупности ролей, исполняемых человеком, А.Н. Леонтьев назвал «одной из самых чудовищных». «Роль» — не личность, а, скорее, изображение, за которым она скрывается[2].

А.Н. Леонтьев прохладно отнесся к способу, каким С.Л. Рубинштейн позиционировал теорию личности, надеясь преодолеть ее противопоставление теории психических процессов. Этот способ заключался в том, чтобы относиться к личности как «исходному пункту объяснения любых психических явлений», «центру, исходя из которого только и можно решать все проблемы психологии». А.Н. Леонтьев нашел здесь отзвуки старых представлений о метапсихологическом Я, обладающем изначально заложенными диспозициями или целями.

А.Н.Леонтьев не принимает формулу С.Л. Рубинштейна, согласно которой личность связывается с тем внутренним, через (**141**) что преломляются внешние воздействия, потому что здесь имеет место понимание личности лишь как обогащенного предшествующим опытом индивида.

Так же скептически оценил А.Н. Леонтьев идеи «личностного подхода». Положение о том, что при исследовании отдельных психологических процессов внимание должно сосредоточиваться на индивидуальных особенностях, не решает проблемы, так как a priori нельзя судить о том, какие из этих особенностей характеризуют личность.

Неудачным назвал А.Н. Леонтьев подход Б. Г. Ананьева к личности, оценив его как попытку отождествить личность с понятием «человека в его эмпирической тотальности». Он считал, что «при этом психология личности превращается в особого

---

[1] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — С. 169.

[2] Позиция С. Л. Рубинштейна по данному вопросу менее категорична: «Никак нельзя вовсе обособить личность от роли, которую она играет в жизни. Значительность личности определяется не столько свойствами, которыми она, взятая сама по себе, обладает, сколько значительностью тех общественно-исторических сил, носителем которых она выступает, тех реальных дел, которые она благодаря им осуществляет» (Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. — М., 1959. — С. 121).

рода антропологию, включающую в себя все — от особенностей обменных процессов до индивидуальных различий в психических функциях»[1].

Психологическое исследование личности не может заключаться в сопоставлении между собой морфологических, физиологических и отдельных функционально-психологических данных. Теория личности не должна стремиться к глобальному охвату всех свойств человека.

Таким образом, метод корреляции индивидуальных свойств является недостаточным для психологического раскрытия личности, так как выделение этих свойств нуждается в основаниях, которые не могут быть извлечены из них самих.

Заканчивается анализ состояния проблемы личности достаточно пессимистически: «Проблема человеческого Я принадлежит к числу ускользающих от научно-психологического анализа. Доступ к ней закрывают многие ложные представления, сложившиеся в психологии на эмпирическом уровне исследования личности. На этом уровне личность выступает как индивид усложненный, а не преобразованный обществом, т. е. обретающий в нем новые системные свойства. Но именно в этих своих «сверхчувственных» свойствах он и составляет предмет психологической науки»[2].

В чем же заключается вклад А.Н. Леонтьева в теорию личности? А.Н.Леонтьев, как известно, предложил деятельностный подход к личности, согласно которому деятельность порождает личность[3], является «основанием личности»[4]. Личность занимает «третью позицию» в триаде категорий: предметная деятельность, сознание, личность. Теория личности «исходит из примата деятельности, в которой человек утверждает свою человеческую личность»[5]. Деятельность (**142**) рассматривается как «основание личности». Здесь надо иметь в виду, что в терминологии А.Н. Леонтьева содержание деятельности определяется ее мотивом.

А.Н. Леонтьев многократно повторяет: решение проблемы личности «требует анализа предметной деятельности субъекта; демистификация представлений о личности возможна лишь в психологии, в основе которой лежит учение о деятельности, ее строении, ее развитии и ее преобразованиях, о различных ее видах и формах»[6].

Личность — это психологическое новообразование, которое формируется в результате трансформации деятельности. Личность человека не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается. Личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений.

Для понимания достаточно сложного хода мысли А.Н. Леонтьева следует обратить внимание на то, что «деятельность» и «общественные отношения» фактически отождествляются, поскольку деятельность всегда рассматривается как общественная и даже совместная[7]. Точно так же деятельность сближается с понятием «связи человека с миром», параметры которых являются вместе с тем и основными параметрами личности. Таких параметров три: широта связей человека с миром, степень их иерархии (иерархии деятельностей) и их структура (тип строения

---

[1] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 162.
[2] Там же. — С. 230.
[3] Там же. — С. 179.
[4] Там же. — С. 182.
[5] Там же. — С. 15.
[6] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975. — С. 179.
[7] «Деятельность человека рассматривается как процесс, включенный в систему отношений, осуществляющий его общественное бытие» (Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — С. 131).

личности).

Первый параметр — основание личности, это широта (богатство) связей индивида с миром. Человек живет во все более расширяющейся для него действительности. Вначале это узкий круг непосредственно окружающих его людей и предметов, взаимодействие с ними, их восприятие и усвоение их значений. Далее перед человеком начинает открываться действительность, лежащая за пределами его практической деятельности и прямого общения: границы познаваемого мира раздвигаются. Связи субъекта с миром двойственны: предметная деятельность и общение. Отсюда двойственность мотивации действий, соподчинение их.

Второй параметр (важнейший) личности — это степень иерархии деятельностей, т.е. их мотивов. Мотивы, связи с окружающим образуют основание личности, являясь относительно самостоятельными единицами. Эти единицы, более или менее крупные, целостные или разъединенные, образуют единую мотивационную сферу. Чем выше степень их иерархии, тем четче выражено главное направление, главный мотив-цель. По оценке А. Г.Асмолова, (**143**) «положение А.Н. Леонтьева об иерархии деятельностей как основаниях личности представляет собой плацдарм для построения общепсихологической теории личности»[1].

Третий параметр личности — тип ее строения — является самым сложным. Структура личности представляет собой устойчивую конфигурацию главных иерархий мотивационных линий. Эта структура является тем, что неполно описывается как «направленность личности». Неполно потому, что ведущая линия жизни человека не может оставаться единственной. Служение избранной цели не исключает других жизненных отношений человека, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы. Мотивационная сфера всегда является многовершинной. Плоский, не имеющий вершин общий «психологический профиль» личности означает, что человек не делает различий между малым и великим в жизни. Это — признак нищеты личности.

Таким образом, теория личности А.Н. Леонтьева является фактически мотивационной, или деятельностной. Структура личности сближается с направленностью.

Вершиной рассуждений А.Н. Леонтьева о личности является проблема самосознания. Эта проблема, по его мнению, ключевая в теории личности, и в ней концентрируются все основные вопросы психологии личности. Порождена она противоречием между физической изменчивостью человека и устойчивостью его личности. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы выявить «образующие» личности как высшего единства человека, изменчивого и вместе с тем сохраняющего свое постоянство.

Традиционное представление о личности, являющейся комплексом определенных черт, выражает только изменчивое в человеке, не затрагивая постоянное и непрерывное — его Я. Правда, персонализм постулирует существование особого ядра личности, которое обрастает многочисленными жизненными приобретениями, оставаясь при этом неизменным. Но это не является ответом по существу.

Отвергая постулат изначального ядра личности, А.Н. Леонтьев полагает, что деятельностный подход позволяет дать предварительное решение вопроса об устойчивом базисе личности: это совокупность отношений человека к миру, которые реализуются его многообразными деятельностями. Деятельности субъекта (формы активности, эквивалентные мотивам) являются исходными психологическими «единицами» личности.

---

[1] Асмолов А. Г. Психология личности. — М., 1990. — С. 132.

Деятельностный подход устраняет главную трудность: определение того, какие психологические особенности человека относятся к его личности. Личность является средоточием свойств, которые адекватны деятельности, т.е. ее мотивам. Например, переписывание (**144**) бумаг заняло центральное место в личности гоголевского героя Акакия Акакиевича, хотя вообще-то едва ли разумно рассматривать операции чистописания как «личностные». Здесь произошел сдвиг одного из главных мотивов на обычно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность, т. е. характеристику личности.

Что же образует постоянство и непрерывность личности, само существо человеческого Я. Психологическая проблема Я возникает, как только человек задается вопросом о том, к какой реальности относится все то, что он знает о себе, и все ли, что он знает о себе, относится к этой реальности. Имеет место несовпадение знания о себе и Я, и, следовательно, проблема самосознания личности как осознания Я остается в психологии нерешенной.

Огромное число работ посвящено исследованию того, как формируется самосознание. Эти работы рисуют картину его развития: этапы формирования представлений о себе, так называемой схемы тела, способности локализовать свои интероцептивные ощущения, познания своего внешнего облика. Установлено, что в самопознании сначала выделяются физические особенности, потом к ним присоединяются особенности психологические и нравственные. Затем частные характеристики самого себя уступают место характеристикам более общим и выделяющим существенные черты. Однако эта картина не дает ответ на вопрос о развитии самосознания, об осознании Я, потому что индивидуальное сознание не есть только знание, система приобретенных значений, понятий. Следует различать знание о себе и осознание себя. Самосознание, осознание своего Я есть результат становления человека как личности. «Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его Я. Дело, однако, обстоит вовсе не так»[1].

А. Н. Леонтьев предлагает взглянуть на самосознание как на «осознание себя в системе общественных отношений. Осознание своего Я и не представляет собой ничего другого». Другими словами, проблема самосознания может быть решена на основе «коперниковского», а не «птолемеевского» мышления: человек обретает свое Я, самосознание, включившись в общую систему взаимосвязей людей в обществе. Многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем Я, иначе (**145**) говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а в его бытии[2]. Или, по К.Марксу, лишь отнесясь к другому человеку как к себе подобному, человек начинает относиться и к себе как к человеку. Таким образом, самосознание, чувство Я, или центр личности, — это системные «сверхчувственные» свойства, которые человек обретает в системе общества. Именно в этих своих свойствах он и составляет предмет психологической науки[3].

Анализ индивидуального сознания, в свою очередь, не может обойтись без обращения к категории личности. Поэтому в этот анализ введено понятие «личностного смысла», которое вместе с двумя другими понятиями — «чувственная

---

[1] Леонтьев АН. Деятельность. Сознание. Личность. — С. 228 — 229.
[2] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — С. 228—229.
[3] Там же. — С. 230.

ткань» и «значения» — образует структуру сознания. «Чувственная ткань», по А.Н.Леонтьеву, — это просто образная, а «значения» — вербальная части внутреннего опыта человека[1]. Личностный смысл создает направленность и пристрастность сознания. Он представляет собой «жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий»[2].

Категория личностного смысла позволяет разделить мотивы на смыслообразующие и лишенные смыслообразующей функции. Первые, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл. Они являются ведущими в жизни человека и всегда занимают более высокое иерархическое место в мотивационной сфере личности. Вторые выполняют функцию дополнительной стимуляции деятельности; это мотивы-стимулы.

Мотивы открываются сознанию только объективно, путем анализа деятельности, ее динамики. Субъективно они выступают только в своем косвенном выражении — в форме переживания желания, хотения, стремления к цели. Осознание мотивов есть явление вторичное, возникающее только на уровне личности и постоянно воспроизводящееся по ходу ее развития. Для совсем маленьких детей этой задачи просто не существует.

Здесь мы вновь находим признаки, характеризующие подход А.Н. Леонтьева к личности как мотивационно-деятельностный.

Теория личности, как известно, не может обойти проблему развития. А.Н.Леонтьев, рассматривая эту проблему специально, свою теорию строит как теорию порождения личности. Личность — это относительно поздний продукт развития человека: «слово “личность” употребляется нами только по отношению к человеку, начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы всерьез не говорим о личности даже двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и множество особенностей, (**146**) приобретенных под воздействием социального окружения».

Личность не обусловливается генотипически: личностью не родятся, личностью становятся. Более того, формирование личности не является результатом вызревания генотипических черт под влиянием социальной среды, хотя именно эта интерпретация свойственна в той или иной форме большинству современных концепций.

Личностью человек становится, вступая в обществе в новую систему отношений и обретая новые — системные — качества, которые только и образуют действительную характеристику личности.

Что же касается биологических предпосылок формирования личности, то А.Н.Леонтьев признает, что человек располагает «генетически заданными условиями формирования личности и врожденными индивидуальными свойствами и способностями, которые являются для личности предметом использования»[3].

В процессе формирования личности есть два узловых момента: «Личность рождается дважды: первый раз — когда у ребенка проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий, второй раз — когда возникает его сознательная личность».

Полимотивированность связана с тем, что человеку свойственна «двойственность мотивации действий». Мотивы могут формироваться под влиянием предметных воздействий и под влиянием социальных воздействий. До какого-то периода своего духовного роста ребенок не различает этой двойственности.

---

[1] В другом месте А.Н. Леонтьев отождествляет слово «ткань» с ощущениями, «образующими «ткань» субъективного образа объекта. (Там же. — С. 62.)

[2] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — С. 150.

[3] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — С. 15—16.

«Сознательная личность» — это чувство Я, самосознание, способность смотреть на себя со стороны, делать самого себя объектом анализа и оценки.

2.8. Человековедческая теория личности Б. Г. Ананьева

Проблема личности в теории Бориса Герасимовича Ананьева (1907—1972) наиболее четко представляется как часть вопроса о человеке; «персоналистика» — это часть человекознания. «Изучение личности, имеющее решающее значение при исследовании человека, все же составляет часть всей системы человекознания»[1]. Найдя поддержку у С.Л. Рубинштейна и других психологов, он склоняется к идентификации понятий «человек» и «личность»[2]. (**147**)

Личность при этом входит в четверку взаимосвязанных понятий, характеризующих человека в целом: «индивид — субъект (деятельности, общения и познания) — личность — индивидуальность». Все эти понятия взаимосвязаны, и у них много общих свойств. Ядром этого комплекса служит структура личности, в которой пересекаются важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта. Соответственно, категория личности служит центром человековедения: здесь сходятся психические свойства и отношения, индивидуальные особенности и различия между людьми, а также межличностные связи, статусы и роли человека в различных общностях.

Б. Г. Ананьев полагал невозможным рассматривать личность изолированно от ее биологической основы, поскольку, как он опасался, при этом проблема личности, индивидуальности, Я «мистифицируется» и нарушается основополагающий принцип целостности человека. «Человек как субъект труда, учения и других видов деятельности не может быть полностью понят лишь в системе общественных отношений, при абстрагировании от природных основ и материального субстрата деятельности»[3].

В теории личности Б. Г. Ананьева присутствует идея единства естественного и общественного в структуре человеческого развития. «В современной науке созданы все необходимые предпосылки для объединения естествознания и общественных наук на основе целостного познания человека»[4]. Не следует отделять человека как субъекта и объекта истории от природы, не нужно игнорировать человеческую природу как биологическое начало в человеческой организации, а добиваться понимания диалектического единства истории и природы, механизма преобразования природы историческим развитием. Проблема человека и его жизни в обществе и природе не сводится лишь к социальности, как бы ни была важна эта сторона вопроса. Во всех видах развития, какими бы они ни представлялись специализированными, проявляется единство развития человека как сложнейшего организма (индивида), личности, субъекта (познания, деятельности, общения), индивидуальности. Целостность человеческого развития составляет его специфическое качество.

Любое сложное образование личности и индивидуальности формируется на основе определенного ансамбля природных свойств человека как индивида. Обычно считают, что природной основой характера является темперамент, способности — задатки, интересы и мотивация поведения — структура органических потребностей и т.д. Существует общий генетический порядок, определяющий возникновение в процессе социального формирования личности (**148**) сложных образований

---

[1] Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л., 1968. — С. 86.
[2] Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — СПб., 2000. — С. 244.
[3] Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — С. 87.
[4] Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — М., 1977. — С. 22.

индивидуальности и природных свойств индивида[1].

Б.Г. Ананьев считал невозможным рассматривать структуру личности без сенсорно-перцептивной организации человека и включал сенситивность в число устойчивых особенностей личности. «Сенсорно-перцептивные процессы, будучи отражением объективной действительности и регуляторами деятельности, относятся, видимо, к коренным феноменам жизнедеятельности, связанным с глубокими слоями целостной структуры человеческого развития личности. Представление о том, что эти процессы относятся к низшим психическим функциям и не входят в основную структуру личности, являются безнадежно устаревшими»[2]. Сенсорноперцептивные характеристики возрастных, половых и индивидуально типических особенностей человека необходимы для определения потенциалов развития трудоспособности, одаренности и специальных способностей. Изменения перцептивных процессов, по мнению Б.Г. Ананьева, должны рассматриваться как индикаторы развития личности, поскольку они детерминированы закономерностями онтогенеза и социальной историей личности.

Учитывая структурный характер сенсорной организации, следует иметь в виду общий для данного человека способ чувствительности, являющийся свойством сенсорной организации человека в целом. Это общее свойство в психологии называется сенситивностью, которая входит в структуру темперамента. «Сенситивность является общей, относительно устойчивой особенностью личности, которая проявляется в разных условиях, при действии самых различных по своей природе внешних раздражителей»[3]. В процессе жизни индивидуализация чувствительности прогрессирует, что связано с развитием личности.

Личность, как и человек, определяется посредством понятий субъекта, индивида и индивидуальности. На этом основании в личности выделяются субъектные, индивидные и индивидуальные качества. Разделение человеческих свойств на индивидные, личностные, индивидуальные и субъектные относительно, потому что все они относятся к человеку в целом. Благодаря возможностям психологии человек как субъект может быть понят как личность и индивид (целостный организм) одновременно. При этом должен приниматься во внимание широкий круг проблем — от элементарных психических процессов до сложнейших интегральных образований, психологической структуры личности, мотивации поведения и динамики взаимодействия людей в различных видах деятельности. (**149**)

Человек как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности. Основными формами развития субъектных свойств человека являются подготовка, старт, кульминация и финиш, в общем, история производственной деятельности человека в обществе. Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество, а наиболее обобщенными эффектами (а вместе с тем потенциалами) способности и талант. Человек как субъект практической деятельности характеризуется не только его собственными свойствами, но и теми техническими средствами труда, которые выступают своего рода усилителями и преобразователями его функций. Как субъект теоретической деятельности человек в такой же мере характеризуется знаниями и умениями, связанными с оперированием специфическими знаковыми системами. «Проблема человека как субъекта труда охватывает не только сферу трудовых мотивов и отношений, но и собственно психофизиологическую организацию человека, свойствами которой являются

---

[1] Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л., 1968. — С. 33.
[2] Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — СПб., 2000. — С. 51.
[3] Там же. — С. 105.

трудоспособность, общая одаренность и специальные способности»[1].

Определение личности посредством понятия субъекта допустимо потому, что имеет место совпадение личности с субъектом, что обусловливается экстериоризацией, социальной отдачей личности. Экстериоризации, конечно, предшествует длительная история развития личности путем интериоризации, однако впоследствии имеет место явный перевес экстериоризации над интериоризацией. В психическом развитии человека потребление культурных ценностей находится в определенной зависимости от производства самим человеком какого-то минимума этих ценностей. В единой структуре человека характеристика субъекта деятельности в обществе взаимосвязана с характеристиками человека как личности, т.е. члена определенного общества, класса, сословия, профессиональной группы и т.д.

Однако во взаимосвязи личности и субъекта имеются ограничения, возможно относительное «отделение» личности от свойств субъекта, т. е. расщепление структуры человека. Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств. Субъект, таким образом, всегда личность, а личность — субъект, но субъект не только личность, а личность не только субъект, так как, помимо различия самих характеристик деятельности и отношений, существует еще различие в принадлежности этих характеристик к более общим структурам. Дело в том, что личность как общественный индивид не есть отдельная (саморегулирующаяся) система, не есть единичный элемент общества, из совокупности которых строится и с помощью которых функционирует общество. Структурной единицей общества является (**150**) не отдельный человеческий индивид с его отношениями к обществу, а группа[2].

К индивидным свойствам человека Б. Г. Ананьев относил: возрастно-половые и индивидуально-типические. Первый из этих двух классов включает психические свойства, которые коррелируют с возрастом и полом, ко второму — свойства, обусловленные конституционными особенностями (телосложением и биохимической индивидуальностью), нейродинамическими свойствами мозга, особенностями функциональной асимметрии. Взаимодействие возрастно-половых и индивидуально-типических свойств определяет динамику психофизиологических функций (сенсорных, мнемических, вербально-логических и т.д.) и структуру органических потребностей. Высшая интеграция всех этих свойств представлена в темпераменте и задатках. Критерием отнесения тех или иных свойств к категории индивидных являются «константы поведения, сохраняющиеся во всех возрастах и проявляющие себя с первых недель жизни до умирания»[3].

Важное место в теории личности Б.Г. Ананьева занимает понятие «индивидуальности»: индивидуальное — это «психологическая неповторимость отдельного, единичного человека, взятого как в целом, во всех его свойствах и отношениях, так и в естественнонаучном толковании как индивида с комплексом определенных природных свойств. Подобное сближение, а в некоторых случаях и отождествление оправдано тем, что индивидуальность всегда есть индивид с комплексом природных свойств, хотя, конечно, не всякий индивид является индивидуальностью»[4]. Индивидуальность — это глубина личности; индивидуальность выражает единство всех уровней организации человека. Тем не менее человек как индивидуальность всегда есть, конечно, индивид со всеми его структурно-динамическими особенностями. Общественными отношениями посредством труда,

---

[1] Там же. — С. 33.
[2] Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — СПб., 2000. — С. 247.
[3] Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л, 1968. — С. 83.
[4] Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — СПб., 2000. — С. 239.

общения и познания «созидается и существует индивидуальность человека и развивается его природа, в том числе и основные свойства нервной системы»[1].

Специфически личностные свойства человека отличаются тем, что они возникают в «пространстве» между индивидом и обществом. Исходным моментом структурно-динамических свойств личности является ее статус в обществе (экономическое, политическое и правовое, идеологическое и т.д. положение), равно как статус общности, в которой складывалась и формировалась данная личность. На основе статуса в постоянной взаимосвязи с ним строятся системы: а) общественных функций-ролей и б) целей и ценностных ориентаций. Статус, роли и ценностные ориентации (**151**) образуют первичный класс личностных свойств, интегрируемых определенной структурой личности. Эти личностные характеристики определяют особенности мотивации поведения, структуру общественного поведения, составляющих как бы второй ряд личностных свойств. Высшим интегрированным эффектом взаимодействия первичных и вторичных личностных свойств является характер человека, с одной стороны, склонности — с другой. Основная форма развития личностных свойств человека — жизненный путь человека в обществе, его социальная биография.

Формирование личности путем интериоризации присвоения продуктов общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения есть вместе с тем освоение определенных позиций, ролей и функций, совокупность которых характеризует ее социальную структуру. Структура личности и ее свойства воспроизводят типичные характеры эпохи, отражают общественное становление в определенных моментах исторического времени.

Структура личности строится по двум принципам одновременно: 1) субординационному, или иерархическому, при котором более сложные и более общие социальные свойства личности подчиняют себе более элементарные и частные социальные и психофизиологические свойства; 2) координационному, при котором взаимодействие осуществляется на паритетных началах, допускающих ряд степеней свободы для коррелируемых свойств, т. е. относительную автономию каждого из них.

Таким образом, мы видим, что личностную концепцию этого выдающегося психолога трудно представить в сжатом виде из-за многоплановости его подходов. Личность, по Б. Г. Ананьеву, — это природный индивид, обретший субъектность в сферах деятельности, познания и общения и реализовавший свою индивидуальность.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему концепция личности К.Д.Ушинского названа «эмоциональной»?
2. На каком основании П.Ф.Каптерев утверждал, что личность — это «социальность»?
3. Каким образом соотносятся в теории личности А.Ф.Лазурского «эндопсихика» и «экзопсихика»?
4. Каким образом В.М. Бехтерев применил теорию сочетательного рефлекса для понимания происхождения и развития личности?
5. Что является главным во взглядах Л.С. Выготского на личность?
6. Какое открытие в теории личности сделал С.Л. Рубинштейн?
7. Каким образом реализуется принцип деятельности в теории личности А.Н.Леонтьева?
8. В чем состоит оригинальность подхода к личности Б. Г. Ананьева?

[1] Там же. — С. 179.

Глава 3
Зарубежные теории личности

3.1. Теории личности в глубинной психологии

3.1.1. Теория личности З. Фрейда

За пределами России огромное число психологов занимается проблемами личности. Страны, в которых психологическая персонология занимает ведущее место, — это США, Англия, Франция, Германия, Швейцария и Польша. Выделение зарубежных персонологических теорий имеет тот смысл, что существующие этнокультурые различия между странами и народами, побуждают осторожно относиться к попыткам создания единой «общечеловеческой» теории личности. Различия между культурами находят свое выражение и на личностном уровне.

Теории личности, как и другие психологические теории, группируются, однако, не по государственно-территориальному признаку, а соответственно основным мировым школам психологии: глубинной психологии, поведенческой психологии и когнитивной психологии. За последние полвека оформилась еще одна парадигма психологического познания — гуманистическая психология, которая могла бы стать в перспективе целиком и полностью психологией личности.

Принято считать, что независимо от исходной парадигмы научно-психологические описания личности в целом раскрывают следующие ее стороны: структуру, мотивацию, развитие, психическое здоровье, психопатологию и методы терапевтического воздействия.

1. Структура личности затрагивается каждой теорией. Некоторые теории являются преимущественно структурными. Но чаще всего описываются основные блоки человеческой психики. Структуры, предлагаемые разными авторами, отличаются степенью сложности, т.е. разным количеством составных частей и связей между ними.

2. Мотивация. Целостная концепция личности должна объяснять, какими мотивами руководствуются люди в своей жизни и деятельности. Чаще всего используются две модели мотивации: (**153**)

а) стремление к уменьшению внутреннего напряжения; б) ориентация человека на саморазвитие и овладение окружающей средой.

3. Развитие личности. Эволюционные концепции личности показывают, как меняется личность с возрастом. Одни теории предлагают стадии развития личности, другие концентрируют внимание на формировании центральных личностных образований, таких, как, например, Я-концепция. Важной задачей считается установление роли генетических и социальных факторов развития.

4. Психическое здоровье. Теории личности предлагают критерии оценки здоровой личности. Например, по З. Фрейду, зрелая личность отличается способностью продуктивно работать и поддерживать удовлетворительные межличностные отношения. У Э. Фромма продуктивный характер — это осознание своего потенциала и способность реализовать его. Близкие позиции свойственны А.Маслоу и К. Роджерсу.

5. Психопатология. Всякая теория личности сталкивается с вопросом, почему некоторые люди не могут приспособиться к требованиям общества и эффективно функционировать в нем. Глубинные теории личности ищут причины психопатологии в бессознательных детских конфликтах, поведенческие — в условиях, которые способствуют научению патологическим формам поведения, когнитивные — в неправильном восприятии и интерпретации мира.

6. Терапевтическое изменение личности. Многие теории личности предлагают методы коррекции отклоняющегося поведения. Психодинамические теории рекомендуют выявлять вытесненные из сознания источники конфликтов. Бихевиористы практикуют переучивание, овладение эффективными способами адаптации; когнитивные теории предлагают более независимый и оптимистичный взгляд на мир.

Далеко не каждая теория личности решает все эти задачи, но критерии полноты полезны для оценки каждой из теорий.

Как видно, психологические теории личности имеют практическую определенную направленность. Теоретическое познание личности осуществляется нередко в интересах психотерапии и педагогической практики. Отмечается некоторая слабость психологии личности применительно к нуждам других областей человеческой практики, например маркетинга, управления[1].

Глубинная психология сформировала специфический взгляд на человеческую личность как существо, активность которого побуждается и направляется внутренними силами — инстинктами, потребностями или влечениями, являющиеся по преимуществу бессознательными. Между этими силами существуют конфликтные отношения, с которыми человек не может справиться самостоятельно. (**154**)

Основным методом изменения личности и поведения может быть только психотерапия. Другими словами, теории личности в глубинной психологии являются клиническими как по своему духу, так и по методам исследования.

Зигмунд Фрейд (1856—1939), австрийский психолог, создатель нового течения в психологии — фрейдизма, основным методом которого является психоанализ. Теория личности З.Фрейда представляет психоаналитическое направление глубинной психологии, которая называется также психодинамической. З.Фрейд стремился проникнуть в глубинные источники активности человека, раскрыть природу его энергии, конфликты и влечения. Его теория охватывает такие стороны личности, как ее структуру, динамику, развитие, а также типологию, которые и будут представлены далее. В целом эта теория является психотерапевтической, и ее распространение на человека вообще, человека здорового не вполне обосновано.

Взгляды З.Фрейда на личность являются противоречивыми, они неоднократно менялись. Различные элементы структуры личности, их взаимосвязи и механизмы функционирования названы искусственными понятиями, которые должны были показать новаторский характер самой теории и подчеркнуть слабость традиционной психологии.

Теория личности 3. Фрейда неоднократно подвергалась критике с разных позиций. К. Г. Юнг назвал ее научным описанием ограниченной категории людей[2]. А польский психолог Ю. Козелецкий считал, что основные идеи З.Фрейда не выдержали проверки временем и что в наше время всерьез обсуждать их может или

---

[1] Фоксол Г., Голдсмит Р., Браун С. Психология потребителя в маркетинге. — СПб., 2001. - С. 210.

[2] «Все, что говорит Фрейд, верно в отношении многих людей, и я предполагаю, что у этих людей именно такой тип психологии, который описывается Фрейдом. Я не могу сказать, что у меня фрейдовская психология, поскольку, что касается моих желаний, я никогда не испытывал подобных сложностей» (Юнг К. Г. Тэвистокские лекции: Аналитическая психология. — Киев, 1995. — С. 27).

недоучившийся психолог, или конъюнктурщик[1].

З.Фрейд иногда не делал различий между понятиями «личность» и «психика». Его последователи, говоря о личности, пользовались понятием «психический аппарат». Не делалось особых различий между личностью и характером.

Личность (и психика) структурно состоит из трех основных систем, или инстанций: Оно (Ид), Я (Эго) и Сверх-Я (Суперэго). Каждая из этих систем характеризуется определенными свойствами, обладает собственными функциями, принципами действия и динамикой. Они взаимодействуют столь тесно, что трудно взвесить их относительный вклад в поведение; чрезвычайно редко одна из них действует без двух других. Например, «Эго» — это часть «Оно», изменившаяся в результате прямого воздействия внешнего мира, проникающего внутрь через систему «восприятие — сознание»». Точно так же и (**155**) «Сверх-Я» нельзя считать вполне самостоятельной инстанцией: большая его часть бессознательна и «погружена в «Оно». Происхождение различных инстанций рассматривается скорее как постепенно нарастающее расчленение, как возникновение различных систем.

«Оно» (Ид) — одна из трех инстанций, выделяемых З.Фрейдом в его поздней теории личности. Это примитивный, животный, инстинктивный элемент, вместилище бушующей либидозной энергии; все генетически предопределенное, то, что предшествует «Я» на пути развития психики. «Оно» использовано Фрейдом для того, чтобы показать, что внутри личности живут и действуют силы, неизвестные и не подвластные «Я», которые подразумеваются, когда человек говорит, например: «Это сильнее меня». Идея «Оно» заимствована Фрейдом у Ф. Ницше, который называл так «все безличное, что есть в человеческом существе».

Оно (Ид) — исходная система личности: из него вырастают и отделяются две другие инстанции: Я (Эго) и Сверх-Я (Суперэго). Ид служит также первичным источником психической энергии, обусловливая динамику личности в целом. Ид тесно связано с телесными процессами, откуда черпает свою энергию, и находится в конфликте с «Я» и «Сверх-Я».

Ид выступает как «большой резервуар» энергии влечений. «Я» черпает энергию из этого общего источника и использует ее прежде всего в виде сублимированной, т.е. десексуализованной.

Многое из того, что входит в «Оно» (Ид), является врожденным, включая инстинкты. Некоторые его элементы образуются в результате вытеснения. Содержание Ид бессознательно. Фрейд назвал Ид «истинной психической реальностью», поскольку Оно отражает мир субъективных переживаний и не способно постичь объективную реальность.

Ид — это «хаос», лишенный организации и не порождающий единой воли, противостоящий способу организации, свойственному «Я». Отсутствие организации выражается прежде всего в том, что «противонаправленные влечения существуют бок о бок, не упраздняя и не ослабляя друг друга». Для «Оно» характерно отсутствие единого субъекта.

Ид функционирует по «принципу удовольствия», будучи ориентированным на избежание боли и получение удовольствия. Ид стремится к некоему комфортному состоянию, которое характеризуется незначительным внутренним напряжением. Когда уровень напряжения организма повышается — либо в результате внешних воздействий, либо вследствие внутреннего возбуждения, Ид действует таким образом, чтобы снять напряжение и вернуть организм на удобный энергетический уровень.

Достигнуть этого Ид может двумя способами: рефлекторным действием и так

[1] См. Kozielecki J. Koncepcje psychologiczne czlowieka. — Warszawa, 1980. — S. 107— 108.

называемым первичным процессом. Рефлекторное (156) действие — это врожденная автоматическая реакция типа чихания и мигания; она обычно сразу снимает напряжение. Первичный процесс состоит в создании образа объекта, в связи с чем напряжение (энергия) перемещается. Например, у голодного человека появляется образ пищи. Галлюцинации, сновидения, так называемое аутистическое мышление — все это функции первичного процесса. Образы, исполняющие желания, являются единственной реальностью, известной Ид.

Очевидно, что сам по себе первичный процесс не способен снять напряжение, например, устранить голод. Должен появиться новый, вторичный психический процесс, и с его появлением начинает оформляться вторая система личности — «Я» (Эго).

Я (Эго) — это совокупность познавательных процессов, которые соотносятся с реальностью, а также защитные механизмы. Разработкой концепции Я 3. Фрейд занимался на протяжении всего своего творчества. В ранних работах 3. Фрейд говорил о Я как о личности в целом. Затем это понятие закрепилось в качестве главной инстанции личности. Превращение Я в особую инстанцию было нужно 3. Фрейду для более убедительного обоснования конфликтности психики. Эта инстанция появляется в связи с тем, что жизнь организма требует соответствующих взаимодействий с внешней реальностью. Основное различие между Ид и Эго заключается в том, что Ид знает только внутреннюю реальность, в то время как Эго различает внутреннее и внешнее. Эго — организованная часть Ид — появляется для того, чтобы следовать целям Ид, и вся его сила черпается из Ид.

Я не считается единственной олицетворенной инстанцией внутри психики. Вследствие расщепления в психике могут обособляться отдельные части, например критическая инстанция или моральное сознание, и тогда одна область Я будет противостоять другой, критически оценивать ее и обращаться с ней как с объектом.

Я не является вполне сознательным. Внутри него обнаружено бессознательное, которое ведет себя так же, как вытесненное, т.е. оказывает мощное воздействие и требует для осознания особой работы.

Инстанция Я реализует целый спектр функций: контроль движения и восприятия, исследования реальности, предвосхищения, упорядочения психических процессов во времени, рационального мышления и др. В то же время Я свойственны и такие процессы, как отказ от признания очевидного, устойчивое непонимание, рационализация, навязчивая защита от влечений.

Хотя система Я защищает интересы личности в целом, его самостоятельность относительна. Я выступает преимущественно как посредник, пытающийся примирить противоречивые требования. Я — это «слуга трех господ, который подвергается опасностям с трех сторон — внешнего мира, побуждений Оно и сурового Сверх-Я. (157)

Я стремится опосредовать отношения между миром и Оно, подчинить Оно требованиям внешнего мира и — посредством мышечных действий — привести мир в соответствие с желаниями Оно. Я выступает прежде всего как аппарат регуляции и приспособления к реальности, а его происхождение усматривается в процессах физического созревания и обучения[1].

Эго подчиняется принципу реальности и действует посредством вторичного процесса. Принцип реальности, по 3.Фрейду, есть предотвращение разрядки напряжения до тех пор, пока не будет обнаружен объект, подходящий для удовлетворения. Принцип реальности приостанавливает действие принципа

[1] Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М., 1996. — С. 604.

удовольствия, хотя, в конечном счете, при обнаружении нужного объекта и снижении напряжения реализуется именно принцип удовольствия. Принцип реальности связан с вопросом об истинности или ложности опыта. Вторичный процесс — это реалистическое мышление, которое формулирует план удовлетворения потребностей, а затем подвергает его проверке, как правило, некоторым действием. Это называется «проверка реальностью». Эго контролирует все познавательные функции.

Инстанцию Эго называют исполнительным органом личности, так как оно решает, какие инстинкты и каким образом должны быть удовлетворены. Осуществляя эти функции, Эго старается интегрировать часто противоречивые команды, исходящие от Ид, Суперэго и внешнего мира. Это непростая задача, держащая Эго в напряжении. В ответ на неприятный аффект (сигнал тревоги) Эго приводит в действие защитные механизмы.

Суперэго (Сверх-Я) — третья инстанция личности, которая образуется в результате усвоения родительских требований и запретов. Сверх-Я ответственно за нравственное сознание, самонаблюдение и формирование идеалов. Эта инстанция обособилась от Я, но властвует над ним, например, когда человек становится объектом критики и упреков. По отношению к Я Сверх-Я играет роль судьи и цензора, содержит одновременно и запрет и идеал. Сверх-Я может действовать бессознательно.

З. Фрейд разделил Сверх-Я на две подсистемы: совесть и эгои-деал. Совесть приобретается посредством родительских наказаний за «непослушное поведение». Совесть включает способность к критической самооценке, моральные запреты и возникновение чувства вины, когда ребенок не сделал того, что должен был сделать. Поощрительный аспект Сверх-Я — это эго-идеал. Он воплощает в себе то, что родители одобряют или высоко ценят. Эгоидеал способствует установлению высоких личных стандартов.

Формирование Сверх-Я связано с угасанием Эдипова комплекса: отказываясь от исполнения запретных желаний, ребенок (**158**) достигает самоотождествления с родителями и интериоризует запреты. Впоследствии Сверх-Я обогащается социальными (религиозными, моральными) нормами. Считают, что интериоризация запретов происходит раньше угасания Эдипова комплекса: в частности, раньше усваиваются некоторые педагогические требования. Последователи З. Фрейда вычленили три главные предпосылки формирования Сверх-Я: навязанные извне физические действия, овладение жестикуляцией через самоотождествление с другими людьми и, что всего важнее, идентификация с агрессором.

Сверх-Я считается полностью сформировавшимся, когда родительский контроль заменяется самоконтролем. Однако этот принцип самоконтроля не сонаправлен с принципом реальности. Сверх-Я, тормозит общественно осуждаемые импульсы со стороны Ид, «пытается направлять» человека к «абсолютному совершенству» в мыслях, словах и поступках. Оно «пытается убедить» Эго в преимуществе идеалистических целей над реалистичными[1].

Теория личности представляет модель движущих сил, источников и форм активности человека, т.е. динамики личности. В модели З.Фрейда динамика личности выступает в виде взаимодействия сил побуждения (катексиса) и сил сдерживания (антикатексиса). Все внутриличностные конфликты могут быть сведены к оппозиции этих двух сил.

Такова структура личности по З. Фрейду.

З. Фрейд считал, что энергия, обслуживающая мышление и память, только по форме отличается от энергии дыхания или пищеварения, и ее можно назвать

[1] Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997. — С. 116.

психической энергией. В соответствии с принципом сохранения психическая энергия может трансформироваться в физиологическую. Местом встречи этих двух энергий выступает Ид и его инстинкты. Разумеется, вся энергия извлекается из телесных обменных процессов.

3. Фрейд полагал, что источники возбуждения, находящиеся во внешней среде, менее важны для динамики личности, чем инстинкты, т.е. внутренние источники возбуждения. Внешнего стимула можно избежать, а от инстинкта убежать невозможно. Вместе взятые, инстинкты составляют суммарную психическую энергию, находящуюся в распоряжении личности. Ид — резервуар этой энергии и местоположение инстинктов. Инстинкт, по З. Фрейду, — это врожденное психологическое представительство телесного источника возбуждения. Психологическая составляющая инстинкта называется желанием; телесное возбуждение — потребностью. Желание, порожденное потребностью, действует как мотив поведения. Поэтому инстинкты считаются движущими факторами личности. Они не только побуждают поведение, но и направляют его. (**159**)

Предложенная З.Фрейдом модель личностной динамики — это модель «редукции напряжения». Поведение человека активируется внутренними побудителями; активность убывает по мере того, как соответствующие действия снижают возбуждение. Это означает, что цель инстинкта регрессивна, так как предполагается возвращение человека к состоянию, предшествующему проявлению инстинкта. Инстинкт считается также консервативным, так как его цель — сохранить равновесие организма посредством снятия возбуждения.

В соответствии с этой теорией источник и цель инстинкта постоянны на протяжении жизни; изменения возможны в связи с физическим созреванием. Объект, или средства удовлетворения, могут в течение жизни существенно варьировать. Психическая энергия способна смещаться. Если объект недоступен, энергия будет направляться на другой объект. Объекты могут заменяться, чего не бывает с источником и целью инстинкта.

Перемещение энергии из одного объекта в другой — наиболее важная характеристика динамики личности. Она объясняет пластичность человеческой натуры и неисчерпаемое разнообразие поведения.

Практически все интересы, предпочтения, вкусы, привычки взрослого человека представляют перемещение энергии от объекта к объекту. Почти все они производны от инстинкта. Теория мотивации 3. Фрейда основана на допущении, что инстинкты — это единственные источники поведения.

3. Фрейд объединил все инстинкты в две большие группы: «инстинкты жизни» и «инстинкты смерти». Инстинкты жизни (голод, жажда, секс) служат целям выживания индивида и человеческого рода. Форма энергии, связанная с инстинктами жизни, называется либидо. Наибольшее внимание 3. Фрейд уделяет сексуальному инстинкту. Он вездесущ, и его удовлетворение связано со значительными трудностями, в том числе социальными.

Гипотеза инстинктов смерти, или деструктивных инстинктов, основана на смертности человека. Производным инстинктов смерти является агрессивность — саморазрушение, обращенное вовне и направленное против замещающих объектов. Человек сражается с другими и является деструктивным потому, что желание смерти блокируется силами жизненных инстинктов и другими обстоятельствами внутри личности, противостоящими инстинктам смерти. Война 1914—1918 гг. убедила З.Фрейда, что агрессия — такой же важный мотив, как и секс.

Динамика личности определяется способами распределения и использования психической энергии Ид, Эго и Суперэго. Так как общее количество энергии

ограничено, эти три системы «соревнуются» за «обладание» ею. С усилением одной системы две другие ослабляются. Изначально всей энергией обладает Ид, используя (**160**) ее для рефлекторных действий и первичного процесса. Так как Ид неспособно проводить четкую границу между объектами, инстинктивная энергия легко перемещается между различными предметами. Например, голодный младенец тащит в рот почти все.

На протяжении первых двух десятилетий жизни, пока распределение энергии еще не стабилизируется, имеют место частные и непредсказуемые перемещения энергии из одной системы в другую. Эти перемещения энергии — причина динамического состояния личности.

Эго не обладает собственным источником энергии и заимствует ее у Ид. Этот процесс осуществляется при помощи идентификации. Под идентификацией понимается сопоставление внутреннего образа и физической реальности. В результате идентификации энергия отвлекается от субъективных психических процессов Ид и переводится в объективные, логические процессы Эго. Благодаря идентификации первичный процесс замещается вторичным. Так как вторичный процесс гораздо эффективнее снимает напряжение, то Эго постепенно обретает монополию на психическую энергию. Однако в случае неудачи Эго в удовлетворении инстинктов Ид забирает власть.

Эго использует энергию более разнообразно. Часть энергии расходуется на то, чтобы перевести на более высокий уровень процессы восприятия, памяти, мышления. Другая часть энергии используется для того, чтобы сдержать импульсивную иррациональную активность Ид. Наконец, Эго как исполнительный орган использует энергию для интеграции трех систем личности, создания внутренней гармонии, для того чтобы эффективно осуществлять взаимодействие со средой.

Механизм идентификации обеспечивает энергией и Суперэго. Его доступ к энергетическому резервуару Ид осуществляется посредством детской идентификации с родителями, от которых изначально зависит удовлетворение потребностей ребенка. Идеалы родителей становятся Эго-идеалом ребенка, а их запреты — его совестью.

Работа Суперэго часто, хотя и не всегда, направлена против импульсов Ид. Тем не менее иногда Ид ставит Суперэго себе на службу. Если, например, некто в приступе морализаторства предпринимает агрессивные действия, то в таких случаях под маской справедливого негодования Сверх-Я скрывается агрессия Ид.

Чтобы мудро управлять личностью, Эго должно держать под контролем Ид и Суперэго, и при этом у него должна оставаться энергия для взаимодействия с внешним миром. Если Ид удерживает контроль над значительной частью энергии, поведение становится импульсивным и примитивным. Если же слишком много энергии контролируется Суперэго, поведение будет регулироваться моральными соображениями, а не реальностью. Совесть может (**161**) связывать Эго моральными узами и мешать действиям любого типа, в то время как Эго-идеал может выдвигать перед Эго столь высокие стандарты, что человек оказывается в постоянной фрустрации и, в конце концов, у него развивается чувство собственной несостоятельности.

Динамика личности во многом определяется взаимодействием с объектами внешнего мира, которые служат удовлетворению потребностей. Однако внешний мир содержит и опасности. Он может причинять боль и увеличивать напряжение. Обычная реакция индивида на угрозу, с которой он не готов справиться, — страх. Эго, подавленное стимуляцией, неподвластной контролю, наполняется тревогой. Тревога представляет собой состояние напряжения; это — побуждение, подобное пищевому или сексуальному побуждению, но возникает не во внутренних тканях, а изначально связано с внешними причинами. Растущая тревога мотивирует человека к действиям.

Он может уйти из опасного места, сдержать импульс, подчиниться голосу совести. Функции тревоги — предостеречь Эго о надвигающейся опасности. З.Фрейд различал три вида тревоги: реальную, невротическую и моральную, или чувство вины. Основной вид — реальная тревога, т.е. страх реальных опасностей внешнего мира. Невротическая тревога представляет страх того, что инстинкт выйдет из-под контроля и заставит человека сделать нечто, за что последует наказание. Невротическая тревога — это страх наказания, которое последует за удовлетворением социально неодобряемого влечения. Моральная тревога — это страх совести. Люди с хорошо развитым Супер-эго чувствуют вину, совершая нечто противное моральному кодексу. Даже думая об этом, они терзаются муками совести.

Тревога, с которой невозможно справиться рационалистически, называется травматической. Она возвращает человека к состоянию инфантильной беспомощности. Прототипом более поздних форм тревоги является травма рождения. Мир обрушивает на новорожденного стимулы, к которым ребенок не может адаптироваться. Если Эго не в состоянии справиться с тревогой, оно вынуждено обратиться к нереалистическим методам — защитным механизмам.

Защитные механизмы Эго — это чрезвычайные меры, которые вынуждено принимать Эго, чтобы снизить невыносимое давление тревоги. К числу защитных механизмов относят вытеснение, проекцию, формирование реакции, фиксацию, регрессию и ряд других. Все эти механизмы имеют две общие характеристики: 1) отвергают или искажают реальность; 2) действуют бессознательно.

Вытеснение состоит в перемещении из сознания в область Ид болезненных образов, воспоминаний и чувств. Вытесненное содержание может нарушать нормальное психическое и физическое функционирование человека. Например, сын, вытеснивший враждебные (**162**) чувства к отцу, выражает враждебность по отношению к другим авторитарным личностям. Вытесненная враждебность может способствовать развитию артрита. С вытесненным содержанием трудно справиться самостоятельно. Взрослые несут в себе множество детских страхов: у них нет возможности понять, что для этих страхов нет причин.

Проекция заключается в обращении невротической или моральной тревоги в объективный страх. Например, человек защищается от негативных переживаний тем, что приписывает их другим людям. Он говорит: «Она меня ненавидит», вместо «Я ее ненавижу». Или: «Он меня преследует» вместо «Меня мучит совесть».

Формирование реакции — это замещение в сознании тревоги, болезненного чувства или влечения противоположным переживанием. Например, неприемлемая ненависть заменяется (маскируется) любовью. Реактивные чувства отличаются от истинных тем, что принимают крайние формы: они экстравагантные, показные и компульсивные, т.е. непреодолимые. Формирование реакции — это случай, когда кто-то «душит» другого своей любовью и вниманием.

Фиксация представляет собой защиту путем остановки нормального развития личности на одной из ранних стадий, поскольку дальнейшее движение несет в себе тревогу.

Регрессия — это возвращение личности на раннюю стадию развития, обусловленное травматическим переживанием. Человек склонен регрессировать к той стадии, на которой до этого был фиксирован. Инфантильное поведение испуганного взрослого — это проявление регрессии.

Большое место в теории личности 3. Фрейда занимает проблема развития личности. 3. Фрейд подчеркивал решающую роль раннего детства в формировании базовых структур личности. Он полагал, что эти структуры складываются к концу пятого года жизни, а последующий рост представляет собой только определенное

преобразование их. 3. Фрейд верил, что «ребенок — отец взрослого».

Личность развивается на основе четырех источников напряжения: 1) физиологического роста, 2) фрустраций, 3) конфликтов и 4) угроз. Для всех этих процессов свойственно возрастание напряжения. Развитие личности является результатом овладения новыми способами редукции напряжения. Основные методы снятия напряжения и, следовательно, механизмы развития — идентификация и смещение.

Идентификация как механизм развития личности представляет собой принятие некоторых черт другого человека и преобразование их в часть собственной личности. В качестве моделей выбираются более успешные люди. Ребенок идентифицируется с родителями, поскольку они представляются ему всемогущими. Для каждого возраста есть свои идентификационные фигуры. Идентифицироваться (**163**) можно и с животными, воображаемыми персонажами, группами, идеями и вещами. Объектами идентификации могут служить умершие люди. Дети, отвергнутые родителями, склонны идентифицироваться с ними в надежде вернуть их любовь. Возможна идентификация из-за страха. Ребенок идентифицируется с запретами родителей, чтобы избежать наказания. Этот вид идентификации — основа для формирования Супер-эго. Большей частью идентификация бессознательна и осуществляется методом проб и ошибок. Критерием результата служит снижение напряжения.

Смещение — второй механизм развития личности — это замена объекта, который мог бы удовлетворить потребность, но по каким-либо причинам недоступен. Этот процесс продолжается до тех пор, пока не будет найден объект, позволяющий снять напряжение. Серии подобных смещений ведут к развитию личности, хотя при этом меняется лишь объект, а не источник и цель инстинкта. Замещающий объект редко столь же удовлетворительно снижает напряжение, как оригинальный объект, поэтому вследствие ряда смещений напряжение накапливается и действует как постоянный мотивирующий фактор поведения. Человек ищет новые и лучшие способы снятия напряжения. С возрастом наступает относительная стабилизация, некий компромисс между инстинктами, Эго и Супер-эго.

Смещение, ведущее к высоким культурным достижениям, называется сублимацией. З.Фрейд объяснял сублимацией (облагораживанием) художественное творчество, научные достижения и стремление к власти. Сублимация не приводит к полному удовлетворению, поэтому всегда существует остаточное напряжение. Оно может разряжаться в форме нервозности или беспокойства — состояний, которые являются платой за достижения. Способность к замещению объектов — это самый сильный механизм развития личности. Вся система интересов, ценностей и привязанностей взрослого формируется благодаря смещению. Если бы этот механизм отсутствовал, человек не смог бы выйти за пределы факторов, которые действуют на него рефлекторным образом. Общество пытается управлять смещениями, поощряя одни его направления и наказывая другие.

Процесс развития личности делится на ряд стадий. В течение первых пяти лет жизни ребенок проходит три стадии, вслед за чем наступает пяти-шестилетний латентный период, которому свойственна некоторая стабилизация. С наступлением подросткового периода динамика усиливается и затем, по мере взросления, спадает.

На первой стадии, длящейся около года, источником развития являются функции, связанные с областью рта. Это — оральная стадия. За ней следует анальная стадия, когда развитие связывается с функциями выделения. Она продолжается в течение второго (**164**) года, затем следует фаллическая стадия, когда развитие предопределяется активностью половых органов. Оральная, анальная и фаллическая стадии называются прегенитальными. Затем ребенок попадает в длительный

латентный период — так называемые спокойные с динамической точки зрения годы. В это время импульсы в основном вытеснены и удерживаются в этом состоянии. И наконец, наступает финальная стадия созревания — генитальная. Для нее характерно появление альтруизма — бескорыстной любви к другим людям. Ищущий удовольствий (нарциссический) ребенок превращается в ориентированного на реальность социализированного взрослого. Более свойственными для него становятся сексуальная аттракция, групповая активность, профессиональное определение, подготовка к женитьбе и семейной жизни.

Однако прегенитальные тенденции не замещаются генитальными. Происходит смешение оральной, анальной и фаллической стадий с генитальными импульсами. Важнейшая биологическая функция генитальной стадии — воспроизводство; психологический аспект связан с определенной степенью стабильности и безопасности. Конечная организация личности концентрирует то, что привнесено всеми четырьмя стадиями.

Со стадиями развития определенным образом связывается характер человека. Психоаналитики определяют характер как «привычный способ приспособления Эго к внешнему миру, к Ид и Супер-эго, а также специфический тип сочетания этих приспособлений друг с другом»[1].

Решающее влияние на формирование характера оказывает внешний мир. Принято считать, что характер социально детерминирован. Существенную роль в его формировании играет Суперэго, так как индивид строит шаблоны поведения, основываясь на представлении о «хорошем» и «плохом». Относительное постоянство характера обусловливается тремя аспектами: частично наследственной составляющей Эго, частично природой инстинктов, но главным образом базируется на специфической установке Эго, обусловленной давлением внешнего мира[2].

По З. Фрейду, многие черты взрослого человека обусловлены фиксацией на той или иной стадии развития. Фиксация (остановка) — это следствие неразрешенного конфликта, свойственного данной стадии. Определенные черты характера являются продолжением тенденций, которые наблюдались в ранний период развития ребенка.

Психоаналитическая литература содержит описания широкого разнообразия типов характера, среди которых чаще встречаются оральный, анальный, фаллический и генитальный типы. (**165**)

Оральный характер — это выраженные элементы оральной фиксации в раннем детстве. Человек с таким характером крайне зависим от других в сохранении самоуважения. Внешняя поддержка играет для него наиважнейшую роль, и он пассивно жаждет ее. Оральные тенденции: глубокое чувство одиночества, разочарования и беспомощности, потребность во внимании, похвале, протест против дисциплины. Распространенная форма поведения — идентификация с объектом, который служит источником кормления. Человек с оральным характером не принимает мысль о необходимости работы. Он чувствует, что мир обязан обеспечить ему жизнь. Он может не чувствовать проблем других людей.

Анальный характер сосредоточивает личностные черты, которые формируются в конфликтах, возникающих на почве обучения ребенка культуре отправлений. Конфликт состоит в том, что в соответствующем возрасте ребенок, обретая возможность произвольно управлять физиологическими функциями, может радовать родителей или досаждать им степенью своей чистоплотности. Основные черты анального характера взрослых: бережливость, раздражительность, педантичность,

---

[1] Блюм Г. Психоаналитические теории личности. — М., 1996. — С. 203.
[2] Там же. — С. 204.

скупость, упрямство, аккуратность. Скупость — следствие привычки к анальному задерживанию. Формируется иррациональное отношение к деньгам, которые не рассматриваются как полезное средство, а копятся или в некоторых случаях бессмысленно транжирятся. Такое же отношение и ко времени: человек с анальным характером может быть пунктуальным до долей минуты или чудовищно ненадежен. Упрямство как пассивное выражение агрессии также свойственно анальному характеру. В анальных чертах ярко проявляется защитный механизм реактивного образования. Так, чистоплотный и дисциплинированный человек может в определенные периоды быть удивительно неряшливым и дезорганизованным[1].

Фаллический характер отличается беспечной, решительной, самоуверенной и вызывающей манерой поведения, которая представляет собой неосознанную защитную реакцию на не преодоленный в детстве страх кастрации. Человек с таким характером живет в ожидании нападок на себя и потому наступает первым. Агрессивность и провоцирующее поведение выражаются, скорее, не в содержании слов или поступков, а в манере говорить и действовать. Показное мужество в духе бесшабашного мотоциклиста считается способом гиперкомпенсации.

Генитальный характер — это характер зрелой личности, воплощающий в себе синтез предыдущих стадий психосексуального развития, сублимацию энергии Ид. Способность получать полное удовлетворение посредством генитального оргазма делает возможной физиологическую регуляцию сексуальной функции. Таким (**166**) образом, прекращается блокирование разрядки энергии с неблагоприятными последствиями в поведении. Это одновременно приводит к зрелым любовным отношениям, увеличивает возможность сублимации. Вместо запрета на эмоциональную жизнь Эго естественно выражает эмоции как составляющую часть целостной личности.

Такова теория личности (психики) 3. Фрейда. Она кажется полуфантастической. Не все психологи принимают ее. Например, Д. Баннистер считает, что, по 3. Фрейду, «человек — это сплошное поле битвы, темная клетка, в которой заперты схватившиеся в смертельном поединке непорочная дева и обезьяна-нимфоманка, а судит поединок какой-то нервозный бухгалтер в нарукавниках! Клинический психоанализ мало полезен маркетинговым исследованиям»[2].

Тем не менее теория 3. Фрейда сыграла важную роль в познании личности, расширила подход, показала новые возможности поиска ответов на старые вопросы и загадки человеческой природы.

3.1.2. Социально-психологическая теория личности А.Адлера

Альфред Адлер — австрийский психолог (1870—1937), основатель оригинального направления глубинной психологии — индивидуальной психологии. В этом названии выражается его кредо — исследовать целостность личности. А. Адлер выступил против выделения в личности трех составляющих: Ид, Эго и Суперэго.

Созданная А. Адлером теория личности противостоит представлениям 3.Фрейда. Раскрывая психологические причины альтруизма и сотрудничества, А.Адлер возвращал человеку чувство собственного достоинства, разрушенное психоанализом. Вместо унылой картины, вызывавшей отвращение многих читателей 3.Фрейда, А.Адлер предложил портрет личности, который вселял надежду, давал почувствовать свою целостность. Однако методологически их взгляды близки. Так же, как и 3. Фрейд,

---

[1] См.: Блюм Г. Психоаналитические теории личности. — М., 1996. — С. 210.

[2] См.: Фоксол Г., Голдсмит Р., Браун С. Психология потребителя в маркетинге. — СПб., 2001. - С. 185.

А. Адлер допускает врожденную сущность человека, определяющую его личность. Если 3. Фрейд выделял секс, то А. Адлер говорил о врожденной социальности человека. Кстати говоря, К. Юнг тоже представлял свои архетипы как биологические наследственные факторы личности.

Основными категориями, которые использовал А.Адлер в своей теории личности, явились: «социальный интерес», «целенаправленность», «стремление к совершенству», «чувство недостаточности», «компенсация», «стиль жизни» и «тип личности». (**167**)

Ведущим в теории личности А. Адлера является положение об исходной социальности человека («социальный интерес», «чувство общности», «социальное чувство», «чувство солидарности»). «Индивидуальная психология рассматривает и исследует индивидуума включенным в общество. Мы отказываемся рассматривать и изучать человека изолированно от него»[1]. Все поведение человека происходит в социальном контексте, и человеческую природу можно постичь только через понимание человеческих отношений.

Социальный интерес представляет собой чувство эмпатии ко всем людям; проявляется он в сотрудничестве с другими скорее ради общего успеха, чем для личных выгод; образует главную характеристику каждого человека, влияющую на все его действия. Это чувство естественно и свойственно всем людям. Оно представляет собой врожденное стремление вступать в отношения сотрудничества для достижения общих целей. Первичными являются гармония и сотрудничество между человеком и обществом, а конфликт между ними вторичен и неестественен. Нормальный человек в своем образе жизни столь хорошо адаптирован к обществу, что, хочет он того или нет, общество извлекает определенную выгоду из его деятельности.

Человеческая мотивация в основном социальна. Люди соотносят себя с другими людьми, участвуют в совместной деятельности, ставят общее благо выше эгоистических интересов, и стиль их жизни преимущественно социален. Врожденный социальный инстинкт заставляет отказываться от эгоистичных целей ради общественных. Люди подчиняют свои личные потребности делу социальной пользы.

Природа наделила человека стремлением к физическому контакту, эмоциональной привязанности, дружескому единению. Однако, подобно другим врожденным склонностям, социальный интерес требует, чтобы его осознанно развивали. Особую роль в развитии социального чувства у ребенка играет мать, контакт с которой оказывает на него наибольшее влияние. Поэтому задача матери состоит в том, чтобы воспитывать в ребенке чувство сотрудничества, стремление к установлению взаимосвязей и товарищеских отношений. В идеале мать проявляет истинную любовь к своему ребенку — любовь, сосредоточенную на его благополучии, а не на собственном материнском тщеславии. Отец — второй (по важности) источник развития у ребенка социального интереса. У отца должна быть позитивная установка по отношению к жене, работе и обществу. Его сформированный социальный интерес должен проявляться в отношениях с детьми. По А. Адлеру, идеальный отец тот, кто относится к своим детям как к равным, (**168**) принимая активное участие в их воспитании. Отец должен избегать двух ошибок: эмоциональной отгороженности и родительского авторитаризма.

Дети, чувствующие отчужденность родителей, обычно преследуют скорее цель достижения личного превосходства, чем совершенства, основанного на социальном интересе. Родительский авторитаризм также приводит к дефектному стилю жизни. Дети деспотичных отцов тоже учатся бороться за власть и личное превосходство.

---

[1] Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997. — С. 166.

Наконец, огромное влияние на развитие у ребенка социального чувства оказывают отношения между отцом и матерью. В случае несчастливого брака у детей мало шансов для развития социального интереса. Если жена не оказывает эмоциональной поддержки мужу и свои чувства отдает исключительно детям, они страдают, поскольку чрезмерная опека гасит социальный интерес. Если муж открыто критикует свою жену, дети теряют уважение к обоим родителям. Если между мужем и женой разлад, дети начинают «играть» с одним из родителей против другого. Дети неизбежно много теряют, когда их родители демонстрируют отсутствие взаимной любви.

Социальный интерес является показателем психического здоровья. Это «барометр нормальности», показания которого можно использовать при оценке качества жизни человека. С позиции А. Адлера, нормальные здоровые люди по-настоящему беспокоятся о других; их стремление к совершенству социально позитивно и включает в себя благополучие всех людей. Они знают, что их собственная жизнь не представляет абсолютной ценности, пока они не посвятят ее своим современникам и даже тем, кто еще не родился.

Если социальный интерес выражен недостаточно, то человек является плохо приспособленным. Он эгоцентричен, у него нет социальных целей, он борется за превосходство над другими. Индивиды с неразвитым социальным интересом составляют группы проблемных детей, преступников, душевнобольных. Согласно А.Адлеру, невротики, психотики, наркоманы, алкоголики и самоубийцы потерпели неудачу в жизни вследствие недостатка социального интереса.

Социальный интерес А. Адлер понимает как инстинктивную и в то же время осознаваемую и управляемую способность «видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого»[1]. Эта способность опирается:

- на чувство принадлежности к группе, народу;
- способность к глубокой эмоциональной коммуникации с людьми;
- интерес к процессам, происходящим в обществе; (**169**)
- веру в людей, способность доверять, быть откровенным, искренним, свободным в диалоге;
- оптимизм и историческое чувство;
- готовность выслушивать критику, трезво оценивать свои способности, признавать свое несовершенство;
- готовность проявить доброту, участие, инициативу.

Социальный интерес конкретизируется в целях человека, которым А. Адлер придает исключительное значение. Первое открытие, которое мы совершаем, исследуя самих себя, — наше постоянное стремление к какой-нибудь цели, пишет он. Душа состоит главным образом из силы, стремящейся к цели. Существование души немыслимо без цели, к достижению которой направлены все усилия. Без цели невозможно также представить себе развитие личности. Знание цели вместе с некоторыми познаниями о мире дает возможность понять способы самовыражения данной личности, направление, в котором развивается ее жизнь, и механизм достижения цели. Цели, которые люди ставят перед собой, и пути их достижения свидетельствуют о том, какое значение они придают своей жизни. Жизненные цели выбираются индивидуально.

Конечной целью человека, обеспечивающей меру постоянства и целостности жизни, является «стремление к совершенству». Стремление к совершенству — это фундаментальный закон человеческой жизни, главный мотив активности, ядро личности. Стремление к совершенству является силой, организующей жизнь и

[1] Адлер А. Наука жить. — Киев, 1997. — С. 164.

придающей ей смысл. К этой идее А. Адлер подходил постепенно. Первоначально он думал, что человеческим поведением управляет агрессивность, затем — «стремление к власти». И наконец, было выдвинуто положение, согласно которому человек стремится к совершенству, к тому, чтобы быть недосягаемым. Человеческая жизнь — это активное стремление к совершенству. При этом люди не отталкиваются от внутренних или внешних причин, а, скорее, тянутся вперед к личностно значимым жизненным целям. Другими словами, фрейдовские инстинкты, влечения или травмы играют подчиненную роль в жизни человека.

Стремление к совершенству имеет определенные свойства. Во- первых, оно является универсальным, т. е. общим в норме и патологии и способным принимать не только конструктивное направление, но и деструктивное. Негативное направление — это борьба за превосходство за счет других. Позитивное направление соотносится с благополучием других людей. Во-вторых, стремление к совершенству является источником энергии, повышения уровня напряжения. В-третьих, стремление к совершенству проявляется как в поведении индивидуума, так и в поведении общества. Люди стремятся не только к индивидуальному совершенству; они стремятся совершенствовать культуру общества. (**170**)

Стремление к совершенству производно от чувства неполноценности, которое является результатом переживания собственной недостаточности на протяжении длительного периода беспомощности в раннем детстве. Появление чувства неполноценности знаменует начало стремления к совершенству, которое становится основной мотивационной силой.

Чувство неполноценности действует по принципу компенсации. Компенсация — это замещение нарушенной функции усилением или изменением другой функции; стремление к освобождению от чувства неполноценности, вызванного реальными или воображенными недостатками путем преодоления данных недостатков. Чаще всего люди с тем или иным дефектом стараются компенсировать его путем упражнений, что нередко приводит к выдающимся результатам.

Но иногда чувство неполноценности становится чрезмерным и перерастает в комплекс неполноценности — преувеличенное чувство собственной слабости и несостоятельности. Есть три причины развития комплекса неполноценности: 1) неполноценность органов; 2) положение избалованного ребенка, чрезмерная опека в семье; 3) ситуация пренебрегаемого ребенка.

Случается, что комплекс неполноценности пробуждает механизм гиперкомпенсации, т.е. комплекс превосходства, склонность преувеличивать свои физические, интеллектуальные или социальные способности, преодолевая таким способом постоянное чувство неполноценности. Например, страдание от неполноценности сопровождается убеждением в том, что человек умнее других, но не считает нужным демонстрировать свой интеллект. Человек, обладающий комплексом превосходства, хвастлив, высокомерен, эгоцентричен и саркастичен. Он чувствует свою значимость только тогда, когда берет верх над другими.

Подчас «сверхкомпенсация» означает «выход в гении». Значительное количество людей достигает «реальной компенсации», т. е. успешно адаптируется к своей социальной роли, вырабатывает более или менее эффективные формы поведения в семье, на работе, среди друзей.

Стремление к совершенству связано с вопросом о том, как человек реализует это стремление. Для ответа на этот вопрос А. Адлер прибегает к концепции «стиля жизни» — наиболее характерной особенности своей теории личности. Стиль жизни — это уникальное соединение черт привычек и способов поведения, совокупность которых определяет неповторимую картину жизни индивидуума. Стиль жизни —

личная философия человека, характерные для него верования и взгляды на жизнь, служащие стержнем личности. Стиль объясняет постоянство личности на протяжении жизни. Он определяет также основную ориентацию по отношению к внешнему миру. (**171**)

Стиль жизни представляет собой творческую реакцию самого индивидуума на опыт первых лет существования, который, в свою очередь, влияет на всю картину его восприятия себя и мира, а следовательно, на его эмоции, мотивы и действия. Стиль жизни закрепляется в возрасте 4 или 5 лет и впоследствии почти не поддается изменениям, становясь стержнем поведения.

Психологическим предшественником стиля жизни является прототип, или личная схема апперцепции — ранний вариант личности, воплощающий цель. А. Адлер называет прототип ядром индивидуального стиля жизни. Прототип тоже устанавливает ориентированность жизни индивида. Ребенок воспринимает различные ситуации не такими, какие они существуют в действительности, но согласно своей схеме апперцепции, т.е. сквозь призму предубеждений своих личных интересов[1].

Таким образом, все, что мы делаем, формируется и направляется нашим, единственным в своем роде, стилем жизни. От него зависит, каким сторонам своей жизни и окружения мы будем уделять внимание, а какие будем игнорировать. Все наши психические процессы (например, восприятие, мышление и чувства) организованы в единое целое и приобретают значение в контексте стиля жизни. Все аспекты поведения человека вытекают из его стиля жизни. Интеллектуал запоминает, размышляет, рассуждает, чувствует и действует совсем не так, как атлет, поскольку оба они представляют собой психологически противоположные стили жизни.

Пока человек находится в благоприятной ситуации, нельзя делать определенные выводы о его стиле жизни. Однако в новых ситуациях, когда человек сталкивается с трудностями, его стиль жизни вырисовывается ясно и отчетливо.

Стиль жизни тесно связан с тем, как решаются три глобальные проблемы, которые стоят перед каждым из нас: дружба, работа и любовь. Все эти проблемы взаимосвязаны, носят общественный характер и требуют для своего разрешения развитого чувства общности. «Решение одной помогает приблизиться к решению других; и мы можем сказать, что они представляют собой разные аспекты одной и той же ситуации и одной и той же проблемы — необходимости для живых существ сохранять жизнь и продолжать жить в том окружении, которое у них есть»[2].

Проблема дружбы — это вопрос о том, как жить в обществе и ладить с людьми. Искусство в разрешении этой проблемы предполагает доверие в отношении к людям, свободу от подозрительности, интерес к другим, умение общаться. Результатом решения является определенный уровень социальной адаптации человека. (**172**)

Вторая проблема — это вопрос деятельности, выбора профессии и повседневного отношения к своей работе. Стремление к достижениям, чувство уверенности или страх неуспеха, полная идентификация с профессией, перенапряжение и устранение от реальных забот — все это тот или иной стиль профессиональной деятельности.

Третья проблема, к решению которой, по оценке А. Адлера, не готово большинство людей, — это проблема любви. Здесь проявляются все основные параметры личности: уровень развития социального интереса, стремление к совершенству, чувство или комплекс неполноценности. При неразвитом социальном интересе любовь превращается в желание господствовать, подчинять, властвовать.

---

[1] Адлер А. Наука жить. — Киев, 1997. — С. 30.
[2] Там же. — С. 172.

Стиль жизни предполагает четыре типа установок, направляющих социальное поведение человека и определяющих способ решения трех главных жизненных задач. Каждая из установок имеет два параметра: выраженность социального интереса и уровень активности. Каждый человек имеет определенный уровень энергии, которую он использует, занимаясь своими жизненными проблемами. Данный уровень активности обычно устанавливается в детстве; он может варьироваться у разных людей от вялости, апатичности до неистовства. Эти установки Адлер назвал: управление, получение, избегание и гармония. Для первых трех характерна низкая выраженность социального интереса, но они разделяются по степени активности. В четвертом типе присутствуют и высокая степень активности, и выраженность социального интереса. В соответствии с этими типами социальных установок различают четыре типа личности.

Управляющий тип. Человек, относящийся к этому типу, самоуверен, напорист, обладает незначительным социальным интересом. Для него характерно превосходство над окружающими, пренебрежение к благополучию других людей. Сталкиваясь с тремя основными задачами, этот тип решает их во враждебной манере.

Берущий тип. Эти люди удовлетворяют свои потребности за счет других. У них отсутствует социальный интерес, и они обладают низкой степенью активности.

Избегающий тип. У этих людей недостаточно социального интереса и социальной активности. Они ведут пассивный образ жизни, опасаясь неудачи.

Социально-полезный тип соединяет высокую степень социального интереса и высокий уровень социальной активности. Он проявляет заботу о других, заинтересован в общении. Его энергия направлена на помощь другим.

Итак, каждый человек вырабатывает свой уникальный стиль жизни, в рамках которого он стремится к достижению поставленных целей. Согласно А. Адлеру, стиль жизни проявляется в установках (**173**) и поведении, направленном на решение трех основных задач: работа, дружба и любовь. Были описаны типы установок и в соответствии с ними выделены типы личности.

Важным вкладом А. Адлера в теорию личности является понятие «креативного Я». В противовес 3. Фрейду, считавшему Я лишь агентом Ид, производным бессознательного, А. Адлер утверждает первичность Я. Я — это фокус всей жизненной конструкции личности, жизненного стиля. Я в значительной степени самодостаточно[1].

Я у А.Адлера — это высоко персонализированная субъективная система, интерпретирующая и осмысливающая опыт, ищущая тот опыт, который поможет в осуществлении уникального жизненного стиля личности.

Представление о Я сыграло главную роль в последних разработках теории личности. Вклад А.Адлера в эту новую тенденцию — рассмотрение Я как существенной причины поведения — считается очень весомым. В целом теория личности А.Адлера так же, как и теория З.Фрейда, должна быть признана психотерапевтической. Особенно отчетливо это проявляется в личностной типологии, в которой три типа «управляющий», «берущий» и «избегающий» нуждаются в психокоррекции, в отличие от «социально-полезного типа», который служит своего рода нормативным образцом для психотерапевта.

3.1.3. Теория личности К. Г. Юнга

Карл Густав Юнг — швейцарский психолог (1875—1961), создатель

[1] См.: Соколов Э. В. Индивидуальная психология А.Адлера // Адлер А. О нервическом характере. — СПб., 1997. — С. 12.

аналитической психологии, которая пыталась отойти от пути познания человека, предложенного 3. Фрейдом. Занимался широким кругом теоретических вопросов психологии, а также практическим применением для оказания помощи людям и решения ряда общекультурных и политических проблем.

К. Юнг заявлял: «Моя жизнь пронизана одной идеей и сосредоточена на одной цели, а именно: на проникновении в тайну личности. Все может быть объяснено из этой центральной точки, и вся моя работа связана с этой темой»[1].

Вклад К. Юнга в познание личности сводится к следующему. Он дал свой вариант структуры личности, выстроил ставшую популярной личностную типологию. К. Юнг, как и большинство персонологов, полагал, что теория личности должна строиться по принципу конфликта, ибо напряжение, создаваемое конфликтующими стихиями, есть суть самой жизни. Без напряжения нет энергии и, следовательно, — личности. По сравнению с теорией 3. Фрейда теория К. Юнга кажется более возвышенной, а его концепция коллективного бессознательного привлекла широкое внимание. К. Юнг также подчеркивал, что личность имеет активную природу и, взаимодействуя с миром, не зависит только от прошлого. (**174**)

В отличие от А. Адлера, позиция которого вполне доступна для понимания, теория К.Юнга непонятна во многих отношениях. Возможно, это одна из самых необычных среди всех теорий личности, как утверждают зарубежные аналитики.

Личность, по К. Юнгу, чрезвычайно сложная структура. Сложность состоит не только в том, что в нее входит огромное количество компонентов, но и в том, что отношения между ними очень запутаны.

Личность (душа, психика, «психологическая личность») состоит из нескольких дифференцированных, но взаимосвязанных систем. Наиболее важные: Эго, личное бессознательное и его комплексы, коллективное бессознательное и его архетипы, персона, анима и анимус, тень. Кроме этих взаимосвязанных систем, существуют установки — интроверсия и экстраверсия и функции — мышление, чувство, ощущение и интуиция. Наконец, существует самость — центр всей личности.

Системность этого набора категорий неочевидна, поэтому над согласованием их до сих пор бьются последователи и интерпретаторы К. Юнга.

Центральной частью личности является Эго. Это центр сознания, содержанием которого являются осознанные образы восприятия, воспоминания, мысли и чувства. Эго — это чувство идентичности и непрерывности. Благодаря Эго человек чувствует свою целостность, постоянство и воспринимает себя в качестве человека. Эго служит основой самосознания, и благодаря ему люди способны видеть результаты своей сознательной деятельности. Эго является объединяющей силой души.

К Эго примыкает индивидуальное бессознательное — сфера личности, состоящая из переживаний, которые оказались вытесненными из сознания, были подавлены, забыты или проигнорированы, а также слишком слабые для того, чтобы достичь уровня сознания. Содержание индивидуального бессознательного может быть осознано; между ним и Эго происходит интенсивный двусторонний обмен.

Индивидуальное бессознательное – это множество комплексов. Комплекс — это связанная группа чувств, мыслей, образов, воспоминаний, существующая в личном бессознательном. Существование комплексов К. Юнг открыл в 1903 г. в экспериментах с использованием теста словесных ассоциаций.

Комплекс имеет ядро, действующее как своего рода магнит, притягивающий различные переживания. Чем больше исходящая из ядра сила, тем больше переживаний оно извлечет. «Комплекс — это совокупность ассоциаций, своего рода

[1] Хиллман Дж. Архетипическая психология. — СПб., 1996. — С. 21.

картина более или менее сложной психологической природы; порой это психологическая травма, порой же просто болезненность и повышенная напряженность. <...> Он мешает дышать, беспокоит сердце — короче (175) говоря, он ведет себя как отдельная личность. Например, если вы хотите что-то сказать или сделать, но, к несчастью, это намерение сталкивается с комплексом, вы говорите или делаете нечто отличное от того, что намеревались. Комплекс расстраивает ваши лучшие намерения; вам просто мешают, как если бы вы столкнулись с человеком или с внешними обстоятельствами»[1]. Эго тоже представляет собой совокупность психологических содержаний повышенной напряженности, поэтому, в принципе, нет различия между Эго и каким-либо другим комплексом.

К. Юнг пишет: «Нам бы хотелось верить в свою волю, в свою энергию, в то, что мы можем что-то сделать; но как доходит до дела, мы обнаруживаем, что способны на это лишь в определенной мере, ибо нам мешают эти маленькие дьяволы — комплексы. Комплексы — это автономные группы ассоциаций, имеющие тенденцию самостоятельно перемещаться, жить собственной жизнью, независимо от наших намерений. Я полагаю, что наше индивидуальное бессознательное, так же как и коллективное бессознательное, состоит из неопределенного (т.е. неизвестного) количества комплексов, или фрагментарных личностей»[2]. Таким образом, комплексы — это частичные, или фрагментарные, личности.

Вот, например, комплекс матери. Его ядром являются детские переживания, связанные с матерью и матерями вообще. Мысли, чувства, воспоминания, имеющие отношение к матери, притягиваются к ядру и образуют комплекс. О том, над чьей личностью доминирует мать, говорят, что у него сильный комплекс матери. Его мысли, чувства, действия направляются представлениями о матери; ее слова и чувства чрезвычайно значимы, ее образ главенствует: «Глаза матери всегда смотрят на тебя».

Комплекс может вести себя как самостоятельная личность, с собственной духовной жизнью. Он может захватить контроль над личностью в целом и использовать механизмы и ресурсы психики в собственных целях подобно тому, как жажда власти подчиняет себе многих выдающихся людей.

Ядро и многие ассоциированные элементы в каждый момент времени бессознательны, но любая ассоциация может стать — и частично становится — сознательной.

Кроме индивидуального бессознательного К. Юнг обнаружил в личности еще и коллективное бессознательное. Понятие коллективного, или трансперсонального, бессознательного — одно из наиболее спорных в теории личности К. Юнга. Это очень сильная и влиятельная психическая система, которая при некоторых болезнях перекрывает Эго и индивидуальное бессознательное. Коллективное (176) бессознательное — хранилище скрытых воспоминаний, унаследованных от предков; это наследуемое прошлое включает историю людей как особого биологического вида и опыт животных предков. Коллективное бессознательное — наследие эволюционного развития человека, т.е. повторяющихся переживаний многих поколений. В коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума. Оно почти полностью отделено от личного в жизни индивида и, по-видимому, универсально. К.Юнг объясняет универсальность коллективного бессознательного сходством структуры мозга у всех рас, что, в свою очередь, объясняется общностью эволюции. Концепция коллективного бессознательного была основной причиной расхождений

---

[1] Юнг К.Г. Тэвистокские лекции: Аналитическая психология: ее теория и практика. — Киев, 1995. - С. 73.

[2] Там же. — С. 75.

между К. Юнгом и З. Фрейдом.

Коллективное бессознательное выступает как предрасположенность, заставляющая реагировать на мир определенным образом. Например, поскольку человеческие существа всегда имели матерей, каждый младенец рождается с предрасположенностью к восприятию матери и реагированию на нее. Обретаемое индивидом знание матери — реализация врожденного потенциала, «встроенного» в человеческий мозг прошлым опытом.

Люди предрасположены бояться темноты и змей, потому что, как можно допустить, для первобытных людей темнота таила множество опасностей, и они оказывались жертвами змей. Эти латентные страхи в современном человеке могут и не развиться, если они не усиливаются особыми переживаниями, но тем не менее тенденция присутствует и делает человека более восприимчивым к такого рода явлениям. Некоторые идеи легко формируются (например, идея Высшего Существа), ибо соответствующая готовность твердо укоренилась в мозге, и, для того чтобы она развилась и стала влиять на поведение, нужно очень незначительное подкрепление.

Коллективное бессознательное — врожденное основание всей структуры личности. На нем вырастают Эго, личное бессознательное и другие индивидуальные приобретения. То, что человек полагает результатом своего опыта, по сути, определяется коллективным бессознательным, которое оказывает на поведение общее или селективное влияние с самого начала жизни человека. Переживание мира во многом формируется коллективным бессознательным, но не полностью — иначе не были бы возможны ни вариации, ни развитие. При помощи конструкта «коллективное бессознательное» К. Юнг демонстрирует биологическую основу человеческой социальности. Он полагает, что механизм передачи социального опыта – это не только коммуникативный процесс, но и биологические, телесные структуры. К. Юнг, таким образом, существенно расширяет инстинктивную сферу человеческой психики. (**177**)

Содержанием коллективного бессознательного, его компонентами являются архетипы, которые называются еще доминантами, изначальными образами, имаго, мифологическими образами, поведенческими паттернами. Архетип — это первичный психический образ, универсальная мыслительная форма (идея), содержащая значительный эмоциональный элемент. Эта мыслительная форма создает образы или видения, в обычной бодрствующей жизни соответствующие некоторым аспектам сознательной ситуации. В действительности, это не воспоминания или образы как таковые, а, скорее, именно предрасполагающие факторы, под влиянием которых люди реализуют в своем поведении универсальные модели восприятия, мышления и действия в ответ на какой-либо объект или событие. Предполагается, что в коллективном бессознательном содержится множество архетипов. Некоторые из них идентифицированы: архетипы рождения, возрождения, смерти, власти, волшебства, целостности, героя, ребенка, Бога, мудрого старца, матери-земли, животного и др.

Например, архетип матери продуцирует образ матери, который затем идентифицируется с реальной матерью. Иными словами, ребенок наследует концепцию генетической матери, и это частично определяет то, как он будет воспринимать собственную мать. На детское восприятие матери также влияет то, что она собой являет, и младенческие переживания ребенка. Таким образом, опыт ребенка — единый продукт внутренней предрасположенности воспринимать мир определенным образом и действительной природы самого мира.

Архетип рождается как «осадок» переживания, повторяющегося на протяжении многих поколений. Например, бесчисленные поколения наблюдали движение солнца по небосводу. Эти наблюдения в конце концов зафиксировались в коллективном бессознательном как образ солнечного божества. Определенные представления о

верховном божестве основаны на солнечном архетипе.

Архетипы функционируют как напряженные энергетические центры, стремящиеся продуцировать в каждом поколении повторение одних и тех же переживаний.

Архетипы коллективного бессознательного не всегда изолированы друг от друга. Они проникают друг в друга и смешиваются. Так, могут сочетаться архетипы героя и мудрого старца, порождая образ «короля-философа», вызывающего восхищение и уважение как героический вождь и мудрый пророк. Иногда смешиваются архетипы демона и героя, и тогда некто становится сатанинским лидером (как в случае с А. Гитлером).

Архетип может стать ядром комплекса, притягивающим переживания; архетип проникает в сознание через ассоциированные переживания. Мифы, сновидения, видения, ритуалы, невротические и психотические симптомы, произведения искусства содержат (**178**) значительное количество архетипического материала. Поэтому они являются источником знаний об архетипах. К. Юнг и его сотрудники проделали гигантскую работу по выявлению архетипов в религиозных представлениях, мифах и сновидениях.

Процесс функционирования архетипов, а вместе с тем и личности, раскрывается при помощи таких конструктов, как персона, анима и анимус, тень и самость. Все эти категории являются архетипами.

Персона (роль) — это маска, которая «надевается» человеком в ответ на требования социальных условностей и традиций и на архетипические потребности. Цель персоны — произвести определенное впечатление на других, и она часто — хотя и не всегда — скрывает истинную природу человека. Персона — это публичная личность, те стороны, которые человек являет миру или которые навязаны ему общественным мнением, в противоположность собственной личности, скрытой за социальным фасадом. Персона обозначает множество ролей, которые проигрываются в соответствии с социальными требованиями. Персона как архетип необходима, чтобы ладить с другими людьми в повседневной жизни. Если этот архетип приобретает слишком большое значение, то человек может стать неглубоким, поверхностным, сведенным до одной только роли и отчужденным от своего истинного эмоционального опыта.

Архетипическая природа персоны означает, что она несет в себе родовой опыт социальных взаимодействий, в которых принятие роли было полезно людям как социальным существам. Значит, ядро, из которого развивается персона, — архетип.

Часто случается, что Эго идентифицируется с персоной, из-за чего индивид сознает в большей мере не свои реальные чувства, а ту роль, которую играет. Он становится видимостью человека, отражением общества, вместо того чтобы быть автономным человеческим существом. «Персона есть комплекс функций, не тождественный с индивидуальностью», — указывал К. Юнг[1]. В некоторых отношениях персона напоминает фрейдовское Суперэго.

Как известно, личность содержит черты, свойственные как мужчине, так и женщине. Женскую сторону мужской личности и мужскую сторону женской К. Юнг также связывает с архетипами. Женский архетип в мужчине он называет анима, мужской архетип в женщине — анимус. Эти архетипы, обусловливаясь иногда и биологически, несут в себе вековой опыт мужчин, связанный с женщинами, и опыт женщин, связанный с мужчинами. Эти архетипы создают почву для взаимопонимания представителей разных полов. Мужчина чувствует природу женщины благодаря своей

[1] Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб., 1995. — С. 509.

аниме, женщина чувствует мужскую природу через реальность (179) своего анимуса. Но анима и анимус могут привести к непониманию и разладу, если архетипический образ не соотносится с реальным характером партнера. Мужчина, который не видит расхождения между идеальным и реальным образами женщины, будет страдать, когда различие между ними станет очевидным. Между требованиями коллективного бессознательного и реальностью должен быть компромисс, иначе человек не сможет достаточно хорошо адаптироваться.

Архетип тени — это инстинкты, унаследованные людьми от низших эволюционных форм жизни. Тень воплощает животную сторону человеческой природы и содержит социально неприемлемые сексуальные и агрессивные импульсы, аморальные мысли и страсти. Она ответственна за представления людей о первородном грехе; проецируясь вовне, тень становится дьяволом или врагом. Архетип тени стоит за появляющимися в сознании социально неодобряемыми мыслями и чувствами, а также соответствующими им действиями. Порождения тени либо укрываются от публичного позора за персоной, либо вытесняются в индивидуальное бессознательное. Таким образом, теневая сторона личности проникает в Эго и составляет часть индивидуального бессознательного. Но у тени имеются и положительные свойства. К. Юнг рассматривал тень как источник жизненной силы, спонтанности и творческого начала в жизни индивидуума.

Тень является объектом управления для Эго, функция которого состоит в том, чтобы направлять в нужное русло энергию тени, обуздывать пагубную сторону натуры человека, чтобы можно было жить в гармонии с людьми, но в то же время открыто выражать свои импульсы и наслаждаться здоровой и творческой жизнью.

Наиболее важным архетипом в теории К. Юнга является самость. Это стремление человека к целостности. Самость — это центр личности, вокруг которого группируются все остальные системы. Она удерживает эти системы вместе и обеспечивает личности единство, равновесие и стабильность. Самость — это цель жизни, к которой люди постоянно стремятся, но которой редко достигают. По утверждениям К. Юнга, как раз самость побуждает человека искать целостности на религиозном пути, а истинные религиозные переживания в наибольшей степени близки к переживанию самости. Когда достигнута интеграция всех аспектов души, человек ощущает единство, гармонию и целостность. Для этого необходимо, чтобы различные компоненты личности прошли полное развитие и индивидуализацию. Поэтому архетип самости проявляет свою активность при достижении человеком кризиса середины жизни. В этот период предпринимаются серьезные попытки сместить центр личности с сознательного Эго на центр между сознательным и бессознательным. Этот срединный регион и есть область самости. К. Юнг неоднократно говорил о трудностях осознания (180) самости: «Мы хорошо можем представить себе, что у нас есть части души. Например, мы без труда можем видеть самих себя в качестве персоны. Но ясно осознать, что мы — это самость, — превыше нашего воображения, ибо тогда часть должна была бы понять целое. И нет надежды на то, что когда-нибудь мы достигнем хотя бы приблизительной осознанности самости». Идею самости оценивают как самое важное открытие К. Юнга и кульминационный момент в исследовании архетипов.

Наиболее известным вкладом К. Юнга в психологию личности является его концепция психологических типов. Для построения своей типологии К. Юнг постулировал две ориентации личности (эго-направленности) — экстраверсию и интроверсию и четыре фундаментальные психические функции: мышление, чувство, ощущение и интуиция.

Экстраверсия — это ориентация человека на внешний мир; интроверсия — на

внутренний, субъективный мир. К. Юнг пишет: «Экстраверсией называется обращение либидо наружу, вовне. Экстраверсия характеризуется интересом к внешнему объекту, отзывчивостью и готовностью воспринимать внешние события, желанием влиять и оказываться под влиянием событий, потребностью вступать во взаимодействие с внешним миром, способностью выносить суматоху и шум любого рода»[1]. Экстраверт подвижен, разговорчив, быстро устанавливает отношения и привязанности, внешние факторы являются для него движущей силой.

«Интроверсией называется обращение либидо вовнутрь. Этим выражается негативное отношение субъекта к объекту. Интерес не направляется на объект, но отходит от него назад к субъекту»[2]. Интроверт погружен во внутренний мир своих мыслей, чувств и опыта. Он созерцателен, сдержан, стремится к уединению, склонен удаляться от объектов, его интерес сосредоточен на себе самом.

Личности свойственны обе ориентации, но обычно одна из них (сознательная) доминирует, а другая (бессознательная) занимает подчиненное положение. Эго преимущественно экстравертировано, а индивидуальное бессознательное интровертировано.

Юнгианская типология личности основана на гипотезе о четырех фундаментальных психологических функциях: чувство, интуиция, ощущение и мышление — и, соответственно, четырех главных способах мировосприятия: чувствующая личность (главную роль играет эмоциональная сторона жизненного опыта); интуитивная личность (человек судит о мире по своим предчувствиям и интуитивным ощущениям); ощущающая личность (непосредственно воспринимающая мир через органы чувств) и думающая личность (главную роль играет абстрактное мышление). (**181**)

Мышление — это стремление понять сущность явлений путем обработки наличной информации. Чувство — оценочная функция; оно определяет ценность вещей, позитивную или негативную, для субъекта. Чувство дает людям переживания удовольствия и боли, гнева, страха, горя, радости и любви. Ощущение — реалистическая функция. Оно дает конкретные, безоценочные факты. Интуиция — это бессознательный доступ к информации. Интуитивный человек проходит мимо фактов, чувств, идей, направленных на поиск сути реальности. Интуитивный тип полагается на предчувствия и догадки, схватывая суть жизненных событий. К. Юнг определяет интуицию негативно: «Особенность интуиции состоит в том, что она не есть ни чувственное ощущение, ни чувство, ни интеллектуальный вывод, хотя она может проявляться и в этих формах»[3].

Специфику этих четырех функций можно понять из следующего примера. Допустим, человек впервые увидел храм Христа Спасителя. Если он переживает благоговение, восхищение грандиозностью и захватывающей дух красотой, то доминирует чувство. Если он просто видит храм как специфическое сооружение, отличающееся от окружающих его зданий, то им управляет ощущение, и это будет сенсорный тип. Если его Эго под властью мышления, он попытается понять, что представляет собой храм с точки зрения принципов архитектуры и строительной техники. Наконец, если работает интуиция, наблюдатель скорее всего увидит храм как нечто мистическое, как олицетворение высших ценностей.

Ощущение устанавливает, что имеет место в действительности; мышление дает возможность понять смысл этого, чувство говорит о его ценности, а интуиция указывает на то, откуда это, вероятно, пришло и куда движется.

---

[1] Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб., 1995. — С. 653.
[2] Там же. — С. 525.
[3] Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб., 1995. — С. 526.

Мышление и чувство называются рациональными функциями, так как пользуются обоснованием, суждением, абстракцией и обобщением. Они дают людям возможность искать в мире закономерность. Ощущение и интуиция считаются иррациональными функциями, поскольку основаны на восприятии конкретного, единичного, случайного.

Хотя человек располагает всеми четырьмя функциями, они не обязательно развиты в равной степени. Обычно одна их четырех функций возвышается над тремя остальными и играет в сознании доминирующую роль. Она называется высшей функцией. Одна из трех остальных по отношению к высшей обычно выступает как дополнительная (вспомогательная, подчиненная). Если что-то мешает действию высшей функции, ее место автоматически занимает дополнительная. (**182**)

Наименее дифференцированная из четырех функций называется низшей функцией. Она вытеснена и бессознательна. Низшая функция проявляется в сновидениях и фантазиях. Низшая функция также имеет ассоциированную с ней дополнительную.

Если четыре функции разместить на равном друг от друга расстоянии по окружности, то центр круга будет представлять синтез четырех полностью дифференцированных функций (рис 2.). В таком синтезе нет ни высших, ни низших, ни дополнительных функций. Все они обладают в личности равной силой. Такой синтез возможен, когда самость полностью актуализирована. Но так как это невозможно, синтез четырех функций представляет идеальную цель, к которой стремится личность.

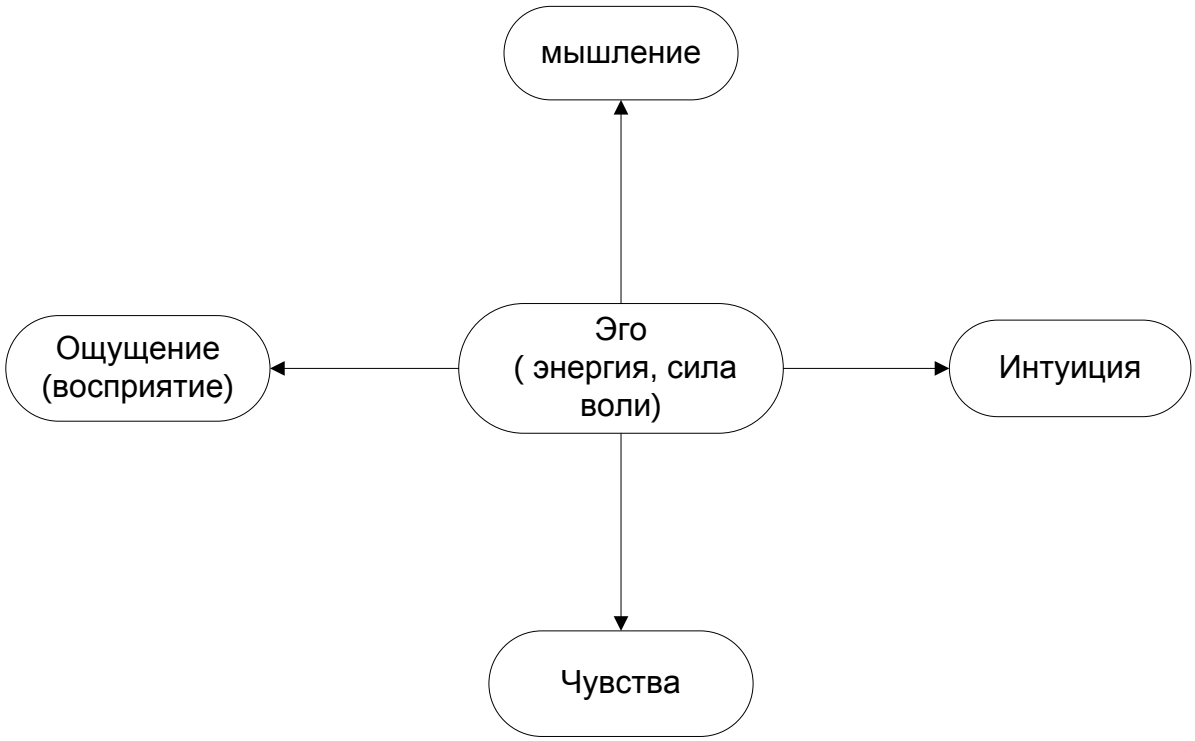


Рис. 2. Фундаментальные психические функции (по К.Г.Юнгу)

Согласно К. Юнгу, имеет место предрасположенность к развитию определенных личностных качеств, подчиненная закономерности. Типология строится на том основании, что у человека может развиваться или экстраверсия, или интроверсия, т. е. каждого индивида можно разместить на шкале, полюсами которой служат экстраверсия и интроверсия. Эти две личностно-типологические тенденции

сочетаются с одной из ведущих функций: мышлением, чувством, ощущением, интуицией. Следовательно, получается восемь типов личности: экстраверты мыслительные, чувствующие, ощущающие и интуитивные. То же самое относится и к интровертам. Последователи К. Юнга добавили еще один параметр: быстро принимающие решения или медленно (решающий или воспринимающий типы). Значит, 8 юнговских типов надо умножить на два, и получится типология, включающая 16 типов. Каждый из этих типов всесторонне охарактеризован и может быть выявлен при помощи соответствующих тестов, которых уже более десяти.

Важным звеном юнговской теории личности является концепция развития. К. Юнг полагает, что люди постоянно прогрессируют или стараются прогрессировать от менее совершенного к более совершенному. Развитие личности — это динамический процесс, эволюция на протяжении всей жизни. Человечество в целом также постоянно эволюционирует к более дифференцированным формам существования. При этом конечная цель обозначается как самореализация. Самореализация означает максимально полную, завершенную дифференциацию и гармоничное сочетание всех аспектов целостной человеческой личности. Это означает, что психика выработала новый центр, самость, который занимает место старого центра, Эго. Вся эволюция психики, от первых примитивных организмов до людей, — это парад прогресса. Прогресс не останавливается с появлением человека; как человек представляет высшую ступень в отношении животных, так цивилизованный человек выступает как более совершенный по сравнению с первобытным. Но и цивилизованному человеку предстоит еще (**183**) долгий путь до окончания его эволюционного странствия. Согласно К. Юнгу, конечная жизненная цель — это полная реализация Я, т.е. становление единого, неповторимого и целостного индивида.

Для понимания направления и механизма развития личности К. Юнг использует два подхода: телеологический и каузальный. Телеологический подход — это объяснение настоящего с точки зрения будущего. Согласно каузальному подходу события настоящего — это следствия или результаты прошлого. К. Юнг утверждает, что психология нуждается в обеих точках зрения, чтобы понять личность в целом. Оба взгляда, сочетаясь, дадут полную картину личности. Настоящее определяется не только прошлым (каузальность), но и будущим (телеология).

Главное в юнгианской теории развития — положение о том, что человек имеет тенденцию к движению в направлении стабильного единства. Развитие — это раскрытие изначальной врожденной недифференцированной целостности. Главная цель раскрытия — самореализация. Для достижения этой цели необходимо, чтобы различные системы личности дифференцировались и полностью развились. Иначе, если какая-либо часть личности отвергается, отвергаемые и менее развитые системы будут действовать как центры сопротивления, пытающиеся захватить энергию более развитых систем. Если сопротивлений слишком много, человек становится невротичным. Это может произойти, если архетипам не позволено проявляться через сознательное Эго или когда покров персоны так уплотняется, что остальная личность задыхается. Мужчина, ограничивающий выход своих феминных импульсов, или женщина, подавляющая маскулинные наклонности, создают себе проблемы, так как в этих условиях анима и анимус найдут косвенные и иррациональные способы выражения. Чтобы личность была здоровой и интегрированной, каждая система должна иметь возможность достичь полной дифференциации, развития и выражения. Процесс достижения этого называется индивидуацией.

Индивидуация — это динамичный и эволюционирующий процесс интеграции противодействующих внутриличностных тенденций. В своем конечном выражении индивидуация предполагает сознательную реализацию человеком своей уникальной

психической реальности, полное развитие и выражение всех элементов личности. Таким образом, архетип самости становится центром личности и уравновешивает противоположные качества, входящие в состав личности как единого главного целого. Благодаря этому высвобождается энергия, необходимая для продолжающегося личностного роста.

Таковы представления К. Юнга о личности. По современной оценке, они имеют статус научных предположений, которые к (**184**) тому же не предоставляют достаточных возможностей для серьезной проверки[1]. Сам К. Юнг искал подтверждения своей теории в мифах, легендах, фольклоре, а также в сновидениях и фантазиях своих пациентов.

3.1.4. Теория личности Э. Фромма

Эрих Фромм (1900—1980) — немецко-американский психолог, неофрейдист, один из представителей психодинамического (глубинного) направления. Занимал четкую личностную позицию, яростно противопоставляя ее бихевиоризму. Его личностное кредо хорошо выражено следующими словами: «Психодинамический подход принципиально отличается от описательного подхода бихевиориста. Нас не особенно интересует то, что индивид говорит, или думает, или как он себя ведет в данное время. Нас интересует структура его характера, т.е. относительно стабильная структура энергии человека; мы хотим знать ее интенсивность и направленность. Если мы будем знать, какие движущие силы мотивируют поведение, мы можем понять не только актуальное поведение человека, но будем способны сформулировать обоснованные предположения относительно того, как он будет вести себя в изменившихся условиях. Согласно психодинамическому подходу неожиданные изменения в мышлении и деятельности могут быть в большинстве случаев предсказаны, если известна структура характера»[2].

Главная цель психологии состоит, по Э. Фромму, не в изучении внешнего поведения, а в познании структуры характера, т.е. личности. Э. Фромм, как и другие психологи, не был слишком строг в терминологии и понятия характера и личности не особенно различал, как, например, в следующем суждении: «Если мы назовем эту структуру — совокупность черт характера, стремлений, разума и воли индивида — личностью, то можно сказать, что первым аспектом растущей индивидуальности является развитие личности»[3].

В своей теории личности Э. Фромм исходил из ряда постулатов.

1. Всем людям присуща общая и единая человеческая природа. 3. Фрейд и представители глубинной психологии в целом (К. Юнг, А. Адлер, К.Хорни и др.) являются первооткрывателями действительной природы человека. Учение о природе человека — основа теории личности.

2. Важные особенности личности вытекают из так называемого «базового противоречия», которое заключается в двойственности человека: как существа животного и существа человеческого. (**185**)

3. Общество, начиная с периода разделения труда, во все большей степени способствует отчуждению человека в такой степени, что формирует отчужденную и, в конечном счете, больную личность. Тем не менее общество создано людьми для того, чтобы сущностная природа человека могла воплотиться. И если до настоящего времени ни одно общество не обращено в полной мере к базовым потребностям

---

[1] См.: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997. — С. 206.
[2] Фромм Э. Революция надежды. – СПб., 1999. – С.22.
[3] Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990. — С. 34.

человека, то такое общество все же может быть создано.

Собственные взгляды Э. Фромма на личность опираются на критический анализ и своеобразный синтез личностных принципов, свойственных таким разным направлениям мысли, у источников которых стояли З. Фрейд и К. Маркс.

Э. Фромм создал теорию отчужденной личности; его важнейшая тема — одиночество и изоляция современного человека из-за отчуждения от природы и от людей. Это состояние изоляции свойственно только человеку и не обнаруживается ни у одного из видов животных.

Э. Фромм выводит теорию личности из понятия природы человека. Он различает животную природу и человеческую природу. Животная природа — это биохимические и физиологические основы и механизмы, служащие целям физического выживания. Человеческая природа — это качества и действия человека, которые являются продуктом исторической эволюции людей.

У человека, как живого существа, конечно же, есть животная природа, но он единственный, кто обладает также и человеческой природой. Поэтому животная природа человека наименее важная его часть. Даже когда человек уклоняется от проявления своей человеческой природы, это характеризуется как избегание человечности, а не как возвращение к животному состоянию. Человек никогда не сможет стать животным просто потому, что у него есть биологические потребности выживания. Э. Фромм делает акцент на следовании личности своей человеческой природе. Но, конечно, Э. Фромм признает в человеке существование животной сущности наряду с человеческой.

Провозглашая единство человеческой природы, Э. Фромм сближал это понятие с понятием личности человека. Он положительно отвечал на вопрос «Имеет ли человек общую психическую организацию; есть ли у всех людей вообще одна и та же человеческая природа?»: «Вся концепция человечности и гуманизма основывается на идее человеческой природы, присущей всем людям. Если бы люди различались в своей психической и духовной основе, как бы мы могли говорить о человечестве в более широком смысле, нежели физиологический и анатомический?»[1]. (**186**)

Единая природа человека обусловливает процесс развития личности. Человек становится тем, что он представляет собой потенциально. История — это процесс созидания человеком самого себя путем реализации в трудовой деятельности потенций, данных ему от рождения[2]. Человек не может приспособиться к условиям жизни без развития своей личности. Но вместе с тем пластичность человеческой природы не беспредельна. Хотя натура человека и является продуктом исторической эволюции, она включает в себя и определенные наследственные механизмы, которые должна раскрыть психология. Э.Фромм считал ошибкой З.Фрейда и его последователей убеждение в том, что у человеческой натуры нет своей динамики, что психические изменения представляют собой лишь возникновение новых привычек, возникающих в процессе адаптации к изменившимся условиям.

Человеческое существование началось с осознания человеком своей отделенности от окружающего мира и от других людей. В течение долгого времени это осознание было смутным. Процесс растущего обособления индивида от первоначальных связей, т.е. «индивидуализация», достиг наивысшей стадии в Новое время (от эпохи Возрождения до наших дней). «Человеческое существование начинается тогда, когда достигает определенного предела развитие деятельности, не обусловленной врожденными механизмами: приспособление к природе утрачивает

---

[1] Фромм Э. Душа человека. — М., 1992. — С. 308.
[2] Там же. — С. 309.

принудительный характер, и способы действий уже не определяются наследственностью, инстинктами. Иными словами, человеческое существование и свобода с самого начала неразделимы»[1].

Как видно, Э. Фромм начинает с утверждения о том, что организмы, у которых преобладает животная природа, составляют единое целое с миром природы. У них нет четкого разделения самих себя, других организмов и окружающей среды. У них нет опыта раздельности. Но природа человека уникальна, что порождает необычайные возможности и проблемы. Возможно, наиболее базовым свойством человеческой природы является ее способность познавать саму себя и объекты, отличные от нее. Если организм наделен подобным знанием, он неизбежно отделяется от природы и других организмов. Положительной стороной такого отделения является свобода, а отрицательной — отчуждение. Свобода и независимость, проистекающие из человеческой природы личности, могут привести человека к величайшим вершинам творческих достижений. Страх одиночества и изоляции, с которыми связано действие в соответствии с человеческой природой, часто приводят человека к отказу от получаемого при рождении права на свободу. (**187**)

Многие личностные параметры Э. Фромм выводит из базовой двойственности человека, который является и частью природы, и отделен от нее, он одновременно и животное, и человеческое существо. Здесь, в этом глубинном экзистенциальном рассогласовании Э. Фромм усматривает само существо человека.

Двойственность природы человека проявляется в наличии у него двух родов потребностей. Как животное, человек обладает биологическими потребностями, а из условий его существования вырастают «человеческие» потребности: в связи с другими, трансценденции, укорененности, идентичности, в системе ориентации.

Ведущую роль для понимания личности играют как раз эти «человеческие потребности». «Понимание человеческой души должно основываться на анализе человеческих потребностей, вырастающих из условий существования». Эти новые потребности чисто человеческие, — их нет у животных. Они объективны; их нельзя вывести из того, что люди говорят о них. Не порождаются эти потребности и обществом; скорее, они укореняются в людях эволюционно.

1. Потребность в связи. Это базисная человеческая потребность создавать межличностные отношения. Она называется также потребностью в привязанности. Ее источником служит разрыв исходного единства человека с природой. «Животное от природы обладает тем, что позволяет совладать с возникающими ситуациями», человек же с его возможностями мышления и воображения утерял эту интимную связь с природой. Вместо этих инстинктивных связей, которыми располагают животные, люди вынуждены создавать собственные отношения, из которых наиболее удовлетворительными оказываются те, которые основаны на продуктивной любви. Продуктивная любовь всегда подразумевает взаимную заботу, ответственность, уважение и понимание.

2. Стремлением к трансценденции Э. Фромм называет желание человека подняться над своей животной природой и стать создателем, а не оставаться созданием. Если на этом пути возникают неодолимые препятствия, человек становится разрушителем. Э.Фромм подчеркивает, что любовь и ненависть — не взаимоисключающие чувства; то и другое — ответ на потребность человека преодолеть свою животную природу. Животные не могут ни любить, ни ненавидеть, это доступно лишь человеку.

3. Потребность в укорененности (корнях). Люди нуждаются в том, чтобы

[1] Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1990. — С. 36-37.

ощущать себя неотъемлемой частью мира. Согласно Э. Фромму, эта потребность возникает с самого появления на свет, когда разрываются биологические связи с матерью. К концу детства каждый человек отказывается от безопасности, которую обеспечивает родительская опека. В поздней зрелости каждый человек сталкивается с реальностью отрыва от самой жизни, когда приближается смерть. Поэтому на протяжении всей (188) своей жизни люди испытывают потребность в корнях, основах, в чувстве стабильности и прочности, сходном с ощущением безопасности, которое в детстве давала связь с матерью. Наоборот, те, кто сохраняют симбиотические связи со своими родителями, домом или сообществом, как способ удовлетворения своей потребности в корнях, не способны ощущать свою личностную целостность и свободу.

4. Потребность в идентичности. Она означает стремление к переживанию индивидуальной уникальности. Люди, конечно, хотят чувствовать свои природные корни. Например, дети связаны с матерью особыми отношениями, но если эти отношения сохраняются за пределами детства, то расцениваются как нездоровая фиксация. Наиболее здоровые свои корни человек находит в чувстве родства с другими мужчинами и женщинами. Это и есть идентификация. Но если она не достигается индивидуальными творческими усилиями, то человек может идентифицироваться с другим человеком или группой. Раб идентифицируется с хозяином, гражданин — с государством, рабочий — с компанией. В этом случае чувство идентичности вырастает не из бытия кем-либо, а из принадлежности кому-либо.

5. Потребность в ориентирах. Людям нужна определенная система ориентиров, стабильный и последовательный способ восприятия и понимания мира. Возникающая система ориентиров изначально может быть рациональной или иррациональной, либо содержать элементы того и другого.

Вопрос о потребностях человека естественно подводит к условиям и способам их удовлетворения, об отношении к ним общества. Э. Фромм считает, что специфические проявления этих потребностей и способы реализации внутреннего потенциала человека детерминируются социальным порядком жизни людей. Личность человека адаптируется к возможностям, предоставляемым конкретным обществом. К примеру, в капиталистическом обществе человек может обрести чувство идентичности, став богатым. Он может также развить чувство укорененности, став зависимым и облеченным доверием служащим богатой компании. Приспособление человека к обществу обычно представляет компромисс между внутренними потребностями и внешними требованиями и обретает форму социального характера.

Социальный характер — это ядро структуры характера, свойственное большинству представителей данной культуры, в противовес индивидуальному характеру, который отличает их друг от друга. Проще говоря, это типичный для общества характер. Подобно индивидуальному характеру «социальный характер» можно определить как специфический способ, с помощью которого энергия направляется в определенное русло. «Социальный характер» — основной элемент функционирования общества и в то же (189) время это приводной ремень между экономической структурой общества и преобладающими в нем идеями.

Концепция социального характера должна была, по замыслу Э. Фромма, заполнить пробел в марксистской теории, которая не сумела показать, «как экономический базис переходит в идеологическую надстройку». Связь между экономической базисной структурой и надстройкой реализуется частично при помощи социального характера.

Теория социального характера базируется на динамической концепции характера З. Фрейда, согласно которой характер представляет собой систему стремлений, лежащих в основе поведения, но не идентичных ему. Эта концепция

мотивационная, а не поведенческая, потому что, «исследуя бессознательную мотивацию особенностей поведения, мы обнаруживаем, что одна и та же поведенческая черта соответствует многочисленным и совершенно различным чертам характера»[1].

Несмотря на разнообразие индивидуальных характеров людей можно выделить некоторые типы, репрезентативные для различных групп. «Такими типами ориентации характеров являются воспринимающий, эксплуатирующий, накопительский, рыночный и продуктивный»[2]. Эти характеры воспроизводят психоаналитическую типологию, ведущую свое начало от З.Фрейда (см. 3.1.1).

Э. Фромм думает, что «нации, социальные общности или классы в данном обществе обладают специфичной для себя структурой характера, хотя индивиды различаются по многим показателям, и всегда будет находиться некоторое количество индивидов, чья структура характера совершенно не подпадает под более широкий образец, общий для группы в целом»[3].

Функция социального характера заключается в том, чтобы формировать и направлять человеческую энергию так, чтобы общество могло жить и развиваться.

Современное индустриальное общество для достижения своих целей подключило к работе огромную энергию свободных людей. Человек должен был обрести такие качества, как дисциплинированность, аккуратность и пунктуальность, развитые в степени, неведомой большинству других культур. Он превратился в личность, которая жаждет направить основную часть своей энергии на труд.

Социальная необходимость в труде и аккуратности должна была превратиться во внутреннее побуждение. Если бы каждый индивид ежедневно сознательно настраивал себя на то, что ему надо трудиться, приходить на работу вовремя, это бы никуда не годилось. (**190**)

Не годятся также ни угрозы, ни принуждение, поскольку высокодифференцированный труд в современном индустриальном обществе не может быть принудительным — он предполагает свободного человека. Вот общество и создало социальный характер, которому внутренне присущи стремления к добросовестному труду и дисциплине.

Капитализм XIX в., в отличие от современного, занимался в основном накоплением капитала, а стало быть, нуждался в бережливости; он вынужден был укреплять дисциплину и стабильность благодаря авторитарности в семье, в религии, в промышленности, в государстве и в церкви. Соответственно, среднему классу в XIX в. был присущ социальный «накопительский» характер. Воздержание вместо потребления, бережливость, уважение к авторитету были для рядового представителя средних классов не только добродетелями, но и велением долга; структура характера заставляла его с любовью делать то, что он должен был делать ради целей экономической системы.

Современный социальный характер совершенно иной: нынешняя экономика покоится не на ограничении потребления, а на его полнейшем развертывании. Потребительство не только превратилось в вожделенную цель жизни для большинства, но стало считаться добродетелью. Сегодняшний потребитель, покупающий в рассрочку, показался бы своему деду безответственным и аморальным расточителем, дед же показался бы своему внуку ужасным скрягой.

Социальный характер XIX в. можно обнаружить сегодня только в сравнительно отсталых социальных слоях Европы и Северной Америки; его можно определить через

---

[1] Фромм Э. Душа человека. — М., 1992. — С. 327.
[2] Там же. — С. 330.
[3] Там же.

его принципиальную направленность иметь. Социальный характер XX в. — это такой характер, целью которого является использовать.

Говоря о том, что общество формирует характер, Э. Фромм не забывает о человеческой природе, которая в свою очередь влияет на социальные условия, в которых живет человек. И здесь он формулирует важное методологическое положение, которое вносит свой вклад в решение вопроса о взаимодействии психологических и социальных факторов, о роли психологии людей в социально-историческом процессе. Э. Фромм пишет: «Понять социальный процесс можно только в том случае, если исходить из знания специфики человеческой реальности, психических и физиологических свойств человека и если рассматривать взаимодействие между природой человека и природой внешних условий, при которых он живет и которыми он должен овладеть, чтобы выжить»[1].

Если социальный порядок игнорирует или нарушает основные человеческие потребности сверх определенного предела, члены (**191**) такого общества будут стараться изменить общественный уклад, чтобы привести его в соответствие со своими потребностями. Если изменить его не удастся, то общество, скорее всего, потерпит крах из-за саморазрушения и отсутствия жизненных сил. Социальные изменения определяются и фундаментальными человеческими потребностями, которые заставляют нас использовать обстоятельства, благоприятные для их реализации.

В концепции социального характера важным является вопрос о его формировании. Кредо психоанализа — характер личности формируется в детстве. Но ведь ребенок в ранние годы жизни сравнительно мало вступает в контакт с обществом. Это противоречие Э. Фромм решает просто. Семья является психическим представителем общества. Она передает требования общества подрастающему ребенку. Эту функцию семья выполняет двумя путями: 1) через влияние, которое оказывает характер родителей на формирование характера ребенка; поскольку характер большинства родителей является выражением социального характера, то они передают ребенку основные черты желательной для общества структуры характера; 2) через способы воспитания детей, обычные для данной культуры.

Теперь рассмотрим выделенные Э.Фроммом типы социального характера, которые обнаруживаются в современном обществе (рецептивный, эксплуатирующий, накопительский, рыночный и продуктивный).

Человек с рецептивной ориентацией чувствует, что источник благ находится вовне, и полагает, что единственный способ иметь эти блага — получить их из внешнего источника. Такой человек является внутренне зависимым не только от источников благ, но и от людей в целом. Он склонен проявлять неразборчивость в выборе объектов своей любви, потому что переживание того, что его кто-то любит, заставляет его влюбляться. Человек с рецептивной ориентацией почти исключительно стремится быть любимым, а не любить. Эта ориентация захватывает также и сферу умственной деятельности: умные являются хорошими слушателями, поскольку они сориентированы на восприятие, а не на продуцирование идей. Люди рецептивной ориентации выглядят оптимистичными и дружелюбными, они обладают определенной уверенностью в жизни и ее дарах, но становятся тревожными и обезумевшими от горя, если источник их ресурсов оказывается под угрозой. Если рецептивная ориентация смягчена в какой-то мере более продуктивной ориентацией, то могут проявиться и некоторые положительные стороны данного типа: отзывчивость, скромность, преданность, оптимистичность, вежливость, обаятельность, социальная адаптированность и др.

---

[1] Фромм Э. Душа человека. — М., 1992. — С. 332.

Человек с эксплуатирующей ориентацией характеризуется следующим образом. Как и в случае рецептивной ориентации, он (**192**) уверен, что источник всего хорошего находится вовне. Однако эксплуатирующий тип не ожидает ничего получить от других людей в качестве подарка; он забирает это силой или коварством. Такие люди склонны грабить и воровать. Они используют и эксплуатируют все и всех, от кого они могут чего-нибудь добиться. Их привлекают только люди, которых они могут отбить у кого-то. Они склонны не продуцировать идеи, а воровать их. Символом этой ориентации может служить зубастый рот. Тем не менее и у этого типа Э. Фромм находит положительные стороны: активность, инициатива, требовательность, гордость, импульсивность, уверенность в себе, увлекаемость.

Человек с накопительским типом характера мало верит в то, что он получит что-то новое из внешнего мира. Он как бы окружил себя защитной стеной, и его главная цель — внести как можно больше ценностей внутрь этих укреплений и выпускать оттуда как можно меньше. Его чувство безопасности основано на накоплении и сохранении, а всякая трата воспринимается как угроза. Его скупость распространяется и на материальные, и на духовные ценности: на вещи, деньги, чувства и мысли. Любовь для него — власть; он не дарит любовь, а пытается получить ее, обладая любимым. Таких людей можно распознать по мимике и жестам. Их рот плотно сжат, жесты проявляют их изоляционистские установки.

Другим характерным элементом этой ориентации является педантичная любовь к порядку. Человек такого типа держит в порядке свои вещи, мысли и чувства, но, как и в случае с воспоминаниями, эта упорядоченность бесплодна. Его навязчивая чистоплотность — еще одно проявление потребности уничтожить следы контакта с окружающим миром.

Положительная сторона данного характера представлена в описании Э. Фромма практичностью, аккуратностью, осторожностью, терпеливостью, осмотрительностью, хладнокровием, стойкостью, системностью и др.

Рыночный характер выглядит как психологическая модель современного рынка, в которой человек сводится к товару. Человек с рыночным характером воспринимает себя как товар. Принцип оценивания — один и тот же и для рынка личностей, и для рынка товаров: на одном на продажу выставляются личности, а на другом — товары. Стоимостью в обоих случаях является меновая стоимость, для которой стоимость использования — необходимое, но не достаточное условие. Успех во многом зависит от того, как высоко человек оценивает себя, насколько хорошо он подает свою личность, насколько хороша его «упаковка», весел ли он, крепок, настойчив, надежен, честолюбив, кроме того, каково его происхождение, знает ли он нужных людей. Человек должен быть моден на рынке личностей, как дамская сумочка, а чтобы быть (**193**) модным, нужно знать, личности какого типа более всего нужны. Поскольку современный человек чувствует себя одновременно и продавцом и товаром, который нужно продать на рынке, его самоуважение зависит от неподконтрольных ему условий. Если он «успешен», он ценен, а если нет — бесполезен. Поскольку человек побуждается беспрестанно стремиться к успеху, а любая неудача — это серьезнейший удар по самоуважению, то в результате возникают чувства безнадежности, тревоги и неполноценности. Если превратности рынка — судьи ценности человека, чувства собственного достоинства и гордости разрушаются.

Человек рыночного типа, кроме прочего, целеустремленный, ориентированный в будущее, придерживающийся широких взглядов, остроумный, общительный, квалифицированный, любознательный, умный, щедрый, склонный к экспериментированию.

Продуктивный характер, по Э. Фромму, является идеальным типом. Он имеет

черты сходства с фрейдистским генитальным характером. Это человек, достигший высшей ступени развития — цели развития личности и одновременно идеала гуманистической нравственности. Продуктивная ориентация личности охватывает интеллектуальные, эмоциональные и сенсорные реакции по отношению к другим людям, самому себе и предметам. Продуктивность — это способность человека использовать свои силы и осознавать заключенный в себе потенциал. Продуктивный характер свободен и независим от кого-то, кто контролирует его силы. Он управляется рассудком, поскольку он может воспользоваться своими силами. Продуктивность означает, что человек чувствует себя воплощением своих сил. Он ощущает, что он и его силы — это единое целое, что они не служат объектом оценивания и отчуждения.

Э. Фромм не приводит списка черт, составляющих продуктивную ориентацию. Частично это обусловлено тем, что, по его мнению, действительно продуктивный человек не может быть настолько предсказуем, чтобы можно было определить его черты. Но и продуктивный человек не является таковым сам по себе, самодостаточным. Он мог бы приспособиться к обществу, только если общество конструктивно и здорово. А если оно само больно, продуктивный человек не может приспособиться — на это способен лишь конформист, отклоняющийся от своей человеческой сущности.

Любой индивид представляет смешение пяти типов, хотя одни из них могут выделяться из остальных. Так, тип человека может быть продуктивно-накопительским или непродуктивно-накопительским. Продуктивно-накопительский тип может воплощаться в человеке, приобретающем землю или накапливающем деньги для того, чтобы обрести возможность большей продуктивности; к непродуктивно-накопительскому относится человек, занимающийся (**194**) накопительством ради накопительства, без какой-либо пользы для общества.

Позже Э. Фромм описал еще два типа характера — непрофильный, воплощающий направленность на мертвое, и противоположный — биофильный, воплощающий любовь к жизни. Э. Фромм отмечает, что кажущееся сходство между его идеей и представлениями З. Фрейда об инстинктах жизни и смерти не соответствует действительности. Для З. Фрейда и инстинкт жизни, и инстинкт смерти коренятся в человеческой биологии, тогда как, по Э. Фромму, жизнь — единственная исходная сила. Смерть вторична и вступает в действие лишь тогда, когда жизненные силы фрустрированы. Э. Фромм сделал попытку преодолеть биологизм многих теорий личности, утверждая, что негативные стороны природы человека имеют не инстинктивное, а социальное происхождение.

Таковы взгляды Э. Фромма на человеческую личность. Они высоко оцениваются социологами-теоретиками, а также некоторыми философскими течениями. С психологической точки зрения они откровенно слабы[1], построены исключительно на интуиции и сформулированы настолько глобально, что недоступны эмпирической проверке[2].

3.2. Когнитивные теории личности

3.2.1. Особенности когнитивистского подхода к проблеме личности

Все более значительное место в теории личности занимают когнитивные

[1] См.: Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. — СПб., 2001. — С. 661.
[2] См.: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997. — С. 254.

концепции. Эти концепции не принимают психоаналитический образ несовершенного человека, который подчиняется действию бессознательных и конфликтных мотивационных сил. Если 3. Фрейд акцентировал роль инстинктов, сближающий человека с животными, то в основе когнитивного подхода лежит то, что выделяет человека в животном мире, — способность мышления и его рефлексии. Когнитивная психология относится скептически и к бихевиористскому образу человека, управляемому ситуацией.

Когнитивная психология исходит из предположения, что индивид является самостоятельным субъектом, реализующим исследовательскую установку по отношению к реальности. Он живет и действует как профессиональный исследователь: наблюдает, прогнозирует, формулирует гипотезы, планирует, экспериментирует, (**195**) делает выводы, использует свои знания для адаптации к миру и его преобразования.

В структуре и жизни личности огромное значение имеет информация. Но информация не управляет человеком, а является только материалом, который преобразуется в процессе мышления, прогнозирования и планирования действий. Подобно исследователю, индивид выходит за рамки наличной информации, самостоятельно организует знания о внешнем мире. Следовательно, личность не является ни марионеткой, которой управляет среда, ни бесталанным актером, полностью зависимым от темных инстинктивных сил. Личность — это более или менее зрелый исследователь, который в значительной степени самостоятельно определяет свою судьбу и умеет активно действовать в социальных условиях.

Одним из первых теоретиков когнитивной персонологии был Джордж Келли, создавший учение о личных конструктах. Дж. Келли рассматривал человека как ученого, действующего на основе личностных конструктов и мыслей. Согласно концепции личных конструктов, человек самостоятельно создает свои образы мира и собственной личности. Дж. Келли стремился понять неповторимость построения мира конкретным человеком.

По оценке Д. Баннистера, теория конструктов отличается от фрейдизма тем, что воспринимает человека не как инфантильного дикаря; она противостоит бихевиоризму, относящемуся к человеку как существу, немногим более способному, чем крыса, и являющемуся жертвой собственной биографии. Человек — это исследователь, который в ходе своих поисков сам себя творит и формирует — иногда великолепно, иногда трагически.

Среди идейных предшественников когнитивного направления называют философа-стоика древности Эпиктета, кредо которого: «Не то, чем воздействуют, принуждает тебя, а твое мнение». Сознание — это ключ к психологическим проблемам. Когнитивный подход к личности представляет собой выдвижение на первый план внутренней картины мира, которой обладает каждый человек. Личность — то, что человек знает и во что верит. Личность — это система мнений, которые человек сформировал о себе, жизни и других людях. Невозможно переоценить важность знания собственной системы представлений индивида и понимания механизма ее влияния на его жизнь.

В круг интересов когнитивного подхода к личности входит познание того, как индивид вырабатывает свои идеи и представления о реальности, как он делает выбор из имеющихся возможностей и принимает решения и как он действует фактически.

Познавательная концепция характерна тем, что человек представляется как система, преобразующая информацию. Поведение зависит не только от поступающей извне информации, но и от внутренних познавательных структур и знаний, полученных в ходе (**196**) учения и размышлений. Человек является системой самостоятельной и творческой. Основным методом изменения поведения и опыта

индивида служит образование и воспитание.

Личность связана с тем, как человек интерпретирует события и ситуации: то, как человек воспринимает собственное поведение и его последствия, зависит от особенностей его личности. Например, одни приписывают своему образу действий внутренние причины, другие — внешние, т.е. объясняют поведение обстоятельствами. Одни считают, что сами контролируют события, другие чувствуют, что подчиняются им.

Ни один человек не является вполне автономной системой, независимой от внешних влияний и собственной биографии. Интеллектуальные процессы, эмоции и человеческие действия регулируются различными факторами. Согласно когнитивной теории, структура информации определяет то, к чему люди стремятся и чего они избегают.

Информация, используемая в поведении, поступает из двух источников. Первым из них является воздействующее в данный момент социальное и физическое окружение, т.е. семья, школа, организация или СМИ, порождающее соответствующие образы восприятия. Второй источник информации — опыт, система знаний, которые индивид получил в прошлом путем учения, мышления и действия. В зависимости от источника информации выделяют две формы регуляции поведения: внешнюю и внутреннюю. Особый интерес представляет внутренняя регуляция.

Основой внутренней регуляции являются когнитивные структуры («динамические схемы»). Понятие когнитивных структур имеет фундаментальное значение для понимания личности. Когнитивные структуры представляют собой систему информации о внешнем мире и собственной личности. Они являются определенной организацией прошлого опыта индивида, результатом учения и мышления. Система когнитивных структур, которая образует относительно стабильные черты человека, является основой личности. В когнитивной концепции личность — это прежде всего определенная организация информации, закодированной в памяти человека, совокупность опыта личности.

Личность во многом определяется когнитивными структурами, или схемами. В когнитивной теории личности используется расширенное понятие схемы. Обычно под схемой понимают активную организацию (структуру) прошлого опыта, которая нацелена на поиск и отбор информации. Восприятие строится на использовании схем: воспринимается только то, для чего есть схемы, все остальное игнорируется[1]. Схемы, которые определяют (**197**) личность, — это основные убеждения (концепции, позиции). Люди формируют концепции себя, других, мира в целом. Эти концепции влияют на формирование других убеждений, ценностей и позиций. Схемы начинают формироваться в детстве на основе личного опыта и идентификации со значимыми людьми.

Когнитивные структуры являются источником информации об окружении, о собственном Я, а также о программах поведения и достижения намеченных целей. Когнитивные структуры выполняют следующие функции.

Во-первых, они дают человеку чувство идентичности. Благодаря соответствующим когнитивным структурам индивид получает чувство собственной идентичности, а также ориентируется во внешнем мире. Чтобы эффективно действовать, надо знать не только параметры внешней среды, но и понимать себя, свои компетенцию, мотивацию, эмоциональную зрелость и способности. Отличительной чертой человека является обладание информацией не только о внешнем мире, но и о

[1] См.: Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. — М., 1981. — С. 112.

себе самом, о своем Я. Человек без личности, лишенный прошлого опыта, не знал бы, кем он является, не понимал бы своего места в мире, не мог бы вести себя в обществе. Совокупность данных о собственной личности, знаниях и умениях, а также мотивации называют самосознанием (Я-концепцией, образом Я или автопортретом). В наше время, которое ориентировано на внешний мир, значение самопознания недооценивается.

В процессе развития структуры Я, кроме чувства тождества, формируется и чувство собственной ценности, т.е. убеждение в автономной ценности собственной личности и ожидание подтверждения этого убеждения от других людей и себя самого. Создание чувства собственной ценности происходит под влиянием поступления информации от социального окружения, признающего ценность индивида (например, в форме одобрения), его принадлежность и определенный статус в социальной группе, а также путем оценки положения Я в ценностной сети и степени эффективности функций регуляции структуры Я. Временное или постоянное изменение собственной ценности происходит в результате действительных изменений положения индивида или за счет изменения ценности других лиц и объектов, с которыми индивид себя сравнивает.

Во-вторых, когнитивные структуры облегчают ориентацию во внешнем мире, которая является условием приспособления. Благодаря текущему опыту и научным знаниям человек понимает явления природные, биологические, технические и социальные, может описать и объяснить причины благожелательных или враждебных межличностных отношений.

В-третьих, информация, содержащаяся в когнитивных структурах, облегчает оценку значимости вещей и событий. В ходе своей (**198**) жизни человек учится тому, что для него хорошо, а что плохо, что приносит удовлетворение, а что несет с собой угрозу. Так, например, большинство людей усматривает положительную ценность в безопасности, образовании, любви и т.д. Точно так же люди знают, что насилие, неуверенность в завтрашнем дне, болезнь относятся к категории негативных ценностей. Человек, знания которого относительно ценностей являются размытыми, не понимающий, что хорошо и что плохо, сталкивается с большими трудностями при определении своих целей и образа жизни.

В-четвертых, в когнитивных структурах закодированы программы поведения, т.е. система правил, позволяющих достигать намеченных целей. Эти программы могут представлять собой алгоритмы (например, технологические инструкции), эвристики (например, стиль игры в шахматы, принципы решения творческих задач и т.д.). Среди этих программ — указания относительно того, как следует получать новые знания. Особое значение имеет система убеждений, т.е. определенные правила жизни, которым человек старается следовать. Эти личностные правила, или философия жизни, могут формироваться родительским воспитанием, религией, здравым смыслом или фантастическими представлениями о том, как следует жить. Люди либо становятся несчастными из-за нелогичного, ненаучного мышления, либо достигают большой степени удовлетворения в жизни, придерживаясь здравого смысла.

Таким образом, когнитивные структуры являются важным фактором регуляции поведения. Но не все схемы являются адаптивными. Бывают и дезадаптивные, дисфункциональные схемы, которые приводят к нарушениям восприятия, мышления, эмоциональных процессов и поведения. Выделяют три основные группы когнитивных механизмов, в которых возможны нарушения: когнитивные элементы, когнитивные процессы и когнитивное содержание.

К когнитивным элементам относят базисные посылки (негативные ядерные убеждения, глубинные представления личности об окружающем мире, других людях и

самом себе: «Я никому не нужна, меня никто не любит», «Нельзя верить людям») и автоматические мысли, названные так из-за своей непроизвольности, быстротечности и бессознательности, когда человек не выбирает информацию для размышлений, а сосредоточивается на ней невольно.

Когнитивные процессы — это связующее звено между базисными посылками и автоматическими мыслями, они обеспечивают соответствие между вновь поступающей информацией и прежними представлениями. Это, например, так называемые условные предположения: «Если я не добьюсь успеха во всем, что я делаю, никто не будет уважать меня»; «Если она не любит меня, значит, я недостоин любви». (**199**)

Когнитивное содержание объединяет элементы и операции вокруг какой-либо специфической темы («Я сексуально неполноценный», «Никогда не выйду замуж»),

В общем, в когнитивной структуре личности может быть свое слабое место — «когнитивная уязвимость».

Когнитивные структуры, как главный компонент личности, характеризуются определенными чертами.

1. Они имеют определенный уровень сложности, т.е. могут быть более сложными или более простыми. Сложность имеет несколько измерений. Одно из этих измерений — количество аспектов, которые человек берет во внимание при восприятии и оценке явлений. Например, обучающий с незначительной сложностью познавательных структур оценивает обучаемых при помощи шкалы: способный — неспособный. При более высокой сложности когнитивных структур оценка осуществляется при помощи многих шкал: способный — неспособный; высокомотивированный — низкомотивированный; эмоционально зрелый — эмоционально незрелый; интроверт — экстраверт и т.д. Важным показателем сложности когнитивных структур является количество информации, которую они содержат: чем богаче знания, тем более сложными являются когнитивные структуры.

Степень сложности когнитивных структур играет важную роль в поведении. Чем выше сложность, тем реже человек воспринимает мир как черно-белый, тем больше он замечает тонкие различия между людьми, точнее оценивает события, тем более гибок он в поведении и тем меньше считается с эмоциями.

Люди с низкой когнитивной сложностью действуют стереотипно, не способны гибко перестроиться на новые требования ситуации, склонны к неопределенным обобщениям, часто оказываются зависимыми от внешних обстоятельств и т.д.

При усложнении ситуации у людей с высокой когнитивной сложностью темп переработки информации будет возрастать быстрее, чем у когнитивно простых людей. Первые сумеют справиться с более сложной обстановкой прежде, чем их способность к переработке информации снизится или истощится.

2. Когнитивные структуры характеризуются степенью абстрактности — конкретности. Человек, когнитивные структуры которого конкретны, воспринимает мир как ряд предметов; он испытывает затруднения с образованием понятий высокой степени общности. Например, человек с конкретными когнитивными структурами сопротивляется включению «газет» и «радио» в категорию «СМИ» потому, что в «газетах пишут», а «по радио говорят». У таких индивидов когнитивные структуры линейны. Абстрактные когнитивные структуры предполагают, что знания имеют иерархическое строение. В ходе мышления и действия они способны оторваться от образов восприятия и оперировать общими понятиями. (**200**)

3. Когнитивные структуры оцениваются по степени их открытости. Структуры закрыты, если человек не корректирует своих убеждений и взглядов под влиянием новой информации, если информационный канал между средой и личностью заблокирован.

4. Когнитивные структуры характеризуются активностью — пассивностью. Чем выше уровень активности, тем большую управляющую роль играют познавательные структуры в поведении.

Когнитивный подход к личности изменяет взгляд на проблемы человека. Человек — это не беспомощное порождение биохимических реакций, слепых импульсов или рефлексов. Он способен исправить ошибочные идеи, отучиться от ложных способов мышления. Определив и устранив мыслительные ошибки, он может подняться на более высокий уровень самоосуществления. В основе когнитивной психотерапии лежит представление о примате сознательной, рациональной стороны психики в разрешении личностных проблем.

Ясный рассудок и здравый смысл считали основой психологической устойчивости и душевного здоровья на протяжении многих столетий, но пышный расцвет в XX в. психоанализа заставил отчасти позабыть об этой простой истине. Личностные расстройства (тревога, депрессия, панический страх (фобия), скука, ощущение своей неполноценности и т.п.) возникают вследствие нарушений и сбоев в информационных процессах, негативно влияющих на тесно связанные с ними эмоциональные и мотивационные аспекты поведения и деятельности. Психотерапевт в чем-то подобен хорошему программисту, который способен найти и устранить сбой в программе и даже (в идеале) научить подобным процедурам пользователя (клиента).

Качество мышления определяет комфортность существования — люди несчастны оттого, что неправильно думают или представляют нечто, вплоть до самих себя. Чувства и поведение человека в высокой степени зависят от его мыслей, мнений, убеждений и представлений. Жан Пиаже показал, что очень маленькие дети не понимают, что объект существует вне их восприятия. Не зная этого, нельзя понять ужас ребенка, родитель которого только что вышел из комнаты. Выясняя истинное положение, скорее, следует обратиться непосредственно к когнитивным процессам этого ребенка и его внутренней реальности, в которой родителя действительно нет.

Что-то подобное происходит и со взрослыми людьми. Пол Вацлавик пишет: «Пациенты приходят в ваш кабинет, полагая, что мир устроен определенным образом. Эта конкретная система представлений не очень конструктивна, потому-то они и обращаются за помощью. Ваша работа состоит в том, чтобы помочь им поверить, что мир функционирует иначе. Необходимо помочь пациентам изменить их систему представлений. Новая стратегия, если (**201**) она эффективна, должна помогать пациенту быть более довольным жизнью и получать от нее больше радостей, в то время как старая причиняла ему боль и страдания»[1].

По мнению Г. Виткина, личность — это система, развитие которой состоит в возрастании дифференцированности структур и в постепенном переходе от гомогенного к гетерогенному состоянию. Это проявляется:

1) функциональной специализацией отдельных элементов системы и их относительной независимостью друг от друга;

2) выделением системы из окружающего мира, т.е. переходом от поведения, управляемого извне, к поведению, управляемому изнутри;

3) усложнением интеграции элементов системы.

В связи с этим Г. Виткин различает глобальную личность («зависимую от поля»), которая отличается относительной гомогенностью, малой специализацией отдельных функций, невыраженным чувством собственного отличия от окружения (недостаточное чувство тождества) и несложной интеграцией, и гетерогенную личность (дифференцированную, «независимую от поля»). Различие между глобальной

[1] См.: Кинг М., Коэн У., Цитренбаум Ч. Гипнотерапия вредных привычек. — М., 1998. - С. 12.

и дифференцированной личностью проявляется, например, в сфере восприятия как «зависимость» или «независимость» от поля. При «зависимости от поля» восприятие определяется общей организацией поля, а его составные элементы с трудом выделяются из общего фона. При «независимом от поля» типе восприятия отдельные элементы сложного комплекса раздражителей легко дифференцируются. Поэтому недостаток чувства тождества своего тела или личности — это проявление «зависимости от поля»[1].

3.2.2. Личность и когнитивный стиль

Одним из направлений исследования личности в когнитивной психологии является когнитивный стиль личности. Основателем этого направления в психологии считается американский психолог Герман Виткин (1916—1979). Понятие стиля издавна сближалось с понятием личности. Ж.Бюффон еще в 1753 г. сказал, что стиль есть сам человек. Если знания и открытия легко переходят от одних к другим, легко передаются, потому что они вне человека, то стиль нельзя ни отнять, ни перенять, ни подменить. Сегодня понятие стиля широко используется в психологии управления (стиль управления), в социальной психологии (стиль общения), в

психологии труда (стиль деятельности) и в других отраслях психологии и за ее пределами, где так или иначе действует личность. Когда человек создает произведения искусства, общается, воспринимает другого человека или просто идет по улице, манера, способы, приемы его поведения несут на себе отпечатки его индивидуальности. Научившись их расшифровывать, можно получить ключ к пониманию личности.

Понятие когнитивного стиля родилось, когда представители направления, получившего название «Новый взгляд» на теорию восприятия и познания[2], заметили, что различия в восприятия одних и тех же объектов связаны с личностными особенностями людей (мотивацией, установками, жизненным опытом и т.д.). В дальнейшем стало ясно, что имеют место устойчивые индивидуальные различия в интеллектуальной деятельности, способах организации приобретаемого опыта, которые и были названы когнитивным стилем. При раскрытии понятия когнитивного стиля обращают внимание на критерии предпочтения, используемые при построении личностью своего образа мира. Иногда подчеркивают при этом относительно устойчивый способ организации внимания, обусловленный темпераментом.

Многие психологи убеждены, что в индивидуальных особенностях восприятия находят выражение свойства личности. В результате активного поиска такого рода личностных инвариантов поведения разные авторы обнаружили около десятка устойчивых индивидуальных приемов оперирования информацией, получивших название когнитивных стилей.

Интерес к когнитивному стилю связан с его всепроникающим влиянием на разные аспекты поведения человека в сфере общения, обучения, работы. Зная когнитивный стиль человека, можно делать прогноз относительно многих особенностей его поведения (общения, деятельности, потребления). Когнитивный стиль находится на стыке познавательных и мотивационных структур личности и занимает ключевую позицию относительно возможности раскрыть механизмы целостности личности.

В настоящее время насчитываются тысячи работ, посвященных влиянию

---

[1] Якубик А. Истерия: Методология, теория, психопатология. — М., 1983. — С. 187-198.

[2] Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации. — М., 1977. — С. 115.

когнитивно-стилевых особенностей личности на самые разнообразные стороны ее поведения. Многие авторы видят в исследовании когнитивных стилей одно из перспективных направлений изучения индивидуальных особенностей личности.

Полагают, что интеграция отдельных стилевых характеристик в целостную структуру позволит отразить важные стороны человеческой индивидуальности. Сегодня описано около десятка параметров когнитивного стиля. Наиболее часто используются три (**203**) параметра: полезависимость — поленезависимость, когнитивная сложность, понятийная дифференцированность. Большая часть параметров когнитивного стиля группируется вокруг такого измерения, как аналитичность — синтетичность, или артикулированность — глобальность, отражающего степень дробности восприятия окружающего мира.

Полезависимость — поленезависимость — параметр когнитивного стиля, состоящий в степени использования внутренних ориентиров при работе с противоречивой информацией и неподчинения давлению внешней ситуации. Данный параметр был выявлен Г. Виткиным при исследовании влияния воспринимаемых свойств частей зрительного поля на восприятие его в целом.

Поленезависимость определяется доминирующей тенденцией ориентироваться при решении задач на самого себя. Поленезависимые индивиды склонны к имперсональной ориентации, а полезависимые — к межперсональной. Поэтому у поленезависимых межличностное взаимодействие малоэффективно, но зато они достигают больших успехов в ситуациях, требующих переструктурирования. Для полезависимых характерна противоположная тенденция. Итоговая эффективность деятельности представителей данных когнитивных стилей равна, если ее рассматривать относительно разных сфер жизни.

Поленезависимость является индикатором степени дифференциации психики в целом и потому связана с величиной латерализации функций: поленезависимые могут быть как крайне правополушарными, так и крайне левополушарными. Однако большинство авторов связывают с поленезависимостью только левостороннюю латерализацию. Обнаружено, что при восприятии человеческого лица внимание поленезависимых приковано к правой его половине, что говорит об их левосторонней латерализации.

У поленезависимых формируется стратегия принятия решения, основанная на анализе деталей, что связано с преобладанием левого полушария, а полезависимые используют образные стратегии, вовлекающие правое полушарие.

Для измерения полезависимости — поленезависимости Г. Виткиным и его сотрудниками были разработаны три теста: «Рамка — стержень», «Вращающаяся комната» и «Замаскированные фигуры». Наиболее популярен тест «Замаскированные фигуры», разработанный Г. Виткиным на основе методики К. Готтшальда. Испытуемому показывают простую геометрическую фигуру, затем ее убирают и предлагают найти в сложном изображении. Простая фигура и сложное изображение никогда не предъявляются одновременно. В окончательном варианте тест состоит из 12 заданий. Показателем поленезависимости служит среднее время выполнения заданий. Чем оно меньше, тем больше поленезависимость. О поленезависимости можно судить и по числу правильных решений. (**204**)

Формированию полезависимости способствуют чрезмерные опека и контроль за поведением ребенка со стороны взрослых, ограничение его контактов со сверстниками и требование полного послушания. Высокой полезависимости способствует как очень большая семья, состоящая из нескольких поколений, так и неполная, где ребенка воспитывает одна мать. По мнению Г. Виткина, женское окружение само по себе отрицательно сказывается на уровне психологической дифференциации ребенка,

порождая у него социальную конформность и полезависимость.

Когнитивная сложность — простота. Этот параметр когнитивного стиля обязан своим происхождением теории личностных конструктов Дж. Келли (об этом подробнее в п. 3.3.3). Он характеризует большую или меньшую склонность индивида строить многомерные модели событий: одни люди видят мир многомерным, другие — упрощенным, «черно-белым».

В исследованиях этого когнитивного стиля отчетливо представлена основная идея стилевого подхода: каждый человек по-своему воспринимает, понимает, интерпретирует и прогнозирует действительность на основе «конструкций» индивидуального познавательного опыта.

При оценке когнитивной сложности личности учитывают число измерений, используемых при оценивании происходящего, а также степень организованности и взаимосвязанности этих измерений. Многочисленные исследования показывают, что когнитивно сложные личности более точны в своих предсказаниях относительно поведения других людей, чем когнитивно простые. Когнитивно простые субъекты эгоцентричны: они считают, что все то, что они думают о своем поведении, распространяется и на других людей. Но психологические портреты когнитивно простых и когнитивно сложных личностей противоречивы и неоднозначны, поскольку на параметр простоты — сложности накладывается ряд других характеристик, например когнитивная дифференцированность.

Понятийная (психологическая) дифференцированность — это степень расчлененности (дробности, детализации) в процессе категоризации. Показателем этого параметра в психологических исследованиях служит число образуемых групп при свободной классификации объектов. Данный показатель не зависит от содержания материала (слова, картинки, высказывания, предметы и т.д.). Значит, существуют стабильные индивидуальные различия в степени дифференцированности (артикулированности) восприятия окружающего мира и самого себя. Большое число групп при сортировке объектов свидетельствует о высокой понятийной дифференцированности, малое — о низкой. Более артикулированное восприятие означает детализацию и лучшую организацию поля восприятия. В основе дифференцированности лежит способность действовать, самоутверждаться, организовывать, использовать (**205**) значимые факторы поля и контролировать разрушительные силы в себе самом.

Различия в степени артикулированности Г. Виткин связывает с особенностями взаимоотношений в семье и воспитанием в раннем детстве. Способы обращения матери с ребенком во многом определяют уровень психологической дифференциации.

Артикулированность является характеристикой личности, пронизывающей различные уровни ее организации. Специальная тренировка и жизненный опыт могут по-разному влиять на дифференцированность отдельных сфер личности. Дифференциация на более поздних этапах жизни может снижаться; психические нарушения могут иметь такие же последствия.

Г. Виткин описал четыре компонента психологической дифференцированности.

1. Артикулированность представления о своем теле, состоящая в четком выделении его границ; она закладывается в раннем детстве и является основой для развития дифференцированности на более высоких уровнях личностного развития.

2. Артикулированность когнитивной сферы, проявляющаяся в двойной способности выделять в процессе восприятия часть из целого поля и организовывать неструктурированное поле.

3. Чувство сепаратной идентичности, которое означает степень развития сознания индивидом своих потребностей, чувств и свойств и идентификацию их как

отличающихся от потребностей, чувств и свойств других людей. Установлено три категории поведенческих проявлений чувства сепаратной идентичности: способность действовать самостоятельно, без поддержки других людей, за счет хорошо структурированного Я; предпочтение пользоваться своими мнениями, установками и суждениями в конфликтной ситуации; стабильность самооценки и представления о себе в разных социальных контекстах.

4. Структурированный контроль и специализированная защита являются выражением дифференцированности и уровня регуляции поведения в целом. Люди с глобальным восприятием поля склонны использовать примитивное отрицание и подавление, а люди с аналитическим восприятием предпочитают интеллектуализацию в качестве механизмов защиты.

Когнитивный стиль личности характеризуют также рядом других параметров. Некоторые психологи рассматривают когнитивный стиль как взаимоупорядоченную систему когнитивных аттитюдов (отношений) и правил развертывания познавательных процессов. Были предложены, в частности, такие параметры когнитивного стиля, как толерантность к нереальному опыту и рефлексивность — импульсивность.

Толерантность к нереальному опыту — это принятие событий, которые не соответствуют опыту. В экспериментах испытуемому (**206**) сначала предлагалось прочитать названия цветов, напечатанных цветным шрифтом так, что цвет шрифта и название цвета не совпадали (например, слово «синий» напечатано красным шрифтом). Это замедляло прочтение слов. Разница между скоростью прочтения обычного текста и цветного показывала величину толерантности к нереальному опыту.

Рефлексивность — импульсивность — это личностная тенденция принимать решения быстро или медленно. Люди с импульсивным стилем быстро выдвигают гипотезы в ситуациях неопределенности, допуская при этом много ошибочных решений. Рефлексивная стратегия представляет собой длительные размышления, дающие более правильный ответ. Показателями рефлексивности — импульсивности служат время обдумывания задачи до принятия решения и количество ошибок.

Когнитивный подход к личности включает анализ жизненных и экспериментальных проявлений различных параметров когнитивного стиля. Так, например, эксперименты показывают, что поленезависимость и высокая понятийная дифференцированность положительно влияют на учебную успеваемость студентов. Студенты с высокой успеваемостью демонстрируют больше признаков поленезависимости: используют при конспектировании меньшее количество слов, употребляют больше простых предложений, чаще сокращают слова, используют синонимы, перефразируют мысль, т.е. подвергают текст большей переработке. Кроме того, поленезависимые студенты обрабатывают текст графически, применяя подчеркивания, смену шрифта или цвета.

Параметр понятийной дифференцированности проявляется в учебной работе студентов слабее. Установлено только, что студенты с высокой понятийной дифференцированностью, как и поленезависимые, при работе с текстом дробили его на абзацы, выделяли и подчеркивали наиболее важные места.

Следовательно, высокая поленезависимость, т.е. способность к быстрой переработке информации, умение переводить ее на свой язык, является фактором успешности обучения. Связь понятийной дифференцированности с успешностью обучения является более сложной.

По данным В. Колги, успешность обучения не зависит от того, на каком полюсе понятийной дифференцированности находятся индивиды. Высокая понятийная дифференцированность способствует выявлению специфичности предлагаемой задачи, низкая — большей широте переноса навыков из одной ситуации в другую.

Многих исследователей интересовало, как когнитивный стиль связан с личностными свойствами. При этом в центре внимания опять оказался параметр полезависимости — поленезависимости, который сопоставлялся с такими свойствами, как конформность, (**207**) интроверсия, эмпатичность, тревожность и др. Оказалось, что полезависимые индивиды более конформны и быстрее принимают чужую точку зрения. Эти различия объясняют тем, что у полезависимых менее четкая структура собственного Я, в то время как у поленезависимых представление о своем Я более структурировано, и они вносят упорядоченность в неопределенные ситуации.

Между способностью к эмпатии и поленезависимостью не было обнаружено значимых связей. Значит, полезависимые и поленезависимые в равной степени способны к хорошему пониманию другого человека.

Эмпирические данные о связи поленезависимости с тревожностью достаточно противоречивы. Полезависимые индивиды имеют более слабый поведенческий контроль, менее отработанные защитные механизмы, и вследствие этого они более тревожны, чем поленезависимые. Обнаружена положительная связь между уверенностью в себе и поленезависимостью. В условиях сенсорной изоляции полезависимые проявляют тревожность, а поленезависимые — гнев с тревогой. Полезависимые имеют общую предрасположенность к тревожности в ситуации оценки социальных качеств.

По мнению Р. Кеттелла, полезависимость — поленезависимость является одним из проявлений фактора «приверженность к группе — самодостаточность» (Q2), который входит во вторичный фактор «интроверсия — экстраверсия»[1].

И. П. Шкуратова (Ростов-на-Дону), изучая связь параметров когнитивного стиля со свойствами личности, обратила внимание на то, что разные показатели поленезависимости группируют вокруг себя разные личностные факторы: показатель времени решения дает значимые связи с факторами «интеллект» (B), «эмоциональная стабильность» (C) и «усвоение моральных норм» (G); показатель количества правильных решений — с факторами «общительность» (A), «мнительность» (L), «самодостаточность» (Q2) и вторичным фактором «тревожность», а показатель продуктивности вообще не дал ни одной значимой связи с личностными характеристиками. Это является доказательством того, что показатели поленезависимости, которые считаются равнозначными, на самом деле отражают разные личностные особенности.

Значительно большая связь между показателями когнитивного стиля и свойствами личности выявляется, если используются поведенческие проявления свойств. Когнитивный стиль представляет собой способ переработки информации, поэтому проявляется больше там, где есть реальное действие, а не рефлексия. Все параметры когнитивного стиля обязаны своим происхождением практике (**208**) психологического эксперимента, в рамках которого продолжает анализироваться их взаимосвязь с другими личностными характеристиками.

Параметры когнитивного стиля могут находиться в разных соотношениях с уровнем интеллекта и отдельными свойствами личности, что объясняется особенностями их природы. Поэтому каждый параметр когнитивного стиля рассматривается как самостоятельное измерение личности, не сводимое к другим. Когнитивностилевые особенности понимаются как личностное образование, которое обладает значительной генерализованностью и проявляется в поведенческих характеристиках в различных сферах деятельности.

Когнитивный стиль расценивается как компенсаторный механизм, связанный с

---

[1] См.: Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение. — Ростов н/Д, 1994. — С. 39 - 40.

определенным типом психологической защиты. Дж. Клейн определяет когнитивный стиль как «стабильную стратегию контроля, которая направляет потребности в адаптивные действия, организуя когнитивные и аффективные процессы таким образом, чтобы минимизировать конфликт и в то же время как можно шире проявить индивидуальные особенности». Г. Виткин утверждает, что лица с аналитическим типом восприятия, т.е. поленезависимые, имеют более развитую систему психологической защиты, и ведущими в ней являются такие специализированные ее формы, как интеллектуализация и рационализация, в то время как индивиды с синтетическим типом восприятия чаще проявляют примитивное отрицание или подавление.

Таким образом, когнитивные стили по своим глубинным психологическим основаниям представляют собой формы интеллектуальной зрелости субъекта[1]. Исследования когнитивного стиля позволяют значительно пересмотреть существующие теории личности.

3.3.3. Теория личностных конструктов Дж. Келли

Психология личностных конструктов американского психолога Джорджа Александера Келли (1905 — 1967) является одной из наиболее оригинальных теорий личности. Это яркое выражение когнитивного подхода к познанию человека. Она лучше обоснована, чем многие психодинамические теории, в том числе психоаналитическая. Однако ее судьба еще раз показала, что популярным становится не всегда наиболее ценное.

Центральным в теории Дж. Келли является понятие личного конструкта. Это понятие означает, что люди в процессе познания (**209**) конструируют события, предвосхищая их на основании своего опыта. Конструирование — это интерпретация объективных внешних обстоятельств. Всякий опыт пропускается через цветные очки личных конструктов. В теории Дж. Келли индивид, занимая центральное положение, выступает в качестве активного конструктора своего мира. Задача психологии — изучить, как люди конструируют образ мира и самих себя.

Дж. Келли отверг представление о человеческой личности как о фиксированной сущности, которая обусловливает то, что способен делать индивид, устанавливая границы его возможностей. Он придерживался противоположной позиции: то, что человек делает, определяет то, что он собой являет.

Методологической основой теории личности Дж. Келли служит разработанный им конструктивный альтернативизм, который явился противовесом позитивизму — доминирующей доктрине современной философии науки. Новая методология Дж. Келли подчеркивает ограниченность естественнонаучного подхода к изучению человека с его духовной, социальной, непредметной природой.

Методология конструктивного альтернативизма родилась в результате объединения двух «простых идей, а именно, что нам, возможно, удалось бы лучше понять человека, если бы мы смотрели на него в перспективе столетий, а не судили о нем в мерцающем свете мимолетных мгновений; и что каждому человеку присуща своя, личная манера созерцать и обдумывать течение событий, по которому, как обнаруживается, его так быстро несет. Быть может, в этом взаимодействии долговечного и преходящего мы откроем какие-то более обнадеживающие способы, которыми каждый отдельный человек способен перестроить свою жизнь»[2].

---

[1] См.: Холодная М.А. Когнитивные стили: Парадигма «других» интеллектуальных способностей // Стиль человека: психологический анализ / под ред. А.Либина. - М., 1998. - С. 52-63.

[2] Келли Дж. Теория личности: Психология личных конструктов. — СПб., 2000. — С. 11.

Согласно идее конструктивного альтернативизма человек получает доступ к реальности посредством ее конструирования, т.е. индивидуально своеобразной интерпретации событий. Для этого он использует свои личные конструкты, одни из которых выполняют эту задачу более эффективно, чем другие. Поскольку конструкты индивидуальны, существуют различные интерпретации одного и того же события, и никто не обладает монополией на истину. Все интерпретации могут и должны подвергаться пересмотру. Трезвый подход требует осторожности и непредубежденности при оценке любых точек зрения и теорий, которых придерживаются окружающие. Дж. Келли утверждал, что нет такой вещи в мире, относительно которой «не может быть двух мнений». Даже такие события, как рождение ребенка, смерть, повышение по службе, которые вроде бы трактуются всеми людьми однозначно, (**210**) подчиняются принципу конструктивного альтернативизма. Правда жизни такова, что не всегда рождение ребенка — счастье для родителей и не всегда смерть человека — трагедия для окружающих. Между событием и его переживанием лежит интерпретация. События не говорят нам, что надо делать, «на них не выгравировано их значение». Человек сам определяет для себя значимость события. Человек не зависит от события до тех пор, пока оно им не истолковано. В этом смысле, по мнению Дж. Келли, человек сам является творцом своей судьбы.

Конструктивный альтернативизм несет в себе уверенный оптимизм и веру в человеческие возможности. Люди способны видоизменять или заменять свои конструкты событий и собственной личности. В этой способности заключена возможность свободы: поведение человека свободно постольку, поскольку его конструкты гибки или достаточно проницаемы для того, чтобы допустить новые способы конструирования событий. «Мы исходим из того, — писал Дж. Келли, — что всегда существуют какие-то альтернативные конструкции, из которых человек может что-то выбрать, имея дело с внешним миром. Никто не должен загонять себя в угол, покорно уступать обстоятельствам или становиться жертвой своей биографии»[1].

Дж. Келли рассматривал личность как присущий индивидууму уникальный способ осознания жизненного опыта и построения на этой основе своего образа мира. Опыт же — это индивидуальная система конструктов, которую создает человек в ходе своей жизни и которая управляет его поведением.

Центральное место в теории Дж. Келли занимает понятие конструкта, являясь таким же универсальным, как и понятия подкрепления или инстинкта в других теориях личности. Введение общего понятия «конструкт» позволило создать достаточно стройную, внутренне непротиворечивую концепцию человека.

Конструкты образуют мост между внутренним и общественным миром деятельности и взаимодействия с другими. Они представляют собой когнитивные шаблоны, которые человек создает, а затем пытается наложить на мир или подогнать к нему. Они не репрезентация и не символизация событий, а способы управления событиями. Конструкты — это способы восприятия и понимания реальности, организации людьми своего опыта в соответствии с правилом подобия и отличия.

Конструкт представляет собой основной элемент системы мировосприятия личности. Конструкт — это то, «чем два или несколько объектов сходны между собой и, следовательно, отличны от третьего объекта или нескольких других объектов». Например, (**211**) при сравнении трех своих знакомых человек отмечает, что двое из них — общительные, а третий — замкнутый. Так возникает конструкт «общительный—замкнутый», который будет затем использоваться этим человеком при оценке других людей.

---

[1] Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. - СПб., 2001. - С. 404.

Дж. Келли описывает типичный конструкт на примере «агрессивности — доброты». Конструкт имеет два полюса: полюс сходства и полюс контраста. Объекты или события, которые абстрагируются конструктом, — это элементы. Например, когда человек выносит суждение, что Марина и Лидия отличаются мягкостью, а Екатерина агрессивна, то конструктом «агрессивность — мягкость» абстрагируются три элемента: Марина, Лидия и Екатерина. Операции с конструктом предполагают как минимум три элемента, поскольку требуется оценить, чем два элемента похожи друг на друга и отличаются от третьего.

Обычно явно выражена только одна часть конструкта, а остальные части остаются скрытыми. Например, в утверждении: «Марина и Лидия — самые мягкие люди, которых я знаю», — проявлен (эмерджентен) только полюс сходства — «мягкость». Полюс контраста — «агрессивность» в данном контексте не проявлен, или имплицитен. Иногда непроявленный полюс оказывается неосознанным. К примеру, клиент с истерическими наклонностями и комплексом Поллианны (персонаж книги Элиноры Портер «Поллианна», которому свойствен неисправимый оптимизм) на приеме у психотерапевта настаивает: «Все люди отличаются необычайной мягкостью!» Вероятно, этот клиент не осознает полюса агрессивности используемого им конструкта.

Конструкты имеют много отличий от понятий, которые традиционно рассматриваются как единицы мышления. Высказывание «это — стул» подразумевает также, что «это не стол». Сообщение о том, что бородатые мужчины мужественные, неявно означало бы, что бритые мужчины женственны. Говоря о том, что Лида и Марина интеллигентны и воспитаны, подразумевают, что кто-то третий, возможно Ефросинья, невежественна.

Отличия конструктов следующие.

Во-первых, они очень субъективны, т.е. отражают личность своего создателя. Конструкт является изобретением для дифференциации объектов, при этом человек пользуется своими знаниями и словарным запасом.

Во-вторых, конструкт биполярен, одновременно констатируя сходство и различие. Простейшие примеры конструктов: «дружеский — враждебный»; «активный — пассивный»; «интеллигентный — неинтеллигентный» и т.д.

В-третьих, конструкт не всегда осознан и не всегда поддается словесному оформлению. Человек может четко делить людей на две категории по своему конструкту, не умея словами объяснить основание этого деления. Иногда он способен определить лишь (**212**) один из полюсов конструкта, а второй характеризует как «не это».

В-четвертых, конструкт может менять сферу своего приложения. Способность конструкта быть использованным для характеристики новых объектов без существенного изменения смысла называется проницаемостью. Чем больше число объектов, по отношению к которым может быть применен данный конструкт, тем больше его проницаемость. Избыточно проницаемым конструктом является дихотомия «мужчина — женщина», а избыточно непроницаемым «студенты-социологи — студенты-психологи».

Благодаря конструктам индивид ощущает свою идентичность, понимает мир, но прежде всего умеет прогнозировать события. Если прогнозы подтверждаются, система конструктов находится в равновесии, если не подтверждаются — человек либо модифицирует свои конструкты, либо агрессивными действиями пытается подчинить реальность тем оценкам, которые обусловлены жесткими конструктами. Бывает, что человек встречается с фактами, которые лежат за пределами личных конструктов. Например, заторможенная и стыдливая девушка не сформировала у себя конструктов,

касающихся общения с юношей, поэтому в ситуации с сексуальным оттенком испытывает страх. Страх является реакцией на события, которые не удается прогнозировать при помощи имеющейся системы конструктов. Обогащение этой системы позволяет освободиться от страха и других негативных эмоций.

Теория личных конструктов сформулирована в 12 утверждениях. Первое утверждение — это фундаментальный постулат. Остальные 11 — следствия (королларии), конкретизируют постулат или уточняют его. Все эти утверждения описывают то, как работает система конструктов при восприятии людьми мира и себя.

Фундаментальный постулат психологии личных конструктов гласит: «Деятельность человека психологически канализируется (направляется) в соответствии с тем, как он предвосхищает события», — или, другими словами, личностные процессы направляются конструктами, которые служат средствами предвидения событий.

Смысл этого постулата заключается в следующем. Психические процессы и деятельность человека нуждаются в точном определении своего направления. Критерием для определения направления служит будущее, поскольку речь идет о «предвосхищении». Люди стремятся узнать, что «день грядущий им готовит». Сущность жизни видится «в ее устремленности в будущее, а не в ее увековечении прежних состояний или в ее непрестанном отражении прошлых событий». Обычно последующий опыт людей служит либо подтверждением, либо опровержением того, как они предвосхищали события. (**213**)

Человек использует такие конструкты, которые дают возможность предсказывать события, исходя из его интересов и ценностей. Если, например, для сопоставления одних и тех же людей один применит конструкт «хитрый — простодушный», а другой — «умный — глупый», то для первого более важен прогноз нравственности, а для второго — интеллекта. Естественно ожидать, что поведение по отношению к данным людям будет различаться в соответствии с конструктами.

Следствия, выведенные Дж. Келли из своего основного постулата, разъясняют его смысл и расширяют содержание. Они раскрывают строение индивидуальной системы конструктов, характер их функционирования и динамику развития.

Первое следствие — конструктивное, или об истолковании, гласит: «Человек предвосхищает события путем истолкования их повторений»[1]. Это значит, что, несмотря на то что в жизни никакие события не являются тождественными, ожидаются события, подобные тем, которые уже происходили в прошлом. Основной принцип конструирования: воспринимаемое уподобляется одним объектам и отличается от других.

Второе следствие — об индивидуальности: «Люди отличаются друг от друга своим истолкованием событий». Люди по-разному интерпретируют события. Маловероятно, что конструкционные системы двух людей окажутся схожими даже в части использования одинаковых логических отношений. Этот факт «открывает дверь» для более прогрессивных систем мышления.

Третье следствие касается организации системы конструктов: «Каждый человек для предвосхищения событий создает упорядоченную систему отношений между конструктами». В данном случае затрагивается проблема строения системы конструктов человека. Конструкты каждого человека взаимосвязаны субординационно. Одни из них имеют много связей с другими, как правило, это наиболее значимые — центральные — конструкты. Другие могут иметь одну-две связи, такие конструкты называются периферическими. Отсутствие или слабость связей этих конструктов с

[1] Келли Дж. Теория личности: Психология личных конструктов. — СПб., 2000. — С. 135.

другими объясняется либо их специфичностью, либо новизной. Связи могут меняться с течением времени: ослабевать, перегруппировываться, снова упрочиваться, но уже в иной комбинации. Такая динамика системы конструктов служит основой творческого мировосприятия, позволяя увидеть новые отношения между объектами. Системы личных конструктов людей различаются не только по содержанию и количеству элементов, но и по характеру связей между ними. Установление приоритетов среди конструктов обусловливается не только логикой, но и обязательствами (214) и моральными императивами. Это, замечает Дж. Келли, «обычная цена, которую люди платят за то, чтобы избежать внутреннего хаоса».

Внутри индивидуальной конструкционной системы имеется центральная (ядерная) структура, посредством которой человек приходит к пониманию наиболее фундаментальных особенностей реальности, общества и самого себя. Эта центральная структура с трудом поддается изменениям и выражает основополагающий взгляд человека на жизнь.

В свою очередь внутри центральной структуры имеются такие построения, которые позволяют людям прогнозировать и контролировать наиболее важные контакты с людьми и группами. Эти построения составляют центральную (ядерную) роль человека. Дж. Келли объясняет формирование центральной роли следующим образом. Маленькая девочка определяет себя как принадлежащую семье. Она конструирует поведение, а также конструкты других членов семьи. Затем она исполняет свою предполагаемую роль задолго до того, как найдет слова, чтобы сказать, «кем она в действительности является». Тем самым наиболее важные особенности центральной роли существуют в виде довербальных конструктов.

Четвертое следствие — дихотомия: «Система конструктов состоит из ограниченного количества дихотомических конструкций». Здесь подчеркивается ключевая особенность конструкта — разделение на черное и белое, не допускающее промежуточных оттенков. Наглядной аналогией может служить разветвление дороги, содержащее только левый и правый повороты.

Пятое следствие — выбор: в биполярном конструкте человек выбирает для себя ту альтернативу, которая, как он рассчитывает, способствует расширению и большей определенности его системы. Выбор имеет отношение к действиям человека, а не к событиям, которые происходят после выбора. Люди могут изменить происходящие вокруг них события только после того, как они изменят себя, а значит, и преобразуют свои конструкты.

Шестое следствие — диапазон: конструкт применим для предсказания ограниченного набора событий. Ни один конструкт не охватывает все события, с которыми сталкивается человек. Конструкт имеет фокус применимости — набор объектов, с которыми он работает особенно хорошо. Он также имеет диапазон применимости, в котором он может работать достаточно хорошо.

Седьмое следствие — опыт: система конструктов меняется по мере того, как человек последовательно конструирует образы событий. Конструкты можно изменять, всякий раз примеряя к событиям. Но изменение конструктов не происходит автоматически. Менять или не менять свои конструкты — это, в конечном счете, вопрос личного выбора. Совокупность изменений составляет индивидуальный опыт. (215)

Восьмое следствие — модуляция: вариации в системе конструктов ограничены проницаемостью тех конструктов, внутри зоны применимости которых заключены эти вариации. Чем более проницаем конструкт, тем легче его применить к новым событиям и тем больше человек открыт для новой информации. Но чрезмерно проницаемый конструкт подобен ситу, которое пропускает через себя все, ничего не

задерживая. Человек в этом случае мыслит расплывчато, ему трудно составить четкую картину реальности, и, следовательно, он будет изъясняться неопределенно. Непроницаемый конструкт охватывает явления, которые составляют его первоначальную основу, и остается закрытым для интерпретации нового опыта. Например, если конструкт «компетентный — некомпетентный» проницаем для оценки нового врача, то, общаясь с врачом, человек может понять, насколько врач компетентен. Если же этот конструкт совершенно непроницаем, то пациент будет убежден в том, что компетентных врачей нет: «Разве сейчас врачи? Вот раньше были врачи!» Для этого пациента различие между компетентными и некомпетентными врачами не существенно: все доктора некомпетентны! Все конструкты непроницаемы по определению для опыта, выходящего за диапазон их применимости. Так, конструкт «компетентный — некомпетентный» непроницаем (не имеет смысла), если судить о вкусе яблок.

Девятое следствие — фрагментация: человек может использовать множество конструкционных подсистем, которые логически несовместимы. Это следствие отмечает тот факт, что в жизни людей логика обычно играет второстепенную роль. Реакции человека на события не обязательно согласуются между собой или вытекают из других реакций, которые у него были ранее. Этот вид иррациональности, замечает Дж. Келли, не обязательно является недостатком. Людей иногда делают великими именно несовместимые фрагменты их конструкционных систем.

Десятое следствие — общность', психологические процессы одного человека сходны с психологическими процессами другого в той мере, в какой один опирается на истолкование опыта, сходное с тем, на которое опирается другой. «Люди принадлежат к одной культуре главным образом потому, что истолковывают свой опыт одинаково»[1].

Одиннадцатое следствие — социальность: один человек может принимать участие в социальном процессе, затрагивающем другого человека, в той мере, в какой он моделирует его процессы истолкования. Это следствие объясняет эмпатию и социальные отношения. Люди истолковывают наблюдаемое поведение других людей и реагируют на них, опираясь на это истолкование. (**216**)

Осмысленное отношение к другим людям нуждается в понимании того, как они конструируют самих себя и свой мир. Отношения, базирующиеся на понимании того, как другие люди воспринимают мир, согласно Дж. Келли, составляют основу общественной жизни. Большая часть поведения состоит из взаимных приспособлений. Такое взаимопонимание позволяет эффективно взаимодействовать в обществе. Что случилось бы, если бы автомобилисты разошлись во мнениях относительно значения сигналов светофора?!

Конструкты общности и социальности отражают взгляд Дж. Келли на людей как на социальных существ, которые не только реагируют на чужие несчастья, но и способны проявлять глубокие и эмпатические чувства друг к другу.

Используя основные положения своей теории, Дж. Келли рассмотрел ряд таких психологических проблем, как воля, эмоции, интеллект, мотивы, психологический рост, агрессивность, Я, вопросы развития личности, а также практического применения теоретических положений.

Дж. Келли рассматривает волю в качестве компонента конструкционного процесса. Нет нужды помещать волю вне этого процесса. Если конструкционный процесс уже начался, он по сути своей активен. Нет необходимости постулировать какой-то отдельный фактор или процесс при объяснении того, с чего начинается

[1] Келли Дж. Теория личности: Психология личных конструктов. — СПб., 2000. С 125.

предвосхищение событий или что его поддерживает.

Эмоции также включены в конструкционный процесс, участвуя в нем наряду с волей, потребностями и мотивами. Логика, познавательные функции не являются единственным фактором конструирования реальности. Некоторые конструкты функционируют, не доходя до сознания. Следовательно, теория личных конструктов является не только когнитивной теорией, но и эмоциональной. Личные конструкты существуют не только «в голове», но и «в сердце». Конструирование реальности имеет место даже тогда, когда отсутствуют вербальные ярлыки. Таким невербальным конструированием заняты младенцы и, предположительно, животные. Потребности, мотивации, эмоции и обучение — все это аспекты конструкционного процесса.

Еще одним компонентом конструкционного процесса является интеллект. Дж. Келли скептически отзывался о попытках оценить интеллект в качестве отличительной черты. Тест IQ, на его взгляд, мало пригоден для взрослых и может даже помешать обучению детей. Творческий процесс вызывает изменение в системе конструктов. Он начинается с податливой конструкции и заканчивается фиксированной конструкцией. Податливая конструкция подобна черновому наброску, который может предварять тщательно проработанный чертеж. Творчество возникает из нелепых мыслей. Люди, которые используют фиксированную конструкцию, (**217**) могут быть продуктивными, но неспособными к творчеству. Творческий человек должен обладать способностью переходить от податливости к фиксированности. Творчество наполняет любое развитие человека, ибо это процесс, посредством которого люди могут освобождать себя от жестких, узких способов конструирования и открывать для себя новые горизонты и формы бытия в мире.

В теории личных конструктов человеческая личность рассматривается как текучая, способная к изменению и росту. Развитие зависит от попыток человека глубже понимать мир через непрерывную разработку системы конструктов. Взаимодействие с внешней средой играет главную роль в личностном росте. Дж. Келли, как психолог-гуманист, рассматривает развитие как врожденную тенденцию.

Подобным же образом Дж. Келли решает проблему мотивации. Человек — это активное и думающее существо просто потому, что он живой, поэтому мотивация — это излишний конструкт[1]. Дж. Келли отклонил механистическую точку зрения на то, что поведение обусловлено исключительно действием внешних событий. Сущность мотивации заключается в том, что люди активно истолковывают внешние события и затем используют эти конструкты для прогнозирования событий. Они не стремятся увеличить удовольствие или избежать боли. Они стремятся максимизировать точность своих взглядов.

В теории личных конструктов центральное положение занимает «конструктор событий», т. е. Я. В то же время Я — это конструкт. Он оказывает контролирующее воздействие, о чем свидетельствуют вариации в поведении и опыте людей. Их поведение имеет мало общего с обстоятельствами и целиком обусловлено тем, как люди себя воспринимают. Но Я — это не механизм, который действует в качестве определителя конструкта. Контролирующее действие Я — это свидетельство прочности всей конструкции.

Дж. Келли определяет агрессивность как активность познания («активную проработку своего перцептивного поля»). В отличие от психодинамического направления в психологии Дж. Келли не наделяет агрессивность деструктивностью, враждебностью или влечением к смерти. Она играет позитивную роль в подходе человека к жизни и существенна для его роста. Человек в одних своих проявлениях

[1] Хъелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997. — С. 444.

более агрессивен, чем в других.

Теория личных конструктов находит широкое применение в психологической практике. На основе идей, развиваемых в этой теории, выросло эффективное направление в психотерапии и психологическом консультировании — когнитивно-поведенческая школа. Это направление связывает большинство психологических проблем с ошибочными или неуместными ролевыми конструктами (218) себя и других людей. Например, Дж. Келли определяет тревогу как признание того, что события, с которыми сталкивается человек, находятся за пределами зоны применимости его системы конструктов. Это признание приносит с собой ощущение утраты контроля. Страдающий человек — это человек, использующий неполноценные конструкты.

Люди сталкиваются с личностными проблемами, потому что не имеют ясного представления, как они конструируют свои роли или роли значимых окружающих. Скажем, шизофреники имеют трудности в категоризации людей в соответствии с их личностными качествами. Если их просят посмотреть на фотографии людей и отреагировать на них, то они реагируют, не учитывая их внутренние качества. Мышление шизофреников основано на использовании ослабленных конструктов, которые плохо управляют прогнозами, поэтому их предсказания не оправдываются. Следствием этого является суровое обращение окружающих. Для того чтобы избежать осуждения, шизофреники сами ослабляют конструкты и связь между ними, следствием чего является то, что они живут субъективно в очень расплывчатом и бессмысленном мире.

Значит, цель психотерапии состоит в том, чтобы сформировать новые и исправить старые конструкты так, чтобы человек мог более эффективно взаимодействовать со своим окружением. Терапевт изначально заботится о том, чтобы существовала постоянная возможность для изменения системы конструктов клиента, от которой зависит его здоровье. Изменений можно также добиться, если психотерапевт вместе с клиентом раскроют неполноценность конструктов клиента, поймут, почему эти конструкты не работают. Необходимо, чтобы клиент использовал имеющиеся конструкты для решения проблем, возникших в детстве. Дж. Келли предполагал, что пересмотр этих конструктов будет удачным, если клиент и терапевт используют новое, взрослое мышление относительно прошлых событий. Терапевт также помогает клиенту смоделировать новый опыт, смело проверить гипотезы и критически взвесить то, что клиенту представляется очевидным. Таким образом, терапевт использует все лучшее в человеческой природе и создает условия для того, чтобы клиент мог проверить свои конструкты.

Идеи и методы Дж. Келли успешно применяются менеджерами и консультантами в области управления. Специалисты по маркетингу используют их для оценки взглядов покупателя на торговые марки. Например, репертуарный тест позволяет выявить критерии, при помощи которых покупатели принимают решения относительно той или иной покупки. Консультанты применяют данный тест для того, чтобы помочь людям найти подходящую работу, которая соответствовала бы их конструктам. Таким образом, теория играет позитивную роль в решении социальных проблем. (219)

Теория личных конструктов сочетает гуманистические принципы с четкой концепцией, допускающей эмпирическую проверку. В то же время теория личности Дж. Келли не позволяет вполне объяснить активность человека, а именно тот факт, что он не только воспринимает мир и прогнозирует события, но и действует. Дж. Келли больше интересовался тем, как человек понимает реальность, а не тем, как он ее преобразует.

Дж. Келли — оригинальный мыслитель, и его идеи отдалены от основных

теоретических течений в области психологии. Он резко критиковал бихевиоризм и теории обработки информации и явился предшественником когнитивной психологии.

3.3. Личность в бихевиоризме

Постановка вопроса о бихевиористских теориях личности может показаться спорной. Многие полагают, что в рамках бихевиоризма не только не было создано теории личности, но даже не предпринималось попыток в этом направлении. Например, по оценке Э. Фромма, «бихевиоризм не владеет теорией личности, он видит только поведение и не в состоянии увидеть действующую личность»[1]. Б. Скиннера, одного из ведущих теоретиков бихевиоризма, упрекают в том, что он не придает в своих описаниях поведения важной роли «самости». Бихевиористов критикуют за то, что они отвергли концепцию человека активного и самодеятельного, который руководствуется внутренними мотивами.

Между тем бихевиоризм внес значимый вклад в реальное познание человека. Как справедливо утверждал польский психолог Ю.Козелецкий, бихевиористы создали оригинальную концепцию человека. Она конструировалась в лабораториях на основе естественно-научной методологии позитивизма. Если психоаналитики создали психотерапию, то бихевиористы — инженерию личности.

Бихевиоризм не отрицает личность и другие психологические категории, но указывает на их непригодность для раскрытия законов человеческого поведения. Внутренний мир не управляет поведением, подобно тому, как цвет автомобиля не влияет на управление его движением. Психические процессы не играют какой-либо роли в управлении человеческим поведением; понятие сильной воли не что иное, как семантическая фикция. По мнению Б. Скиннера, психологи прибегают к понятию «личность» «для объяснения только тех вещей, которые еще не в состоянии объяснить иными путями»[2]. (**220**)

С позиций бихевиоризма, личность представляет собой совокупность наблюдаемых действий. Бихевиористский портрет личности базируется на принципе реактивности. Человек — реактивная система; его поведение управляется внешней средой, где находится главный инструмент управления: система подкреплений. Именно они определяют, к чему человек будет стремиться и чего избегать. Разработана система методов изменения поведения человека — бихевиоральная инженерия, модификация поведения.

Ближе всего к общепринятому понятию личности подходит такое понятие бихевиоризма, как «репертуар реакций», что представляет собой Я. Я представляет собой результат научения. Репертуар реакций сформирован в прошлом благодаря влиянию семьи, школы или работы. Если люди отличаются друг от друга, если одни добиваются успехов, а другие терпят неудачи, то потому, что у них разные биографии и они подвергались действию различных раздражителей.

Отношение современного бихевиоризма к личности заметно отличается от позиции основателя этой школы Дж.Уотсона. Он полагал, что «изучение личности в той или иной форме существенно для каждого вида общественной жизни»[3]. Правда, подходы к познанию личности возмущали Дж.Уотсона своим легкомыслием. Он писал о том, что применяемые методы «не представляют ценности, хотя публика верит им и предоставляет себя в жертву как беззастенчивым пройдохам, так и заблуждающимся

---

[1] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1994. — С. 52.
[2] Скиннер Б. Ф. Технология поведения // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И.Добренькова. — М., 1994. — С. 34.
[3] Уотсон Дж.Б. Психология как наука о поведении. — М.; Л., 1926. — С. 353.

фанатикам». Эти методы основываются на четырех различных группах признаков: 1) голос, жесты, походка, установка и одежда; 2) строение головы; 3) цвет глаз, тип волос и форма пальцев; 4) почерк. С незапамятных времен находились пророки, которые, объявив себя «характерологами» или «экспертами характера», изучали подобные признаки и начинали высказывать свои суждения о людях.

Дж. Уотсон оценил литературу, посвященную исследованиям личности, как не выдерживающую научной критики. Он назвал «туманными» сочинения, в которых что-либо говорится о Я, личности и характере. Главы о личности являются, как правило, заключительными и наименее разработанными в психологических трудах, и туда помещают религиозные или метафизические идеи, которые не удается вплести в научное обсуждение инстинкта, эмоции и навыка. Из-за нежелания допустить, что индивид имеет внутри себя все факторы, определяющие действие, вводят для обоснования Я, или личности, какое-то ядро, которое не поддается анализу и не может быть выражено посредством наследственных и приобретенных реакций. В итоге мы имеем такие расплывчатые (**221**) категории, как «дух» Дж. Беркли, «сознание» и Я современных психологов и «бессознательное» фрейдистских мистиков.

Тем не менее, по Дж.Уотсону, понятие личности необходимо для того, чтобы оценить, насколько хорошо функционирует индивид в данных социальных условиях, определить, как он будет вести себя в новой среде и какие изменения для него окажутся полезными в будущем[1]. Термин «личность» — это удобный способ целостного подхода к индивиду. Но прогресс может быть достигнут тем, считал Дж. Уотсон, что мы отбросим все туманные представления о личности и начнем с предпосылок, укладывающихся в обычные понятия научного языка. Будем подразумевать под термином «личность» все то, чем обладает индивид, т.е. его возможности в отношении реакций, а именно: организованные навыки, урегулированные инстинкты, социализированные эмоции и способность к образованию, видоизменению и сохранению навыков.

Дж. Уотсон считал, что путем изучения поведения можно получить научную картину человеческой личности. Он призывал к «систематическому собиранию образцов деятельности». Всякое современное исследование, по Дж.Уотсону, должно иметь своей отправной точкой непосредственное изучение индивида и отказ от всех предвзятостей. Всестороннее изучение личности возможно в лабораторных условиях.

3.3.1. Б. Скиннер о личности

Беррес Фредерик Скиннер (1904—1990) — американский психолог, наиболее известный представитель современного бихевиоризма, предложил революционный способ познания психологии человека, который представляет большой интерес для понимания личности. Его отношение к этой психологической категории выделяется своей нетрадиционностью даже внутри бихевиоризма.

Если ранние бихевиористы ставили задачу научного познания личности, то Б.Скиннер, наиболее авторитетный из современных бихевиористов, похоже, усомнился в возможности решить эту задачу традиционным путем. Он полагал, что психоаналитики и другие психологи пытаются понять человека тем же древним — личностным — способом, каким пользовались еще Сократ и Аристотель. Основная идея Б. Скиннера состоит в том, что главная цель психологии — это правильное понимание причин поведения. Объяснять эти причины при помощи личностных и психологических категорий вообще — примитивно и не научно.

---

[1] Уотсон Дж.Б. Психология как наука о поведении. — СПб., 1997. — С. 353.

Если психологи не в состоянии указать причины, определяющие поведение индивида, то говорят, что он несет ответственность (222) сам. Такие понятия, как автономный человек, достоинство, творчество, Б. Скиннер называл «надуманными объяснениями». Эти понятия психологи используют, когда не осознают причин сложного поведения, не подозревают о процессах, которые предшествуют такому поведению или являются его следствием.

То, что психологи объясняют при помощи понятия «личность», может быть объяснено более непосредственно, если иметь в виду реальное поведение. И в начале своей научной карьеры, и через 50 лет, в 1990 г. Б. Скиннер придерживался одной и той же позиции: «В научном анализе поведения нет места таким категориям, как личность»[1]. В науке нет места понятию личности как первоосновы или инициатора действия.

Возражение против личностных категорий состоит не в том, что их не существует, а в том, что они неприменимы для анализа поведения. В своей нашумевшей на Западе книге «По ту сторону свободы и достоинства» Б. Скиннер декларирует: «Нам не нужно пытаться раскрыть, каковы в действительности личностные черты, мысли, чувства, намерения или другие существенные признаки индивида для того, чтобы осуществлять научный анализ человеческого поведения».

Всматриваться в психическое состояние, говорит Б. Скиннер, это значит искать не там, где потеряно. «Делая акцент на внутреннем мире как на объекте изучения, Фрейд отбрасывает науку на 50 лет назад»[2], — писал Б. Скиннер в 1953 г. Подобный подход вредит науке, порождая иллюзию понимания, что лишает ее стимула искать факторы, которые реально контролируют поведение.

Б. Скиннер считал когнитивную психологию рассадником темного мышления, возрождением надуманных объяснений: практически все описательные термины, используемые в когнитивной психологии, ничего не значат, ничего в действительности не описывают и скорее мешают, чем способствуют развитию науки. Предложив альтернативные подходы, он был глубоко разочарован недоброжелательной реакцией других ученых[3].

«Я являюсь радикальным бихевиористом в том смысле, что не вижу места ментальному в системе научного анализа»[4], — заявлял Б. Скиннер в 1964 г. Одной из личностных категорий, против которых протестовал Б. Скиннер, являлось понятие «автономного человека». Протест вытекал из того, что, по мнению Б. Скиннера, невозможно существование некоего стабильного внутреннего Я, функционирующего под воздействием неизвестных внутренних сил, независимых от внешних факторов. Б.Скиннер не нашел (223) подтверждений существования автономного «нечто» и был уверен, что многие заблуждаются. Относить человеческое поведение к проявлениям внутреннего мира человека — то же самое, что верить в одержимость бесами. Б.Скиннер начисто отбросил то, что связано с сознанием, чувствами, побуждениями, в лучшем случае — как побочные продукты.

Что же предлагал Б. Скиннер? Он считал, что существует два способа познания человека.

Первый способ — пассивный, созерцательный — ассоциируется с экзистенциализмом, феноменологией и структурализмом. Мы узнаем, что это за человек, на кого он похож, кем он может стать или становится. Мы пытаемся с этой

---

[1] См.: Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. — СПб., 2001. — С. 367.
[2] Там же. — С. 365.
[3] Там же. — С. 385.
[4] Там же. — С. 391.

точки зрения узнать другого так же, как познаем самих себя. Мы разделяем его чувства с помощью симпатии или эмпатии. С помощью интуиции мы открываем его аттитюды, намерения и другие состояния сознания. Нам это удается настолько, насколько у нас есть хорошие межличностные взаимоотношения. Этот способ познания человека — самый древний и самый неэффективный.

Б. Скиннер пишет: «Разве я говорю, что Платон ничего не знал о сознании? Что Фома Аквинский, Р.Декарт, Дж.Локк и И.Кант интересовались лишь случайными нерелевантными побочными продуктами человеческого поведения? Что ментальные законы психологов физиологии вроде Вундта, или поток сознания Вильяма Джеймса, или ментальный аппарат Зигмунда Фрейда были бесполезны для понимания человеческого поведения? Да! И я настаиваю на этом, так как, если мы хотим разрешить проблемы, с которыми мы сталкиваемся в нашем современном мире, этот интерес к ментальной жизни не должен больше отвлекать наше внимание от условий окружающей среды, функцией которых является человеческое поведение»[1].

Второй способ заключается в познании того, что человек делает. Мы объясняем, почему человек ведет себя именно так, апеллируя скорее к окружению, чем к внутренним состояниям и деятельности. Из окружающей среды черпается репертуар поведения, который мы называем генетическим даром человечества и который превращает организм с человеческим дарованием в личность. Анализируя эти эффекты окружающей среды, мы продвигаемся к предсказанию и контролю над поведением.

Если строить определение человека на его видимом поведении, то вовсе не требуется ломать голову над пониманием внутренних процессов. Отнеся категорию личности к числу надуманных, Б. Скиннер тем не менее оперировал такими понятиями, как «набор поведенческих шаблонов» (программ), «генетическое (224) оснащение», «предшествующий опыт», которые являются фактически корявым названием личности. Личность, по определению Б. Скиннера, есть набор поведенческих шаблонов. И все же Б. Скиннер развивал свои идеи, исходя из убеждения, что не существует ни Эго, ни личности, а только набор поведенческих шаблонов. Реакции индивидуума, которые вызываются различными ситуациями, зависят исключительно от его предыдущего опыта и генетической истории.

По Б. Скиннеру, «личность — это поведенческий репертуар, соответствующий определенному набору обстоятельств. Идентификация при помощи понятия “личность” возможна лишь благодаря факторам, ответственным за поведение»[2].

Одно из основных достижений Б. Скиннера — выявление факторов, управляющих поведением. Он различал несколько видов поведения, прежде всего респондентное и оперантное.

Респондентное поведение — это поведение, автоматически возникающее в ответ на что-либо. По И.П. Павлову, это безусловный и условный рефлексы[3]. На респондентное поведение рассчитывают рекламисты, связывающие определенный товар с привлекательным человеком и пытающиеся сформировать у зрителя желаемую ассоциацию, которая будет вызывать запланированную реакцию потребителей на этот товар.

---

[1] См.: Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. — СПб., 2001. — С. 393.

[2] См.: Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. — СПб., 2001. — С. 380.

[3] Справедливости ради следует заметить, что Б. Скиннер не особенно ценил основополагающие идеи И.П. Павлова. На первых страницах книги «По ту сторону свободы и достоинства» он пишет: «Модель Павлова “стимул — реакция” никогда не была очень убедительной, так как и она не решила основной проблемы».

Оперантное поведение отличается от респондентного тем, что обусловливается своими собственными последствиями, т. е. будущими событиями. Оно возникает спонтанно, без условного или безусловного стимула. Б. Скиннер, как пишут Р.Фрейджер и Дж. Фейдимен, был буквально заворожен оперантным поведением, потому что видел, что оно связано с гораздо более сложными процессами, нежели респондентное[1].

Оперантное поведение формируется соответствующим оперантным обусловливанием. Оперантное обусловливание — это процесс формирования и поддержания модели поведения вытекающими из этого поведения последствиями. Оперантное поведение — это классификация мира, в котором индивид совершает поступки, влияющие на этот мир, а последний, в свою очередь, влияет на человека. И значит, речь не идет об управлении человеком как марионеткой. (**225**)

Исследования показали, что оперантное обусловливание имеет место, когда человек о нем и не подозревает, например во время сна. Когда человек отдает себе отчет в том, что этот процесс идет, то он может ему противиться, приходить в замешательство и в то же время подчиняться обусловливающим факторам. Обусловливание более эффективно, когда Человек о нем знает и подстраивается под него, начинает сотрудничать. Эффективное обусловливание — это сотрудничество. Когда обусловливание происходит без «сотрудничества» со стороны индивида, его результаты нестабильны.

Процесс обусловливания включает подкрепление. Подкреплением служит любой стимул, который следует за действием и вызывает что-либо необходимое или желательное для организма. При этом увеличивается или поддерживается вероятность дальнейшего появления подобного действия. Подкрепление может быть как позитивным, так и негативным. Позитивное подкрепление увеличивает вероятность повторения предшествующего действия. Негативное подкрепление усиливает то поведение, которое уменьшает или уничтожает вероятность появления неприятных ощущений. Когда мы снимаем обувь, натирающую ногу, и чувствуем облегчение, то имеем дело с негативным подкреплением. Как видно, различие между видами подкрепления достаточно тонкое. Позитивное подкрепление появляется как бы само по себе (награда), а негативное предполагает устранение раздражающего стимула.

Если в ответ на неприятный стимул человек не может ничего предпринять, то будет иметь место наказание, которое отличается от негативного подкрепления. Наказание не приносит положительного результата. Наказание не дает информации о том, какое поведение является правильным, оно препятствует развитию человека. Если не последовало дальнейшего обучения, неправильное поведение возвращается.

Новое поведение или направляется на избегание грозящего наказания, или возвращается местью автору наказания. Чем больше преподаватель использует наказания, тем с большими проблемами в поведении учеников он сталкивается. Тюремная жизнь наказывает за предыдущие деяния, но редко учит удовлетворять нужды социально приемлемыми путями. Результаты пребывания преступников в тюрьме говорят о неэффективности методов наказания. Высокий процент рецидивистов, попадающих в тюрьму по несколько раз, подтверждает это наблюдение. Б.Скиннер решительно возражал против физических наказаний в семьях, школах и социальных институтах, вполне допуская моральное порицание.

Современные бихевиористы считают, что связи между поведением и средой двусторонние: не только среда определяет поведение человека, но и человек своим

---

[1] См.: Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. — СПб., 2001. — С. 370.

поведением формирует среду. (226)

Значит, поведение человека активное и творческое. Но влияние среды более фундаментально, чем влияние человека на среду. Основой скиннеровской теории является положение о том, что поведение регулируется собственными позитивными и негативными последствиями. Любое поведение можно объяснить, если известны все предшествующие подкрепления. Вопрос, таким образом, сводится к тому, какие подкрепления приводят, например, к перееданию, какие обусловливают добровольное занятие опасной работой, и т.д.

Как именно во внешней среде отыскиваются причины человеческого поведения? Допустим, некий ученик является агрессивным, портит школьное оборудование, нападает на товарищей, груб с учителями. Почему он ведет себя так? Психологи разных направлений будут объяснять это поведение по-разному. Психоаналитики скажут: ученик не контролирует свое Эго, он импульсивен, потому что имеет определенные бессознательные комплексы. Бихевиористы этого делать не будут. Они станут изучать поведение ученика в настоящем и прошлом. Они, например, установят, что родители поощряли проявления агрессивности вне дома и наказывали любые ее проявления дома. Все дело, таким образом, в опыте подкреплений.

Подобно этому люди становятся агрессивными, совершают преступления, наркотизируются или уклоняются от посещения школы не потому, что ими овладело ощущение пустоты и безнадежности, что они психопаты или невротики, а потому что живут в обстановке, в которой совсем нет положительных подкреплений: личные отношения заменены бюрократическими, в целом — плохо организована физическая и социальная среда. В общем, не сознание пустоты или безнадежности обусловливает девиантное поведение, а плохо организованное социальное и физическое окружение.

Б. Скиннер различает еще два вида подкрепления: первичное и вторичное. Первичное подкрепление — это стимул, реакция на который заложена с рождения (воздух, вода, пища, кров). Вторичное подкрепление — первоначально нейтральный стимул, ассоциированный с первичным подкреплением тем или иным способом. Вторичное подкрепление формируется.

Каким же образом подкрепление связано с личностью? В этой связи ключевым выступает слово «свобода». Свобода, с точки зрения Б. Скиннера, — это способность контролировать свое поведение. Все дело в том, кто контролирует поведение: случай, тиран или сам человек. Опасность, таящаяся в злоупотреблении контролем, огромна. Первый шаг к разрушению тирании — это полное разоблачение всех ее механизмов контроля. Б. Скиннер показал, что тот, кто может контролировать окружающее, может контролировать и свое поведение. Степень развития личности, по Б. Скиннеру, (227) отражает способность сделать более успешным контроль своего поведения. Этому мешает невежество, т.е. незнание причин конкретного поведения. Необходимо изменение стиля поведения, который поддерживает это незнание.

Б. Скиннер исследует такой «поведенческий репертуар», как самопознание, имеющий явное отношение к личности. В ряде случаев самопознания недостает или оно отсутствует. «Человек может не знать, что он что-то сделал или делает; он может не знать, что склонен или намерен что-то сделать, может не иметь ни малейшего представления о переменных, от которых зависит его поведение».

Б. Скиннер определяет все это как поведение, для которого не было позитивного подкрепления, и человек не смог это поведение заметить и запомнить. «Основополагающим моментом является не то, что человек никогда не обращал внимания на модель поведения, воспроизвести которую ему не удается, а то, была ли

когда-нибудь у этого человека причина обратить внимание на свои неудачи»[1]. Другими словами, учитывается не то, что с вами произошло, а были ли вы вознаграждены за то, что заметили это событие.

Поскольку теория Б. Скиннера отрицает категорию личности, целью психотерапии провозглашается формирование новых шаблонов поведения, т.е. искоренение нежелательного поведения и создание условий, при которых требуемое поведение проявлялось бы как можно чаще.

Для Б. Скиннера личностный рост является способностью усиливать выгодный человеку контроль окружающих и сводить к минимуму неблагоприятные для него условия. Функциональный анализ может быть полезен для объяснения поведения с точки зрения причинно-следственных связей.

В модификации поведения главное — «уничтожение» поведенческих шаблонов, которые сами по себе являются отклоняющимися от нормы или ведут, может быть, к криминальным последствиям. Эти идеи и в прошлом и в настоящем активно применяются в образовательных и попечительских заведениях (больницах, тюрьмах, колониях для несовершеннолетних, школах).

Б. Скиннер считал, что предпочтительнее модифицировать обстоятельства, в которых индивид существует, чем обвинять и наказывать его за действия, отклоняющиеся от нормального поведения. Если поведение является результатом избирательного подкрепления, то отклоняющееся поведение — функция от окружающих обстоятельств. В прикладном бихевиоральном анализе особое внимание уделяется общему окружению пациента, а не психодинамике отклоняющегося поведения. (**228**)

Б. Скиннер много сделал для того, чтобы его идеи нашли практическое применение.

Б. Скиннер создавал системы программированного обучения, «модификации поведения», предпринимал попытки для бихевиористской оптимизации политики, общественной жизни, семейных отношений и других областей общества. «Я продолжаю отстаивать утверждение, что только серьезное углубление познаний в области поведения предотвратит разрушение нашего образа жизни и гибель всего человечества»[2].

«Лучшие формы правления не заключаются в лучших правителях, лучшем образовании и учителях. Лучшие экономические системы не заключаются в более просвещенном менеджменте, а лучшая терапия — в более сострадательных терапевтах. Не заключаются они в лучших гражданах, студентах, рабочих или пациентах. Стародавняя ошибка состоит в том, чтобы искать спасение в автономном характере мужчин и женщин, а не в социальных условиях, созданных в процессе эволюции культур. Эти условия мы можем теперь ясно обозначить»[3].

В современной психологии идеи Б. Скиннера то непомерно восхваляются, то жестоко критикуются, они широко известны, чаще других цитируются и ложно толкуются.

В своем стремлении сделать жизнь более понятной, Б. Скиннер выдвинул лаконичную концепцию человеческой природы, свободную от философских рассуждений. Опираясь на методологию современной науки, он дал человеку еще одну надежду понять самого себя, не полагаясь только на интуицию и божественный

---

[1] Цит. по: Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. — СПб., 2001. — С. 382.

[2] Цит. по: Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. - СПб., 2001. - С. 390.

[3] Там же. — С. 392.

промысел[1].

Итак, бихевиористический портрет человека — это реактивность. Его поведение программируется активной средой, которая сама является результатом человеческих действий.

Бихевиористы внесли полезный вклад в познание личности тем, что обратили пристальное внимание на поведение, которое, по их мнению, психологи недооценивали, рассматривая как нечто поверхностное, скрывающее действительные ценности внутреннего мира человека.

Современные представители бихевиоризма признают, что необходимо энергичнее развивать бихевиористскую теорию личности, которая будет основываться на том, что известно об усвоении эмоций, языка и сенсомоторного поведения. Но позиция этого направления остается прежней: личность — это комплекс освоенного «базового поведенческого репертуара». (**229**)

3.3.2. Необихевиористские социально-психологические подходы к личности

Дж. Поттер и М.Уезерел в 1984 г. писали, что тема человеческого «Я» для психологии всегда была проблематичной и противоречивой. Одно время казалось, что изучать феномен с такими запутанными и разноплановыми проявлениями и так глубоко скрытый внутри индивида, просто невозможно; этот конфликт частично развивался в спорах гуманистически и бихевиористски ориентированных психологов.

В последние годы эта дискуссия получила дальнейшее развитие, приняв новую форму: социальные психологи поставили под вопрос само понятие индивида, или субъекта, — понятия, находящегося в центре психологической науки.

Современные бихевиористы упорствуют в своем нежелании обращаться к личностным категориям для решения психологических задач. Особенно это характерно для направления, которое получило название ситуационизм. Им сделан жесткий вызов личностному подходу в психологии, или диспозиционистским убеждениям.

Для аргумента используются экспериментальные факты, свидетельствующие о трудностях прогнозирования поведения людей с опорой на их качества. Утверждается, что не существует исследований, в которых устойчивые личностные свойства проявили бы себя в качестве инструментов предсказания поведения людей лучше, чем обычные ожидания. Существующая литература по прогнозированию поведения дает больше доводов критикам традиционной теории личности, чем ее сторонникам.

Бихевиористы признают, что «технология оценки личностных качеств и предсказания поведения доведены до высокой степени совершенства». Личностные переменные действительно отвечают за некоторую долю изменчивости наблюдаемого поведения. Тем не менее множество фактов демонстрируют ложность ожиданий, которые строятся на теориях личности[2]. Теории личности называются «интуитивными, диспозиционистскими»[3]. Положения и выводы теорий личности объясняются элементарными ошибками атрибуции, которые состоят в преувеличении роли личностных и недооценке ситуационных факторов при истолковании наблюдаемого поведения.

Психологию личности упрекают за ее отсталость: «Полувековая история исследований не дала “классических” диспозиционистских образцов, которые можно было бы «на равных» противопоставить (**230**) результатам экспериментов С. Аша на конформность, экспериментов С. Милгрэма на послушание, экспериментов Фридмена

---

[1] См.: Там же. — С. 390.

[2] См.: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. — М., 1999. - С. 170.

[3] Там же. — С. 164.

и Дж.Фрейзера, основанных на феномене “нога в двери”, или даже “полевого” Беннингтонского исследования социального влияния, предпринятого Т.Ньюкомом»[1].

Находятся все новые позиции, в которых, по мнению ситуационистов, проявляется слабость теории личности. В 1968 г. Уолтер Мишел и Дональд Питерсон выразили сомнения относительно согласованности поведения, принимаемого в психологии личности.

По данным этих авторов, оказалось, что средний уровень корреляции между различными поведенческими показателями одной и той же личностной черты (импульсивность, честность, зависимость и т.п.) находился обычно в пределах между 0,10 и 0,20 и ниже. Из этого следует, что знание о поведении конкретного человека в ситуации 1 не увеличивает точность предсказания того, как он поведет себя в ситуации 2.

У. Мишел предположил, что низкие корреляции отражают важную закономерность человеческого поведения, а именно его ситуативную специфичность, т.е. независимость от суждений о личности. Это заставляет думать о чрезмерной склонности навешивать ярлыки личностных черт и сомневаться в уверенности относительно согласованности поведения.

Между тем позиция У.Мишела «умеренно личностна». У. Мишел полагал, что для предсказания поведения лучше опираться не на личностные черты, а на когнитивную компетентность, стратегии обработки информации, личные цели, субъективные ожидания и другие результаты «социального научения». Противопоставление «личностных черт» и результатов «социального научения» свидетельствует об особом понимании личности ситуационистами и приписывании этого понимания «диспозиционистским» теориям.

В 1928 г. Х.Хартшорн и М. А. Мэй исследовали честность учащихся начальной и средней школ в ряде ситуаций. Использовались поведенческие показатели склонностей учеников: к краже мелочи, оставленной на столе в классной комнате, ко лжи с целью выгородить товарища и к жульничеству — исправлению оценок за контрольную работу, когда уличить их было невозможно. Полученная исследователями средняя величина корреляции между любыми двумя видами честного поведения не превысила 0,23. Большинство психологов личности отказались признать надежность данных эмпирических исследований о том, что предсказуемость поведения от одной конкретной ситуации к другой может быть такой низкой. (**231**)

В 1963 г. Р. Сирз предпринял исследование объективной согласованности поведения. Он изучал зависимость детей, посещающих детский сад. Исследовались такие поведенческие показатели, как прикосновение детей к воспитателю или удерживание его или других детей, частота требований поддержки и частота поиска внимания. Р. Сирз измерял зависимость детей от своих товарищей, воспитателей и матерей как в детском саду, так и в лабораторных условиях. Оказалось, что средняя корреляция между отдельными видами зависимого поведения составила лишь 0,11 — показатель, слишком низкий, чтобы соответствовать требованиям традиционной теории личности.

Ситуационисты получили исследовательские данные, которые говорят о недостаточной глубине познания черт личности. У. Мишел подчеркивал, что человек в одних и тех же ситуациях может демонстрировать очень согласованные реакции. Многочисленными исследованиями были установлены высокие корреляции между двумя значениями одного и того же показателя поведения в двух разных случаях: соответствующие коэффициенты часто превышают 0,40 и выше. У. Мишел полагает,

[1] См.: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. — М., 1999. - С. 170.

что значительные различия между людьми ограничены их отдельными реакциями на отдельные ситуации — такими, например, как дружелюбное поведение в столовой или готовность идти на конфронтацию со своим работодателем, что никак не свидетельствует о всеобъемлющей, кроссситуативной экстравертированности или напористости. Например, Т. Ньюком утверждает, что склонность беседовать за обедом может являться устойчивой личностной чертой, но корреляция этой склонности с разговорчивостью в других условиях низкая.

Атаки У. Мишела на личность не ограничивались утверждением, что межситуативная согласованность поведения отсутствует. Он заявил, что корреляция между оценками черт личности по опросникам и объективными поведенческими проявлениями также очень низка и редко превышает 0,30.

У. Мишел показал, что та или иная черта личности, например, способность «откладывать вознаграждение», сильно зависит от особенностей конкретной ситуации. Так, знания о личностных чертах или об успешных действиях ребенка в прошлом дают мало оснований для того, чтобы решить, способен ли этот ребенок отложить вознаграждение (т.е. отказаться от небольшой немедленной награды ради получения впоследствии более существенной). В то же время способность детей откладывать вознаграждение может быть резко изменена путем манипулирования некоторыми, очень тонкими нюансами ситуации, в которой эта способность испытывается. Например, в ходе одного исследования было обнаружено, что дети быстро использовали возможность получить небольшое, но немедленное вознаграждение, если оба приза (**232**) были на виду (средняя отсрочка в этой ситуации равнялась одной минуте), но оказывались способными откладывать вознаграждение (в среднем на 11,3 мин), если оба приза были спрятаны.

Исходя из этих результатов, У. Мишел и его коллеги доказывали, что любая простая когнитивная стратегия, позволяющая детям отвлечь свое внимание от перспективы немедленного вознаграждения, существенно усиливает способность откладывать вознаграждение. Иными словами, подобные ситуативные манипуляции могут поглотить влияние любых индивидуальных различий между детьми в уровне импульсивности, терпения или каких-либо других различий, которые как родители, так и профессиональные психологи принимают во внимание, пытаясь объяснить наблюдаемую изменчивость в реакциях детей на возможности и соблазны реального мира.

Еще одна, правда достаточно мягкая, атака на понятие личности и ее свойства последовала со стороны Д. Бема, который предложил несколько идей относительно самоатрибуции, т.е. способа, каким люди дают названия своим установкам и убеждениям. Он утверждал, что люди судят о собственных аттитюдах, предпочтениях и личностных диспозициях, анализируя свое поведение и его контекст в точности так же, как они поступали бы, строя аналогичные суждения о других людях. Так, например, человек реагирует на вопрос «Любите ли вы черный хлеб?», начиная рассуждать следующим образом: «Думаю, что да. Я его ем всегда, и никто меня не заставляет это делать». Или некто отвечает на вопрос «Любите ли вы психологию?»: «Должно быть, да. Я посещаю все лекции по психологии, хотя это не мой профилирующий предмет».

Согласно Д. Бему, люди вынуждены вычислять причины своего внешнего поведения по тем же принципам, которые они используют при формировании суждений о других людях, почти не обращаясь при этом к «непосредственно доступным» им когнитивным процессам и другим психическим явлениям, составляющим подоплеку их поведения. Естественно, что люди часто заблуждаются относительно причин своего поведения. Объяснение этому можно прочитать у

А.Н.Леонтьева, который писал: «То, что мы называем внутренними переживаниями, суть явления, возникающие на поверхности системы сознания, в форме которых сознание выступает для субъекта в своей непосредственности. Поэтому сами переживания интереса или скуки, влечения или угрызений совести еще не открывают субъекту своей природы; хотя они кажутся внутренними силами, движущими его деятельностью, их реальная функция состоит лишь в наведении субъекта на их действительный источник, в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в его жизни, заставляют его как бы приостановить на мгновение поток своей активности, (**233**) всмотреться в сложившиеся у него жизненные ценности, чтобы найти себя в них или, может быть, пересмотреть их»[1].

Относительная новизна для поведенческой психологии личности идей самоатрибуции состоит в данном случае в том, что можно выйти за ситуативно-поведенческие рамки и судить на основании поведения о внутренних процессах, относительно объяснительной силы которых Б.Скиннер и другие были столь низкого мнения.

Р.Нисбетт и В. Дж. Уилсон (1977) утверждали, что прямой доступ к когнитивным процессам в психике вообще отсутствует. Существует доступ лишь к идеям и умозаключениям, представляющим собой результаты подобных процессов. При решении многих задач, особенно встречающихся впервые, когда требуется социальная оценка, уровень осознания действующих при этом когнитивных процессов низок. Так, например, когда испытуемых просили произвести сравнительную оценку кандидатов на определенную работу, то по результатам их самоотчета факторы, повлиявшие на оценки, были столь же неопределенны, как и их суждения о факторах, учитываемых другими испытуемыми. Отчет Наташи о том, что повлияло на ее собственное суждение, был не более точен, чем ее вывод о том, что повлияло на суждение Петра. Поэтому делается вывод: у людей всегда имеются теории о том, что влияет на их суждения и поведение, и всегда найдется теория по поводу различных социальных процессов. Легко обнаруживается, что многие из этих теорий безосновательны.

Ситуационисты приводят такие данные, которые получили достаточно хорошее объяснение в когнитивной психологии, в частности в теории личностных конструктов Дж. Келли. Например, Л. Росс и Р. Нисбетт пишут: «Весьма ограниченный доступ к собственным когнитивным процессам, недостаток осознания собственных интерпретационных процессов не позволяет нам увидеть возможность того, что кто-то другой, находящийся в ином положении, может дать тем же самым предметам иную интерпретацию. Когда мы обнаруживаем, что кто-то другой оценивает тот или иной стимул отличным от нас образом, мы сразу же спешим сделать вывод о необычных диспозициях или сильной мотивации. Этих, часто побочных, выводов можно было бы избежать, если бы мы осознали важнейшую роль процессов субъективной интерпретации и присущую им изменчивость. Люди часто интерпретируют один и тот же предмет по-разному потому, что рассматривают его под разным углом зрения, а вовсе не потому, что коренным образом отличаются друг от друга»[2]. (**234**)

Подвергает сомнению методологическую правомерность объяснять поведение личностно и Д. Майерс, который задает вопрос: «Вправе ли мы объяснять странное поведение загадочными особенностями личности? Быть может, постоянные указания на воздействие окружающей среды не очень-то вам приятны. Большинство из нас отвергает даже само предположение, будто какие-то внешние факторы могут

---

[1] Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975 — С. 156—157.
[2] Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. — М., 1999. - С. 152.

определять наше поведение. Мы видим себя свободными людьми, творцами собственных поступков, по крайней мере хороших»[1]. Но в целом он следует более уравновешенной точке зрения, уменьшая дистанцию между ситуационистами и диспозиционалистами: «Спрашивать, что определяет поведение: внешние ситуации или внутренние диспозиции — это все равно, что спрашивать, что определяет площадь поля — его длина или ширина. Безусловно, социальная ситуация оказывает на личность глубокое воздействие. Но здесь имеет место взаимодействие. По сути, сила ситуации и сила личности противостоят друг другу не в большей мере, чем биологические и культурные воздействия. Имеют смысл как социальные, так и личностные объяснения нашего социального поведения, поскольку в любой момент нашей жизни мы и творцы, и творения нашего социального мира. Мы вполне можем быть одновременно продуктом как наших генов, так и нашего окружения»[2].

Взаимное влияние личностей и ситуаций Д. Майерс объясняет следующим образом. Ссылаясь на Снайдера, Аргайла и других социальных психологов, он отмечает три характерные особенности такого взаимодействия. Во-первых, одна и та же социальная ситуация может влиять на разных людей по-разному. Мы отличаемся друг от друга восприятием и истолкованием реальности, а также и ответными реакциями на нее. Одни люди более чувствительны к социальной ситуации, другие — менее. Японцы, например, отличаются большей восприимчивостью к социальным ожиданиям, чем англичане.

Во-вторых, люди, как правило, предпочитают решать самостоятельно, оказаться ли им в данной ситуации или нет. Каждый раз, делая выбор, человек выбирает и ситуации, в которых окажется в будущем. Обычно люди предпочитают ту социальную среду, которая усиливала бы их наклонности.

В-третьих, люди часто сами создают ситуации, в которых затем оказываются. Концепция самоподтверждения гласит: если мы ожидаем, что кто-то будет общительным, враждебным, женственным или сексуальным, то наши действия по отношению к этому человеку могут спровоцировать его на поведение, которое мы ожидаем. Что, в конце концов, формирует социальную ситуацию, (**235**) как не люди, принимающие в ней участие? Преступная ситуация создается преступными элементами.

Такая взаимная причинно-следственная связь позволяет рассматривать людей и как реагирующих, и как воздействующих на ситуацию. В некотором смысле целесообразнее рассматривать себя как продукт среды (чтобы не слишком-то гордиться своими достижениями и не слишком винить себя за возникшие трудности), а окружающих — как людей, обладающих свободной волей (чтобы не утомить их отеческой опекой и не пытаться ими манипулировать). Полезно также иногда делать все наоборот: себя видеть свободной личностью, а окружающих — подверженными влиянию среды. Тогда мы улучшили бы отношения с окружающими; рассматривая людей как подверженных влиянию ситуации, мы скорее поймем их и проявим к ним сочувствие, нежели тогда, когда мы высокомерно осуждаем неприятное нам поведение, якобы свободно выбранное «аморальным» или «ленивым» человеком. Большинство религий призывает нас отвечать за себя и воздерживаться от осуждения других. И не потому ли они учат этому, что естественная наша склонность состоит в том, чтобы прощать свои ошибки, но не ошибки ближнего своего?[3]

Таким образом, ситуационизм, который особенно распространился в социальной психологии, т.е. там, где объектом изучения являются социальные

---

[1] Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс. — СПб., 2000. — С. 267.
[2] Там же. — С. 268.
[3] См.: Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс. — СПб., 2000. — С. 270.

ситуации, служит для теорий личности некоторым сдерживающим началом, не позволяя им покинуть реальную почву. Акцентируя власть ситуации над человеческим поведением, это бихевиористское течение побуждает персонологов внимательнее присматриваться к тому, как свойства личности проявляются в разных ситуациях. Можно также сказать, что именно эта задача является особенно трудной в теории личности и особенно на современном этапе ее развития.

3.3.3. Личность в концепции социального научения

Концепция социального научения (социально-когнитивная теория[1]) представлена многими психологами бихевиористской ориентации, между которыми имеются определенные различия. Один из этих психологов Альберт Бандура (1925 г.р.), американский ученый, которого представляют в числе самых значительных персонологов современности[2], рассматривал личность в виде одного (**236**) из факторов системы взаимодействия, которая определяет «психологическое функционирование». Но фактор этот особый, отличающийся целенаправленностью и устойчивостью: «Люди не ведут себя как флюгера, постоянно меняя направление в зависимости от того, каким социальным влияниям они подвергаются в данный момент». Хотя личность и поведение человека зависят от внешних событий, они не определяются этими событиями безусловно. Окружающая среда сама по себе не определяет деятельность. Фактором, влияющим на поведение, может быть только восприятие явлений окружающей среды. Люди могут выбрать такое поведение, которое повысит вероятность предсказуемого ответа от окружающей среды. Следовательно, поведение — не только функция, но и независимая переменная, оказывающая влияние и на среду, и на личность.

А. Бандура сформулировал модель реципрокного детерминизма, согласно которой «психологическое функционирование представляется непрерывным реципрокным взаимодействием между личностными, поведенческими и внешними детерминантами. Термин “реципрокный”[3] используется здесь, скорее, в смысле взаимодействия между явлениями»[4]. Модель реципрокного детерминизма схематически представлена на рис. 2, где В означает поведение, Е — внешнюю по отношению к человеку среду, Р — личность, включая ее социальное положение, биологические характеристики (пол, рост и физическая привлекательность), а кроме того мышление, память, суждения, предсказания и т.д. Человеческая деятельность — это продукт взаимодействия поведения (В), свойств личности (Р) и окружающей среды (Е).

Согласно теории реципрокного детерминизма поведение отчасти является функцией окружающей среды, а окружающая среда отчасти зависит от поведения. Третий фактор, влияющий на поведение, — личность, под которой А. Бандура понимает в первую (**237**)

---

[1] См.: Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. — М., 2000. - С. 477.

[2] См.: Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. - СПб., 2001. - С. 684-706.

[3] В русском языке, согласно словарю иностранных слов, этот термин означает такое взаимодействие скелетных мышц, когда сокращение одной группы мышц сопровождается расслаблением мышц-антагонистов. Между тем латинский словоисточник reciprocus означает «возвращающийся, обратный, движущийся взад и вперед», а также «взаимный».

[4] Бандура А. Теория социального научения. — СПб., 2000. — С. 265.

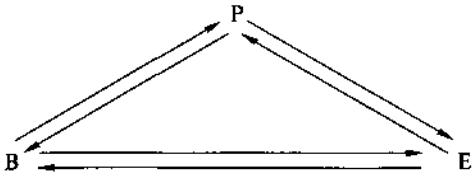


Рис. 2. Концепция реципрокного детерминизма А. Бандуры

очередь мышление, способность запоминать и предвидеть события. Мышление определяет: с какими явлениями человек встретится, какую оценку он вынесет тем или иным событиям и как он организует информацию для последующего использования.

Три фактора, участвующие в формировании поведения, не равнозначны. Относительный вклад поведения, окружающей среды и личности определяется тем, какой из факторов триады наиболее силен в данный момент.

Модель реципрокного детерминизма иллюстрируется на примере общения ребенка и его отца. Ребенок просит купить пирожное. С точки зрения отца, это — событие окружающей среды. Если бы отец автоматически купил пирожное, то события развертывались бы по схеме Б. Скиннера: поведение отца определяется средой и, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на среду (на ребенка). Однако отец способен обдумывать, учитывая при этом предшествующий опыт, последствия, которые он получит, реагируя на поведение своего сына. Это и значит, что поведение отца определяется взаимодействием среды, мышления и предыдущего поведения.

Согласно модели реципрокного детерминизма личность формируется поведением человека, его индивидуальными характеристиками (особенно важную роль здесь играет мышление) и влиянием окружающей среды. Все эти факторы действуют совместно. А. Бандура доказывает, что научение не обязательно предполагает вознаграждение: можно учиться, наблюдая за действиями другого человека. Большое внимание уделяется способности человека мыслить и познавать и гораздо меньшее — факторам окружающей среды. А. Бандура подчеркивает также идею о том, что подкрепление может быть и косвенным, т.е. можно укрепиться в стремлении к учению, наблюдая, как другие получают свою награду. С радикальным бихевиоризмом А.Бандура расходится и в точке зрения на отношения между подкреплением и мышлением, утверждая, что подкрепление не может иметь места без предшествующей ему способности познавать. Для того чтобы укрепиться в наших намерениях, мы должны иметь представление о связи между действиями и их последствиями. Похоже, что в данном случае А. Бандура не совсем прав: доказано, что подкрепление действует, и очень эффективно, и тогда, когда «представление о связи между действиями и их последствиями» отсутствует.

Поведение, по А. Бандуре, является детерминированной системой. В то же время большое значение имеют случайные события, в частности случайные встречи. Случайные встречи воздействуют на людей только в точке Е схемы реципрокного детерминизма и добавляют свое влияние к множественному взаимодействию личности, ее поведения и среды. В этом смысле они влияют на нас (**238**) так же, как и запланированные события. Как только случайная встреча происходит, человек начинает строить свое поведение по отношению к новому знакомому на основе истории своих предыдущих подкреплений, ожиданий от этого знакомства и реакции на него других людей. Любой из факторов реципрокной триады — поведение, личность или среда — в результате случайного события может непредсказуемо измениться, и человек, благодаря своей пластичности, тоже изменится. Таким образом, поведение оказывается вероятностной системой, и это делает точные предсказания практически невозможными.

Будучи убежденным бихевиористом, А. Бандура не склонен к сложным

концепциям личности. Он, как и Б. Скиннер, не признавал существование внутреннего автономного начала, которое формирует поведение так, чтобы оно соответствовало изначальной концепции себя. Но, хотя у человека и нет независимого Я, способного манипулировать окружающей средой с помощью волевых усилий, он способен к саморегуляции. Именно саморегуляция является важнейшим внутренним фактором, влияющим на человеческое поведение.

Личность играет очень важную роль в теории реципрокного детерминизма, и А. Бандура постулировал существование некой системы Я: набора когнитивных структур, включающих восприятие, оценку и регуляцию поведения. Система Я позволяет выражать поведение в символах, а также оценивать его на основе как воспоминаний о подкрепленных или неподкрепленных действиях, так и предполагаемых результатов. Затем, используя эти когнитивные процессы в качестве отправной точки, можно в какой- то мере осуществлять саморегуляцию.

Саморегуляция — одна из важнейших характеристик личности — состоит в том, что люди реактивно пытаются уменьшить расхождение между своими достижениями и целью, а затем проактивно ставят перед собой новые, более высокие цели. Люди управляют своими действиями проактивно, устанавливая цели, которые создают положение неравновесия, а затем мобилизуя свои усилия на основе оценок того, что требуется для достижения цели.

Выделено две группы факторов саморегуляции — внутренние и внешние. Внутренние факторы — это способность следить за своим поведением и оценивать его в свете как близких, так и дальних целей, а также манипулировать внешними факторами, которые включаются в схему реципрокного взаимодействия. Внутренняя, или личностная, саморегуляция как функция «системы «Я» включает три процесса.

Самонаблюдение — обязательное условие поведения. Человек избирательно выделяет некоторые стороны своего поведения и игнорирует остальные. То, что он контролирует, зависит от интересов и понятий о себе. В ходе деятельности он обращает внимание (**239**) на качество, объем, скорость или оригинальность работы; в общении — на коммуникативность и соответствие морали.

Процесс вынесения суждений — это регуляция поведения с помощью мышления. Человек выносит суждения о ценности действий относительно поставленных целей. Процесс вынесения суждений зависит от личных стандартов, образцов' для сравнения, ценности данной деятельности и от того, в чем видится причина достижений. Большинство действий оцениваются путем сопоставления с образцами. Мы судим о наших успехах в сравнении с тем, чего добился какой-то определенный человек, или сверяя их с нормативами. Кроме того, мы используем личные стандарты — наши прошлые достижения, что позволяет избежать зависти и других негативных эмоций, которые возможны, когда происходит сравнение с тем, что делают другие. Процесс вынесения суждений зависит также и от изначальной ценности деятельности. Если мы не считаем очень ценным умение мыть посуду или вытирать пыль, мы не будем особенно гордиться достижениями в этих занятиях.

Процесс вынесения суждений включает учет причин достижений. Вера в то, что наш успех зависит от наших усилий, является основанием для гордости, старания работать лучше. Но если мы ищем причину наших достижений во внешних условиях, мы, возможно, не будем прилагать больших усилий.

Еще один процесс саморегуляции — эмоциональная реакция на себя. Соответствие или несоответствие поведения личным стандартам является поводом для положительных или отрицательных эмоций. Регуляторами поведения выступают такие внутренние награды, как самоудовлетворение и гордость. Когда поведение не соответствует собственным стандартам, это вызывает чувство неудовлетворенности и

самоосуждение.

Таким образом, по гипотезе А. Бандуры, люди могут работать для того, чтобы заслужить внутреннюю награду и избежать наказания в соответствии с установленными ими самими стандартами. Внешние награды часто сопровождаются личностно опосредованным сознанием успеха.

Внешние факторы саморегуляции — это стандарты, которые используются для оценки поведения, а также для подкрепления. Индивидуальные оценочные стандарты формируются во взаимодействии среды со свойствами личности. Внешние стандарты по мере усвоения становятся индивидуальным достоянием человека. Каким стандартам человек научится следовать, зависит от личностных характеристик. Внешними факторами саморегуляции являются также подкрепления: внутреннее удовлетворение не всегда достаточно, мы нуждаемся и во внешнем вознаграждении.

Люди регулируют свое поведение посредством двух основных типов санкций: 1) общественных и 2) собственных внутренних. (240)

Общественные санкции делают людей менее склонными нарушать правила поведения, потому что они опасаются общественного порицания. Собственные внутренние санкции предотвращают действия, несогласные с личными стандартами, с помощью двух механизмов.

Первый механизм — выборочного включения — это запуск саморегуляции поведения в зависимости от толкования ситуации. Это значит, что у человека нет автоматического внутреннего контролирующего агента, такого, как сознание или Суперэго. То, что рассматривается как уместное в одной ситуации, в другой может считаться неуместным. «Люди обычно не допускают предосудительного поведения до тех пор, пока не оправдают для себя моральную сторону своих действий»[1]. Саморегуляция действует только когда включена.

Второй механизм регуляции поведения — отключение внутреннего контроля. Он представляет собой набор приемов, позволяющих нарушать общественные нормы, сохраняя при этом внутренние моральные стандарты. Действуя в двусмысленной ситуации, человек может отделить в своем сознании поведение, выгодное для него, но вредное для остальных, от его негативных последствий. Это позволяет уменьшить ответственность, оправдать себя. Процесс отключения внутреннего контроля является в основном сознательным.

Каким же образом отключается или выборочно включается самоконтроль? Во-первых, происходит переопределение природы поведения путем морального оправдания своих действий или навешивания на них ярлыков. Во-вторых, смещение или распыление ответственности путем отказа признать связь между действиями и их результатами. В-третьих, искажение, умаление или игнорирование последствий поведения. В-четвертых, обвинение или дегуманизация жертвы.

С помощью переопределения поведения мы оправдываем для себя недопустимые действия, перестраивая свое сознание так, что это позволяет уменьшить свою ответственность или вообще избежать ее. Переопределить поведение можно по крайней мере тремя способами:

а) моральное оправдание — преступное в других случаях поведение представляется необходимым или даже достойным. А. Бандура приводит в качестве примера историю американского сержанта Йорка, который был последовательным противником убийства и верил, что убивать аморально. После того как командир батальона процитировал ему место из Библии, где перечислены условия, при которых убийства морально оправданны, Йорк признал необходимость убийства вражеских

[1] Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. — СПб., 2001. - С. 692.

солдат. (241) Переопределив таким образом убийство, Йорк убил и взял в плен более ста немецких солдат;

б) оправдывающие сравнения — свои действия сопоставляются с еще большими проступками других. Ребенок, который ведет себя плохо, может извинять себя тем, что другие ведут себя еще хуже;

в) использование словесных ярлыков. Политики, давшие обещание не повышать налоги, повышают их, говоря об «увеличении дохода государства», а не о налогах.

Смещение или распыление ответственности — это способы отделить действия от их последствий. С помощью смещения мы уменьшаем в своем сознании последствия наших действий, ссылаясь на внешние причины. Например, сотрудница, утверждая, что за неэффективность ее работы отвечает начальник, смещает ответственность. Распыление ответственности — распространение ее на большое количество людей, так что никто в отдельности ни за что не отвечает.

Искажение и игнорирование результатов своих действий достигается тремя способами: преуменьшение последствий поведения; игнорирование последствий своего поведения; искажение или неправильное истолкование последствий поведения.

Обвинение (дегуманизация) жертв — четвертый путь ухода от ответственности за свои действия. В разные периоды американской истории афроамериканцы, индейцы, латиноамериканцы, гомосексуалисты, нищие, старики становились дегуманизированными жертвами. Рассудительные и добрые в собственном мнении, люди творили насилие и издевательства, оправдывая их низкими моральными качествами этих людей. Часто преступник обвиняет жертву в своих неподобающих действиях. Насильник говорит, что жертва провоцировала его своей манерой одеваться. Продавец обсчитывает покупателей и утверждает, что они сами виноваты, потому что доверчивы.

Важным механизмом личностного функционирования А. Бандура называет самоэффективность. Это «убеждения человека относительно его способности управлять событиями», осознание своего умения выстраивать поведение, соответствующее задаче, справляться с обстоятельствами. Это уверенность человека в том, что он может осуществить некоторые конкретные действия. То, как человек оценивает собственную эффективность, определяет его возможности выбора форм поведения и мотивацию. Самоэффективность влияет на выбор способа действия, предопределяет то, как много будет приложено усилий для преодоления препятствий и неудач, насколько большая гибкость будет проявлена по отношению к трудностям. Самоэффективность является важной личностной характеристикой и в сочетании с конкретными целями и компетентностью существенно влияет на будущее поведение. (242)

Самоэффективность у А. Бандуры похожа на самооценку как центральный компонент концепции, принятой в других теориях личности. Отличие состоит в том, что самоэффективность меняется от ситуации к ситуации. Самоэффективность увеличивается или уменьшается в зависимости от ряда факторов:

- опыта деятельности,
- косвенного опыта,
- мнения общества,
- состояния человека.

Наиболее сильное воздействие на самоэффективность оказывает опыт непосредственной деятельности в прошлом. Как правило, успешные действия повышают самоэффективность, тогда как неудачи способны понизить ее. Обладающие сознанием высокой самоэффективности мысленно представляют удачный сценарий поведения и репетируют успешные решения потенциальных проблем. Из этого общего

утверждения следуют шесть выводов:

1) самоэффективность повышается в прямой зависимости от сложности успешно выполненной задачи. Хорошо подготовленный теннисист значительно повысит свою самоэффективность, сыграв даже вничью с сильным соперником;

2) самостоятельный успех имеет большее воздействие, чем успех, полученный с посторонней помощью;

3) неудача больше понизит самоэффективность, когда мы знаем, что провалили свою лучшую попытку;

4) неудача меньше влияет на самоэффективность, если ей предшествовали волнение или огорчение; неудача на фоне хорошего самочувствия влияет сильнее;

5) неудачи в том возрасте, когда человек уже имеет твердые представления о собственной состоятельности, действуют не так сильно, как неудача, пережитая в раннем детстве;

6) случайные неудачи не оказывают большого воздействия на самоэффективность, особенно у людей, которым свойственна уверенность в успехе.

Косвенный опыт, полученный из наблюдения схожих ситуаций, — это вторая причина изменения самоэффективности. Восприятие успеха других повышает нашу самоэффективность, а когда мы узнаем, что некто, равный нам по способностям и подготовке, потерпел неудачу, наша самоэффективность понижается. Последствия таких косвенных переживаний могут сказываться иногда всю жизнь.

Самоэффективность также может усиливаться или ослабевать благодаря общественному мнению. При определенных условиях мнение, высказанное другими, может повысить или понизить самоэффективность. Результативность внушения прямо связана со статусом и авторитетом того, кто высказывает свое мнение.

Физическое и эмоциональное состояние также изменяет самоэффективность. Небольшое волнение может пойти на пользу самоэффективности. Уменьшение тревоги, достижение физической раскрепощенности облегчают выполнение задачи. Влияние эмоционального напряжения зависит от его уровня, от представления (**243**) человека о том, насколько его эмоции связаны с действительностью, и от сложности задачи. Если человек знает, что его опасения имеют под собой реальную основу, его личная эффективность будет повышаться.

Высокая или низкая самоэффективность в сочетании с благоприятными или неблагоприятными условиями среды позволяет сделать четыре варианта предсказаний: 1) когда самоэффективность высока и условия среды благоприятны, наиболее вероятен успешный результат; 2) если низкая эффективность сочетается с благоприятными условиями, то человек может впасть в депрессию, видя, как другие преуспевают в делах, которые для него самого кажутся слишком сложными; 3) когда люди с высокой самоэффективностью встречаются с неблагоприятной ситуацией, они обычно умножают свои усилия, стараясь изменить окружающую среду.

Они могут использовать протест, социальную активность или даже силу, чтобы добиться необходимых перемен, но если все их попытки проваливаются, тогда они либо откажутся от своего способа действий и найдут другой, либо будут искать более благоприятную среду; 4) если низкая самоэффективность сочетается с неблагоприятной средой, то человек ощущает апатию, считает себя беспомощным и склонен мириться со своим положением.

В теории личности А. Бандуры центральное место занимает категория научения, что подчеркивает ее бихевиористский характер. По мнению А. Бандуры, большинство знаний мы получаем, наблюдая за другими людьми. Если бы мы могли учиться только на результатах собственных действий, процесс интеллектуального и социального развития был бы очень медленным.

А. Бандура различает два основных типа научения — проигрывание и наблюдение.

Проигрывание — это примитивный способ научения, который свойствен не только человеку, но и большинству животных. Именно этот тип научения обычно рассматривается бихевиоризмом. Всякое действие, которое производит организм, сопровождается последствиями. Некоторые из этих последствий приятны, другие — нет, а третьи не осознаются и поэтому не имеют значительного воздействия. Чтобы последствия поведения могли влиять на личность, необходимо их сознательное осмысление. Например, как может иметь значение словесное подкрепление, если оно не будет понято? Воспринятое подкрепление может отличаться от предложенного подкрепления и даже не приниматься. Воспринятые последствия поведения служат трем целям: сообщают информацию, мотивируют будущее поведение, подкрепляют настоящее поведение.

Научение путем наблюдения — наиболее важный способ научения, свойственный только человеку. Люди развили повышенную (**244**) способность научения через наблюдение, что позволяет им расширить свои знания и навыки на основе информации, переданной путем моделирования. Наблюдение позволяет учиться, не производя при этом никаких действий. Особенно важным является наблюдение за поведением других людей. При этом подкрепление не обязательно для научения, хотя оно облегчает научение. Можно учиться, наблюдая за тем, как люди получают подкрепления. Наблюдение за другими избавляет нас от необходимости производить бесчисленное множество действий, за которыми может не последовать подкрепления или даже может последовать наказание. Тем самым научение путем наблюдения более эффективно, чем научение путем проигрывания (непосредственного опыта).

Ядром научения через наблюдения является уподобление. Оно подразумевает символическое представление информации и хранение ее для использования в будущем. Оно включает мыслительные процессы и не является простой имитацией. Эффективность уподобления образцу зависит от свойств объекта, наблюдателя и последствий наблюдаемого поведения. Мы более склонны уподобляться людям, обладающим высоким статусом, чем тем, кто имеет низкий статус, компетентным личностям, а не неумелым и некомпетентным, сильным, а не беспомощным. Наблюдатели, которым недостает положения в обществе, навыков или силы, более склонны уподобляться другим. Дети уподобляются другим чаще, чем взрослые люди, и новички — чаще, чем опытные профессионалы. Если наблюдатель видит перед собой образец, получающий суровое наказание, это преподаст ему более ценный урок.

Уподобление базируется на четырех процессах: внимание, запоминание, воспроизводство поведения и мотивация. Прежде чем мы сможем уподобиться какому-либо человеку, на него надо обратить внимание. Внимание легче сосредоточивается на людях, с которыми мы часто общаемся, на привлекательных образцах, на тех формах поведения, из которых можно извлечь пользу. Для того чтобы наблюдения привели к созданию новых образцов поведения, эти образцы должны быть представлены в памяти. Имеют место два основных способа запоминания: образное и вербальное. Некоторые наблюдения сохраняются в виде образов, особенно в детском возрасте, когда речевые навыки еще не сформировались. Вербальное запоминание значительно ускоряет процесс научения тем, что создает предпосылки для обсуждения. Вербальное кодирование помогает символически репетировать поведение, т.е. снова повторять себе, как мы будем делать что-то, когда нам представится случай. Воспроизводство поведения — это перевод закодированной в образах или в словах информации в соответствующие действия. Сначала мы спрашиваем: «Как это сделать?» Получив

ответ с помощью символических репетиций, мы пытаемся претворить наше новое поведение в действительность. В это время (245) мы контролируем себя, задавая вопрос: «Что я делаю?» И наконец, мы оцениваем свою деятельность, спрашивая: «Правильно ли я это делаю?» На этот последний вопрос не всегда легко ответить, особенно если он относится к двигательным навыкам, как, например, в балете или в прыжках в воду с трамплина, когда трудно увидеть себя со стороны.

Научение наиболее эффективно, когда обучающийся имеет возможность наблюдать ситуацию подкрепления. Тогда у него появляется мотивация — желание воспроизвести то или иное поведение. Наблюдение за поведением других может научить нас, как делать что-то, но как пробудить желание делать это? Большинство прохожих не хотят подражать регулировщику дорожного движения. Однако когда мы видим и запоминаем подкрепление, полученное моделью, то ситуация в корне меняется. Так, наблюдение за тем, как некто бывает наказан за свое поведение, уменьшит вероятность того, что мы сами попробуем сделать что-либо подобное.

Таков вклад А. Бандуры в теорию личности. Он многое сделал для того, чтобы интегрировать взгляды разных школ по вопросу о личности, в том числе существенно сблизил бихевиоризм с другими направлениями, прежде всего с когнитивной психологией.

3.4. Гуманистический образ человека

Гуманистическая психология сформировалась в 60-е гг. XX в. У ее истоков стояли такие американские психологи, как Гордон Олпорт, Генри Мюррей, Джордж Келли, Абрахам Маслоу, Карл Роджерс, Ролло Мэй. Их взгляды явились протестом против бихевиоризма и психоанализа. Они отвергли скиннеровское описание человека как предельно упрощенное. Их не вполне устраивал и классический психоанализ, деформирующий природу человека и не учитывающий важность представления человека о самом себе. Основатели гуманистической психологии сочли, что существующие школы исключают из своего рассмотрения такие истинно человеческие ценности, как выбор, любовь, развитие, потенциал, творчество.

Представители гуманистического направления хотели поставить в центр психологии специфические для человека высшие проявления. А. Маслоу говорил, что З. Фрейд занимался слабыми сторонами человека, а гуманистическая психология должна открыть его сильные стороны, которые усматривались в способности к самоактуализации таких потенциальных возможностей, как творческие переживания, любовь, альтруизм и развитие собственного Я. Свою теорию самоактуализации личности А. Маслоу выстроил на основе изучения здоровых и зрелых людей, полагая, (246) что это отражает основные идеи гуманистического направления. «Если мы хотим выяснить имеющиеся у человека возможности духовного роста, ценностного или нравственного развития, то мы можем узнать это лучше всего, изучая наиболее нравственных, наиболее приближающихся к идеалу святости людей»[1].

Гуманистическую психологию нередко называют психологией Я. Она представила проект аутентической личности, стремящейся к самореализации и гармоническому развитию.

Несмотря на теоретическую и методологическую незрелость основных положений гуманистической теории личности и на то, что она не создала целостного и ясного видения человека, ее способ мышления определенным образом расширяет панораму современных исследований личности.

---

[1] Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. — СПб., 1997. — С. 21.

В гуманистической персонологии принимаются следующие постулаты.

1. Человек представляет собой уникальную целостность, которую нельзя сводить к отдельным элементам: мыслям, эмоциям, потребностям или реакциям. Личность состоит из двух подсистем: Я (self) и организма (organism), которые образуют единое целое, что и называется личностью. А. Маслоу считал, что психику нужно рассматривать как единое целое, избегая анализа по единицам[1].

Однако в реальных условиях, в которых человеческие отношения являются напряженными и враждебными, где действует бюрократический пресс, а воспитательные системы автократичны, личность далеко не всегда развивается как гармоническое целое и не может жить в согласии со своей природой. Люди перестают быть уникальными и целостными, превращаясь в совокупности свойств, ролей и социальных норм. Их внутреннее единство нарушается, они утрачивают свою идентичность, действуют недостаточно эффективно и живут, исполненные страхов и тревог.

2. Основным свойством человеческой природы является способность к развитию, обусловленная внутренними факторами. «Цель, которую человек сознательно или неосознанно преследует, состоит в том, чтобы стать самим собой»[2]. К. Роджерс четко обозначает главную тенденцию личности: актуализировать свои потенциальные возможности. Это значит, что в человеке заложены определенные силы, направляющие на реализацию того, что заложено в его природе.

Согласно К. Роджерсу, личность — это не стабильная структура, а непрерывный процесс — «person as a process». Развитие Я и организма — это захватывающее явление, обогащающее жизнь (**247**) морально и эстетически, но вместе с тем требующее энергии и смелости. Силы, определяющие развитие, находятся внутри человека, а не вне его.

В естественных условиях индивид не всегда может использовать свои реальные возможности и развиваться свободно и гармонично. Ложное представление о себе самом затрудняет формирование аутентичной личности, ее компетентности и уникальной системы ценностей. Человек, развитие которого заблокировано, не является вполне здоровым.

3. В основе личности, считал А. Маслоу, заложена мотивационная сфера, т.е. то, что движет человеком и делает его личностью. Однако обычное представление о том, что человек обладает множеством потребностей, инстинктов, влечений, которые направляют его поведение, отвергается. Поскольку организм является целостностью, в нем существует только один центральный источник энергии. Самоактуализация, утверждал один из идейных предшественников гуманистической мысли в психологии, К. Гольдштейн, — это основной и, по существу, единственный мотив в человеческой жизни. Сходные мысли можно найти и у К. Левина. Он считал наличие одной ведущей идеи, которая контролирует и управляет более частными видами деятельности, — важнейшим фактором организации поведения взрослого человека.

Мотивация — это функция целого организма, а не таких его элементов, как инстинкты, или потребности. Главная тенденция поведения человека — стремление к самореализации и актуализации своих потенциальных возможностей. Самореализация — это уникальный процесс, характеристиками которого служат любовь, творчество, альтруистическое поведение, развитие собственного Я. Именно творчество формирует личность.

Несмотря на то, что самореализация является основной тенденцией природы

---

[1] Kozielecki J. Koncepcje psychologiczne czlowieka. — Warszawa, 1980.

[2] Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М., 1994. — С. 154.

человека, она редко становится движущей силой его поведения. По словам А. Маслоу, только 1% взрослых людей способны воспользоваться этой тенденцией. Грубые условия жизни, отсутствие благоприятного климата, незнание собственного Я затрудняют полную самореализацию и актуализацию индивидуальных потенций, сдерживают гармоничное развитие. Между тем жизнь вне самореализации не является аутентичной, поскольку основными составляющими психического здоровья личности является стремление стать тем, чем человек может быть, и стремление к гуманистическим ценностям.

4. Человек по своей природе добр, а его базовые стремления позитивны и конструктивны. К. Роджерс, основываясь на результатах многолетней психотерапевтической практики, утверждает, что человек, вполне зрелый и открытый новому опыту, живущий среди доброжелательных людей и принимающий себя самого, всегда будет делать то, что полезно и ему самому, и обществу. «Самое глубокое (**248**) внутреннее ядро человеческой природы, самые глубинные слои его личности, основа его «животной природы» по существу социализированы, рациональны, реалистичны и движут его вперед»[1].

Если личность деструктивна, человек агрессивен и применяет насилие, то не потому, что им управляет инстинкт разрушения, а потому, что он действует вопреки своей природе, поскольку условия жизни блокировали развитие механизмов позитивного поведения. Д.А. Леонтьев усматривает в этом случае «излишне сильную тенденцию к игнорированию “темной стороны личности”».

5. Поведение людей определяется актуальными переживаниями, тем, что происходит «здесь и сейчас». Согласно К. Роджерсу, индивид существует в постоянно изменяющемся мире, центром которого является он сам. Этот мир был назван феноменальным. Он включает в себя все, что чувствует человек, в том числе и то, что еще не осознанно. Лишь небольшая часть феноменального мира переживается сознательно, другая, неосознанная, его часть также имеет значение и служит основанием нового опыта. Подлинный смысл индивидуального опыта известен только самому индивиду. Со временем часть личного мира человека начинает оформляться в отдельную структуру — Я-концепцию. Я-концепция — это воспринимаемое индивидом Я или то, что он имеет в виду, когда говорит Я («меня», «мне» и т.д.).

По К. Роджерсу, наличный опыт индивида является наивысшим авторитетом. То, что происходит в данный момент в сознании, то, как человек воспринимает себя, других людей и весь мир, является решающим для процесса самореализации. Индивид, который живет прошлым или который надеется жить в будущем, не достигает полного развития.

Таким образом, гуманистическая психология представляет человека целостного по своей природе, стремящегося к развитию и самоактуализации. Это стремление позитивно и конструктивно, поскольку люди добры. Главным детерминантом человеческих деяний и переживаний является актуальный опыт — то, что происходит «здесь и сейчас». Драма человека часто состоит в том, что он не умеет использовать свои потенциальные возможности, действует вопреки своей собственной природе.

Гуманистическая психология опирается на специфические методы исследования личности, нацеленные прежде всего на актуальный опыт и непосредственные переживания, т.е. на то, что находится в «феноменологическом поле». Она исповедует принцип неэкспериментального исследования личности, который основан на идее целостности и невозможности адекватного ее изучения по фрагментам. «Отстраненный, “объективный” научный наблюдатель, исследующий фрагменты

[1] Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М., 1994. — С. 135.

манипулируемого им в ходе (249) эксперимента поведения, уступает место исследователю, чьи собственные ценности и установки включаются в практику эксперимента и придают ему другой характер, когда та или иная человеческая проблема изучается целостно и затрагивает не только всех участников группы, но и самого исследователя»[1].

В гуманистической психологии широко применяются самоописания и самооценки, поскольку индивид лучше других знает собственные переживания, и его ответы о себе (self-reports) являются наиболее адекватными. Сравнение самоотчетов о собственных эмоциональных состояниях с изощренными проективными методами, а также экспертными суждениями опытных клиницистов показывает, что во многих случаях данные совпадают.

К числу более изощренных техник исследования относится процедура Q-sort, построенная по принципу самоописания: испытуемому предлагаются карточки с разными утверждениями, например: «Я предъявляю себе большие требования», «Я — оптимист», «Я понимаю себя самого», «Испытываю чувство враждебности», «Секс возбуждает у меня страх», «Я — неудачник» и т.д. Испытуемый должен разложить эти карточки так, чтобы с одной стороны находились утверждения, которые в наибольшей степени подходят для него, а справа — те, которые не соответствуют его образу самого себя. С помощью этой техники можно установить различие между «Я-реальным» и «Я-идеальным», которое свидетельствует о степени принятия собственной личности.

В центре интереса гуманистических психологов находятся также вопросы о том, как облегчить и ускорить гармоничное развитие индивида, что делать, чтобы он умел актуализировать свои возможности, стал аутентическим и творческим. Они создали собственные методы и техники развития личности. Широкую известность получили психотерапевтическая система, «центрированная на человеке», «группы встреч» и гуманистическое воспитание.

Создателем человекоцентрированной терапии является К. Роджерс. В этой системе психолог предоставляет клиенту большую самостоятельность, не подвергает его внешнему коррекционному воздействию, например не дает указаний. Психотерапевт, по мнению К. Роджерса, опирается на три принципа. Во-первых, поведение должно быть конгруэнтным, т.е. адекватным его собственным действительным убеждениям и чувствам. Он не должен играть роли, надевать на себя те или иные маски и делать вид, что ему нравится то, чего он не переносит. Одним словом, терапевт должен быть самим собой. Во-вторых, он должен безусловно принимать клиента, уважать его таким, каким он есть в данное время. Должен создавать теплый климат, в котором исчезают страхи и (250) угрозы и в котором человек мог бы свободно говорить о себе. В-третьих, важное значение имеет эмпатическое понимание, т.е. вчувствование в мир клиента — попытка представления личного опыта так, как он дан самому переживающему его. Терапевт не должен ни оценивать, ни критиковать то, что чувствует и о чем говорит клиент.

Такая принимающая установка позволяет клиенту самостоятельно определять свои проблемы, понять трудности в развитии Я и найти путь к самореализации и психическому здоровью. Терапия, центрированная на клиенте, опирается на предположение о том, что возможности человека огромны, он сам способен решать свои конфликты и преодолевать дисгармонии в развитии.

Важные терапевтические задачи решаются в «группах встреч»: ускорение личностного развития, коррекция общения и межличностных отношений. Эти группы

---

[1] См.: Гриннинг Т. История и задачи гуманистической психологии // Вопросы психологии. — 1988. — № 4. — С. 163.

не имеют специальной программы; общение в них спонтанно и свободно. Единственная «роль», которую можно реализовать во время встречи, — это роль фасилитатора, т.е. человека, который создает соответствующий климат, увеличивающий безопасность, и т.д. Фасилитатором может быть любой член группы.

Целью групп встреч является развитие аутентичных межличностных отношений, сбрасывание масок и фасадного поведения; искренний рассказ об актуальных переживаниях и знаниях. Особенный вес придается эмоциональным переживаниям. Если, например, кто-то ненавидит другого, то он говорит ему: «Я зол на тебя, сам не знаю почему, поэтому хотел бы поговорить на эту тему». Такое искреннее высказывание не должно вызывать открытой агрессии.

В последние годы все чаще предпринимаются попытки создания системы воспитания, которая использовала бы достижения гуманистической психологии. Целью такой системы явилось бы формирование вполне зрелой личности, которая умела бы актуализировать свои потенциальные возможности. Сформулированы пять главных принципов гуманистического воспитания.

1. Интеграция личности; формирование человека, мысли и дела которого соответствовали бы друг другу.

2. Развитие личностной автономии; достижение независимости человека от случайных внешних воздействий, а также от прошлого.

3. Формирование аллоцентрических установок; концентрация внимания на других, а не на себе самом.

4. Расширение сознания, воспитание людей, способных к рефлексии.

5. Формирование идентичности, которая является относительно стабильной системой в меняющемся мире и позволяет ответить на вопрос «Кем я являюсь?» (**251**)

Большинство этих целей заслуживает внимания и нашло горячих приверженцев среди педагогов во всем мире.

Оценивая гуманистический подход к личности, можно сказать, что нет достаточных оснований считать, что гуманистическая психология образует поворотный пункт в понимании человека. Многие ее положения являются спорными и противоречат фактам. Гуманистические психологи опираются на ряд произвольных предположений относительно природы человека. Вызывает сомнение их утверждение о том, что аутентический человек является добрым. Факты скорее всего говорят о том, что человек по своей природе ни добрый, ни злой. Только социальные условия, влияние культуры и воспитания делают его благородным или низким и подлым. Люди в ходе жизни становятся альтруистическими или эгоистическими, пассивными или агрессивными, учатся конструктивному или деструктивному поведению.

В рассмотренной главе представлено значительное число психологов, которые внесли свой вклад в научное описание человеческой личности. Сравнение этих вкладов показывает, что их подходы очень разнообразны, подчас трудно сопоставимы. Все же можно считать, что в совокупности материалы дают более полную и богатую картину личности, нежели каждый из них в отдельности.

Для того чтобы как-то обобщить позиции и взгляды, а также фактические данные, характеризующие личность, попытаемся найти точки соприкосновения.

Обратим внимание на теории, которые не делают различия между личностью и психикой. Это прежде всего теории З. Фрейда и К. Юнга. Им противопоставим теории, которые подчеркивают указанное различие. Это больше относится к отечественным авторам: А.Ф.Лазурский, С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев это делают достаточно определенно.

Затем выделим теории, которые можно назвать мотивационными либо потому, что они концентрируются на побудительных, динамических факторах, как теория

З.Фрейда, либо потому, что они исключают из личности интеллект (способности, по А.Н. Леонтьеву, — это то, чем личность «распоряжается»).

Большая группа личностных теорий, напротив, базируется не на мотивационных, а на когнитивных процессах и структурах человеческой психики, рассматривая эмоционально-мотивационные компоненты личности как следствия познавательной деятельности человека.

Важным для понимания личности является концепция «природы человека», о чем ряд идей мы находим у Э. Фромма.

Нельзя пройти и мимо тех позиций, общей целью которых является отвержение понятия личности, как это делают бихевиористы. Бихевиористская методология и практика слишком весомы, (252) чтобы можно было от них отмахнуться, подобно Э. Фромму. Эта нетрадиционная для психологии методология побуждает задуматься над тем, что в психологии есть несколько направлений интерпретации: личностно-поведенческое (диспозициональное); ситуационно-поведенческое и поведенческо-личностное.

Кредо первой линии: за поведением стоит личность; личностные свойства — это структуры («аппараты», «программы»), «порождающие» поведение. Именно свойства являются конечной целью психологического познания.

Вторая линия — бихевиористская: «стимул — реакция». Функционирование человека можно описать вполне удовлетворительно, пользуясь категориями среды и характеристиками реакций. Личность и связанные с ней категории — ненаучные, интуитивные, бытовые, архаичные и не пригодные для раскрытия узловых проблем человека. В лучшем случае они только словесно удваивают свойства поведения.

Третья линия — нечто промежуточное между двумя первыми: поведение ценно тем, что оно дает необходимую информацию для понимания личности. Если бихевиористы ценят преимущественно поведение, то диспозиционалисты — личностные свойства.

Вопросы для самоконтроля

1. Что объединяет личностные теории, сформулированные в глубинной психологии?
2. Отличается ли в теории у 3. Фрейда структура личности от структуры психики?
3. Почему теория личности А. Адлера является социально-психологической?
4. Является ли теория личности К. Г. Юнга действительно психоаналитической?
5. Что характерно для когнитивного подхода к личности?
6. В чем состоит значение поведенческого исследования для понимания личности?

4 Глава
Практическая психология личности. Личностный фактор в жизни и деятельности людей

4.1. Практическая психология личности

В свое время социальное назначение психологии ограничивали теоретическими задачами, сводя ее роль к познанию законов человеческой психики. Моисей Матвеевич Рубинштейн писал в начале XX в.: «Психология, как теоретическая дисциплина знает

одну цель: добиться системы объективного знания человеческой души во всех направлениях. Ей совершенно чужда мысль об улучшении, совершенствовании психики человека; она ничего не расценивает, все, относящееся к области психических переживаний, представляет для нее объект изучения: она изучает и гения и жалкую посредственность просто как факт; она не учит нас, как создать, взрастить гений или талант в психологическом смысле. Как ни близки, по-видимому, возможные отсюда выводы, они лежат уже за пределами психологии, и она в них совершенно некомпетентна»[1].

Времена изменились. Появилась практическая психология как естественное продолжение психологических теорий вообще и практическая психология личности как применение личностных теорий, концепций, а также методов исследования и диагностики для решения жизненных проблем, которые обусловлены личностным фактором. Практическая психология личности — это распространение теоретической персоналистики на ту область, где живут и действуют люди и где функционируют их личности. Появление практической психологии личности — это ответ на рост общественного интереса к проблемам человека и свидетельство того, что современная психология может успешно решать их.

Предметом практической психологии личности является комплекс теоретических, методических и организационных проблем, которые связаны с оказанием квалифицированной психологической (254) помощи людям по поводу их личностных трудностей. Практическая психология помогает людям, которые не могут получить помощь в медицинских лечебных учреждениях, поскольку не признаются и не являются больными.

Наиболее полным воплощением идей практической психологии личности служит клиническая психология, которая оказывает специальную психологическую помощь людям. Кроме того, практическая психология личности находит свое применение в организационно-психологическом (управленческом) консультировании, в различных видах экспертиз (судебно-психологическая), а также в практике профессионально-психологического отбора, психологии рекламы, имиджа и связей с общественностью. Разумеется, нет никаких препятствий для использования практической психологии личности в повседневной жизни, в общении и совместной деятельности людей.

Клиническая психология ориентирована преимущественно на личностные проблемы (человека и семьи). Ее предметом является индивидуальность человека и методы, способствующие проявлению и расширению его возможностей.

Организационно-психологическое (управленческое) консультирование нацелено прежде всего на решение проблем, возникающих в трудовых коллективах. Как для клинического направления, для организационно-психологического консультирования личность является исключительно важной сферой внимания. Психологи-консультанты изыскивают способы помочь людям учиться или работать продуктивнее[2]. Они решают практические личностные проблемы, возникающие в разных сферах общественной жизни: в промышленности, на транспорте, в медицине, образовании, системе охраны общественного порядка, военной области, — одним словом, везде, где живут и трудятся люди и где решаются задачи роста и реализации индивидуальных ресурсов человека.

Множество проблем, с которыми встречаются люди в своей жизни и деятельности, можно разделить на две категории: психологические и предметные, или

---

[1] Рубинштейн М.М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. — М., 1913. — С. 16— 17.

[2] См.: Тобиас Л. Психологическое консультирование и менеджмент. Взгляд клинициста. — М., 1997.

непсихологические. Психологическая проблема отличается от непсихологической тем, что ее решение предполагает изменение личности, ее восприятия себя и мира, в то время как непсихологическая проблема решается путем перемен в предметной среде человека. Психологические проблемы, в свою очередь, дифференцируются в зависимости от сложившегося деления психологии на отрасли.

Личностные проблемы — это совокупность психологических трудностей человека, дисгармоническое состояние, вызванное определенными противоречиями в развитии. К личностным проблемам (255) относят состояния, препятствующие личностному развитию людей, снижающие эффективность деятельности и затрудняющие общение и взаимопонимание. Есть проблемы, связанные с нравственным и психическим здоровьем и самочувствием. Личностные проблемы характерны тем, что вовлекают значительную часть личности, затрагивают личность в целом. Существенную группу личностных проблем составляют неврозы, стрессы и т.д.

Представление о личностных проблемах зависит от развития психологии личности, психотерапии и психологической культуры населения, осознания потребности в психологической помощи. Некоторые данные об этой потребности дают маркетинговые исследования рынка услуг психологической консультации. В одном из таких исследований в Москве[1] было опрошено 300 человек различных возрастов, видов занятий, в том числе 143 мужчины и 157 женщин. 46% опрошенных имели высшее образование.

Психологическая помощь нужна была людям всегда. И многие нуждающиеся ее получали во все времена. Шаманы, церковь, семья, дружеская группа, отдельные психологически одаренные личности так или иначе решали психологические проблемы. В силу ряда технологических, социально-экономических, экологических, политических и других процессов во всем мире количество и разнообразие психологических проблем возросло настолько, что традиционные непрофессиональные, бытовые способы их решения оказались недостаточными. Процесс общественного осознания значимости этих проблем свойствен и нашей стране.

В XX в. появился социальный заказ, который привел к появлению профессии практического психолога. В значительной степени это обусловлено осознанием значимости человека, его уникальности и неповторимости. Естественно, что формированию социального заказа, росту спроса на практическую психологию способствовали кризисные явления в обществе, экономике, семьях и судьбах отдельных людей.

В отдельных сферах общественной практики по-разному и в разное время возникают практические психологические проблемы. В социальных областях, в юридической практике, финансовой сфере, медицине, системе среднего образования, вооруженных силах, транспорте психологические услуги более востребованы. Это объясняется тем, что в этих областях более существенны последствия психологических затруднений, есть определенные традиции в понимании роли индивидуальности человека и значимости личностного фактора в целом.

Важным заказчиком практической психологии является государство. Именно оно должно проводить социальную политику, нацеленную на гармонизацию интересов и отношений различных (256) социальных и национальных групп, улучшение качества жизни населения, создание оптимальных условий для укрепления психического здоровья людей. В этой области существует много сложных, в сущности, общенациональных проблем, которые не могут быть решены без соответствующих

[1] Березин И.С. Маркетинг и исследование рынков. — М., 1999. — С. 401 — 413.

государственных программ.

Например, в США, по данным статистики, на решение проблем, связанных со стрессами, уходит от 75 до 90 млрд долл. ежегодно, что составляет около 10 % валового национального продукта. При этом около 17 млрд долл. составляют потери из-за снижения производительности, вызванного стрессовыми переживаниями; алкоголизм является причиной потерь, измеряемых 10 млрд долл.; злоупотребление наркотиками приводит к потере 17 млрд долл. ежегодно.

Думается, что проблема социального здоровья в России также нуждается в энергичных решениях с тем, чтобы снизить уровень преступности, степень конфронтационности на политическом (257) поприще, улучшить взаимоотношения между властью и народом, работодателями и наемными работниками, оздоровить повседневный быт всех категорий населения.

К числу перспективных заказчиков психологических услуг относятся общественно-политические движения и партии. По мере осознания руководством этих сил значимости психологических факторов в политическом процессе и восхождения практической психологии на стратегический уровень количество заказов политико-психологического характера будет возрастать.

Таблица 1

Структура социального заказа на психологические услуги

Психологические проблемы	Количество (% от числа опрошенных)	Мужчины (В %)	Женщины (в %)
Сильный страх остаться без денег[1]	50	53	48
Хроническая усталость	40	33	50
Страх одиночества	40	Нет данных	Нет данных
Сильный страх за свое здоровье	33	25	45
Неудовлетворенность собой	30	Нет данных	Нет данных
Стресс из-за ссоры с друзьями и родственниками	30	Нет данных	Нет данных
Стресс из-за потери работы	19	22	16
Смерть близких	19	12	26
Конфликты на работе	15	17	12,5

Таким образом, формирование социального заказа на деятельность психологов-практиков обусловливается растущей зависимостью экономики, политики, здравоохранения, образования и других областей общественной жизни и деятельности от полноты понимания и учета психологических закономерностей поведения людей. Важным источником социального заказа психологических услуг является повышающийся уровень психологической культуры населения, тесно связанный с осознанием ценности человеческой жизни и ее качества.

Практическая психология личности имеет свои исторические корни.

[1] Исследователи назвали эту проблему «финансово-денежной». Практическая психология занимается не «финансово-денежными» вопросами (они решаются не психологическими методами, а теми методами, которые приняты в сфере кредитно-денежных отношений), а скорее психологическими последствиями их неразрешенности.

Психология вообще первоначально представляла собой практику, магию. Репертуар психологических услуг с незапамятных времен был широким и разнообразным (предвидения, объяснения, настрои, поиски жизненной мудрости, выхода из трудных ситуаций, религиозные ритуалы и оккультные процедуры, йога, буддизм и др.). Некоторые ситуации оказания психологической помощи людям нашли отражение на страницах Библии. Немало людей, не являющихся профессиональными психологами, обладают способностями, необходимыми для оказания эффективной психологической помощи нуждающимся.

Эмпирической базой, на которой выросла и оформилась практическая психология личности, явилась психотерапия. Важным событием в этом процессе был частичный выход психотерапии из сферы медицины. Определенную роль сыграла идея З. Фрейда о том, что причины некоторых психических болезней лежат вне рамок медицины и не могут быть преодолены чисто медицинскими методами лечения. Неосознаваемые комплексы, забытые детские конфликты, вытесненные влечения и т.д. не являются патологическими, но становятся причинами многочисленных страданий и конфликтов.

Развитие практической психологии сопровождалось формированием собственной концепции, новых стратегий, а также соответствующей терминологии. Так, например, концепция болезни (лечения) была заменена концепцией психологической помощи. Были предложены такие стратегии, как ориентация на обретение смысла страдания, вместо борьбы с ним (логотерапия В.Франкла); создания вдохновенного образа для своей жизни, развития активного (**258**) осознания возможностей, заложенных в каждом человеке, вместо концентрации на проблемах и трудностях (эмпауэрмент) и многие др.

Практической психологией во всем мире занято громадное число специалистов разной квалификации — от техников со средним образованием до теоретиков с мировым именем. Только в США более 200 тыс. сертифицированных сотрудников работают в ее различных отраслях. В России за последние годы количество практикующих психологов заметно увеличилось и составляет в настоящее время по оценочным данным около 20 тыс. человек при ежегодном выпуске из учебных заведений порядка 5 тыс. специалистов.

В банк Стокгольма ворвался вооруженный грабитель. Но ограбление ему не удалось: полиция прибыла вовремя. Тогда, захватив нескольких заложников, налетчик укрылся в подвале банка.

Его требования были просты и категоричны: освободить из тюрьмы и доставить к нему в подвал его приятеля, выдать 3 млн крон и 2 пистолета, после чего позволить беспрепятственно покинуть банк вместе с заложниками.

Полиции предстояло решить, что делать — выполнять эти требования или брать подвал приступом. В последнем случае необходимо определить реальную меру риска для заложников. Все говорило о том, что преступник чрезвычайно опасен: несколькими днями раньше он ранил одного полицейского и уже в банке, не колеблясь, выстрелил в другого. К тому же было не ясно, здоров ли он психически.

Полицию в ее действиях консультировал опытный психолог, профессор Каролинского института д-р Н. Бэйерут. Рискуя быть застреленным, он отправился к преступнику в подвал и разговаривал с ним с глазу на глаз. Бэйерут убедился, что это в самом деле очень решительный, а потому очень опасный человек. Вместе с тем он не был ни душевнобольным, ни наркоманом, ни алкоголиком. Более того, преследуя свою преступную цель, он действовал весьма разумно и логично.

Бэйерут предложил выполнить требование доставить в подвал приятеля, но ни в коем случае не выпускать грабителя. В ходе его преследования опасности

подвергнется гораздо больше людей. К тому же погоня будет проходить в меняющейся, нервозной обстановке, где неизбежны случайные, ошибочные решения. Преступник, не задумываясь, стреляет в полицейских, поскольку они представляют для него прямую угрозу, но убивать заложников, как считает консультант, не в его интересах. Есть различие между профессиональными преступниками и политическими террористами. Последние ставят перед собой цели, которые являются общими для целой группы единомышленников. Если один из террористов приведет в исполнение угрозу и при этом погибнет сам, плодами этих действий тем не менее могут воспользоваться его сообщники. Для уголовного преступника не существует каких-либо целей за пределами его собственной жизни. (259)

Бэйерут ставил только два условия для благополучного исхода операции: первое — не торопиться с решительными действиями, предоставить возможность преступнику хорошо обдумать свое положение, увеличивать «давление» на него постепенно; и второе — накануне завершающего штурма дать ему хорошо отдохнуть и отдохнуть самим, чтобы не случилось какой-либо ошибки ни с той, ни с другой стороны.

Полиция последовала совету психолога-консультанта. Осада продолжалась 6 дней, причем в конце 6-го дня было заключено 12-часовое перемирие. На 7-й день полиция ворвалась в подвал банка. Преступник капитулировал, не истратив даже всех патронов. Заложники остались целы[1].

4.2. Личность за пределами психологии: экономико-социологический образ человека (непсихологические модели личности)

Проблема личности актуальна не только внутри психологической теории. Она значима и для различных областей социальной практики, где существуют личностные проблемы и определенный запрос на достижения теории личности.

Вопрос о том, что представляет собой личность (человек) ставятся в экономике, педагогике, политике, медицине, юриспруденции.

В экономике не удовлетворяются ни традиционными, ни новейшими психологическими теориями личности по той причине, что они не доступны экономической формализации или не дают возможности объяснить экономические законы. Поэтому выстраиваются собственно экономические модели и образы человека, которые с психологической точки зрения являются предельно обедненными, поскольку сводятся к нескольким чертам.

4.2.1. Экономическая модель человека

Первым экономистом, поставившим вопрос о личностных основах экономической теории, был Адам Смит. Именно он положил определенное представление о человеческой природе в основу своей теоретической системы. Согласно А. Смиту, «человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно будет он ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий, предлагающий другому сделку какого-либо (260) рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно, — таков смысл всякого подобного предложения. Именно таким

[1] Розаум А. С. Рискованная психология // Лит. газета. — 1974. — 30 окт. — № 44. — С. 13.

путем мы получаем друг от друга значительно большую часть услуг, в которых мы нуждаемся»[1].

Из этого высказывания следует, что человек — это существо, нуждающееся в помощи своих ближних, склонное к обмену и вынужденное учитывать в своих сделках интересы других людей (их эгоизм). «Эта склонность к обмену не только создает различие способностей, столь заметное у людей различных профессий, она также делает это различие полезным»[2].

В последующем экономисты акцентировали фактор эгоизма и для объяснения поведения людей в рыночных условиях разработали экономическую модель человека, важнейшей характеристикой которой является эгоистическое поведение. Эта модель опирается на гипотезу об определяющей роли личного интереса в мотивации поведения, и о компетентности в собственных делах. Предполагается, что эгоистические действия «экономического человека», его личная выгода не противоречат общественной пользе. Эта модель служит методологической основой экономических исследований, а также повседневной экономической практики.

Как видно, за два с половиной века, прошедших после того, как А.Смит изложил свои идеи, образ «экономического человека» стал еще более «экономическим»: положение о собственном интересе абсолютизировалось, а мотивы общественной пользы нивелировались[3]. Анализ эволюции моделей «экономического человека» свидетельствует об упрощении, формализации и депсихологизации исходной модели А. Смита[4].

Экономический взгляд на природу человека сильно влияет на представления о социальных ценностях и государственном порядке. В частности, государству отводится роль охранителя морали: человеку, движимому своими эгоистическими побуждениями, политические структуры должны навязывать моральные нормы. Эту же задачу решает и церковь, которая, правда, считает, что эгоистический индивидуализм препятствует построению гуманного общества[5]. (**261**)

Во второй половине XX в. стало ясно, что понятие эгоистического и ориентированного на личное благополучие человека, который полностью руководствуется экономическими мотивами, слишком узко. Ведь реальное поведение свидетельствует о наличии неэкономических мотивов, а многочисленные проявления бескорыстия и энтузиазма людей ставят под сомнение трактовку человека как эгоиста.

Новая экономическая модель, предложенная Меклингом и Бруннером в 70-е гг. XX в., несколько расширила старую модель, объединив три свойства: «изобретательность, оценивание и максимизацию» человека. Характерно, что авторы выводят эти качества из биологической и генетической наследственности, имея в виду общую предрасположенность к определенному поведению и потенциал развития, которые не зависят от социального окружения. И предрасположенность, и потенциал развития отличаются большим разнообразием форм и интенсивностью проявления, но возможности социальной инженерии применительно к ним ограничены. Процессы социализации и интернализации моральных ценностей действуют через «фильтр» биолого-генетических способностей[6].

---

[1] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 2007. — С. 15.
[2] Там же. — С. 15.
[3] См.: Родионова Н. В. Модели «homo ecomomicus» // Человек. — 2004. — № 4. — С. 105.
[4] Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории. — М., 1993. — С. 203.
[5] Бруннер К Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS. — 1993. — С. 53.
[6] Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS. — 1993. — С. 55.

Человек, как существо изобретательное, ищет, исследует, экспериментирует и не является пассивным. Он все делает для того, чтобы расширить свои возможности. Проводимые людьми эксперименты сильно разнятся — от незначительных до грандиозных по своим масштабам. Изобретательное экспериментирование служит движущей силой культуры и взаимодействует с биологической эволюцией. Однако понятие изобретательности пока что не удалось адекватно формализовать.

Человек является также оценивающим. Ему небезразличен окружающий мир. Он дифференцирует, сортирует и упорядочивает явления, с которыми имеет дело. Он предпочитает больше благ, чем имеет. По мере того, как общее количество благ, доступных для индивида, растет, каждое новое приращение оценивается относительно ниже. Человек готов поступиться некоторым количеством благ в обмен на соответствующее количество альтернативных благ, которые он ценит выше. Таким образом, выстраивается структура индивидуальных предпочтений: относительная оценка положительно оцениваемого блага снижается с ростом его количества[1].

Далее, человек, как существо «максимизирующее», понимает, что ресурсы, включая время, ограничены. Но каковы бы они ни были, человек стремится обеспечить себе наилучшее положение (**262**) при существующих ограничениях. Максимизирующий человек, руководствующийся личным интересом, предпочитает самостоятельно принимать решения, касающиеся его дел, в соответствии с собственным пониманием.

Согласно данной модели, люди являются рациональными, и их поведение направлено на достижение полезных целей, а также на создание более или менее сознательных правил действия. Модель не отвергает принцип эгоизма и даже подчеркивает, что «эгоистическое поведение — это забота исключительно о своем собственном благосостоянии безотносительно к благосостоянию любого другого лица». Несмотря на то, что модель не учитывает такие общественные явления, как семья и дружба, ее «можно спокойно использовать при решении многих проблем в качестве полезного приближения»[2].

4.2.2. Социологическая модель человека

Социологическая модель человека подвергает критике существенные положения экономического образа человека. Одним из ее авторов явился Линденберг (1985), который полагает, что Человек — это «чистый лист», который произвольно заполняется обществом. Значение имеют три его характеристики: во-первых, он человек социализированный; во-вторых, человек, исполняющий роль; в-третьих, человек, который может быть подвергнут санкциям. Первая черта выражает главенство общества, социальную детерминированность индивидуального поведения. (Человек с рождения полностью запрограммирован своим социальным окружением. Из процесса социализации вытекает исполнение ролей. Общество представляет собой множество ролей, и индивиды приспосабливаются к конкретным ролям с социально предопределенными обязанностями и правами. Роли позволяют людям в какой-то степени предвидеть поведение друг друга. Поскольку человек с недостаточной степенью социализации может отклониться от своей роли, его поведение необходимо контролировать. Процесс социализации дополняется и подкрепляется санкциями.

Главной чертой социологической модели человека является смещение акцентов: от личного интереса индивида к главенствующей роли общества: социальных

---

[1] Там же. — С. 56.

[2] Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS. — 1993. — С. 57.

институтов, норм и правил поведения. Общество влияет на поведение индивида, находясь вне его власти. В отличие от индивида, который прежде всего руководствуется принципом оптимального удовлетворения, общество через (**263**) свои социальные системы ориентировано на культурные изменения.

Влияние общества на индивидуальное поведение осуществляется либо через мораль, либо через различные социальные течения. Влияние общественной морали характеризуется сравнительной стабильностью и долговременностью; социальные течения — это преходящие мнения и общественные настроения. В своей совокупности процессы социализации и интернализации призваны, вместе с санкциями за отклонение от норм, обеспечить желаемое моральное поведение.

Социологический образ человека имеет несколько вариантов, где ему приписывают способность иметь собственное мнение, восприимчивость, активность[1].

Таким образом, как экономисты, так и социологи предпочитают статический образ личности, принимая ее за величину постоянную. «Социологи, которые полагали, что задачей социологии является изучение массовых явлений и процессов, происходящих в социальных макроструктурах, изучение природы человека считали излишним. По их мнению, природу человека можно считать постоянной величиной, действующей всегда одинаково, и поэтому при изучении социальных структур и их изменений ее роль для социологии не представляет интереса»[2].

Попытки построения непсихологических моделей человека свидетельствуют о большой дистанции между психологией личности и теми науками и областями практики, которые нуждаются в специфическом образе человека, прежде всего тех его сторон, которыми он включен в соответствующие виды социальной практики.

Кроме моделей «экономического человека», «социологического человека» есть и другие: «политический человек», «антропологический человек» и даже «психологический человек». Последняя модель базируется преимущественно на идеях А. Маслоу и реализуется главным образом при управлении трудовой мотивацией.

Все эти модели приводят к традиционному структурализму. Традиционные структуралисты были уверены, что человек ленив, не заслуживает уважения и работает исключительно ради денег. Этим качествам соответствует бюрократическая организация с ее принципами мотивации и практикой вознаграждения труда. Современные структуралисты идут тем же путем; они изменили только исходную предпосылку, утверждая, что все люди заинтересованы в самореализации, а это требует более свободной организационной структуры. Следует оговориться, что речь в данном случае идет о теоретических позициях, а не о практике управления. Обычная (**264**) практика управления пользуется другими категориями: «Большинство организаций следует правилам, в основе которых лежит предположение, что средний рабочий — это халтурщик, который не знает своего дела»[3].

Заявляя о необходимости считаться с «человеческим фактором», структуралисты на самом деле исключают психические явления из числа детерминант поведения или социальных событий. Они полагают, что все существенные различия между людьми достаточно полно объясняются позициями, которые они занимают в организации.

4.3. Личность в системах управления

---

[1] См: Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS. — 1993. — С. 57 — 58.

[2] Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. — М., 1969. — С. 76.

[3] Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. — М., 1986. — С. 299.

Человек в своей жизни и деятельности является участником многих систем социального управления. Он получает опыт подобного участия в семье, дружеских группах, в различных экономических, политических, социальных организациях, а также как гражданин, имеющий дело с органами государственной власти. Во всех этих ситуациях человеческая личность подвергается значительным испытаниям, и главная опасность исходит от власти. Чем больше дистанция власти в той или иной управленческой культуре, тем больше угроза для личности.

В различных областях управленческой практики существуют две противоречивые тенденции. Первая — стремление освободиться от личностного фактора и подчинить производственные и регуляционные процессы четким, научно обоснованным, более или менее продуманным правилам, т.е. создать условия, которые не позволяли бы проявиться человеческой индивидуальности. Вторая тенденция отдает приоритет личности в отношениях людей, в строении и функционировании социальных, экономических и иных институтов. Первая тенденция получила название структурной, вторая — личностной. Эти тенденции могут реализоваться на всех уровнях организации общественной жизни: общегосударственном, организационно-экономическом, семейном и даже индивидуальном.

Ранние теории провозглашали социальную структуру исходной причиной дифференциации человеческих качеств и предлагали добиваться повышения эффективности организации, используя структурные факторы. «Организация, в которой оказывается индивидуум, является определяющим фактором его поступков и решений»[1]. (**265**)

Эти концепции воспринимали человека как слабое звено превосходно задуманной формальной структуры, определяющей функционирование и успех организации. Структурный подход получил развитие в работах М. Вебера, который стремился деперсонализировать управленческие функции в надежде, что единообразие может способствовать доброжелательному и справедливому отношению к рабочим. М.Вебер полагал, что его рациональная и предсказуемая система обеспечит удовлетворительное исполнение многих однообразных организационных задач.

В свое время В. И. Ленина и других людей с экстремистскими политическими взглядами более умеренные социалисты предупреждали об отсутствии в стране психологических условий для радикальных политических преобразований. Но В.И.Ленин не вступал в дискуссию с теми, кто заявлял: «Мы должны считаться с психологическим фактором»[2]. Его позиция была иной: «Мы партия, ведущая массы к социализму, а вовсе не идущая за всяким поворотом настроения или упадком настроения масс. Никогда выдержанные революционные социал-демократы не поддаются любому повороту настроения масс»[3]. Психологические факторы для В.И.Ленина не имели стратегического значения: «Учет “настроения” может быть необходим для определения момента того или иного действия, шага, призыва и т.п., но никак не для определения тактики. Рассуждать иначе — значит заменять выдержанную пролетарскую тактику беспринципной зависимостью от «настроения». Марксистам вовсе не пристало от классовых интересов апеллировать к минутному настроению»[4].

Антиличностный подход свойствен работам Ф. Тейлора и школе научного управления. Ф. Тейлор преследовал цель освобождения управления от «личностной зависимости»: «Администрация все еще остается вопросом личности, причем устарелый взгляд сводится к тому, что раз найдется подходящий человек, то методы

---

[1] Саймон Г. А., Смитбург Д. У, Томпсон В. А. Менеджмент в организациях. — М., 1996. - С. 68.
[2] Ленин В. И. Поли. собр. соч.: в 55 т. — 5-е изд. — М., 1970. — Т. 13. — С. 400—403.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. — 5-е изд. — М., 1970. — Т. 15. — С. 279.
[4] Там же.

управления могут быть всецело предоставлены его усмотрению»[1]. «На администрацию до сих пор не смотрят как на искусство, обладающее законами, столь же точными, столь же ясно определенными, как, например, основные положения инженерии, и требующими тщательного изучения и обсуждения». Ф. Тейлор полагал, что «в прежнее время самое главное была — личность; в будущем самым главным будет — система»[2]. (**266**)

Ф. Тейлор осознавал трудности поиска выдающихся руководителей и скептически относился к возможности найти человека, подходящего во всех отношениях к руководящей должности, поэтому возникла его идея разделения управленческого труда, упразднения единоначалия — «организации военного типа» — и замены ее «функциональной администрацией», т.е. таким распределением «работ по управлению, чтобы каждый служащий от помощника директора до низших должностей исполнял возможно меньшее количество функций»[3]. Все это проявления одной и той же позиции — базового недоверия к личности.

Ф. Тейлор еще не видел в системе угрозы для личности, надеясь на то, что при систематической организации труда лучший работник выдвигается быстрее и более вероятно. Стратегия Ф. Тейлора вполне соответствовала логике технического прогресса. Там, где наука и техника внедряется в жизнь, происходит замена человека машиной. Предполагалось, что человеческие проблемы (управление — дело человеческое) должны решаться так же, как и технические.

Как видим, «вопрос личности» для Ф. Тейлора является свидетельством незрелости теории управления, ее имплицитного состояния. Естественно, что ему хотелось перевести «администрацию» из этого состояния в открытую систему знаний и навыков (технологию). «Вопрос личности» являлся, в сущности, вопросом психологии, но Ф. Тейлор не был психологом и не видел пользы в психологических исследованиях управленческих процессов и явлений.

Сходное отношение к личности занимают сторонники более позднего рационалистического подхода с его количественными методами, которые учитывают только те факторы, которым можно приписать численные значения. Термин «рациональный» приобрел в бизнесе одностороннее значение: «машины — без этих чертовых людей-исполнителей»[4]. Рациональный подход — это стремление найти «хорошие стратегии», игнорируя неформальные человеческие свойства, создающие препятствия для выполнения амбициозных планов. В рациональной модели организация мыслится как задуманное средство для достижения четких целей. Ее структуры — это орудия, специально созданные в интересах эффективного осуществления этих целей. Предполагается, что решения принимаются на основе рациональной оценки ситуации и использования апробированного знания при сознательной ориентации на правовой аппарат. Упор делается на официально спланированные структуры. В своей основе рациональная модель механистическая, (**267**) поскольку организация представляется как комплекс управляемых частей, каждую из которых можно в отдельности изменить в интересах повышения эффективности целого. Персональные элементы организации также можно менять в плановом порядке. Отклонения от рациональности обычно не исключаются, но их рассматривают как результат случайных ошибок, порожденных незнанием или

---

[1] А. Файоль и др. Управление — это наука и искусство. — М., 1992. — С. 238.

[2] Первоначально считали, что причины успеха индивидуума зависят от установки, успех полностью исходит от человека. Позднее К. Маркс и З. Фрейд открыли значение влияния окружающей среды: человек ее продукт (Л.Лебберт. Невидимые источники зримого успеха. — С. 14).

[3] А. Файоль и др. Управление — это наука и искусство. — М., 1992. — С. 276.

[4] Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. — М., 1992. — С. 69.

неправильным расчетом[1]. В общем, одним из принципов строительства формальной структуры всякой организации является сведение до минимума человеческого фактора и исключение эмоциональных сторон поведения людей.

И в настоящее время организационные проблемы часто рассматриваются при игнорировании людей. Даже сегодня, несмотря на декларирование важности человеческого фактора, в центре внимания «технологов» менеджмента находятся рычаги хозяйственного механизма (формы хозяйственных связей, цены, экономические нормативы и т.д.), что отражает инструментальный подход к человеку, ограниченный вопросами уровня квалификации, производственной инициативы, ответственности и состояния здоровья работников. Такой подход неизбежно приводит к узкому взгляду на человека как на средство решения производственных задач.

Иную линию решения жизненных, социальных и производственных проблем предлагает методология личностного подхода, имеющая древнюю историю. «Перикл, Джон Стюарт Милль утверждали, что государства должны оцениваться не только по их могуществу, но и по тем типам граждан, которых они порождают, и по тем возможностям индивидуального развития, которые они предоставляют своим гражданам. Эта точка зрения находит поддержку среди некоторых современных ученых. Так, согласно К.Арджирису, идеальным является такое лидерство, которое стимулирует индивидуальное развитие, способствуя самовыражению работника (тот же смысл заложен и в теории Д. Макгрегора). Но этой позиции придерживается меньшинство — вероятно, потому, что неизвестно, какое влияние на прибыли окажет такая целевая установка, как воспитание рабочих, стремящихся к самовыражению»[2].

К сторонникам личностного подхода в теории управления можно отнести Г.Черча. Он определил соотношение личности и технологии управления следующим образом: «Никакая система не может быть больше того администратора, который управляет ею. Изумляясь изобретательности и целесообразности самой системы, (**268**) ее формам, книгам, таблицам, мы постоянно забываем об этом простом и элементарном факте, который тем не менее и в наше время, как и всегда, остается несомненной истиной. История знает примеры, когда бездарные главнокомандующие срывали все успехи самых блестящих и дисциплинированных армий. Время от времени бывали и такие случаи, когда талантливые вожди добивались победы при сравнительно слабой организации. Принципы управления изучаются не для того, чтобы отменить руководство, а для того, чтобы найти самую эффективную систему передоверия функций, максимально облегчающую работу вполне компетентного руководителя!»[3]. Одним словом, каковы люди, таковы и системы, в том числе системы управления.

В перспективе только личностная ориентация гарантирует эффективность и конкурентоспособность организаций. Наступают времена, когда личностный дух организации будет делом не только этики, гуманизма и справедливости, но и экономической необходимости. Как утверждает П.Друкер, будущее принадлежит информатизированным организациям, в которых «знания преимущественно залегают на самом дне — в головах специалистов, которые выполняют разнообразную работу и сами собой руководят». Эти специалисты, как «интеллектуальные работники, отвергают командно-контрольную модель бизнеса, построенную сто лет назад по образцу и подобию военной организации»[4].

---

[1] Голднер Э. Анализ организации // Социология сегодня: Проблемы и перспективы. — М., 1965. — С. 449 — 450.
[2] О'Шонесси. Дж. Принципы организации управления фирмой. — М., 1979. — С. 148.
[3] Научная организация труда и управления / под общ. ред. А. И. Щербаня. — М., 1965. - С. 322-323.
[4] Друкер П. Новые реальности. — М., 1994. — С. 298—302.

Более личностными являются теории управления, которые проявляют интерес к современным психологическим данным о человеке. Они исходят из того, что практика управления не может быть лучше тех предпосылок относительно теории личности, которые приняты организационной культурой. Личности сотрудников (мотивация, ожидания, способности и другие индивидуальные черты) рассматриваются как переменная, заслуживающая анализа и имеющая фундаментальное значение для определения стратегии и практики организации.

В рамках личностного подхода формальная структура организации рассматривается как один из факторов, находящихся в поле зрения сотрудников. Общая гипотеза гласит: организация не имеет иных черт, кроме тех, которые воспринимаются людьми в зависимости от своих потребностей, ценностей и установок. Поэтому анализ организации должен осуществляться через совокупность человеческих представлений. Изменение этих представлений равносильно изменению организации. Правда, здесь открывается возможность манипуляции, подмены развития организации в целом только изменением людей. (**269**)

Более решительные персоналисты полагают, что сама «структура организации определяется качествами индивидуумов, которые ее составляют. По крайней мере, из этого и стоит исходить»[1].

Личностный подход в системах управления реализуется во многих вариантах. Но во всех случаях речь идет о «роли человека», о доверии, ориентации на людей и т.д. Одним из таких вариантов является «управление по целям». Это управленческая система, при которой личность может чувствовать себя более или менее защищенно. «Важнейшим преимуществом управления по целям является то, что люди уже не просто делают работу, следуя инструкциям и ожидая указаний; теперь это личности, имеющие конкретные цели. Они сами участвовали в выработке стоящих перед ними целей, имели возможность вложить свои мысли в запланированные программы, знают сферу своей компетенции — свои полномочия — и, будем надеяться, получают помощь от своих начальников, когда это необходимо. Все эти элементы создают ощущение личной заинтересованности. Сотрудники работают с энтузиазмом, чувствуют себя хозяевами положения, у них возникает чувство личной заинтересованности в результатах»[2].

Т. Питерс и Р.Уотермен, объясняя экономические и гуманитарные успехи японского общества, а также ряда американских преуспевающих компаний, подчеркивают решающую роль «ориентации на людей». «Образцовые компании имеют глубоко укоренившуюся философию, в которой утверждается: “уважай личность”, “делай людей преуспевающими”, “давай им возможность проявить себя”. <...> В Японии ориентация на людей поощряет приверженность производству хорошей продукции и требует способности к умеренному риску и нововведениям от среднего работника».

Т.Питерс и Р.Уотермен полагают, что одним из критериев личностной ориентации системы управления служит доверие. Исходя из того, что не оправдывают доверия только от 3 до 8 % работников, они советуют: «Обращайтесь с людьми, как с взрослыми. Относитесь к ним как к партнерам; уважайте их достоинство; будьте к ним внимательны. Смотрите на них — а не на капиталовложения и не на автоматику — как на главный источник роста производительности. Речь вовсе не идет о том, чтобы нянчиться с людьми. Речь идет о взыскательном уважении к человеку, готовности обучить его, поставить перед ним разумные и четкие задачи, обеспечить ему на деле

---

[1] Тобиас Л. Психологическое консультирование и менеджмент. — М., 1997. — С. 60-61.

[2] Кунц Г., О’Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций. — М., 1991. — С. 217 — 218.

самостоятельность, нужную, чтобы он мог проявить себя и внести свой вклад в порученное (270) дело. Ориентация на человека имеет и свою суровую сторону — это высокая взаимная требовательность и надзор со стороны равных. Ничто так не обязывает человека, как ощущение собственной нужности. Люди любят сравнивать себя с теми, кто работает рядом, и они любят выполнять работу в соответствии с высокими стандартами, особенно если эти стандарты достижимы и если в их установлении участвовали сами работники»[1].

Личностный подход в теории и практике управления, хотя и с трудом, пробивает себе дорогу. По мнению Р.Уотермена, это обусловлено не внедрением в управленческую практику психологических исследований, а гуманизацией общественной атмосферы в целом, ростом личностного начала в обществе, а также прямой выгодой от личностного отношения к человеку: «Было время, когда люди были “фактором производства”. Управление ими ненамного отличалось от управления машинами и капиталом. Этого больше нет. Люди этого не потерпят. И если когда-нибудь подобный метод управления людьми и позволял повышать производительность труда, то сегодня он дает обратный эффект. Капиталом и техникой управляют теперь в сущности почти так же, как и раньше, люди же стали теперь личностями и ими следует управлять по- другому. Когда организация подавляет личность, она ставит под угрозу свою способность изменяться. Когда же организация стимулирует самовыражение личности, то ей трудно не обновляться. Индивиды — единственный источник обновления в компании»[2].

Подобные декларации служат отзвуком того, что личностные теории организации и управления действительно приобретают определенный вес. Конечно, они не являются преобладающими, так же как и соответствующая практика управления.

Личностный параметр организации станет более наглядным, если мы обратимся к описанию двух полярных типов организаций, одна из которых занимает очень низкое, а вторая — очень высокое место на условной «шкале личностности».

К числу первых относятся организации, названные Э. Гофманом «тотальными». Организация является тотальной, если она подчиняет себе три основные сферы жизни человека: работу, дом и отдых, разрушая барьеры, обычно разделяющие их. При этом все стороны жизни сосредоточиваются в одном месте и под одним руководством; ежедневная деятельность человека проходит в непосредственном соседстве с большим числом других людей, которые делают одно и то же; все фазы ежедневной деятельности строго регламентируются, одно действие в заранее предусмотренный (271) момент сменяется другим, а вся последовательность действий навязывается сверху четко сформулированными предписаниями и персоналом организации.

К тотальным организациям Э.Гоффман относит: 1) учреждения для ухода за людьми, которые считаются в чем-то неполноценными, — дома для слепых, престарелых, сирот и бедняков; 2) места для ухода за людьми, представляющими угрозу обществу, хотя и непреднамеренную: туберкулезные санатории, психиатрические клиники и лепрозории; 3) организации, защищающие общество от злонамеренных людей: тюрьмы, исправительные дома и т.д.; 4) организации, предназначенные для выполнения специфических задач: воинские части, корабли, школы-интернаты, трудовые лагеря; 5) организации, созданные для удаления от мира, хотя они часто служат целям религиозного воспитания: мужские и женские монастыри.

---

[1] Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). — М., 1986. — С. 299—300.

[2] Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. — М., 1988. — С. 16.

Тотальные организации предлагают человеку обезличенные образцы поведения, которые ограничивают или даже исключают свободу выбора, чувство собственного достоинства и личную жизнь. Вот как это происходит.

Вновь принятый на работу человек приходит в организацию с определенным представлением о самом себе, которое стало возможным благодаря стабильным социальным структурам его домашней среды. После прихода в организацию он сразу же лишается поддержки этих структур. В некоторых старейших тотальных организациях он проходит через ряд унижений, оскорблений и осквернений. Его Я систематически, хотя часто и непреднамеренно, ущемляется. Его право принимать посетителей или покидать организацию в первое время полностью запрещается, что создает разрыв с предшествующими социальными ролями, чувство потери своей роли и возводит барьер, отделяющий его от внешнего мира. После этого член организации обнаруживает, что для него потеряны определенные роли.

Широко используются специальные процедуры приема, такие, как изложение автобиографии, фотографирование, взвешивание, снятие отпечатков пальцев, присваивание номеров, обыск, составление списка личных вещей для хранения, раздевание, мытье, дезинфекция, стрижка волос, выдача принятой в организации одежды, инструктаж и распределение по комнатам.

«При вступлении в тотально репрессивную организацию человека обычно лишают его обычного внешнего облика, средств и возможностей его поддержания, поэтому он страдает от обезличивания». Изъятие средств поддержания внешнего вида не позволяет человеку сохранить свой образ перед собой и другими людьми. Его представление о самом себе подвергается атаке. Заданные средства выражения в конкретном цивилизованном обществе, определенные движения, позы и положения унижают личность и (272) их стремятся избегать как унизительных. Любое правило, команда или задание, заставляющие человека прибегать к такого рода движениям или позам, направлены на то, чтобы смирить его личность. В тотально репрессивных организациях таких способов физических унижений много. В психиатрических лечебницах, например, пациентов могут заставить есть всю пищу ложкой. В религиозных организациях известны такие покаянные действия, как целование ног и принятие униженной позы согрешившим монахом, чтобы он «пал ниц у дверей часовни и так распростершись и молча валялся в ногах у всех выходящих»[1].

Процесс организационного обезличения, по самооценке одного разведчика, выглядит так: «Я постепенно начал терять индивидуализм и даже само желание отличаться от других. Я становился человеком, который делает все, что ему говорят»[2].

Система управления, которая подавляет личность, является внутренне конфликтной. Личностное начало, не имея возможности проявиться в существующих организационных и социальных условиях, находит извращенные формы для своего выхода. Это обстоятельство заметил еще русский мыслитель XIX в. К.Д. Кавелин: «В обществе, построенном на крепостном начале, личность могла заявить себя не иначе, как с большою ненавистью к порядку дел, который ее давил, со всею необузданностью и гневом угнетенной силы, рвущейся на простор»[3]. Это в какой-то степени объясняет и русский бунт — «бессмысленный и беспощадный».

Фактически любая, формально не тотальная, организация может оказывать необратимое влияние на человеческую личность. Достаточно вспомнить концепцию

---

[1] Голдстейн М., Голстейн И. Как мы познаем. — М., 1984. — С. 173-177.

[2] Чертопруд С. Наградить и забыть. Незавидная доля советского «суперагента» // Литературная газета. — 2002. — № 28.

[3] Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. — М., 1989. — С. 163.

социального характера Э. Фромма, чтобы согласиться с тем, что признаки тотальных организаций свойственны не только исправительным учреждениям и психиатрическим лечебницам. Более того, индивиды, которые связали свою жизнь с одной организацией, одним-единственным видом деятельности, не имея интереса за ее пределами, фактически включили себя в «личную тотальную» организацию, обретя психологию «человека организационного».

А теперь рассмотрим пример системы управления, которая размещается на высоком уровне шкалы личностности. Это стиль управления, описанный Р. Блейком и Дж. Мутон, как гармонически сочетающий заботу о производстве и заботу о людях. Важная характеристика данной системы управления — коллективность: все участвуют в выработке целей, создается коллективное стремление к достижению оптимальных результатов деятельности, коллективное (273) разрешение конфликтов. Царит атмосфера уважения и доверия друг к другу. Всем сотрудникам присуща инициатива. Никто из членов коллектива не скажет: «Это не моя проблема, пусть ею занимается кто-то другой».

Если перед организацией встает проблема, нуждающаяся в разрешении, то к ней приковывается все внимание. Сотрудники с энтузиазмом стремятся добраться до сути, узнать больше об этой проблеме. Осуществляется свободный и содержательный обмен мнениями между сотрудниками и руководителем. В этом общении ключевыми ценностями являются истина, понимание и согласие. Без понимания возможно только бездумное подчинение и соглашательство. Полноценной является только работа, основанная на понимании и согласии.

В обстановке коллективной работы с информацией управленческие решения становятся очевидными, никто не считает, что они принадлежат только лидеру. Для принятия решений приглашаются люди, которые располагают необходимой информацией. В одном случае это будут два человека, в другом — три, в третьем — большинство или все члены коллектива. Процесс принятия решения базируется на понимании и согласии всех. Если проблема требует участия только одного человека, то ему предоставляется возможность решать проблему самостоятельно, а затем известить всех членов коллектива о влиянии решения на их обязанности. Эффективная работа одного человека становится вкладом в работу коллектива и позволяет избежать дублирования усилий. Это означает делегирование ответственности.

Такие порядки способствуют развитию личности, позволяют проявиться способностям каждого члена коллектива. Руководитель помогает сотрудникам приобрести опыт, который увеличивает их автономность. Люди, зная цель организации и реальное положение дел, могут больше полагаться на самоконтроль и самоуправление. При эффективном руководстве они могут сплотить свои усилия на основе взаимозависимости. Сотрудники оцениваются руководителями как надежные и способные постоять за интересы корпорации[1].

Подобный личностный климат был свойствен коллективам, которые создавал в 20-е гг. XX в. А. С. Макаренко.

Достижениями личностно ориентированных концепций управления явились: «доктрина человеческих отношений», концепции «сетки менеджмента», стилей управления, теории управленческого мышления, организаторских способностей и ряд других. Важным источником ресурсов для движения к личности стало управленческо-психологическое консультирование. (274)

Можно определить признаки того, что организация и ее система управления обладают личностными атрибутами и то, каким образом организация и система

[1] См.: Блейк Р., Мутон Дж.С. Научные методы управления. — Киев, 1992. — С. 56 - 80.

управления может обрести личностные атрибуты.

Личностный дух организации, а значит, и ее эффективность зависят от того, на основе какого подхода — структурного или личностного — решаются основные вопросы управления. Важную роль играет адекватность теории личности, которая фактически принята в данной организации и стала достоянием ее культуры. Личностная культура организации базируется на концепции человека - партнера, коллеги. Структурные культуры строятся на основе концепций «человеческих ресурсов» или «рабочей силы».

Восхождение организации к личностному уровню начинается с личностного определения управления. Примером может служить подход М.П.Фоллет, которая выдвинула идею «совместной власти» вместо «доминирующей власти», подчеркивая, что не разделение власти и ее «делегирование», а интегрирование деятельности всех звеньев организации обеспечивает максимальную эффективность. Последовательно проведенное личностное определение управления означает, что сотрудники организации не отчуждаются от принятия важных решений, что существуют процедуры и механизмы вовлечения людей в подготовку и разработку идей и планов их собственных действий.

Пример другого — не личностного — определения можно найти в любом учебнике менеджмента, где управление отождествляется с умением «добиваться определенных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения других людей[1].

Личностная культура организации предполагает, что в ходе укрепления власти, завоевания авторитета не допускается развитие зависимости подчиненных от начальника, потому что зависимость разрушительна для обеих сторон. Добиться этого не просто, ведь «преклонение и зависимость так глубоко въелись в сознание некоторых людей, что они полностью отказываются от личного авторитета в пользу другого человека»[2]. Руководители ценят в подчиненных умение полагаться на собственные силы. Отношения сотрудников выстраиваются по критериям интерперсонального равновесия. Так как все люди разные, имеют отличные друг от друга потребности и способности, играют разные роли и занимают неодинаковые позиции в организации и ее подразделениях, то уравновешенность в их деловых и личных отношениях достигается сначала соблюдением общечеловеческих норм нравственности. Затем в дело вступают чувства взаимной симпатии и профессиональный (**275**) авторитет и, наконец, отношения поднимаются на действительно личностный уровень, когда люди воспринимают друг друга как личность.

Личностные организации ценят индивидуальность, способствуют личностному росту сотрудников. Безличностные организации нивелируют людей, сводя всех к одному из «видов производственных ресурсов». Всякое управление, основой которого является принуждение, не бывает личностным, подобно тому, как не может быть личностным управление рабами или управление в сектах, порабощающих личность. Не является вполне личностным и управление неквалифицированными работниками, которые не в состоянии самостоятельно принять решение и поэтому находятся в полной зависимости от того, что скажет руководитель. Подобная ситуация не всегда является следствием исходной некомпетентности сотрудников. Достаточно распространена управленческая догма, согласно которой сотрудники не должны быть компетентными во всем, что касается организации в целом. Для того чтобы они не знали «слишком много», их информирование строго дозируется.

Личностные организации ценят человеческую личность и тем, что достойно

---

[1] Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. — М., 1994. — С. 5.
[2] Энтони Р. Секреты уверенности в себе. — М., 1994. — С. 174—176.

оплачивают труд своих членов; несправедливая оплата труда безоговорочно исключает организацию из категории личностных.

Личностный характер организации предполагает, что ее сотрудники связаны нормальными межличностными отношениями. Если же сотрудники живут и работают «каждый сам по себе» или между ними существует какая-либо дискриминация, то важные личностные признаки организации отсутствуют. Как писал польский социальный психолог Стефан Балей, «там, где есть касты и классы, там нет личностей»[1].

В качестве важнейших характеристик «здоровых личностных отношений» отмечаются следующие.

1. Общаясь, два человека посредством самораскрытия вступают друг с другом в аутентичную коммуникацию.

2. Их требования друг к другу реалистичны, взаимно согласованы.

3. Они активно уважают, поддерживают стремление к росту и счастью друг друга.

4. Каждый человек оберегает свободу другого быть собой и не пытается его контролировать[2].

Важный способ обеспечения личностного характера организации — достижение интерперсонального равновесия, уравновешенности (**276**) межличностных отношений между сотрудниками, в том числе между руководителями и подчиненными. Интерперсональное равновесие может иметь место на нескольких уровнях.

Одним из них является когнитивно-информационный уровень. Равновесие на этом уровне определяется теми информационными запасами, которыми располагают и оперируют люди, связанные определенными отношениями. Если одни люди сосредоточивают информацию, лишая других важных данных, то отношения являются неуравновешенными.

На втором — поведенческом — уровне межличностное равновесие достигается тем, что люди, обладающие более высоким социальным статусом, ведут себя с носителями менее высокого статуса как с равными, без чванства и высокомерия, а те, в свою очередь, обращаются с ними без чувства униженности и подобострастия.

На следующем уровне равновесие в отношениях сотрудников имеет эмоционально-оценочные параметры. Это значит, что партнеры психологически совместимы, признают автономию друг друга и взаимно оцениваются положительно.

На самом высоком, собственно личностном, уровне равновесие затрагивает личности и социальные роли: партнеры имеют сходные социальные, мировоззренческие и организационные установки, близки по уровню образования и социального положения; они относятся друг к другу по-товарищески, по-партнерски.

Быстро уравновесить отношения можно только путем коррекции поведения: партнеры в большинстве случаев могут общаться вежливо, даже благожелательно. Но равновесие на поведенческом уровне бывает внешним, а то и мнимым. Равновесие на более высоких уровнях требует продолжительного времени, взаимной адаптации партнеров, развития коллективистского духа.

Выравнивание отношений достигается: внедрением в культуру организации высоких этических стандартов; соблюдением критерия психологической совместимости при комплектовании и обновлении состава подразделений; проведением умелой конфликтологической политики в организации, исключением соперничества из повседневных отношений сотрудников.

---

[1] Balej S. Wprowadzenie do psychologii spolecznej. — Warszawa, 1964. — Wyd. 3. — S. 41.

[2] Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. — М., 1982. — С. 20.

Г. Саймон выделял четыре фактора, имеющих важное значение для преодоления отчуждения: 1) уважение индивидуума к ценностям организации; 2) способность организации удовлетворять его потребности, связанные с работой; 3) возможность устанавливать постоянное взаимодействие между всеми индивидуумами, работающими в организации; 4) способность сводить до минимума жесткое соперничество между членами организации[1]. (277)

Системы управления и организации, в которых отношения людей определены юридически, являются более личностными, чем те, где отношения носят неофициальный характер. Но если люди по тем или иным причинам не могут воспользоваться своими законными правами, добиться соблюдения контракта, то система управления является фактически безличностной.

Важным критерием личностного характера системы управления служит статус подчиненного: если он личность, то система управления личностна. Производным критерием являются отношения между руководителями и подчиненными, а также между всеми сотрудниками организации: если они действительно межличностные, то система управления является личностной.

Определенным образом влияет на достижение организацией личностного уровня содержание деятельности. Чем более сложна деятельность, чем больше она зависит от ума и сердца каждого отдельного человека, тем больше создается предпосылок для того, чтобы организация была личностной.

Наиболее перспективный путь восхождения организации на личностный уровень функционирования — это вовлечение сотрудников в управление. Для этого нужны два условия: во-первых, надлежащая подготовка, позволяющая им принимать компетентные решения по возможно более широкому кругу вопросов; во- вторых, предоставление им права участвовать в принятии важных решений. Одной из основных причин низкой эффективности советской экономики было то, что широкие крути трудящихся были исключены из процесса подготовки и принятия решений. Пропаганда, нацеленная на формирование «чувства хозяина», не подкреплялась реальными правами рядовых сотрудников.

4.4. Личность: власть и подчинение

4.4.1. Человек власти

Множество людей пытаются реализовать себя в области управления (экономического, политического, общественного), и значительная их часть достигает этой цели. Что это за люди? Почему они не предпочитают заниматься индивидуальными формами деятельности, например? Благодаря чему они добиваются властных позиций? Какую роль играют при этом их личностные качества? Кому не следует заниматься управлением? Что происходит, с личностью в ходе управленческой деятельности?

Как видно, множество проблем нельзя решить, не опираясь на теорию личности руководителя. Правда, познание личности руководителя связано со значительными трудностями. По этой причине (278) все известные теории, освещающие эти проблемы, нельзя назвать вполне успешными. Отражением теоретических сложностей в познании личности явились теории «ситуационизма», противостоящие личностным теориям.

Принято считать, что на неудачи теорий личности руководителя обратили внимание в конце 1940-х гг. В это время Р. Стогдилл установил низкую степень

[1] Флекснер К. Ф. Просвещенное общество: Экономика с человеческим лицом. — М., 1994. - С. 183.

согласия между описаниями личности руководителя, которые дают разные авторы: всего 15%! Обобщив большое число работ, Р. Стогдилл, в свою очередь, выделил десять главных менеджерских качеств, а именно: доминантность, уверенность в себе, эмоциональная стабильность, стрессоустойчивость, креативность, стремление к достижениям, предприимчивость, ответственность, надежность в выполнении заданий, независимость и общительность.

В дальнейшем научный поиск черт, объясняющих разницу между теми, кто может стать эффективным лидером, а кто нет, был заброшен. Наивная попытка свести воедино разные представления о личности руководителя оказалась неудачной, после чего был сделан вывод о том, что личностный подход в теории управления безнадежно устарел. Психологи утратили веру в возможность дать ответ на вопрос об особенностях личности руководителя. Материалы на эту тему приобрели поверхностный характер. Чаще всего они представляют собой обобщение того, что думают о личности руководителя сами руководители. Так, например, одно из описаний личности японского менеджера составлено «по мнению президентов 41 крупной компании обрабатывающей промышленности»[1], как будто они являются выдающимися персонологами. Еще одна модель построена по результатам интервью 733 американских мультимиллионеров. Когда их попросили оценить факторы (из тридцати предложенных), которые обеспечили им успех, то в числе первых пяти были названы: 1) честность перед всеми; 2) дисциплина; 3) умение ладить с людьми; 4) поддержка супруга/супруги; 5) высокая трудоспособность. Интеллектуальные способности, или IQ, оказались на 21-м месте и были упомянуты только 20% миллионеров. Это число уменьшилось, когда из анализа исключили врачей и адвокатов[2].

Теорию лидерских черт критикуют за биологизаторство, заявляя, что в этой теории в качестве основы лидерства рассматриваются врожденные и даже наследуемые преимущества одних людей перед другими. Утверждается, что человек становится руководителем исключительно благодаря своим личным свойствам.

Эти замечания нетрудно опровергнуть. (**279**)

Разнобой в описаниях личностных качеств руководителей объясняется тем, что согласно принципу эквифинальности (принцип, допускающий возможности разновариантных решений) нет «царской дороги» к эффективному управлению. Люди, обладающие разными интеллектуальными, коммуникативными, волевыми и другими качествами, при определенных условиях могут быть лидерами и эффективными руководителями.

Дело не в том, что таких качеств, которые принято называть лидерскими, не существует. Они, безусловно, есть, но их много и они многообразны. Руководитель в разных группах и на разных этапах их развития личных качеств должен реализовать много функций. Д.Креч, Р.С.Крачфилд и Э.Л.Балачи[3] выделили 14 лидерских функций, или ролей:

1) координатор деятельности группы;
2) определяющий цели и политику группы;
3) планирующий способы и средства достижения групповой цели;
4) эксперт;
5) представитель группы вовне;
6) контролер внутригрупповых отношений;

---

[1] Коно Тоёхиро. Стратегия и структура японских предприятий. — М., 1987.
[2] Стайн С., Бук Г. Преимущества EQ: Эмоциональная культура и ваш успех. — М., 2000. - С. 12.
[3] Krech D., Crutchfield R. S., Ballachey E. L. Individual in society. — N. Y., 1962.

7) раздающий награды и наказания;

8) арбитр и посредник;

9) пример поведения для других;

10) символ группы;

11) освобождающий других от ответственности, поскольку сам принимает решения;

12) идеолог группы;

13) «отец», с которым члены группы эмоционально связаны, идентифицируются с ним;

14) «козел отпущения».

В этом переплетении ролей каждый руководитель выбирает свой путь к успеху. Надежнее всего не ориентироваться на некий нормативный образец лидера, а развивать собственные качества, опираться на себя, полнее осознавать свой стиль управления, с тем чтобы с наибольшей отдачей использовать уникальные внутренние ресурсы.

Психологи, провозгласившие «власть ситуации» в области управления, поставили задачу понять, почему отсутствует значимая связь между личностными свойствами человека и эффективностью лидерства.

Необходимость этой задачи очевидна. Личностные характеристики являются вполне надежными данными для предсказания поведения человека в предметно-деятельностной среде (естествоиспытатель, мастеровой, инженер и т.д.). Но как только человек оказывается в социальной (коммуникативной, межличностной) ситуации, знания об его личностных качествах могут оказаться малоэффективными, чтобы предсказать будущее поведение. В дело вступает механизм межличностных взаимодействий. Влияние людей на поведение человека более значительно и неопределенно, чем влияние факторов предметной (безличностной) ситуации.

Э. Аронсон пишет, что человеку «обычно доступен широкий спектр различных видов поведения. Некоторые из его социальных ролей как бы вытягивают поведение из одной части спектра, а (**280**) другие социальные роли вытягивают поведение из иной части спектра»[1]. Кроме того, способность предсказывать поведение наблюдаемого лица находится под влиянием таких социально-психологических механизмов, как «фундаментальная ошибка атрибуции, тенденциозность деятеля - наблюдателя и тенденциозность в познании себя»[2].

Поэтому прав тот, кто рассматривает личность руководителя в тесной связи с особенностями людей, ему подчиненных: «Истинные лидеры определяются самой группой, и такие лидеры всегда воспринимают свою работу во взаимосвязи со всеми остальными членами коллектива»[3].

Распространенность и популярность ситуативных теорий управления не должны создавать впечатление, что личностные теории отошли на второй план. Множество теоретических и практических вопросов в организациях решается с опорой на явную или скрытую (имплицитную) теорию личности. Практика психологического отбора, в том числе получившие значительное распространение «центры оценки», непосредственно базируется на той или иной персонологической теории.

Согласно личностной теории управления (лидерства), распределение власти осуществляется по принципу элитарности: руководителями становятся либо «лучшие», либо «более сильные» в широком смысле слова. Именно им люди вручают власть тогда, когда могут это делать свободно и обдуманно, в условиях конкуренции. Правда,

---

[1] Аронсон Э. Общественное животное. — М., 1998. — С. 177.

[2] Там же. — С. 176.

[3] Фарсон Р. Менеджмент абсурда: Парадоксы лидерства. — Киев, 2001. — С. 200.

как ни странно, наиболее очевидно действует этот принцип в сообществах животных. Вожак стаи (доминантное животное) действительно является самым сильным, потому что он побеждает других претендентов в лидерских боях. Поскольку здесь нет ли классовых, ни политических интересов, ни «административного ресурса», ни иных оснований для группировки, то каждый ведет борьбу за доминантное положение, используя только свои личные силы.

В человеческих системах управления вопрос о том, что значит «быть лучшим», решается сложнее. Тем не менее традиционный взгляд на личность руководителя — элитарный. Сошлемся на два древних суждения, приводимые М.Монтенем: «Кир говорил, что повелевать может только такой человек, который лучше тех, кем он повелевает»[1]; «Царь должен иметь возможность ответить так, как Ификрат ответил оратору, который бранил его в своей речи: “А ты кто такой, чтобы так храбриться? Воин? Стрелок из лука? Копьеносец? — Я ни то, ни другое, ни третье, но я тот, кто умеет над всеми начальствовать”»[2]. Следовательно, быть «лучшим», значит (**281**) быть способным к управлению различными видами деятельности в отличие от частных или специальных видов деятельности. Управление носит не предметно-преобразовательный, а социальный, межличностный характер, заключаясь в упорядочении деятельности других людей.

Обратимся к вопросу об управленческих качествах личности в его старой — прямой — постановке. В истории человеческой культуры накоплено множество суждений о том, кто такой руководитель, какие качества ему присущи. Предложено немало идей и гипотез, которые должны объяснить, почему одни люди устойчиво управляют другими.

Некогда определенный успех имела «формула Наполеона»: руководитель «должен иметь столько же характера, сколько и ума». Если характер «перевешивает» ум, то человек будет действовать решительно и мужественно, но неразумно; при преобладании ума будут хорошие идеи и планы, но не будет воли для того, чтобы осуществить их.

Эта формула кажется убедительной. Но она слишком общая: каждому человеку полезно быть такого рода «квадратом». Требования Наполеона не специфичны для руководителя.

Встречается немало указаний на то, что руководитель должен быть психологом. Б.Г. Ананьев[3], П.П. Блонский, С.Л. Рубинштейн[4], Б.М.Теплов[5] и другие русские психологи указывали именно на это. Это требование адекватно, но точно так же можно утверждать, что руководитель должен быть бухгалтером, финансистом, политиком, экономистом и т.д., что не совсем реально.

Предпринимались попытки объяснить особенности личности руководителя при помощи инстинкта власти, который выражен у некоторых людей сильнее, чем у остальных. Допускал возможность данного инстинкта М. Вебер, который различал

---

[1] Монтень М. Опыты: в 3 кн. Книги первая и вторая. — М., 1980. — С. 332.

[2] Там же. — С. 319.

[3] «Особенно важно хотя бы элементарное психологическое образование для работника, руководящего деятельностью других людей» (Ананьев Б.Г. Очерки психологии. — Л., 1945. — С. 5).

[4] «Понимание и учет индивидуальных особенностей имеет огромное значение в практической жизни; без них невозможна правильная расстановка людей и рациональное их использование. Лишь при знании и учете индивидуальных особенностей каждого человека можно обеспечить всем людям наиболее полное развитие и применение всех их творческих возможностей и сил» (Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1946. — С. 620).

[5] «Очень велико значение психологии, для всякой работы, связанной с воздействием на людей и требующей умения учитывать их психические состояния и понимать их индивидуальные особенности» (Теплое Б.М. Психология. — М., 1948. - С. 10).

«три вида оснований власти»: «традиционное» господство, авторитет личного дара (харизма) и господство, опирающееся на веру в обязательность легального установления и деловой «компетентности». Особый интерес М. Вебера привлекало «господство, основанное (282) на преданности тех, кто подчиняется чисто личной "харизме" «вождя». Преданность харизме пророка, или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников[1].

Немецкий педагог А.Дистервег находил, что есть определенная духовная сила человека, которая делает его руководителем. Эта сила заключается главным образом в твердости воли и проявляется в умении возбуждать силы и укреплять характер других людей. Эта сила может иметь разнообразные жизненные проявления. «Подобно тому как твердая, сильная воля делает солдата героем, ученого исследователем, приводит путешественника к открытиям, так сила воли делает учителя человеком, пробуждающим жизнь, формирующим человеческий дух. Храбрый солдат при наличии этого условия мог бы сделаться укрепляющим духовные силы учителем, последний при иных обстоятельствах — героем войны. В обоих случаях мы видим одну и ту же силу характера, проявленную в различных условиях и жизненных обстоятельствах. Всякая духовная сила вызывает и в других те же самые явления. Когда такая решительная, сильная воля воздействует на юную душу, последняя возбуждается и оживляется до самой глубины»[2].

Интересные соображения о личности вождя сформулировал Н.К.Михайловский. В своей знаменитой работе «Герои и толпа» он писал: «"Героем" мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Великие люди не с неба сваливаются на землю, а с земли растут к небесам. Их создает та же среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания». Задача, следовательно, состоит в изучении механики отношений между толпою и тем человеком, которого она признает великим. «Поэтому заведомый злодей, глупец, ничтожество, полоумный для нас так же важны в пределах поставленной задачи, как и всемирный гений или ангел во плоти, если за ними шла толпа, если она им искренно, а не по внешним побуждениям повиновалась, если она им подражала и молилась. «Что такое собственно великий человек? Полубог с одной точки зрения, он может оказаться мизинцем левой ноги с другой. Это и в истории случалось, что великий человек для одних был полным ничтожеством в глазах других»[3]. (283)

Ответ на некоторые вопросы о личности руководителя можно найти в теории А.Адлера. Основатель «индивидуальной психологии» проводил мысль о том, что человек обладает стремлением к превосходству (совершенству), которое часто принимает форму «воли к власти». Он писал: «Стремление к личной власти представляет собой форму конкретизации стремления к совершенству. И ее искушение особенно сильно в нашей культуре»[4].

«Стремлению к власти, очевидно, придается особое значение; в нашей цивилизации эта цель подразумевает общественное признание и положение. Так как

---

[1] См.: Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 646—647.
[2] Дистервег А. Избранные педагогические сочинения. — М., 1956. — С. 326.
[3] Михайловский Н. К. Собр. соч.: в 12 т. — СПб., 1896. — Т. 2. — С. 95 — 98.
[4] Адлер А. Наука жить. — Киев, 1994. — С. 235—240.

жить среди людей — значит непрерывно оценивать себя, это порождает желание главенствовать и надежду на успех в соревновании. В детских фантазиях почти всегда встречаются ситуации, в которых ребенок над кем-то властвует. Благодаря врожденному социальному чувству люди подчиняются влиянию друг друга в той или иной степени по доброй воле.

Будучи слабым, ребенок чувствует свою неполноценность и находится в ситуации, которую с трудом может вынести. Однако в нем заложено стремление развиваться в направлении, определенном целью, которую он для себя выбирает. Ребенок ищет самую сильную личность в своем окружении и делает ее своим образцом, а подражание ей — целью. Чувство неполноценности и стремление к превосходству универсальны. Человек всегда стремится найти ситуацию, в которой он превосходит всех. Так, дети с развитым чувством неполноценности намеренно избегают более сильных детей, и играют с теми, кто слабее их, кто позволяет управлять собой и подавлять себя»[1].

Глубокие исследования личности руководителя проводил Л. И.Уманский. В 60-е гг. XX в. он осуществил в Курске серию хорошо подготовленных экспериментов, позволивших более четко представить организаторские способности лидера. Исследовались такие качества, как психологическая избирательность, практический психологический ум, психологический такт, общественная энергичность, требовательность, критичность, склонность к организаторской деятельности, а также способности к целеполаганию, прогнозированию, планированию, принятию управленческих решений. К числу организаторских были отнесены способности: коммуникативные, мотивирующие, контролирующие[2]. И сегодня, спустя почти полвека этот перечень производит внушительное впечатление.

Попытки построения модели личности руководителя продолжаются. Часто они завершаются составлением списка качеств «хорошего руководителя». Как правило, эти списки являются воплощением (**284**) нормативного подхода: личность конкретного человека «должна» соответствовать тому или иному перечню свойств «хорошего руководителя».

Вот обширный перечень качеств хорошего руководителя, составленный по результатам зарубежных исследований[3]. Хороший руководитель:

1) обладает высокой сопротивляемостью к фрустрации, хладнокровен;

2) умеет общаться с людьми;

3) поощряет участие членов коллектива в обсуждении проблем, способен отказаться от своей точки зрения, если докажут, что она не оптимальна;

4) обсуждает свои качества, принимает замечания, но при этом сохраняет уверенность в себе;

5) выдержанно принимает и победы и поражения;

6) может выйти проигравшим без чувства поражения и приняться за новые проблемы;

7) способен удерживать высокий уровень усилий, энергичен;

8) компетентен в специфических проблемах управления;

9) умеет ясно, точно, коротко выразить мысли словами;

10) способен наслаждаться организацией и управлением, любит хорошо поставить дело;

11) способен вызвать к себе расположение;

---

[1] Адлер А. Понять природу человека. — СПб., 1997. — С. 54—58.

[2] Уманский Л. И. Организаторские способности и их развитие. — Курск, 1967.

[3] См.: Ксенчук Е.В., Киянова М. К. Технология успеха. — М., 1993. — С. 12—13.

12) способен видеть изменения, происходящие как внутри организации, так и вне ее;

13) готов начать процессы изменения, управлять ими и использовать в интересах организации;

14) способен нести ответственность за порученное задание;

15) умеет продуктивно использовать свое время.

Этот перечень может быть сокращен путем объединения однородных качеств и исключения неспецифических для управленца. Хладнокровие, высокая сопротивляемость к фрустрации, способность выдержанно принимать и победы и поражения, умение выйти проигравшим без чувства поражения и приняться за новые проблемы — все это разные описания одной и той же черты личности, которая к тому же не является специфической для руководителя; она полезна и для ученого, и для строителя, и для дворника, упорно ведущего борьбу с последствиями непогоды.

Компетентность в специальных проблемах управления, способность наслаждаться организацией и управлением, вызвать к себе расположение, видеть изменения, происходящие как внутри организации, так и вне ее, и готовность начать процессы изменения, управлять ими й использовать в интересах организации — это ценное ядро списка. (**285**)

Многие другие списки еще дальше от адекватного описания личности руководителя. Всем им свойственны: эмпиризм, управленческая неспецифичность, бессистемность, недифференцированность, не позволяющая отличить одно качество от другого.

Среди теоретиков менеджмента, проявляющих интерес к личности руководителя, выделяется фигура Питера Друкера. Он решает проблему эффективного менеджера на поведенческом уровне: эффективным менеджером является тот, кто действует эффективно. Это созвучно идеям Фредерика Тейлора о том, что «эффективных личностей» не существует.

Согласно профессору Йельского университета Крису Арджирису, «успешный» управляющий обладает десятью качествами, среди которых «умение переносить трудности», «умение разбираться в законах конкурентной борьбы» и «способность отождествлять себя с группами». Однако если бы только эти качества определяли личность управляющего, можно было бы попасть в беду. Ведь совсем немногим людям они свойственны от рождения. И, что еще хуже, практически никто не знает, как их в себе воспитать. К счастью, существует множество высокоэффективных и удачных управляющих, которые часто не обладают ни одним из предписанных Арджирисом качеств. Известно немало работников управления, которые, хотя и отвечают многим перечисленным требованиям, являются на редкость неэффективными.

Во всем остальном рассуждения П. Друкера тавтологичны: «эффективных руководителей объединяет одно важное свойство — их умение добиваться положительного результата во всем, за что бы они ни брались».

Следовательно, П.Друкер не принимает личностную концепцию менеджмента, потому что никакие находки психологов не влияют на эффективность управления. Но взамен он предлагает «пять основных элементов для повышения эффективности труда работника управления», которые, в свою очередь, сильно напоминают свою, авторскую концепцию личности менеджера.

П.Друкер пишет: эффективные управляющие должны:

1) знать, на что они расходуют свое время;

2) концентрироваться на достижениях, выходящих за рамки своих организаций;

3) строить свою деятельность на преимущественных, сильных качествах, как

собственных, так и руководителей, коллег и подчиненных, а также обязаны отыскивать положительные моменты в конкретных ситуациях;

4) концентрировать свое внимание на нескольких важнейших участках, в которых исполнение поставленных заданий принесет наиболее ощутимые результаты. Они должны научиться устанавливать приоритетные направления работ и не отклоняться в их выполнении; (**286**)

5) принимать эффективные решения. Это прежде всего вопрос системности, т. е. процесс выполнения задания должен проходить в заранее запланированной последовательности.

«Известные мне должностные лица, которые не придерживаются этой общей методики, проигрывают в эффективности, какими бы личными качествами и знаниями они ни обладали».

Об этой «тейлоровско-друкеровской» линии можно сказать словами автора одной популярной книги о личности менеджера: «Мы чувствуем, что одних только методов руководства недостаточно, они не позволяют нам стать эффективным руководителем»[1].

Вопрос о личностных качествах руководителя становится более понятным, если принять во внимание их социальность. Когда человеческие свойства рассматриваются в социальной ситуации (человек—человек) в отличие от предметной (человек—предмет), их объективные показатели отходят на второй план. Качества личности обретают свою значимость и определенность во взаимодействии с качествами других людей. Подобно тому, как один человек является более сильным или быстрым в сравнении с другими, так и реальный лидер превосходит других претендентов на власть своим лидерским потенциалом. Конечно, ясная картина «честного лидерского соперничества» обычно затемняется сложностью человеческих отношений, политическим коварством, партийностью, безнравственностью, экономическим фактором, системой делегирования полномочий, законами собственности и другими обстоятельствами. Тем не менее общая тенденция сохраняется: первичным, демократическим и базовым процессом является «естественный отбор» лидерских качеств. Компании и другие организации, которые хотят победить в конкуренции, подбирают руководителей, которых они считают лучшими.

Личностные качества руководителя проявляются не автоматически, а во взаимодействии с личностями его подчиненных. «Посадите Наполеона в тюрьму на безлюдном острове, лишите его людей, на коих он мог бы проявить свои способности, лишите его Альп, которые он мог бы преодолеть, лишите его возможности делать ставки в своей игре — и он зачахнет от безделья и будет казаться пустым и глупым», — говорил Р.У. Эмерсон[2].

Руководитель не имеет других черт, кроме тех, которые воспринимаются его подчиненными и другими людьми, с которыми он взаимодействует. Огромную роль играет то, как люди воспринимают и оценивают своего потенциального руководителя. Лидером становится не тот, кто обладает лидерскими качествами, а (**287**) тот, чьи качества признаны лидерскими. Лидер — это член группы, которая признает его право принимать групповые решения и готова эти решения выполнять. При этом, естественно, предполагается какое-то умение принимать социальные решения и совокупная способность группы эти качества оценивать. Не исключается, впрочем, что это умение может имитироваться волевой манерой поведения: апломбом, бескомпромиссностью, которые сопутствуют объявлению посредственных и даже

---

[1] См.: Уэллс С. Босс многоликий: найди стиль своего руководства. — СПб., 2002. - С. 13.

[2] Эмерсон Р. Эссе. Торо Г. Уолден, или жизнь в лесу. Сб. трудов: пер. с англ. — М., 1986. - С. 129.

ошибочных решений. Тайна массового признания тех или иных людей в качестве лидеров далека еще от своего раскрытия, но общая тенденция лидерской конкуренции пробивает себе дорогу.

Лидерские качества определяются просто: это те личностные черты, благодаря которым один человек может побудить других сделать все, на что они способны, для достижения определенных целей[1]. Это умение оказывать влияние на отдельных людей и на группы, направлять их усилия на достижение целей организации. Все дело в том, на какой психологической основе образуется это умение.

Исходным пунктом для анализа специфических свойств руководителя служит идея о социальном масштабе личности. Это обобщенный параметр, который отражает действенную предрасположенность индивида к делам, превосходящим возможности одного человека. По мнению Д.С. Лихачева, «главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах»[2]. С этой точки зрения людей можно разместить на условной шкале, один полюс которой означает предельный деловой индивидуализм — склонность делать то, что можно сделать исключительно своими руками или головой без значимого контакта (взаимодействия) с другими людьми, а противоположный полюс — тенденцию выхода за пределы индивидуальных возможностей и вовлечения в свои планы других людей. Руководитель — это человек, которого не устраивает то, что можно сделать только своими руками без объединенных усилий множества людей.

Социальный масштаб личности потенциального руководителя определяется двумя базовыми параметрами: 1) готовностью взять на себя ответственность за коллективное дело, инициировать его и 2) умением привлечь к нему должное число людей.

Это двуединство проходит через всю управленческую деятельность. Основные личностные черты ориентируются двояко: предметно и социально, т.е. на дело и на людей. При этом, разумеется, (**288**) остается более или менее выраженной направленность на себя[3]. Ориентации руководителя на дело и на людей, согласно одной из психологических теорий управления[4], образуют пространство, в котором размещаются различные типы руководителей со своими стилями решения различных управленческих задач.

Готовность инициировать коллективное дело и взять на себя ответственность за его успех имеет свою психологическую основу. Ее суть состоит в том, что руководитель — это человек, который своими природой, способностями, „подготовкой и культурой тянется к социальным делам, более или менее четко осознавая свою социальную миссию. Значит, ему свойственна прежде всего зрелая управленческая мотивация. Он хочет обладать властью не ради славы, не подчиняясь властолюбию, не оттого, что больше ничем другим не может заняться или «так пожелали родители», не из-за своей агрессивности, не для того, чтобы кому-то мстить или доказывать свое превосходство, а потому, что трезво взвесил свои возможности или интуитивно чувствует свои склонности. Руководитель — это тот, «кто по зрелом размышлении взял на себя заботу об общем благе, как самое подходящее ему и благородное дело»[5].

Конечно, реальность отличается от этой теоретической картины. Среди лиц, занимающих управленческие должности, можно встретить людей с разными типами

---

[1] См.: Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. — М., 1992. — С. 489.
[2] Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. — М., 1988. — С. 29.
[3] Б. Басс предложил тест, который позволяет оценить тип ориентации личности: на себя, на других людей или на дело.
[4] Блейк Р.Р., Мутон Дж. С. Научные методы управления. — Киев, 1992.
[5] Плутарх. Наставления о государственных делах // Сочинения. — М., 1983. — С. 584.

мотивации, и это говорит не только о том, что отбор в этой области, как и во многих других, далек от совершенства.

Что же представляет собой структура зрелой управленческой мотивации?

Прежде всего это более или менее ясное осознание своих управленческих способностей, убежденность в том, что управление — это та сфера, где можно наиболее полно реализовать эти способности, осуществить свое предназначение. В этом смысле хорошо мотивированный руководитель — это человек, который как зрелая личность не желает «зарывать свой управленческий талант в землю». Общим психологическим условием осознания своих способностей является четкая Я-концепция личности, знание самого себя. Человек с размытой идентичностью, тот, кто не знает, что он собой представляет, что он может и чего хочет, едва ли будет носителем зрелой управленческой мотивации.

На определенном этапе жизни, когда встает вопрос о занятии управленческой позиции, люди в своем большинстве уже имели много возможностей убедиться в своем лидерском потенциале. Здесь ситуация такая же, как с изучением родного языка: ничто (**289**) не мешает ребенку (кроме отсутствия способностей) овладеть родным языком в полном объеме, а если этого не происходит, то стоит ли упрекать школьные уроки по языку и литературе? Если во власти оказываются люди управленчески бездарные, то одна из причин этого — незнание себя, недоверие опыту жизни, упрямая надежда на то, что можно овладеть управлением и без явных лидерских способностей. Под этой верой могут быть и некоторые основания — не у всех людей способности, в том числе и управленческие, раскрываются рано.

Уместно привести рассуждения из книги А. Безуглова и Ю. Кларова «В полосе отчуждения»: «Власть должна быть тяжким бременем, а не забавой. Будь на то моя воля, я бы к ней подпускал только тех, кто от нее обеими руками отпихивается. А если человек к власти как к лакомству тянется, его — на поводок. Знаешь, какой порядок на водочных заводах был? На работу только непьющих брали. А ведь власть хуже вина пьянит, и привыкают к ней побыстрей. С алкоголиками от власти я встречался, знаю. За один глоток власти человека задавят».

Осознание управленческих способностей будет недостаточным условием управленческой мотивации при наличии других — конкурирующих — способностей, трудно совместимых с управленческими[1].

Вторым, но уже неспецифическим, компонентом управленческой мотивации служит базовая просоциальная ориентация личности, противостоящая асоциальной и антисоциальной направленности. Асоциальность личности, по-видимому, исключает управленческую мотивацию, антисоциальность — служит психологической почвой для использования лидерского таланта во вред обществу, например в сфере организованной преступности.

Третьим компонентом мотивации руководителя является дух состязательности, стремление к первенству, желание быть лучшим в том деле, которым приходится заниматься, и связанные с этими мотивами честолюбие и славолюбие.

Четвертым компонентом управленческой мотивации выступает властолюбие — самый противоречивый и неоднозначный фактор. «Ориентированные на власть люди обычно обладают идеализированной Я-концепцией, они хотели бы выделяться во всем и расстраиваются всякий раз, когда их талантов оказывается недостаточно. Они пытаются господствовать над другими»[2].

Д. Мак-Клеланд, анализируя мотивационные профили предпринимателей,

---

[1] Один из героев Э. Хемингуэя говорит: «Может быть, мне не нужно было становиться рыбаком, но ведь я для этого родился».

[2] Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969. — С. 366.

которые занимают высшее положение в иерархии власти, установил: наилучших результатов достигают те из них, кто (290) имеет сильную мотивацию власти и слабо выраженную потребность в установлении эмоциональных отношений с окружающими.

Мотивационный профиль менеджеров, которые достигают умеренных результатов, совсем иной. Как правило, у них доминирует аффилиативная мотивация — стремление к общению, эмоциональным контактам с другими людьми. Они больше стремятся к установлению дружеских отношений, а не к применению власти. В то же время сама по себе реализация власти не доставляет им достаточного удовольствия. Такая мотивация снижает эффективность управления организацией. Власть иногда вынуждает отказаться от некоторых желаний, от слишком близких отношений с окружающими[1].

Правда, точка зрения Мак-Клеланда не является единственной. Х.Хекхаузен считает, что есть два вида властной мотивации: «инструментальная» и «внутренняя». Характерным примером инструментального действия власти является ее ролевое использование. От людей, занимающих руководящие позиции в социальных группах и организациях (семья, школа, фирма, армейская служба), ожидается, что они будут заботиться о соблюдении членами этих групп определенных норм поведения. Поэтому роль наделяет их источниками власти, дающими возможность корригировать отклоняющееся поведение. «Внутренняя» мотивация власти означает стремление к применению власти ради нее самой. В этом случае мотивирующим является не столько чувство власти, сколько желание сделать ее ощутимой для другого, оказать влияние на его поведение.

Общество вынуждено мириться с властолюбием людей, способных к управлению и реализующих эту способность с общественно полезными результатами. Возможно, наилучшим вариантом управленческой мотивации является рассматриваемая Х.Хекхаузеном констелляция трех мотивов: власти, достижения и аффилиации[2].

Управленческая мотивация упорядочивается в процессе выбора и прояснения личной системы ценностей, определения того, что важно, а что нет. По мнению М. Вудкока и Д. Френсиса, эффективный менеджер имеет четкую систему ценностей. Он установил свое отношение к власти; принял идею равенства людей независимо от национальности, пола, возраста и необходимости учета их особенностей, обусловленных этими демографическими параметрами; выработал уважительное отношение к мнению специалистов и экспертов. Эффективный менеджер ответил на вопрос об отношении к риску; решил для себя, на какие жертвы можно идти ради достижения высокого результата и какой результат (291) следует считать удовлетворительным; уяснил, каким принципом руководствоваться, реализуя свое право поощрять и наказывать; сформировал установку по отношению к законам; имеет точку зрения на проблему привлечения к управлению подчиненных. Он понял, чем можно заинтересовать сотрудников; осознал, как управленческая деятельность должна соотноситься с семейными ценностями, какое место занимать в жизни и какое удовлетворение она может приносить.

М. Вудкок и Д. Френсис предупреждают: «Руководитель, которому не ясны его ценности, не имеет твердой базы для действий, и он склонен к принятию спонтанных и сиюминутных решений. Поэтому целесообразно иметь тот или иной ответ на каждый вопрос о вышеназванных ценностях, даже если по мере накопления опыта эти ответы будут меняться»[3].

---

[1] Занюк С. Психология мотивации. — Киев, 2001. — С. 212.
[2] См.: Там же. — С. 330.
[3] Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощенный менеджер. — М., 1991. — С. 67—68.

Вторым базовым качеством личности руководителя по М. Вудкоку и Д.Френсису является сила интеллекта: умение решать групповые задачи, т.е. способность охватить мысленно всю совокупность вопросов, связанных с жизнью и деятельностью организации или ее подразделения. О широте этого круга вопросов говорит одно из символических правил американского менеджмента — правило «7М». Согласно этому правилу, руководитель должен обладать способностями, позволяющими ему управлять процессами в семи сферах:

1) люди,
2) методы,
3) деньги,
4) машины,
5) материалы,
6) сбыт, маркетинг,
7) менеджмент.

«Мой гений состоял в том, — заявлял Наполеон, — что одним быстрым взглядом я охватывал все трудности дела, но в то же время и все ресурсы для преодоления этих трудностей; этому обязано мое превосходство над другими». Сила управленческого интеллекта обусловливается его системностью, умением выявлять и осознавать связи между элементами управляемого дела. Японские менеджеры считают, что «концептуальные способности и личностные качества имеют для менеджеров большее значение, чем техническая квалификация. Концептуальные способности — это способность чувствовать связи между организацией и средой и видеть систему организации как единое целое. Широта взглядов — это противоположность узкого, специализированного видения. От руководителя требуется умение видеть главные направления, которые создают благоприятные возможности или, напротив, угрозу для организации. Один президент заявил, что руководители должны видеть связь между организацией и обществом и думать о том, что можно сделать для общества. Высшее руководство должно уметь распознавать действительные нужды потребителя[1]. (**292**)

Интеллект руководителя отличается от интеллекта исследователя. Ум исследователя, как у И.П. Павлова, должен быть неотступно прикованным к проблеме. Над условными рефлексами И.П. Павлов неотступно думал 25 лет и студентам советовал вставать и ложиться с мыслью об одной и той же проблеме.

Давно уже обратили внимание на то, что «уменье видеть умственными глазами нашими предмет в центре всех его отношений составляет исключительный признак великих умов. Этой способностью отличаются именно великие полководцы и администраторы. Они ведут разом тысячи различных нитей, следят за их соединением, разделением, перекрещиванием, потому что эти люди, так сказать, видят все предметы своей мысли разом»[2].

Широту интеллекта руководителя подразумевают словосочетания: «глобальное мышление»; «государственный ум», «организационное мышление» (последнее смыкается с глобальным, если речь идет о руководстве интернациональными компаниями). Руководитель в отличие от специалиста — это человек, который способен охватить организационно-социальную проблему в целом. Поэтому мышление руководителя во взаимодействии с мышлением специалистов и других сотрудников организации образует некий интеллектуальный комплекс, позволяющий эффективно

[1] Коно Тоёхиро. Стратегия и структура японских предприятий. — М., 1987. — С. 68.
[2] Ушинский К.Д. Собр. соч.: в 11 т. — М.; Л., 1948—1952. — Т. 8. — С. 356.

решать все вопросы жизни и деятельности организации. Мысль руководителя концентрирует результаты умственной деятельности персонала, обогащая коллективное мышление решениями тех специфических проблем, которые составляют ядро управленческой деятельности.

Управленческому интеллекту приписывают высокую скорость, умение быстро ориентироваться. По мнению А.В. Карпова, практическое мышление руководителя «многофокусно», развертывается одновременно по нескольким направлениям. Но психика человека одноканальна — в каждый момент времени в фокусе познания, размышления находится один объект, поэтому многофокусность — это очень быстрое и частое переключение с одних объектов мысли на другие. В связи с этим полипроблемность управленческой деятельности и многофокусность мышления требуют от руководителя высокой скорости и легкости переключения от одних задач к другим, т. е. высокой лабильности мышления»[1].

Однако скоростной показатель мышления руководителя не следует переоценивать. Многие управленческие задачи решаются годами и не терпят торопливости. Иногда инстинктивная ориентация неопытного руководителя на скорость побуждает его действовать поспешно, лишь бы только соответствовать образу человека, который умеет быстро принимать решения. (**293**)

Скорость мышления (индивидуального и группового) диктуется условиями конкурентной борьбы. Естественно, что победителем в этой борьбе станет тот, кто опередит своего конкурента в поиске нового решения.

Скорость мышления и других форм обработки информации должна определенным образом обеспечиваться: наличием богатой информационной базы и прогностичностью. Наполеон объяснял высокую готовность своего интеллекта тем, что он постоянно думает, постоянно проигрывает различные возможные ситуации и поэтому неожиданностей для него почти нет. Но и это не исключает высокой скорости управленческого мышления, иначе трудно справиться с обилием возможных вариантов. Во всяком случае, нужна высокая умственная выносливость.

Недостаточно широкое и несистемное мышление приводит к тому, что руководитель фактически управляет не организацией в целом, а только ее частью, нередко в ущерб другим частям. Поскольку проблемная область любой современной организации имеет тенденцию разрастаться до бесконечности, руководители ищут способы «расширения мышления». Они используют внутренние ресурсы для собственного роста, опираются на умственные силы коллектива, создавая группы единомышленников (управленческая команда), делегируют часть своих полномочий подчиненным. При выборе вопросов, на которые должно быть обращено внимание, руководители придерживаются определенных правил. Например, они занимаются только теми делами, с которыми не могут справиться их подчиненные (за исключением случаев, связанных с опасностью для жизни); вникают в вопросы лишь настолько, насколько это требуется для принятия решения; не погружаются в рассмотрение определенных деталей; чем выше ранг руководителя, тем больше внимания он посвящает перспективам. Они считают, что выбор и обучение подчиненного — задача более благородная, чем выполнение дела самому.

На этот счет можно встретить красочные иллюстрации, основанные на личном управленческом опыте.

Ли Якокка овладел искусством делегирования, обучаясь у своего руководителя. «Чарли Бичем выступал против того, чтобы менеджер все брал на себя. “Ты стремишься все делать сам, — повторял он. — Ты не умеешь перепоручать дело

[1] Карпов А. В. Психология менеджмента. — М., 1999. — С. 288.

другим. Пойми меня правильно. Ты у меня самый лучший сотрудник. Быть может, ты заменяешь двух работников сразу. А на тебя теперь работает сотня людей. Что же произойдет, когда их окажется десять тысяч?" Он обладал пророческим даром, так как в отделении "Форд" в подчинении у меня оказалось одиннадцать тысяч. Он научил меня не выполнять работу, которую должны выполнять другие. И он научил меня, как ставить перед другими цели и как настраивать их на достижение поставленных целей»[1]. (294)

Интеллект руководителя имеет не только предметное измерение, но и временное. Особенно важна ориентация на будущее, а значит, прогностичность управленческого мышления. «Важной особенностью планов и решений, разрабатываемых руководителем, является то, что они почти всегда подлежат реализации через определенный интервал времени. За это время происходят события, которые могут повлиять и на сами решения, и на способы их исполнения. Поэтому они должны быть учтены, а значит, спрогнозированы уже в ходе создания планов, в ходе выработки решений. Это свойство дифференцирует руководителей на «дальновидных» и «близоруких». Максимальная выраженность опережающего отражения характеризуется понятием «стратегического мышления»[2].

Важное свойство мышления эффективного руководителя — гибкое переключение режимов деятельности: работа на перспективу и работа в режиме текущего времени. Это переключение не всем дается легко. Одни больше склонны к оперативной работе, в том числе к реагированию на конкретные события в организации и в ее среде. В их интеллекте и характере выражены своего рода диспетчерские мотивы.

Работа на перспективу предполагает некоторое дистанцирование от повседневных дел и сближает умственную работу с исследовательской. Подобное дистанцирование смущает отдельных руководителей; они боятся упустить контроль над организацией. Возможно, свою роль играет в этом недоверие к подчиненным.

«Долгосрочное предвидение — это способность заглядывать в будущее и выяснять, что должно быть сделано сегодня, чтобы подготовиться к будущему. Менеджеры склонны погружаться в текущие проблемы, но, для того чтобы быть готовыми к будущему, они должны выработать долгосрочный подход. Они должны уметь предугадывать будущее развитие технологии, так же как и знать современный уровень, чтобы выявлять новые возможности. Такое постижение будущего достигается через интуитивное озарение после анализа информации. Большая гибкость необходима, чтобы проявлять творческий потенциал на этом пути, чтобы видеть новые подходы, новые применения и методы, которые радикально отличаются от сегодняшних. Президент должен принимать решение, связанное с элементом риска, а не дожидаться, пока все станет абсолютно ясным. С новыми и важными вопросами, не имеющими прецедентов, всегда связана высокая степень неопределенности. И когда мнения высших руководителей разделились, а большинство даже против него, он должен иметь мужество идти на риск. Энергичное принятие решений должно, разумеется, опираться (295) на достаточную информацию и накопленные знания, но высшим руководителям приходится также принимать решения, когда будущее все еще остается неясным»[3]. Следовательно, проблему интуиции в деятельности руководителя обойти невозможно.

Характерная особенность управленческого мышления состоит в необходимости учета поведения людей, поскольку все решения руководителя исполняют его

---

[1] Якокка Ли. Карьера менеджера. — М., 1984. — С. 81.
[2] См.: Карпов А. В. Психология менеджмента. — М., 1999. — С. 288.
[3] См.: Коно Тоёхиро. Стратегия и структура японских предприятий. — М., 1987. — С. 69-70.

подчиненные. Определяя эффективность решения в системе управления, Р.Аккоф предложил формулу, которая включает два фактора: 1) предметную (экономическую, технологическую, финансовую и т.д.) точность решения и 2) принятие решения подчиненными (социальный фактор). Этот социальный фактор объединяет в себе межличностные, этические, эмоциональные и другие психологические вопросы. Определенным образом помогает руководителю придавать своим решениям предметно-психологический характер такое важное мыслительное качество, как рефлексивность, т.е. способность встать на позицию другого человека, предвидеть его чувства и поведение и строить свое поведение на этой основе.

Третьим базовым свойством руководителя, свидетельствующим о социальном масштабе его личности, является способность вызывать доверие к себе, своим идеям и планам, воодушевлять людей. Убедительно пишет Л. Якокка: «Я всегда считал, что менеджер добился многого, если оказался способным побудить к энергичной деятельности хотя бы одного человека. Когда речь идет о том, чтобы предприятие двигалось вперед, вся суть — в мотивации людей. Вы можете уметь выполнять работу за двоих, но не в состоянии быть сразу двумя людьми. Вам следует побудить к деятельности своего подчиненного и заставить его в свою очередь побуждать к деятельности своих подчиненных».

Способность возбуждать доверие к себе — сложное свойство личности. Оно не всегда базируется на умении предложить подчиненным эффективное решение, хотя руководитель должен четко и ясно формулировать свои идеи и конкретные задачи для подчиненных. Эффективность организационных решений далеко не всегда очевидна, да и зависит она не только от предложенных цели и способа действий, но и от участия персонала в их осуществлении. Большую роль играет уверенность менеджера в себе. Лидер — это человек, который уверен в себе, в своих подчиненных и доверяет им. Доверие к словам, планам и действиям руководителя предполагает силу его духа и характера — качества, благодаря которым он служит опорой для людей не только в деловых ситуациях, но и в жизни. Человек, который знает, чего он хочет, что надо делать, умеет мобилизовать наличные ресурсы, найти выход из положения, который сохраняет хладнокровие в кризисных ситуациях, (**296**) имеет много шансов на то, чтобы быть хорошим руководителем. За таким человеком охотно последуют многие.

Малодушие, неустойчивость в условиях неудач, нежелание брать ответственность на себя и перекладывание вины на подчиненных[1] — эти качества и формы поведения не позволяют менеджеру пользоваться доверием в коллективе и создавать психологические условия, в которых люди будут работать с полной отдачей своих сил и проявлять высокую трудовую мораль.

Четвертое свойство руководителя — склонность и умение изучать людей, проявляющиеся в знании подчиненных и деловых партнеров, умении оценивать их надежность, деловые качества, особенности поведения в группе. Определенную роль играет память на информацию, связанную с людьми (например, на лица и имена).

Пятое свойство эффективного руководителя — это качества, позволяющие ему устанавливать и поддерживать благоприятные отношения с подчиненными, обеспечивающие ему авторитет, т.е. возможность реализовать властные функции с минимальными затратами сил и времени.

Ли Якокка пишет: «Есть одна фраза в характеристике любого менеджера, каким бы способным он ни был, которую я не терплю: “У него не ладятся отношения”. Я считаю такую характеристику убийственной. “Этого человека просто уничтожили” —

[1] Здесь оценены качества руководителя по критерию Тюренна, французского полководца, который после выигранного сражения говорил: «Мы победили», а после поражения: «Я проиграл».

таково мое неизменное мнение. “Он не умеет обходиться с людьми? Следовательно, он оказался в труднейшем положении, ибо здесь кроется самая суть управления. Если он не способен правильно строить отношения с себе подобными, то какой от него прок компании? Его единственное назначение в качестве руководителя — это побуждать к деятельности других людей. Если он не умеет этого делать, он, следовательно, не на своем месте”. Я знаю человека, всю жизнь проработавшего в автомобильном бизнесе. Он высокообразован, отличается высокой организованностью. Он блестящий стратег, вероятно, один из самых крупных специалистов в своей компании. И тем не менее его никогда не назначали на высшие посты, и только потому, что он не умел обращаться с людьми»[1]. Психологической предпосылкой благоприятных отношений менеджера с подчиненными служит его справедливость, под которой понимают две формы поведения: 1) чувство соразмерности между вкладом подчиненного в дела организации и величиной ответного вознаграждения[2] и 2) строгое следование общим законам и нормам организации, отвращение ко всякому личному (**297**) произволу. Иногда эту сторону личности руководителя называют человеческими качествами.

Такова психологическая природа личности руководителя. Все указанные свойства доступны измерению и оценке. По мере того, как глубинная идея личности внедряется в философию менеджмента и подчиняет себе поверхностные политические и экономические соображения и теории, по мере роста управленческой морали, создаются более благоприятные условия для того, чтобы к управлению приходили действительно способные и социально ответственные люди.

4.4.2. Личность и подчинение власти

В системах социального управления огромное число людей являются подчиненными, т. е. исполнителями решений, которых они не принимают. Через роль подчиненного в жизни проходят почти все. Даже оригинальные и известные люди были в свое время подчиненными. Некоторые из них неплохо сыграли свою роль и вынесли полезное убеждение в том, что нельзя стать руководителем, не научившись подчиняться. Некоторые, правда, остаются по своей психологии подчиненными на всю жизнь, независимо от тех постов, которых они достигают.

В 50-е гг. XX в. на Западе появились рассуждения о «человеке организации»[3]. В качестве «человека организации» рассматривался современный менеджер, сильно интегрированный в организационную систему ценностей. «Если он принимает идеологию приспособления к организации, он становится человеком организации. Он будет принимать все указания и сосредоточит свои умения на стремлении к “преуспеванию”. Он станет восприимчив к пожеланиям своего начальства и к принятой у руководства организации моде в одежде, манерам и речи. Итак, очевидно, руководитель должен отказаться от своей индивидуальности и подчиниться организации»[4].

Утверждалось также, что организации формируют особый тип личности. Такой человек предан организации, лоялен относительно системы управления, предпочитает интересы организации собственным, ориентируется на решение задач, стоящих перед организацией и не устраивает конфликтов в отношениях с коллегами. Проводились исследования влияния учреждений на личность сотрудника. Например, социологи

---

[1] Якокка Ли. Карьера менеджера. — М., 1984. — С. 83.
[2] Хьюсман Р. К., Хэтфилд Дж.Д. Фактор справедливости, или «И это после всего, что я для тебя сделал». — М., 1992.
[3] Whyte W. The Organization Man. — N.Y., 1956. — С. 108.
[4] Янг С. Системное управление организацией. — М., 1972. — С. 389.

Варшавского университета установили, что уже на третьем курсе университета наблюдается униформизация студентов — различия между ними, обусловленные (298) происхождением и предшествующим опытом, стираются до такой степени, что можно говорить о некотором единстве студенческого сознания. На промышленных предприятиях работники делятся на две группы. Первая группа — это рабочие, имеющие общие взгляды по ряду вопросов; вторая — руководители со своими ценностями и интересами. При этом межгрупповые различия оказались существенными. Следовательно, организация влияет на личность, но нельзя сказать, что она формирует универсальный тип «человека организации»; руководители и подчиненные заметно отличаются друг от друга[1].

Рассмотрим, может ли человек, участвующий в системе управления в качестве (роли) подчиненного, эффективно функционировать и быть партнером по отношению к другим членам организации, в том числе и тем, кто наделен властью.

Роль подчиненного определяется деятельностью, осуществляемой под влиянием другого человека, в отличие от действия самостоятельного. Подчинение — форма социального поведения, состоящая в принятии к исполнению чужой воли. Подчиняться — значит быть подвластным. Кроме того, подчинение предполагает: воспринимать и обрабатывать управленческую информацию, иметь ресурсы для реализации распоряжений, т.е. осуществлять требуемую деятельность. Тот, кто не умеет, не желает или не в состоянии делать требуемое, является неподходящим подчиненным.

Необходимость в подчинении одних людей другим обусловливается теми же факторами, что и необходимость в управлении. Это особенности групповой деятельности, неадекватная оценка ситуации отдельными людьми, недостаточная социализация или необученность, неравномерное распределение ресурсов, сложные функции, затрудняющие самоконтроль.

Человек, включенный в групповую работу, нуждается в координационных влияниях, чтобы согласовывать свои действия с действиями других людей. «Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере» (К. Маркс). Фермер, бизнесмен, художник, человек, занятый индивидуальным трудом, имеют меньшую потребность во внешнем управлении. Любая деятельность с дефицитом обратной информации нуждается в управлении.

В общем, есть два вида потребностей в подчинении: 1) инструментальная (человек не знает, что или как делать); 2) мотивационная (человек не хочет делать то, что нужно ему или другим).

Подчинение — естественная разновидность социального поведения. В американском учебнике по психологии под редакцией Э. Боринга сказано: «Для большинства американцев послушание — дело понятное и естественное. С раннего детства их учат уважительному (299) отношению к распоряжениям. Если остановить на улице кого-либо из прохожих и сказать, показывая на крышу соседнего дома: “Смотри!” — то, скорее всего, человек остановится и посмотрит, куда вы ему показали; он сделает это с тем большей готовностью, чем решительнее будет произнесено обращение. Такого рода безотлагательное, без всякого сопротивления подчинение обусловливается внушением со стороны человека, предъявляющего требование»[2].

О подчинении говорят даже как об инстинкте, потому что нередко оно осуществляется автоматически и имеет свою собственную мотивацию — желание

---

[1] См.: Kostecki M., Mrela K. Czlowek w swecie organizacji. — Warszawa, 1979. — S. 144.
[2] Psychology for the Armed Services / Boring. — Washington, 1943. — P. 531 — 532.

подчиняться. Г.Мюррей выделил потребность в подчинении, связав ее с потребностями в подражании, согласии с людьми, доверии им. В то же время он рассуждал о потребности в доминировании, влиянии на других и руководства ими, а также о потребности в независимости (сопротивлении различным влияниям)[1].

Согласно С. Милгрему, «существует сложный личностный базис, определяющий готовность к подчинению или отсутствие таковой». Правда, оговаривается он, «мы его не обнаружили».

По мнению А. Адлера[2], люди подчиняются друг другу благодаря «врожденному социальному чувству». Власть «будет эффективной, поскольку она апеллирует к самому древнему инстинкту человека — его чувству единства с человечеством и вселенной». Степень добровольности зависит от того, насколько человек, оказывающий влияние, признает права человека, являющегося объектом этого влияния. Наше влияние на другого наиболее эффективно тогда, когда человек чувствует, что его права защищены. Подчинение не будет иметь места, «когда мы имеем дело с человеком, который по собственной воле вышел из-под влияния общества. После этого влиять на его поведение становится трудно или невозможно, и мы наблюдаем драматическое зрелище — человек встречает любую попытку повлиять на него ожесточенным сопротивлением. Наиболее восприимчивы к влиянию те люди, которые лучше всего воспринимают голос разума и логики, те, чье социальное чувство меньше всего искажено. С другой стороны, те, кто жаждет главенствовать и желает подавлять, очень трудно поддаются влиянию».

О наличии социально-психологического механизма подчинения писал и Э.Фромм, указывая на «социальный характер», функция которого заключается в формировании и направлении человеческой энергии для того, чтобы общество могло жить и развиваться. (**300**)

Действительно, человек всей организацией общественного устройства обучается послушанию. Первоначально играет свою роль детская беспомощность и зависимость от родителей, затем религия, освящающая подчинение властям. «Будьте покорны всякому человеческому начальству, ибо такова есть воля Божия», — говорится в 1-м послании Петра (Библия. — С. 1211). То же сказано и в послании Апостола Павла «К римлянам»: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; Посему противящийся власти противится Божию установлению. Надобно повиноваться не только из страха, но и по совести» (С. 1240).

Подчинение исторически рассматривается как проявление гражданской доблести. Плутарх писал: «В Спарте перед эфорами вставали даже цари, а если кто из прочих граждан был к ним позван, он не шел вразвалку, но бежал через площадь быстро, насколько хватало сил, чтобы выказать перед согражданами свое послушное усердие, радуясь, что воздает честь своим правителям»[3].

Но склонность к подчинению не у всех людей одинакова. Немало людей, которые в качестве подчиненных чувствуют себя вполне комфортно. Древнеримскому поэту Лукрецию принадлежат слова: «Лучше спокойно подчиняться, чем желать властвовать самому». Другие, как Ф. Петрарка, хотят и «не командовать другими, и не быть в подчинении». Многие люди не приемлют подчинения: «Любая нормальная жизнь сознательно или бессознательно восстает против любого господства. Особенно против господства низших или, предположительно, низших существ»[4]. По данным некоторых исследований, недовольство «подавлением личности» выражают до 25%

---

[1] См.: Hilgard E.R. Introduction to psychology. — N. Y., 1962. — P. 194.
[2] См.: Адлер А. Понять природу человека. — СПб., 1997. — С. 58 — 63.
[3] Плутарх. Соч. — М., 1983. — С. 613.
[4] Азимов А. Я робот. — М., 1964. — С. 124.

сотрудников государственных учреждений[1]. Многие не умеют подчиняться по-деловому, с достоинством, без чувства унижения. Необходимость подчинения снижает их самооценку. Это свидетельствует о том, что подчинение носит невротический характер.

Многое зависит от общественного мнения, в котором все еще сильна идея о том, что подчинение — это удел низших социальных классов, а не обычная форма делового поведения. Подчинение, таким образом, дело психологически трудное.

Людям, в общем, свойственны две тенденции: подчинения и доминирования. Популярный тест Т. Лири построен на оппозиции: склонность к подчинению — склонность к доминированию. Среднее положение на шкале занимает склонность к автономии.

Психоаналитики У. Беннис и Г. Шеппард рассматривают подчинение как одну из типичных реакций на людей власти, противопоставляя ее «бунту» и «уходу». Эти авторы полагают, что подчинение (**301**) осуществляется разными типами людей по-разному. Бесконфликтный или независимый человек адекватно оценивает ситуации и либо подчиняется, либо отказывается от подчинения, но поступает он осознанно. «Зависимые» личности управляются убеждением, что ко всякой власти нельзя относиться с доверием. Их послушание связано с неосознанным, но глубоким недоверием, поэтому зависимые являются конфликтными личностями[2].

Люди, принявшие на себя роль подчиненного, обладают, как и их руководители, самыми разными качествами. Это значит, что их подчинение несет на себе отпечаток их личности. Некоторые различия в подчинении выявляются путем анализа его мотивации: подчинение, как и всякое иное поведение, управляется соответствующими мотивами.

Немецкий психолог К.Шойнау различал в зависимости от мотивов шесть видов подчинения: 1) демократическое; 2) на основе симпатии; 3) оппортунистическое; 4) вынужденное; 5) послушание на основе авторитета и 6) рабское (слепое) повиновение[3].

Демократическое подчинение предпочтительно; оно является естественным дополнением демократического стиля управления и предполагает принятие власти как важного института социальной организации. Это сознательное подчинение, потому что человек должен решить, законно ли требование руководителя (известно, что бывают незаконные, провокационные требования, выполнив которые, подчиненный несет ответственность); целесообразно ли оно содержательно, т.е. является ли эффективным решением проблемы, которой касается.

Подчинение на основе симпатии эквивалентно преклонению перед харизматической личностью; оно включает механизм межличностной идентификации. В данном случае реализуются положительные эмоциональные взаимоотношения в системе управления.

Люди, которые повинуются оппортунистически, действуют на основе формального контракта; их подчинение «арендовано» теми, кто платит. Естественно, имеют место и отношения неформального соглашения. Такие сотрудники часто «удобны» для руководства, поскольку их мотивы «прозрачны»: подчинение коррелирует с размерами вознаграждения.

Послушание на основе авторитета внешне похоже на механизм симпатии, но отличается от него некоторой отчужденностью; внутренним перенесением

---

[1] См.: Гурней Б. Введение в науку управления. — М., 1969. — С. 241

[2] См.: Беннис У., Шепард Г. Теория группового развития // Современная зарубежная социальная психология: Тексты. — М., 1984. — С. 144.

[3] См.: Schoenau K. Kleine Truppenpsychologie. Leitfaden für militarischen Menschenfiihrung. — Bonn, 1958. — S. 71.

ответственности на начальника, который «знает, что делает». (**302**)

Вынужденное подчинение мотивируется стремлением к самосохранению. Человек повинуется вопреки своим убеждениям и против своего желания, потому что неповиновение угрожает его свободе, жизни, собственности или благополучию. Вынужденное подчинение разрушает характер, воспитывая лживость и лицемерие, а также деформирует систему управления.

Слепое (рабское) подчинение предполагает механизм внушения. Подчиненный не испытывает внутреннего дискомфорта, поскольку иных отношений в системе управления он не представляет.

К перечисленным шести типам мотивации следует добавить конформистское послушание: «Повинуюсь, потому что все повинуются».

Подчинение во многом зависит от того, как осуществляется управление. К.Шойнау пишет: «Вы охотно следуете пожеланиям и приказам начальника, если питаете к нему доверие и убеждены, что он хочет вам добра и принимает в вас участие. Но ваше доверие исчезает, если вы замечаете, что являетесь только средством для удовлетворения его личного тщеславия, что ваша квалификация и работа имеют цену не сами по себе, а только в той степени, в какой служат честолюбию начальника. Точно так же думают и ваши подчиненные. Только немногие могут интуитивно правильно обращаться с людьми; они — врожденные руководители. К сожалению, большинство молодых менеджеров уверены в том, что они являются врожденными знатоками людей».

Важный фактор, определяющий поведение сотрудников в системе управления, описал Герберт Гросс при помощи формулы: «Избыток знания порождает недостаток желания». В.Зигерт и Л.Ланг объясняют данный феномен следующим образом: «Люди со средним, специальным или высшим образованием, которые вынуждены выполнять примитивные функции, отвечают на разрыв между предъявляемыми требованиями и осознаваемыми собственными возможностями недовольством. Раньше большинство рабочих были неграмотными, и они шагу не могли ступить без своего ближайшего или более высокого начальства. Между патроном и его служащими, которые умели читать, писать, считать и грамотно высказывать свои мысли, и рабочими уже в силу этого фактора возникали отношения подчинения и зависимости. На вершине организации стоял патрон, который «знал все» и был «всемогущ», у ее основания — те, кто не знал и не мог ничего. Сегодня условия принципиально изменились. Никто не нуждается в том, чтобы каждый ею шаг контролировал мастер или регламентировала подробнейшая инструкция. Есть немало рядовых сотрудников, чье образование полнее, а знание предмета глубже, чем у их шефа»[1]. (**303**)

Можно сделать вывод, что социально-психологический механизм подчинения сотрудника своему руководителю выглядит так. Во-первых, подчинение предполагает соответствующую личностную основу, в качестве которой выступает социальная установка с ее познавательными, эмоциональными и мотивационно-поведенческими компонентами. Во-вторых, подчинение обусловливается межличностным фактором — качествами личности руководителя и его отношением к сотруднику. В-третьих, важную роль играет общественное мнение организации относительно подчинения, ее культура.

В системе управления, как и в других областях, важное значение имеют не сами по себе качества людей, а то, что думают об этих качествах их носители (>7-концепция) и другие люди. Многое зависит от того, как руководитель обращается со своими сотрудниками. Поведение других людей модифицируется способом их

[1] Зигерт В., Ланг Л. Руководить без конфликтов. — М., 1990. — С. 18—19.

восприятия.

Талантливые и успешные руководители всегда ценили своих подчиненных. «Спартанский царь Феопомп, когда кто-то стал говорить, что государство держится крепко потому, что он умеет хорошо повелевать, ответил: “Нет, скорее потому, что народ умеет так хорошо повиноваться”»[1].

Современные организации все чаще ориентируют свои ценности на сотрудников. Дальновидные менеджеры говорят: «Каждая минута, которую я уделяю моим сотрудникам, — это выгодное вложение времени»[2]. Вот уже 16 лет, как с предприятий «Дженерал Моторс» не был уволен ни один рабочий. И люди тонко чувствуют изменившееся к ним отношение. «15 лет назад, — отмечал директор по кадрам “Дженерал Моторс”, — я знал, что любой работник профсоюза является отпетым мерзавцем. И эти люди догадывались, что и я сам — первоклассный негодяй. Мы всегда были готовы вступить в конфликт. Сейчас ситуация постепенно меняется»[3].

Н.В. Самоукина пишет: «Во многих банках слишком директивный и властный лидер-диктатор “тиражирует” себя во множестве своих подчиненных. Он не принимает другого мнения, кроме своего, и не приемлет никакого другого, отличающегося от его, индивидуального стиля. Он доверяет только тем работникам, которые на него похожи, потому что он может их понимать так, как понимает самого себя. Подчиненные вынуждены подражать ему, думать, говорить и действовать так же, как он. Они “отпечатывают” в своем поведении его типичные словечки, интонации и манеру одеваться, ценят то же, что и он, покупают такие же машины, (**304**) что и у него, и т.п. Например, в одном банке мы встретились с ситуацией, в которой коллектив отдела регулярно проводил лечебное голодание только потому, что начальник вынужден был периодически прибегать к этой не совсем приятной мере улучшения своего здоровья. В другом банковском коллективе мы наблюдали ситуацию “цепных разводов”, когда ряд подчиненных ушли из семей после того, как это сделал их лидер».

В отношении некоторых руководителей к подчиненным просматривается некий защитный фрейдовский механизм; они психологически настолько далеки от своих работников, что парадоксально «инкорпорируют» их в себя. Об этом свидетельствуют высказывания таких руководителей: не коллективы дают продукцию, а они лично, не предприятия выполняют планы, а их директора. Г. А. Кулагин в заметках директора самокритично пишет: «Докладывая по телефону о делах начальнику главка, сообщаю: “План по реализации я выполню, а вот станков с программным управлением недодам. Вы же знаете, что я не получил систем”. Многие мои собратья-директора тоже весьма склонны к употреблению местоимения “я” вместо более идущих к делу слов “мы”, “предприятие”, “коллектив”»[4].

Такая позиция начальника еще дальше от подчиненного, чем инструментальная позиция, представленная в древнем «Слове о полку Игореве», где князь Всеволод мог «живыми копьями метать — удалыми сынами Глебовыми».

Подчиненный, исполнитель, рядовой сотрудник организации — это человек, который производит материальные и духовные ценности. Подчиненные — самая многочисленная категория работников. Но об этой категории людей принято на управленческом жаргоне говорить не очень уважительно. Это и «рабочая сила», и «человеческий фактор», и «человеческие ресурсы», и «персонал», и «личный состав». Слово «сотрудник» встречается редко. Между тем именно сотрудник символизирует личностную культуру организации, признающую всех работающих партнерами и,

---

[1] Монтень М. Опыты. — М., 1979. — С. 233.
[2] Швальбе Б., Швальбе Х. Личность, карьера, успех. — М., 1993. — С. 158.
[3] Мельник А. Перестройка без Горбачева // За Рулем. — 1998. — № 8. — С. 95.
[4] Кулагин Г.А. Рабочий — управляющий — ученый. — М., 1976. — С. 24—25.

значит, личностями.

Отношение к подчиненным всегда было проблемой. Один из аспектов этой проблемности выразил Ф.Тейлор, имея в виду противоположность интересов работодателей и рабочих. Сам он придерживался другой точки зрения: «Научная организация управления исходит из твердого убеждения в том, что истинные интересы тех и других вполне совпадают; благосостояние для предпринимателя не может иметь места в течение долгого ряда лет, если оно не сопровождается благосостоянием для занятых в его предприятии рабочих»[1]. (**305**)

В XIX в. образцом отношения к подчиненным служил патернализм, обязывающий относиться к подчиненным так, как отец — к детям. В последующем более популярными стали идеи демократизма во властных отношениях. В одном из вариантов принцип демократизма был сформулирован на том же «семейном языке» в виде отношений, существующих между старшим и младшим братом.

Таким образом, почти все современные организации относят к числу своих актуальных проблем оптимизацию отношений между руководителями и подчиненными. Решению этой проблемы служит, в частности, метод вовлечения работников — приобщение их к организации труда и управления. При этом исполнитель из объекта управления превращается в активного участника организационных процессов — партнера.

Примером эффективности этого метода служит японский менеджмент, благодаря которому превращение подчиненных в сотрудников-партнеров обеспечивается предоставлением работникам права голоса при обсуждении организационных проблем и, соответственно, совместным принятием решений, созданием механизма сотрудничества и поиска согласия. Вовлечение работников позволяет максимально использовать индивидуальную и коллективную мудрость, гарантирует своевременное выявление проблем и определение действий и «превращает наемных рабочих в людей, которые, как рабочий из компании “Хонда”, каждый вечер по пути домой поправляет щетки дворников ветрового стекла у каждой хонды, мимо которой он проходит. Он просто не выносит непорядка в Хонде!»[2].

Для любого руководителя, стремящегося к созданию и использованию потенциала делового успеха, есть одно общеизвестное железное правило, гласящее: «Дай каждому возможность проявить себя. А если уж он проявил себя как хороший работник, держись за него изо всех сил!» Вроде бы элементарная истина, но она очень значима, когда речь идет об эффективности руководства[3].

Вопросы для самоконтроля

1. Чем отличается практическая психология личности от теоретической?
2. Почему экономисты предпочитают образ «экономического» человека?
3. В чем состоит идея личностных атрибутов организации и системы управления?
4. Как рассматривают личность руководителя с позиций различных теорий личности?
5. В чем состоит суть роли человека подчиненного?

---

[1] Управление — это наука и искусство: А.Файоль, Г.Эмерсон, Ф.Тейлор, Г. Форд. - М., 1992. - С. 224.
[2] Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления: Опыт лучших компаний. — М., 1986. — С. 74—75.
[3] См.: Швальбе Б., Швальбе Х. Личность, карьера успех. — М., 1993. — С. 171.

Заключение

Психология личности — это часть психологии, которая занимается изучением человеческой индивидуальности, или личностными особенностями психики. Развитие психологии личности является реализацией личностного принципа, согласно которому личность — это центр предмета психологии. Личность это атрибут человека, комплекс психических свойств, благодаря взаимодействию которых человек обретает сознание своего Я, социальность, самоопределение и самореализацию в деятельности и исполнении многообразных социальных ролей. Личность — это центр психики человека, а центром личности в свою очередь является «самость», или чувство Я.

Понятие личности имеет длинную и непростую историю. Оно дифференцировалось от понятия психики, которое в древности означало также и личность. В настоящее время оно является базовым понятием психологии, воплощая в себе высшую форму целостности психики человека.

Личность — это психическое образование, производное от межличностных отношений и той биологической базы, которая свойственна человеку, прошедшему длиннейший путь биологической эволюции и исторического развития. Поскольку каждый человек участвует в межличностных отношениях, то он является источником собственной личности. Источником личности индивида выступает также общество в целом, и прежде всего его личностные атрибуты, которые формируются на достаточно высоком уровне зрелости этого общества.

Личностными атрибутами общества являются образцы саморегуляции, специфические для каждого поколения, а также государство, право, система разделения труда, люди, которые служат примером для других, коллективная концепция личности, отраженная в общественном мнении и во всей культуре общества. По степени развития личностных атрибутов отдельные общества отличаются друг от друга, а внутри общества это отличие проявляется между классами, сословиями, организациями и другими социальными образованиями.

Развитие личности зависит от того, в какой социальной среде живет человек, поскольку он усваивает личностные атрибуты своего окружения. (**307**)

Личность характеризуется индивидуальным комплексом свойств. Основная задача в некоторых теориях личности (теории черт) состоит в определении присущих человеку свойств. Эти теории выстраивают иерархическую структуру свойств, основание которой образуют черты, являющиеся психологическими механизмами определенных форм поведения. Комплексы черт образуют личностные качества и свойства более высоких уровней. К свойствам, определяющим личность в целом, чаще всего относят семь свойств: способности, темперамент, характер, направленность (целеустремленность), социальную и профессиональную компетентность, Я-концепцию, структуру. Среди этих свойств особую роль играет

концепция личности, поскольку в большинстве случаев имеют значение свойства не сами по себе, а в преломлении через сознание человека.

Человеческая личность — это индивидуальность. Это понятие означает, что человек внутренне неделим, целостен и что он уникален, неповторим. И чем больше человек личность, тем больше он индивидуальность. Индивидуальными особенностями людей специально занимается дифференциальная психология.

Понятие личности включает в себя активность. При этом личностная активность — это высший уровень жизненной активности человека. Вопрос об активности затрагивает проблему ее источников, в качестве которых выступают потребности (иногда особая потребность в активности) и ценности, обретающие ту или иную психологическую форму, например идеалов, отдаленных целей. Согласно Э. Фромму,

подлинная активность — это самореализация, рост, жизнь по принципу бытия, в отличие от обладания. Некоторые теории личности являются теориями личностной активности. Отечественным психологам, в частности С.Л. Рубинштейну, довелось отстаивать принцип активности в условиях не только научной критики, но и идеологической борьбы.

Личность человека при всей своей устойчивости, подвержена непрерывным изменениям, наиболее интересным из которых является развитие. Развитие личности имеет два аспекта: филогенетический и онтогенетический. Филогенез личности — это развитие психики в ходе изменения форм общественной жизни людей, проявляющийся в возникновении личности и дифференциации личностных типов в разные исторические времена и в различных обществах. Личность есть относительно поздний продукт в общественно-историческом процессе. Филогенез личности имеет две стороны: личностное развитие общества и развитие человеческой индивидуальности.

Человеческая личность развивается естественно и на протяжении индивидуальной жизни. Это ее онтогенез, т. е. личностно ориентированное развитие психики каждого отдельного человека на (**308**) протяжении его жизненного пути. На этом пути на основе базовых психических процессов образуются более сложные комплексы психических функций и механизмы произвольного управления ими, пробуждается сознание и самосознание, что и становится содержанием личностного развития индивида. Критерием прогресса в этом развитии является умение вести себя независимо от непосредственно воздействующих обстоятельств.

Процесс формирования личности — это «социализация», т.е. трансформация психики индивида под влиянием культуры, прежде всего обретение свойств, производных от культуры. Онтогенез личности не сводится к освоению культуры. Он представляет собой развертывание человеческой психики, раскрытие потенциала мозга, нервной системы и всего тела.

Онтогенез личности определенным образом фиксируется в социальных нормах и институтах (обряды инициации, образование, деятельность).

Онтогенез личности делится на ряд характерных стадий. Согласно теории Э.Эриксона, таких стадий восемь. Каждой из них присущи свои собственные параметры развития, принимающие положительные и отрицательные значения. На первой стадии формируется базовое доверие к миру, на второй — самостоятельность, на третьей — предприимчивость, на четвертой — умелость и далее соответственно — идентификация личности, близость, общечеловечность и цельность. Все эти приобретения являются только одним — положительным — результатом развития. При неблагополучном прохождении стадий имеют место полярные качества: недоверие, стыдливость и неуверенность в себе, чувство вины, чувство неполноценности, путаница ролей, одиночество, самопоглощенность и безнадежность.

Важным вопросом психологической персонологии является вопрос о структуре личности. Структурный подход к личности выявляет способ сочетания отдельных психических свойств и дает толкование этих свойств в зависимости от связей между ними. Существует несколько способов структурирования свойств личности: естественноисторический, логический, статистический и др. Соответственно, существует и несколько гипотез о структуре личности. Ряд вопросов являются традиционными при рассмотрении структуры личности, например вопрос о соотношении биологического и социального в личности.

Различают иерархические (вертикальные), координационные и функциональные виды личностных структур.

Определенный прогресс в понимании строения и динамики личности связан с системным подходом. Согласно этому подходу, личность представляет собой

динамическую психологическую систему, образуемую взаимодействием свойств, реализующих функции внутренней регуляции и внешнего обмена с социальной и (309) предметной средой. Человек входит во множество систем, в каждой из которых он обретает и проявляет те или иные качества. Эти качества получили название системных. В целом личность как система обладает такими свойствами, как потребность в информационном обмене с внешней средой, параметром открытости—закрытости, внутренним равновесием, способностью взаимодействия с другими системами, множественностью способов решения задач.

Общие идеи персонологии в определенной степени конкретизируются во множестве авторских теорий личности, построенных, как правило, в духе одной из школ психологии. Сопоставление разных теорий личности — дело трудное, потому что их методологические предположения и аспекты личности, подвергаемые исследованию, очень различаются. Даже предмет познания теорий не всегда один и тот же: в одном случае это — «просто личность», в другом — «личность менеджера», в третьем — «авторитарная личность» и т.д.

Существенно различаются теории личности своими целями. Если для К. Юнга главная цель познания как раз личность, то Б. Скиннер предпринимает изощренные попытки обойти понятие личности при характеристике человеческого поведения.

Острым и даже болезненным является вопрос о месте отечественных теорий личности в общей совокупности персонологических знаний. Несмотря на то, что современные отечественные теории создавались в жестких идеологических рамках и не должны были слишком отличаться от того, что знали идеологи из старых учебников психологии, они существенным образом восполняют то, что обычно оставалось вне поля зрения изощренных своими методами и раскованностью взглядов «инструменталистов». Отечественная персонология имеет свое лицо. Среди отечественных теорий личности выделяются три группы: диспозициональные, деятельностные и коммуникативные. Первые придерживаются личностного принципа, исходя из гипотезы исходной активности, благодаря которой человек на всех этапах своей жизни сам прокладывает себе в жизни путь. Этим они сближаются и с глубинными и когнитивными теориями личности, и с гуманистической психологией. Вторые — деятельностные — акцентируют «второе звено» в динамике человеческой жизни — «деятельность», на основе которой рассматривается понятие «личность» и ее существенные свойства. Третьи — коммуникативные — построены по тому же образцу, что и деятельностные, отличаясь тем, что сосредоточивают особое внимание не на деятельности, а на общение.

Проблема личности актуальна для всех областей человеческой практики, для общественной жизни и повседневного человеческого быта, включая семейную жизнь. (310)

Все современные социальные структуры (группы, семьи, организации, города и т.п.) можно расположить на условной шкале «личностности»; на одном полюсе этой шкалы будут находиться «тотальные» общественные образования, а на противоположной — сообщества, гармонично сочетающие в своей культуре заботу о собственной целостности и заботу об индивидуальности. В таких сообществах власть, в том числе власть толпы или коллективности, не подавляет человека, свобода личности уважается и важные решения принимаются при общем согласии; общественное самоуправление становится принципом общественной жизни.

Уже сегодня, а тем более в перспективе личностная ориентация общественной жизни гарантирует эффективность и конкурентоспособность общества.

Путь от теоретической психологии личности к жизни лежит через практическую психологию, которая представляет собой синтез теорий с «практическими

искусствами» — педагогикой, теорией управления, юриспруденцией, медициной, политикой, экономикой, военным делом и т.д. Везде, где живут и работают люди, нужны теоретические знания о личности. Особенно важны они там, где личность подвергается существенным воздействиям, где она быстро растет или сильно страдает. Личностный подход к жизни абсолютно необходим, высоко морален и практически эффективен.

Рекомендуемая литература

Основная

1. Асмолов А. Г. Психология личности. — М., 1990.
2. Клонингер С. Теории личности. Познание человека. — СПб., 2003.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.
4. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. — М., 2000.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М., 1998.
6. Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность: Теория, упражнения, эксперименты. — СПб., 2001.
7. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. — М., 1997.
8. ХьеллЛ., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997.

Дополнительная

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. — М., 1980.
2. Адлер А. Наука жить. — Киев, 1997.
3. Айзенк Г. Структура личности. — СПб., 1999.
4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — Л., 1969.
5. Бандура А. Теория социального научения. — СПб., 2000.
6. Бернс Р. Развитие ^-концепции и воспитание. — М., 1986.
7. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. — М., 1994.
8. Бехтерев В. М. Объективная психология. — М., 1991.
9. Блюм Г. Психоаналитические теории личности. — М., 1996.
10. Викторов П. П. Учение о личности и настроениях. — М., 1904.
11. Выготский Л. С. Собр соч.: в 6 т. — М., 1982.
12. Джеймс В. Научные основы психологии. — СПб., 1902.
13. Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии. — М., 1982.
14. Зинченко В. П., Моргунов Б. Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. — М., 1994.
15. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. — М., 1989.
16. Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. — СПб., 2003.
17. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. — М., 1982.
18. Келли Дж. А. Теория личности: Психология личных конструктов. — СПб., 2000.
19. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. — М., 1997.
20. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. — М., 1993.
21. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. — М., 1999. (**312**)
22. Либин А. В. Дифференциальная психология. — М., 1999.
23. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. —

М., 1984.
24. Мадди С. Р. Теории личности: сравнительный анализ. — СПб., 2002.
25. Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс. — СПб., 2000.
26. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб., 1999.
27. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. — Л., 1960.
28. Олпорт Г. В. Личность в психологии. — М., 1998.
29. Олпорт Г. В. Становление личности. Избранные труды. — М., 2002.
30. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. — М., 1991.
31. Петровский В. А. Личность в психологии. Парадигма субъектности. — Ростов н/Д, 1996.
32. Платонов К. К. Структура и развитие личности. — М., 1986.
33. Психология личности / под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. — М., 2007.
34. Рейнвальд Н. Психология личности. — М., 1987.
35. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М., 1994.
36. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. — М., 1999.
37. Рубинштейн С.Л. Мысли о психологии. — М., 1973.
38. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. — М., 1959.
39. Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. — М., 1979.
40. Скиннер Б. Ф. Технология поведения // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И.Добренькова. — М., 1994.
41. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности. — М., 1995.
42. Столин В. В. Самосознание личности. — М., 1983.
43. Толстых А. Ф. Опыт конкретно-исторической психологии личности. - СПб., 2000.
44. Уотсон Дж.Б. Психология как наука о поведении. — М.; Л., 1926.
45. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания // Собр. соч.: в И т. - Т. 8, Т. 9. - М.; Л., 1948-1952.
46. Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе. — М., 1989.
47. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. — СПб., 2001.
48. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.
49. Фрейд 3. Введение в психоанализ: Лекции. — М., 1991.
50. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1994.
51. Фромм Э. Душа человека. — М., 1992.
52. Элиас Н. Общество индивидов. — М., 2001.
53. Эриксон Э. Детство и общество. — М., 1997.
54. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции: Аналитическая психология: ее теория и практика. — Киев, 1995.
55. Юнг К. Г. Психологические типы. — СПб., 1995.

Оглавление

Предисловие 3
ГЛАВА 1
ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ПРИРОДЫ, ИСТОРИИ, ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
1.1. Индивидуальные свойства человека. Проблема личности в психологии 7
1.1.1. Личность — атрибут человека и общества 7

1.1.2. Основные свойства личности 20
1.1.3. Проблема человеческой индивидуальности..... 27
1.1.4. Формы активности личности 30
1.2. Происхождение и развитие личности. Личность в социогенезе и проблема персоногенеза 39
1.2.1. Филогенез личности. Личность и свобода 39
1.2.2. Движущие силы и условия развития личности. Онтогенез личности 48
1.2.3. Периодизация развития личности 57
1.3. Структура личности 66
1.3.1. Принципы построения личностных структур 66
1.3.2. Виды структур личности по А. Г. Асмолову 74
1.3.3. Системный подход к структуре личности по А. Г. Асмолову..... 81
ГЛАВА 2 ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ
2.1. Духовно-эмоциональная концепция личности К.Д.Ушинского 88
2.2. Теория личности-гражданина П. Ф. Каптерева 94
2.3. Социально-адаптационная теория личности А. Ф. Лазурского 103
2.4. Органическая теория личности В. М. Бехтерева 114
2.5. Проблема личности в трудах Л. С. Выготского..... 123
2.6. Ценностно-ориентационная теория личности С. Л. Рубинштейна.....132
2.7. Мотивационно-деятельностная концепция личностиА. Н. Леонтьева 139
2.8. Человековедческая теория личности Б. Г. Ананьева 147
(**314**)
ГЛАВА 3 ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ
3.1. Теория личности в глубинной психологии 153
3.1.1. Теория личности З.Фрейда 153
3.1.2. Социально-психологическая теория личности А. Адлера 167
3.1.3. Теория личности К. Г. Юнга..... 174
3.1.4. Теория личности Э. Фромма..... 185
3.2. Когнитивные теории личности 195
3.2.1. Особенности когнитивистского подхода к проблеме личности.... 195
3.2.2. Личность и когнитивный стиль 202
3.3.3. Теория личностных конструктов Дж. Келли 209
3.3. Личность в бихевиоризме 220
3.3.1. Б. Скиннер о личности..... 222
3.3.2. Необихевиористские социально-психологические подходы к личности.230
3.3.3. Личность в концепции социального научения..... 236
3.4. Гуманистический образ человека 246
ГЛАВА 4
ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ. ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ
4.1. Практическая психология личности 254
4.2. Личность за пределами психологии: экономико-социологический образ человека (непсихологические модели личности)..... 260
4.2.1. Экономическая модель человека 260
4.2.2. Социологическая модель человека 263
4.3. Личность в системах управления 265
4.4. Личность: власть и подчинение 278
4.4.1. Человек власти 278
4.4.2. Личность и подчинение власти 298
Заключение 307

Рекомендуемая литература 312

Учебное издание
Утлик Эрнст Платонович Психология личности
Учебное пособие
Редактор Н.В. Менщикова